В. Г. ПОЛЯКОВ

Англия и Мюнхенский сговор

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
кандидат исторических наук
А. М. НЕКРИЧ

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
156	22-21 сн.	правительства	правительство
263	2 сн.	commision d'enguête parlemantaire	commission d'enquête parlementaire
289	15 св.	15 марта	15 марта 1939 г.
321	13 св.	Woorward	Woodward
323	15 сн.	Варфоломеева Я.	Варфоломеева Р.
325	1 св.	Attlee R.	Attlee K. R.

В. Г. Поляков

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Г. ПОЛЯКОВ

Англия и МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

(март — сентябрь 1938 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1960 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена рассмотрению внешней политики Англии в период так называемого «чехословацкого кризиса» и мюнхенского соглашения. Ее хронологические рамки ограничены событиями 11—13 марта 1938 г., приведшими к захвату Австрии гитлеровской Германией, и мюнхенским сговором западных держав с германским фашизмом по чехословацкому вопросу 29—30 сентября 1938 г.

Именно в это время (март — сентябрь 1938 г.) следуют один за другим акты германской агрессии — захват Австрии и расчленение Чехословакии, ставшие прологом к развязыванию немецко-фашистскими агрессорами второй мировой войны.

Большая доля ответственности за эти безнаказанные агрессивные действия гитлеровцев ложится на правящие круги Англии, Франции и США. Они отказались от противодействия фашистской агрессии и отвергли предложения Советского Союза об объединении усилий всех миролюбивых государств в целях коллективной защиты мира. Стремясь подорвать и обескровить Советское государство и вместе с тем ослабить противоречия в лагере империализма, западные державы пытались направить фашистскую агрессию на Восток, против СССР. Ради этого они шли на всякие сделки с Гитлером, на деле шаг за шагом отступая перед ним. Они принесли в жертву германскому фашизму Австрию. Это было лишь преддверием позорного мюнхенского соглашения, с помощью которого гитлеровские оккупанты поработили Чехословакию и развязали себе руки для дальнейшей агрессии в Европе.

Активнейшая роль в поощрении агрессивных замыслов международной реакции, направленных против Советского государства, в рассматриваемый период

принадлежала британскому империализму. Именно английское правительство выступало в качестве вдохновителя единого антисоветского фронта империалистических держав и инициатора прямых переговоров с фашистскими государствами, в первую очередь с гитлеровской Германией. Английская сторона рассчитывала в результате этих переговоров достигнуть широкого экономического и политического соглашения с Германией с тем, чтобы отвести от Англии и Британской империи угрозу нападения со стороны фашистского блока, направить гитлеровскую агрессию на восток Европы, против Советского Союза, использовать гитлеровскую Германию в качестве душителя революционного и демократического движения в странах Европы.

Реакционные буржуазные историки Англии, Франции и США в своих работах, посвященных предыстории второй мировой войны, пытаются оправдать внешнюю политику Англии и других западных держав и снять, таким образом, прямую ответственность с правящих кругов этих стран за пособничество гитлеровцам в развязывании второй мировой войны. Стремясь обелить реакционный внешнеполитический курс западных держав, буржуазные фальсификаторы истории хотят вместе с тем очернить внешнюю политику Советского государства, его благородную роль последовательного борца за мир и безопасность народов. Нельзя не отметить, что особые усилия прилагались и до сих пор прилагаются фальсификаторами истории для того, чтобы представить в наиболее выгодном для западных держав свете события предмюнхенского периода и скрыть действительные причины и цели сговора в Мюнхене.

Объективное изучение действительного хода событий, приведших к заключению мюнхенского соглашения, не оставляет камня на камне от лживой версии буржуазных фальсификаторов истории, пытающихся представить мюнхенское соглашение как «мудрый шаг» английского и французского правительств, якобы направленный на сохранение мира и спасение Чехословакии от неминуемого поглощения ее фашистской Германией.

Цель настоящей работы и состоит в том, чтобы на основе опубликованных документальных данных и других материалов показать действительную внешнюю политику

Англии в период от захвата Австрии до расчленения Чехословакии, в период подготовки и заключения мюнхенского соглашения, а также раскрыть методы и приемы, которые характеризовали деятельность британской дипломатии в то время.

Выяснение подлинной позиции правящих кругов Англии, Франции и США в период Мюнхена приобретает в нынешних условиях особую актуальность. Те же самые силы международной реакции, которые сыграли решающую роль в восстановлении и развитии военно-промышленной мощи Германии после первой мировой войны, которые привели Гитлера к власти и помогли ему развязать вторую мировую войну, в настоящее время снова вынашивают преступные планы агрессии. Не желая считаться с уроками недавнего прошлого, агрессивные империалистические круги вскармливают сегодня в Западной Германии новых гитлеровцев, восстанавливают германский милитаризм, вновь намереваясь использовать его в качестве орудия для осуществления своих захватнических планов, направленных против СССР и других миролюбивых государств. «Создается такое положение, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — что германский милитаризм в третий раз может втянуть человечество в мировую войну» [1].

Однако народы Европы и всего мира, которых политика сговора с германским милитаризмом и создания военных группировок ввергла в пучину второй мировой войны, не хотят возникновения новой, еще более опустошительной войны. Отвергая политику сговора с германским империализмом, политику гонки вооружений и создания военных группировок как глубоко враждебную интересам всех стран и народов, все более широкие круги мировой общественности усматривают реальные гарантии сохранения мира в конкретных предложениях Советского Союза, направленных на ликвидацию «холодной» войны, на осуществление всеобщего и полного разоружения, на развитие дружбы и делового сотрудничества между всеми государствами независимо от их общественного и политического строя.

---

[1] Н. С. Хрущев. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., 1959, стр. 83.

В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев особо подчеркивал, что Советское правительство всегда считало, что «большое значение для обеспечения мира и безопасности народов имеет правильное решение германского вопроса»[2]. Исходя из этого в течение всего послевоенного периода Советский Союз не жалел усилий, чтобы помочь мирному демократическому развитию Германии в соответствии с Потсдамскими соглашениями и не допустить возрождения милитаризма. Но все шаги Советского Союза в этом направлении наталкивались на упорное противодействие правящих кругов США, Англии, Франции и Западной Германии.

За последнее время, когда усилилась военная опасность со стороны Западной Германии, которая становится главной атомно-ракетной базой агрессивного Атлантического блока в Европе, Советский Союз выдвинул ряд новых предложений, направленных на скорейшее и справедливое урегулирование германского вопроса. Среди них особое значение имеют предложения о заключении мирного договора с обоими германскими государствами — Германской Демократической Республикой и ФРГ. Такой договор окончательно подвел бы черту под второй мировой войной, обеспечил бы мирное и демократическое развитие всей Германии и дал бы всем странам уверенность в том, что Западная Германия не пойдет по пути новых военных авантюр. Именно поэтому предложения Советского Союза находят горячий отклик и поддержку у всех народов, ненавидящих войну и жаждущих прочного и длительного мира, в том числе у английского народа. У Великобритании и СССР, говорил товарищ Хрущев, есть «много общих интересов. И прежде всего общая забота о том, чтобы не допустить новой войны»[3].

Дружба и сотрудничество, взаимопонимание и развитие всесторонних связей между советским и английским народами будут способствовать достижению этой благородной цели — предотвращению новой войны, установлению длительного и прочного мира на земле.

---

[2] Н. С. Хрущев. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., 1959, стр. 83—84.

[3] «Правда», 15/II 1956.

Глава первая

АНГЛИЯ И ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ (1933—1937 гг.)

I. ОСЛАБЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Общий кризис капиталистической системы, начало которому положили первая мировая война и победа Великой Октябрьской социалистической революции в СССР, особенно сильно поразил старейшую страну капитализма — Великобританию. Именно в условиях английского империализма важнейшие черты общего кризиса капитализма получили свое полное проявление. Это объясняется рядом отличительных особенностей, присущих английскому империализму, и прежде всего его по преимуществу колониальным характером, а также тем, что черты загнивания, упадка и паразитизма, характерные для капитализма в целом в эпоху империализма, проявились в Англии значительно раньше и в более резкой форме, чем в какой-либо другой стране капиталистического мира.

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин характеризовал английский империализм как колониальный империализм, существование которого неразрывно связано с эксплуатацией гигантских колониальных владений[1]. Эта колониальная империя, которую английская буржуазия стала создавать с XVI в., определила важнейшие специфические особенности развития британского империализма.

[1] См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 22, стр. 230—231.

Главнейшим источником накопления капиталов английской буржуазии и создания ее богатств в течение более чем трех столетий являлись грабеж и беспощадная эксплуатация колоний. Вместе с тем, будучи вначале лишь объектом прямого военного ограбления со стороны захватчиков, колонии постепенно все более превращались в рынок сбыта для английских товаров и источник сырья для развивающейся промышленности. Эксплуатация колоний и создавала те «добавочные капиталы», которые английская буржуазия вкладывала в свою промышленность и тем самым ускоряла темпы индустриализации Англии. Раньше других стран вступив на путь капиталистического развития, Англия как по размерам промышленного производства, так и по объему внешней торговли быстро обгоняет другие государства и к половине XIX в. становится своего рода «мастерской мира», поставщицей промышленных изделий во все страны, которые должны были снабжать ее в обмен сырьевыми материалами[2]. Это был, по выражению В. И. Ленина, период «неоспариваемого нигде господства Англии над миром»[3].

Утратив в конце XIX в. промышленную монополию в результате конкуренции более молодых и сильных капиталистических стран — Германии и США, Великобритания не только сохраняет, но и пытается расширить свою колониальную монополию. Английская буржуазия ведет непрерывные колониальные войны, прочно удерживая за собой первое место по масштабам и темпам колониальной экспансии. Одновременно английская буржуазия усиливает эксплуатацию колоний и вместо того, чтобы вкладывать капиталы в отечественную промышленность и реконструировать устаревшие предприятия, значительно увеличивает вывоз капиталов в колониальные и зависимые страны. Британский капитализм, начавший складываться как капитализм промышленный, торговый и колониальный, к концу XIX в., становится ярко выраженным колониальным империализмом. Колонии, где рабский труд и нищенские условия существования народных масс обеспечивали английской буржуазии гигантские прибыли, служили выгоднейшими сферами приложения капита-

---

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 228.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 368.

ла. Сами монополистические объединения в Англии стали первоначально складываться на почве эксплуатации колоний. Рост и усиление влияния банков, сосредоточение власти в стране в руках финансовой олигархии также было непосредственным образом связано с эксплуатацией колоний и возрастанием их роли как источников максимальных прибылей для капиталистов. В работе «Война и революция» В. И. Ленин называл Англию государством, которое стоит «на первом месте по богатству, которое создало это богатство не столько трудом своих рабочих, но, главным образом, эксплуатацией необъятного количества колоний, необъятной силой английских банков... Нет кусочка земли на всем земном шаре, — отмечал В. И. Ленин, — на который этот капитал не наложил бы свою тяжелую руку, нет кусочка земли, который не был бы опутан тысячами нитей английского капитала»[4].

Гигантские сверхприбыли, получаемые от эксплуатации народов колоний и зависимых стран, давали возможность английской буржуазии — этой наиболее умной и гибкой буржуазии с точки зрения защиты своих классовых интересов — подкупать верхушку рабочего класса, используя ее в качестве проводника своего влияния в рабочем движении. С помощью обуржуазившихся тред-юнионистских лидеров, захвативших руководящую роль в английском рабочем движении еще в середине прошлого века, господствующие классы Великобритании систематически развращали рабочий класс, вбивая в голову английского трудящегося порочную и лживую мысль, будто его благосостояние не в меньшей мере, чем прибыли капиталиста, зависит от сохранения и упрочения колониального могущества Британии.

Непрерывно расширяя свои колониальные владения, грабя и порабощая другие народы, насильственно удерживая их в составе Британской империи, английский империализм всегда рассматривал революционные и национально-освободительные движения народов, где бы они ни происходили, как прямую угрозу своим интересам. Именно поэтому английский капитализм неизменно выступал на международной арене в качестве оплота мировой реакции и злостного душителя народных революций.

---

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 367.

В победе Октябрьской революции, в возникновении и упрочении первого в мире социалистического государства английский империализм усматривал смертельную угрозу для своего господства как в метрополии, так и особенно в колониях. Первая мировая война и победа Октябрьской революции в СССР вызвали мощный подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Пример народов бывшей царской России, разбивших цепи рабства и национального угнетения и вступивших на путь самостоятельного развития, явился вдохновляющим стимулом для народов британских колоний и полуколоний в их борьбе против чужеземного империалистического господства. Мощное освободительное движение, направленное против английского империализма, развернулось в Иране, Афганистане и других зависимых от Англии странах Ближнего и Среднего Востока. В Индии в годы, непосредственно следовавшие за Октябрьской революцией, приняло широкий размах аграрное и забастовочное движение, которое затем вылилось в массовое движение против английских колонизаторов за свободу и независимость страны. Не прекращались выступления против британских оккупантов в Египте. Против английского господства вел борьбу с оружием в руках ирландский народ.

Беспощадные репрессии против национально-освободительного движения, с одной стороны, и применение более «гибких мер», т. е. предоставление некоторых уступок национальной буржуазии колониальных и зависимых стран при оставлении за английским империализмом ключевых позиций в экономике и политике этих стран, с другой стороны, не могли приостановить дальнейшее развертывание национально-освободительного движения народов колоний и лишь усугубляли переживаемый Британской империей кризис. В 1927 г. в политическом отчете ЦК XV съезду партии указывалось, что наиболее «угрожаемой» и «пострадавшей» стороной в обстановке развивающегося кризиса капитализма считается английская буржуазия [5]. Особо пострадавшими английские империалисты оказались именно потому, что Октябрьская рево-

[5] «Стенографический отчет XV съезда ВКП(б)», т. I, М., 1935, стр. 45.

люция и общий кризис капиталистической системы, начало которому положила эта революция, открыли эру освободительного, революционного движения в колониях и зависимых странах, в результате чего были расшатаны и подорваны устои последней главной твердыни британского господства — колониальной монополии.

Великая Октябрьская социалистическая революция ослабила позиции английского империализма и в его собственной метрополии. Под непосредственным воздействием Октября в Англии усилилось организованное рабочее движение, выросли революционные силы в рабочем классе, а позиции социал-реформистских прислужников английской буржуазии оказались в значительной мере подорванными. Октябрьская революция показала английским трудящимся практические пути борьбы за свержение буржуазии, за победу пролетариата. Мощное движение протеста против антисоветской интервенции в 1918—1920 гг.; обострение классовых противоречий в стране, когда все более широкие слои английских рабочих перестали рассматривать борьбу за удовлетворение своих насущных требований в качестве единственной и главной формы борьбы с буржуазией и стали все более решительно переходить к прямой атаке на капитал; создание в 1920 г. компартии, объединившей под своим знаменем лучшие элементы английского рабочего класса, — все это свидетельствовало о громадных сдвигах, происшедших в Англии под воздействием Октябрьской революции. В мае 1926 г. в Англии вспыхнула всеобщая забастовка — небывалое в истории страны массовое организованное выступление трудящихся, охватившее 6 млн. чел. и превратившее Англию в арену острых социальных конфликтов.

Экономические кризисы 30-х годов ознаменовались новым подъемом забастовочного движения, демонстрациями и выступлениями трудящихся и безработных, нередко переходившими в вооруженные столкновения с полицией. Об усилении революционных настроений среди английского народа свидетельствовало и восстание военных моряков в Инвергордоне. Это был, по словам Г. Поллита, период настоящих классовых битв[6].

---

[6] „Daily Worker", 4/II 1935.

Все эти события, будучи непосредственным следствием победы Октябрьской революции и успехов социалистического строительства в СССР, вместе с тем являлись результатом дальнейшего ослабления позиций британского империализма в эпоху общего кризиса капиталистической системы.

В эти годы падает удельный вес Англии в мировом промышленном производстве. Англия теряет первенство в области экспорта товаров, утрачивает господство на море. В период между двумя мировыми войнами уровень английского промышленного производства редко поднимался выше уровня 1913 г., а в большинстве случаев был значительно ниже.

В условиях общего кризиса капитализма черты загнивания и паразитизма, обнаружившиеся в Англии еще в середине XIX в., получили дальнейшее развитие. Английские капиталисты в погоне за максимальной нормой прибыли продолжали вывозить капиталы за границу, что тормозило развитие отечественной промышленности и усугубляло ее отставание. Все более ярко проступала тенденция превращения Англии в страну-рантье, зависящую от дани, которую она в качестве экспортера капитала взимала со всего мира и главным образом с народов колониальных и зависимых стран. Несмотря на некоторую тенденцию к сокращению экспорта капитала, английские капиталовложения за рубежом продолжали оставаться огромными, составляя в 1937 г. 3353 млн. ф. ст. Доходы от этих вложений в 1937 г. определялись цифрой в 176,6 млн. ф. ст.[7] Примерно 60% заграничных инвестиций приходилось на страны Британской империи[8].

В самой Англии существенно вырос удельный вес рантье в народном хозяйстве страны, а также неуклонно увеличивалось число лиц, занятых непроизводительным трудом (в торговле, в банках, личным обслуживанием паразитических классов и т. д.). По данным переписей 1911 и 1931 гг., непроизводительно занятое население в Англии возросло за 20 лет с 27 до 41%[9].

Старейшие отрасли английской промышленности (угольная, судостроительная, текстильная) пришли в со-

[7] „Economist", 17/XII 1938.
[8] „Economist", 20/XI 1937; „Times", 7/XII 1937.
[9] „Annual Abstract of Statistics", № 84, London, 1948, p. 15—16.

стояние застоя и упадка, а ряд обширных районов Англии, Шотландии и Уэльса, для которых эти отрасли являлись профилирующими, оказались в состоянии хронического кризиса на протяжении всего предвоенного периода, прочно сохранив за собой наименование бедствующих, или «пораженных» районов.

Добыча угля в Англии упала с 287 млн. т в 1913 г. до 240 млн. т в 1937 г.[10] Более чем в два раза сократился и экспорт угля, составивший к 1938 г. всего лишь 40 млн. т[11].

Если в 1913 г. на долю Англии приходилось около 73% мирового экспорта хлопчатобумажных изделий, то к 1937 г. эта цифра упала до 36%[12].

Между 1913 и 1937 гг. была закрыта примерно треть судостроительных верфей Англии. Значительно сократился и удельный вес британского судостроения в мировом судостроении. Так, если в 1913 г. в Англии было спущено на воду 58% всего числа судов, построенных в мире, то в 1937 г. этот процент понизился до 30[13].

Наряду с упадком старых отраслей английской экономики сравнительно высокая конъюнктура удерживалась в выросших на войне и тесно связанных с ней новых отраслях — электротехнической, автомобильной, химической, авиационной. Общий объем продукции новых отраслей в 1907—1935 гг. увеличился в шесть раз, а удельный вес этих отраслей в экономике Англии поднялся с 6,5 до 19%[14].

Однако высокая конъюнктура и повышение технического уровня производства в новых отраслях не могли приостановить упадок английской экономики в целом. Удельный вес Великобритании в мировом промышленном производстве сократился с 14% в 1913 г. до 9% в 1938 г.[15] Производительность труда в промышленности

---

[10] A. Kahn. Great Britain in the World Economy. New York, 1946, p. 85.

[11] „Economist", 4/II 1939.

[12] A. Kahn. Op. cit., p. 98—100; „Labour Research", № 2, 1939, p. 29—30.

[13] E. Francis. Britain's Economic Strategy. London, 1939, p. 392.

[14] A. Kahn. Op. cit., p. 106—109.

[15] Ю. Кучинский. Очерки по истории мирового хозяйства. М., 1954, стр. 27—28.

Англии была в среднем в два, а в отдельных отраслях даже в три раза ниже, чем в США. Причиной этого были сравнительно низкий уровень механизации производственных процессов в английской промышленности, техническая отсталость и устарелость оборудования на большинстве фабрик и заводов. Особенно это было характерно для старейшей отрасли английской промышленности — текстильной, где даже в 30-х годах XX в. около половины действовавших ткацких станков составляли станки, сохранившиеся еще со второй половины XIX в.[16]

Серьезный удар был нанесен по позициям Великобритании на мировых рынках. Успешная конкуренция со стороны США, Германии, Японии и других стран, товары которых стоили дешевле английских, а техника производства была выше, вела к неуклонному падению английского экспорта. Физический объем английского экспорта сократился с 1913 по 1936 г. на одну треть. Доля Англии в мировом экспорте также уменьшилась — с 15% в 1913 г. до 10% в 1937—1938 гг.[17]

Одним из важнейших проявлений в Англии мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. было резкое ухудшение платежного баланса страны. Именно в результате кризиса, когда вместо активного сальдо в 103 млн. ф. ст. в 1929 г. в 1931 г. обнаружился дефицит в 104 млн. ф. ст., Англия была вынуждена отменить золотой стандарт фунта стерлингов и окончательно отказаться от попыток восстановить Лондон в качестве мирового финансового центра. Главной целью отмены золотого стандарта было повышение конкурентоспособности английских товаров на мировом рынке и увеличение экспортных возможностей английской промышленности. Другим мероприятием, направленным на улучшение положения Англии на внешних рынках, явился отход Англии от системы свободной торговли и введение в феврале 1932 г. протекционизма. Наконец, с целью удержать и упрочить оказавшиеся под угрозой ключевые позиции метрополии в странах Британской империи ан-

[16] П. Датт. Кризис Британии и Британской империи. М., 1954, стр. 521.

[17] И. М. Лемин. Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны. М., 1951, стр. 35.

глийская буржуазия после Оттавской конференции 1932 г. перешла к развернутому преференциальному режиму в своих торговых отношениях с доминионами. Установление преференциальных пошлин действительно расширило рынки доминионов для английских товаров [18]. Вместе с тем преимущества, полученные Англией с введением имперских торговых преференций, имевших целью вытеснение американских, германских и японских конкурентов с рынков британских доминионов и колоний, вызвали усиленное противодействие со стороны США, Германии и Японии, что привело к дальнейшему обострению противоречий между империалистическими государствами в их борьбе за рынки сбыта.

2. ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ. СТРЕМЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ РАЗРЕШИТЬ ЭТИ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗА СЧЕТ СССР

Период между первой и второй мировыми войнами, характеризующийся серьезным ослаблением международных позиций Англии, был периодом укрепления позиций ряда других империалистических государств, в первую очередь Соединенных Штатов Америки.

Значительно усилившийся после первой мировой войны американский империализм повел решительное наступление на позиции британского империализма, вступив с ним в ожесточенную борьбу за источники максимальных прибылей: ресурсы сырья, рынки сбыта, сферы приложения капитала. В течение более десяти лет между двумя войнами главным конкурентом Англии в борьбе за мировое первенство были США, а англо-американские противоречия являлись основными противоречиями капиталистического мира.

Однако к середине 30-х годов англо-американское соперничество, продолжая по-прежнему действовать в общей системе империалистических противоречий, уступает первое место противоречиям между Англией, США и Францией, с одной стороны, и блоком фашистских

[18] R. Russel. Imperial Preference. Its Developments and Effects. London, 1947, p. 37—38, 42—43.

государств во главе с Германией — с другой. Неравномерность развития капиталистических стран привела в середине 30-х годов к новому резкому нарушению «равновесия» внутри мировой системы капитализма, достигнутого в результате сокрушения экономической и военной мощи Германии в первой мировой войне и временного ослабления германского империализма. Непрерывно наращивая свою военно-экономическую мощь, вперед вырываются Германия и возглавляемая ею группировка

Таблица 1

*Производство некоторых видов продукции в Англии и Германии (среднемесячные данные)**

	1929 г.		1938 г.	
	Англия	Германия	Англия	Германия
Добыча угля (каменный и бурый уголь), млн. т	21,8	29,3	19,3	31,7
Число действующих доменных печей	158	95	97	138
Выплавка чугуна, тыс. т	643	1278	573	1543
Производство стали, тыс. т	816	1538	880	1934

* Мировое хозяйство. Ежегодник 1938—1939", М., 1939, стр. 260—261, 264—265.

агрессивных государств, считавших себя недостаточно обеспеченными рынками сбыта и источниками сырья и открыто провозгласивших целью своей политики новый передел мира. Противоречия между англо-американо-французским блоком и блоком фашистских государств приобретают особую остроту в годы, предшествовавшие второй мировой войне, причем, поскольку германский империализм намеревался осуществить свои планы передела мира прежде всего за счет сфер влияния и колоний британского империализма, решающее значение приобретал именно англо-германский антагонизм.

В рассматриваемый период Германия не только восстановила, но при поддержке иностранного, в первую очередь американского, капитала значительно увеличила свой довоенный экономический потенциал. В 30-х годах,

как это видно из вышеприведенной таблицы, Германия уже была сильнейшим в промышленном отношении государством капиталистической Европы, перегнавшим по основным показателям производства своего главного соперника — Англию.

Продукция германской промышленности к 1938 г. почти достигла объема продукции английской и французской промышленности вместе взятых и составляла почти треть промышленной продукции всей капиталистической Европы [19]. Если за период с 1926—1927 гг. по 1936—1937 гг. экспорт промышленных изделий из Англии сократился на 24%, то Германии за этот же период удалось увеличить свой экспорт на 8% [20]. Этого результата германский монополистический капитал достиг путем ожесточенной борьбы на мировых рынках. Ареной германской экономической экспансии были страны Западной и Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Азии и Африки. Ожесточенная борьба за рынки сбыта между Германией и Англией охватила почти все районы земного шара, наглядное представление о чем дает таблица 2.

Важнейшим районом экономической экспансии германских монополий являлись страны Восточной Европы и Балканского полуострова. После кризиса 1929—1932 гг. и захвата гитлеровцами власти позиции Германии во внешней торговле этих стран стали преобладающими. Используя то обстоятельство, что в результате мирового экономического кризиса сельское хозяйство балканских стран лишилось многих своих прежних рынков, германские монополии, осуществлявшие значительные закупки сырья и сельскохозяйственных продуктов, глубоко внедрились в экономику этих государств, успешно тесня своих империалистических конкурентов, в первую очередь Англию. В 1937—1938 гг. на страны Юго-Восточной Европы и Дунайского бассейна приходилось 15% германского импорта и 14% германского экспорта [21].

Особенно неблагоприятно для Англии складывалось

---

[19] Economic Survey of Europe in 1948. United Nations. Geneva, 1949, p. 22.

[20] В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 231.

[21] «Мировое хозяйство. Ежегодник 1938—1939», стр. 79—80.

Таблица 2

*Доля Англии и Германии в импорте соответствующих стран (в процентах)**

	Англия		Германия	
	1913 г.	1937 г.	1913 г.	1937 г.
Италия	16,2	4,1	16,8	23,7
Китай	16,5	11,7	4,8	15,3
Индия	64,2	31,5	6,9	9,2
Голландская Индия	17,5	8,3	6,6	8,5
Бразилия	24,5	12,1	17,5	23,9
Перу	26,3	10,3	17,3	19,7
Эквадор	29,6	10,7	17,7	24,1
Болгария	8,9	4,7	19,6	54,8
Венгрия	—	5,3	—	25,9
Греция	23,9	12,8**	7,5	27,2
Турция	—	6,2	--	42,1
Югославия	—	7,8	--	32,4

*„Мировое хозяйство. Ежегодник 1938—1939", стр. 445—453.
** Данные за 1938 г.

положение на турецком рынке. Уже в 1934 г. Германия заняла первое место во внешней торговле Турции — 33,8% в ее импорте и 37,4% в экспорте. В последующие годы доля Германии продолжала неуклонно расти, достигнув к 1938 г. 47% в импорте и 43% в экспорте, в то время как доля Англии систематически снижалась [22].

За пределами Европы особенно тяжелые потери Англия несла на рынках Латинской Америки. Намного уступая Англии и США по размерам своих капиталовложений в Латинской Америке, Германия по объему своего торгового оборота успешно конкурировала с английскими и американскими монополиями [23]. О систематическом уменьшении английского экспорта в Латинскую Америку в 30-х годах и об упрочении позиций Германии в этом районе свидетельствует таблица 3 [24].

[22] O. Long. Les Etats-Unis et la Grande Bretagne devant le III-me Reich. Genève, 1943, p. 260.
[23] Л. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936. М., 1956, стр. 29.
[24] „Times", 31/III 1939.

Таблица 3

Доля США, Англии и Германии в импорте некоторых стран Латинской Америки (в процентах)

	США		Англия		Германия	
	1932 г.	1938 г.	1932 г.	1938 г.	1932 г.	1938 г.
Бразилия	30	24	19	10	9	26
Чили	25	28	13	9,5	15	26
Перу	27	27	17	8	9	16

Германские монополии усиливали проникновение на рынки стран, входивших в состав Британской империи и находившихся в прямой экономической и политической зависимости от Англии. Особую активность Германия развивала на территории своих бывших колоний. Несмотря на противодействие английского капитала, господствовавшего в экономике Юго-Западной Африки, немцам удалось в середине 30-х годов упрочить и расширить свои позиции в этом районе. Так, в 1934 г. на долю Германии приходилось 10,45% всего импорта Юго-Западной Африки, а в 1937 г. — 18% [25].

Крупным успехом Германии было заключение клиринговых соглашений с правительством Южно-Африканского Союза в 1937 и 1938 гг. По соглашению 1938 г. торговый оборот между двумя странами был определен в сумме 6300 тыс. ф. ст. Производя закупки шерсти в ЮАС во все возрастающем количестве, Германия фактически установила контроль над его торговлей шерстью. Со своей стороны ЮАС увеличивал закупки немецких товаров, следствием чего явилось ухудшение позиций английских экспортеров на южноафриканском рынке [26].

Позиции гитлеровцев систематически укреплялись в экономике и внешней торговле Танганьики и Британского Камеруна, причем экономика Камеруна уже

[25] G. Steer. Judgement on German Africa. London, 1939, p. 133.
[26] P. Einzig. Appeasement before, during and after the war. London, 1945, p. 110.

в 1934 г. в значительной степени находилась под контролем германских монополий [27].

Острая борьба разгорелась между Англией и Германией в Иране, Египте, Ираке, Палестине и других странах Ближнего и Среднего Востока, где немецкие монополии непрерывно наступали на позиции англичан. Германскому капиталу удалось проникнуть даже в отдаленную Австралию, где немцы заключили ряд выгодных соглашений к явному ущербу для английских конкурентов [28].

В ожесточенной борьбе против германских монополий на мировых рынках английский капитал использовал такие преимущества своей огромной колониальной империи, как контроль над важнейшими видами сырья, валютно-торговые средства экспансии, наличие крупного морского транспорта и т. д. Однако, несмотря на это, в ходе борьбы за господство на мировых рынках Германия неуклонно теснила Англию. Более низкие издержки производства, лучшая техническая оснащенность предприятий, демпинг, клиринговые и бартерные соглашения, централизация экспорта и импорта, государственное субсидирование экспорта — все это способствовало успеху германской экономической экспансии, служившей одним из важных средств завоевания германским монополистическим капиталом главенства в капиталистическом мире.

Однако известные успехи, одержанные Германией в торговой войне с ее главными конкурентами на рынках Европы, Латинской Америки и других районов земного шара, не могли удовлетворить германский империализм. По-прежнему британский, американский и французский капитал держал в своих руках контроль над важнейшими источниками сырья и ожесточенно сопротивлялся проникновению немецких монополий в свои колонии и сферы влияния. Между тем в экспорте Германии центр тяжести все более перемещался от предметов потребления в сторону орудий производства, которые уже в 1929 г. стали главной статьей ее вывоза [29]. Германия превраги-

[27] А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе. М., 1955, стр. 167—169.

[28] P. Einzig. Op. cit., p. 110.

[29] А. Норден. Уроки германской истории. М., 1948, стр. 77—78.

лась в главного экспортера машин и оборудования, и в 1937 г. на ее долю приходилось около 50% всего мирового экспорта машин[30]. Тот факт, что в отношении увеличения производства этих товаров, успешно вытеснявших на мировом рынке товары их английских и французских конкурентов, германские монополии во все возрастающей степени зависели от чужого, иностранного сырья, находившегося в руках этих же самых конкурентов, был особенно невыносим для магнатов германской промышленности, все более настойчиво требовавших нового перераспределения колоний и сфер влияния в соответствии с изменившимся соотношением экономических и военных сил в лагере империалистических держав.

Результатом этого должно было явиться и действительно явилось усиление противоречий по колониальному вопросу, прежде всего между Великобританией, крупнейшей колониальной державой мира, и Германией, лишенной своих колоний, в значительной степени в пользу Великобритании, после первой мировой войны.

Наряду с проблемой внешних рынков колониальная проблема стала одним из важнейших факторов, способствовавших дальнейшему обострению англо-германского антагонизма накануне второй мировой войны. Отражая точку зрения подавляющего большинства английской буржуазии, непосредственно заинтересованной в колониальных прибылях и решительно отвергавшей идею возвращения Германии колоний, правительство Англии не намеревалось, по крайней мере за свой счет, удовлетворять германские колониальные претензии. Эта позиция была ясно изложена в ряде публичных заявлений Болдуина, Идена, Эмери и других руководящих деятелей английской политики[31]. Вместе с тем британские империалисты были не прочь откупиться от своих наиболее опасных соперников за счет колонильных владений третьих государств. Однако подобные проекты успеха не имели. В частности, повис в воздухе, а затем был сдан в архив выдвинутый в сентябре 1935 г. англий-

---

[30] „Notes économiques", 12/I 1949.

[31] Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 307, col. 1738—1739; vol. 315, col. 1131; см. также L. Amery. My political life, vol. III. The Unforgiving years 1929—1940. London, 1956, p. 248—249.

ским министром иностранных дел С. Хором проект «лучшего использования» мировых ресурсов [32]. Потерпел крах и проект привлечения Германии к участию в «колониальном управлении», выдвинутый в марте 1938 г. английским послом Гендерсоном в беседе с Гитлером и предусматривавший частичное удовлетворение германских колониальных притязаний главным образом за счет Португалии и Бельгии [33]. Провалом закончилась и пресловутая миссия Пирроу, которому в 1938 г. английское правительство поручило исследовать возможность частичного урегулирования колониального вопроса главным образом за счет африканских владений Франции, Португалии и Бельгии [34]. Не имели успеха и другие проекты удовлетворения гитлеровских колониальных притязаний, с которыми выступали такие поборники политики сговора с Германией, как Лотиан, Бэкстон, Лондондерри и др. [35]

Острота англо-германских империалистических противоречий явно исключала возможность мирного перераспределения сфер влияния и источников сырья. Захват колоний являлся составной частью планов германского империализма, направленных на установление мирового господства. Осуществить же эти планы, как прямо признавал Гитлер, можно было только путем сокрушения военной и экономической мощи Англии, Франции и других государств англо-французского блока [36].

Поставив на очередь дня агрессивную войну как единственно возможный путь нового перераспределения колоний и сфер влияния между империалистическими державами, гитлеровцы вскоре после прихода к власти приступили к осуществлению гигантской программы перевооружения Германии, уделяя главное внимание созданию мощной авиации и военно-морского флота.

---

[32] „Times", 12/IX 1935.

[33] См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, М., 1948, стр. 60—61, 68—69.

[34] „Daily Worker", 17/XI 1938.

[35] А. М. Некрич. Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед второй мировой войной. «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 89—93.

[36] Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. From the archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937—1945), vol. I. London, 1949. Doc. 19, p. 32—33.

Форсированное строительство германского военно-морского флота, как надводного, так и подводного, создавало прямую угрозу Англии и ее имперским владениям. Накануне второй мировой войны эта угроза была значительно серьезнее, чем в канун войны 1914—1918 гг. Это видно хотя бы из того, что если в 1914 г. флот Германии и ее союзника Австро-Венгрии уступал флоту Англии, Франции и их основных союзников более чем в три раза (как по числу кораблей, так и по их тоннажу), то к 1938 г. положение изменилось. Общее количество военных кораблей у Германии и других государств фашистского блока было лишь в 1,6 раза меньше, чем у Англии и ее основных союзников (примерно таким же было соотношение и по тоннажу) [37].

Непосредственным результатом роста военно-воздушных вооружений Германии явилось усиление угрозы для Англии с воздуха. Предпринятые английским правительством в 1934—1937 гг. некоторые мероприятия по укреплению своих военно-воздушных сил, как и других родов войск, были явно недостаточными по сравнению с форсированным вооружением Германии [38]. Вместе с тем продолжавшиеся с перерывами несколько лет англо-германские переговоры о заключении «воздушного пакта», «регулировании» воздушных вооружений и т. д. закончились провалом. Гитлеровская Германия не желала связывать себя какими-либо обязательствами, которые могли бы ограничить ее военно-воздушную мощь. Следствием этого было усиление гонки воздушных вооружений в лагере империалистических держав. На XVIII съезде ВКП(б) К. Е. Ворошилов привел данные о соотношении военно-воздушных сил между англо-французской группировкой и фашистским блоком, из которых видно, что если в 1918 г. Англия и Франция со своими основными союзниками обладали подавляющим превосходством в воздухе и в значительной степени сохранили это превосходство в 1934 г., то в 1938 г. обстановка складывалась иначе. В результате усиленного

---

[37] Конъюнктурный бюллетень («Мировое хозяйство и мировая политика», № 7—8 за 1939 г.), стр. 3, 25.

[38] M. M. Postan. British War Production. History of the Second World War. London, 1952, p. 10—14, 21, 68; см. также В. Г. Трухановский. Указ. соч., стр. 267—269, 293—294.

перевооружения Германии и ее союзников англо-французский блок утратил к 1938 г. господство в воздухе, а на первое место среди империалистических держав по числу самолетов вышла фашистская Германия, военно-воздушные силы которой почти вдвое превосходили военную авиацию Англии [39].

* * *

В условиях непрерывно обострявшихся англо-германских империалистических противоречий к середине 30-х годов отчетливо наметились два пути разрешения этих противоречий.

Германский империализм и его союзники, опираясь на свою возросшую экономическую и военную мощь, открыто добивались выхода из этих противоречий на путях новой войны за коренной передел мира. Фашистский блок выдвигал требование о переделе мира за счет «имущих», но «дряхлеющих» наций, к которым он относил в первую очередь Англию. Правда, германский фашизм, пока он не завершил подготовку к «большой войне», был не прочь добиться от Англии и ее союзников максимальных уступок в отношении удовлетворения своих требований «мирным путем», однако главари гитлеровской Германии исходили из того, что единственно возможный путь коренного перераспределения мировых источников максимальных прибылей — рынков сбыта, ресурсов сырья, сфер влияния и приложения капитала — это агрессивная война, и лихорадочно готовились к ней.

Другой путь — это путь английского империализма, который намеревался отвести от себя угрозу гитлеровского нападения и разрешить англо-германские противоречия, направив нацистскую агрессию на Восток, против СССР. Для того чтобы столкнуть Германию с Советским Союзом, британский империализм был готов пойти на соглашение с германским фашизмом и содействовать известному укреплению его военных, политических и экономических позиций, причем правящие круги Англии не исключали возможности частичных уступок с их стороны гитлеровской Германии на Западе и в некоторых

[39] «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», М., 1939, стр. 189—190.

других сферах своего влияния. Правящие круги Англии великолепно понимали, что такая политика не могла не повести к усилению немецкой агрессии, однако они считали, что «это не опасно, так как, удовлетворив гитлеровскую агрессию уступками на Западе, можно было направить ее потом на Восток и использовать в качестве орудия против СССР»[40]. Английские правящие круги шли на такой частичный передел мира еще и потому, что, по их мнению, эти уступки гитлеровцам должны были носить временный характер, ибо, ввязавшись в затяжную и взаимно-опустошительную войну с Советским Союзом, Германия неизбежно подорвала бы свою мощь и была бы вынуждена согласиться на продиктованные ей британским империализмом условия.

Таким образом, «мирный путь» урегулирования англо-германских разногласий, который вынашивал британский империализм, представлял плохо замаскированную коварную попытку разрешить все более обострявшиеся противоречия между двумя империалистическими хищниками за счет Советского государства — посредством провоцирования военного конфликта между СССР и Германией. Британские правящие круги лелеяли при этом надежду, что таким путем им удастся добиться трех главных целей: 1) отвести от Англии и Британской империи угрозу нападения со стороны Германии и ее союзников по «оси»; 2) столкнуть Германию с СССР, что привело бы как к резкому ослаблению Германии и устранению ее как опасного конкурента на мировом рынке, так и (что было не менее важно) к обескровлению Советского Союза, который в результате изнурительной войны попал бы на долгие годы в кабалу к англо-американскому капиталу; 3) использовать германский фашизм в качестве «европейского жандарма, душащего всякое демократическое движение»[41].

Известно, что именно вторая половина 30-х годов была ознаменована мощным подъемом революционного

---

[40] Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948, стр. 17.

[41] Г. Димитров. Единый фронт международного пролетариата и народов против фашизма. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 11, стр. 5.

и демократического движения в странах Европы, Азии, Америки. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Д. З. Мануильский особо подчеркивал, что последнее пятилетие было наполнено крупными антифашистскими боями трудящихся. «Это, — говорил тов. Мануильский, — мощная борьба труда против капитала, сил прогресса против темных сил реакции. Это — полоса борьбы компартий за единство действий рабочего класса, за единство профдвижения, за антифашистский народный фронт. Это — образование Народного фронта во Франции... Это — период складывания и расширения Национального фронта в ряде колониальных и зависимых стран. Это — прежде всего национально-революционная война героического испанского народа, это — национально-освободительная война великого китайского народа против вторгнувшихся империалистических хищников»[42].

Реакционная буржуазия капиталистических государств, запуганная размахом антифашистского движения, оказывала отчаянное сопротивление созданию единого рабочего и народного фронта, стремилась парализовать борьбу широких народных масс за свободу и социальный прогресс, за мир, против угрозы новой войны. Мировая реакция, подчеркивалось в воззвании Исполкома Коминтерна по случаю 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, «боится революционизирующего влияния социализма на народы. Она хочет повернуть колесо истории назад. Она спускает с цепи против страны социализма, против своих собственных народов фашистского зверя»[43]. В первых рядах мировой реакции стоят в эти годы как раз правящие круги английской буржуазии, стремившиеся использовать германский фашизм в качестве своего ударного кулака в войне против СССР, в качестве жандарма против международного рабочего класса и национально-освободительного движения народов.

Подобная установка британского империализма полностью соответствовала классовому империалистическому характеру политики британских правящих кругов и

---

[42] Д. З. Мануильский. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). М., 1939, стр. 13.

[43] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10, стр. 120.

той линии, которую вела английская реакция по отношению к Советскому государству с первых дней его существования. Известно, что после победы Октябрьской революции борьба против СССР, против революционных и демократических сил во всем мире становится основным содержанием политики правящих кругов Англии. Потерпев провал в попытках «задушить большевизм в колыбели» в годы гражданской войны и интервенции, английский империализм не отказывается от своих планов сокрушения Советского государства. Через весь период от Октября 1917 г. до второй мировой войны тянется непрерывная цепь попыток изолировать, ослабить, уничтожить Советское государство. Методы дипломатического и экономического давления, прямые интервенционистские наскоки, заговоры и провокации — все было использовано британской реакцией с целью подрыва Советского Союза извне и изнутри, с целью срыва социалистического строительства в нашей стране.

В планах войны против Советского Союза особое значение английские правящие круги всегда придавали разбойничьему германскому милитаризму. Именно стремясь использовать Германию как орудие для осуществления своих антисоветских целей, правящие круги Великобритании совместно с Соединенными Штатами сразу же после заключения Версальского договора взяли курс на возрождение германского военного и промышленного потенциала.

Реакционные круги Англии, США и Франции облегчили гитлеровцам захват власти в Германии, а затем помогли германскому фашизму укрепить его внутриполитическое и международное положение. В осуществлении мероприятий, рассчитанных на подготовку Германии к войне, большую помощь гитлеровцам, наряду с США, оказала именно Англия. Уже в 1933—1934 гг., в нарушение соответствующих постановлений Версальского договора, ряд крупных английских военных фирм поставлял Германии вооружение и другие военные материалы, следуя в этом отношении примеру американских монополий [44]. В 1934 г., спасая гитлеровскую Германию

[41] W. E. Dodd. Ambassador Dodd's Diary. 1933—1938. New York, 1941, p. 176—177.

от финансового и экономического банкротства, английское правительство заключило исключительно выгодные для Германии торговое и фанансовое соглашения и предоставило немцам крупный заем [45]. Английские монополистические круги продолжали оказывать поддержку Германии и в последующий период, активно содействуя осуществлению гитлеровской программы вооружения. В 1936 г., когда гитлеровская экономика под бременем непомерно раздутых военных расходов оказалась перед новыми серьезными затруднениями, англичанами был выпущен крупный заем для финансирования немецкой промышленности, что позволило гитлеровцам, укрепив свое внутриполитическое положение, форсированными темпами продолжать подготовку к войне [46].

Экономическая помощь германским милитаристам сочеталась с уступками им в политической области, что, по замыслу правящих кругов Англии и США, должно было подготовить почву для достижения соглашения между блоком фашистских государств и группировкой западных держав, направленного своим острием против общего классового врага — Советского Союза.

Правящие круги западных держав рассматривали приход гитлеровцев к власти в Германии как важнейший шаг на пути к осуществлению своих антисоветских планов. При этом правители Англии, США и Франции хорошо знали основную линию внешней политики Гитлера, объявившего в качестве исторической миссии германского фашизма поход на Восток, завоевание «жизненного пространства» от Украины до Урала.

Рядясь в тогу защитника европейской цивилизации от «большевистской угрозы», германский фашизм требовал, чтобы весь капиталистический мир поддержал его

---

[45] P. Einzig. Op. cit., p. 96—100. Указанные соглашения предусматривали, что 55% всей суммы, вырученной немцами от продажи Англии германских товаров, шли на оплату английского экспорта в Германию, а остальные 45% предоставлялись в свободное распоряжение Рейхсбанку. Таким образом, Германия ежегодно получала от 6 до 8 млн. ф. ст., остро необходимых ей для закупки военных и стратегических материалов („Economist", 18/VI 1938). Подробнее об этом см. В. В. Размеров. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. М., 1958, стр. 93—95, 114—127.

[46] „Vigilantes". The Road to War. London, 1937, p. 103.

грабительские, аннексионистские устремления против Советского государства. Одновременно Гитлер не переставал заверять правительства западных держав, и в первую очередь английское правительство, в готовности Германии пойти на сближение с ними, гарантировать мир на Западе, при условии, конечно, предоставления ей свободы рук на Востоке.

Эти «миролюбивые» заверения Гитлера были обращены прежде всего к тем кругам британского империализма, которые, будучи тесно связаны узами картельных соглашений, совместного участия в международных монополистических объединениях и классовых симпатий с магнатами германского капитала, на протяжении всего предвоенного периода выступали глашатаями войны против СССР.

Организацией общекапиталистического «крестового похода» против Советского государства эти наиболее реакционные круги британской буржуазии намеревались предотвратить вооруженный конфликт между империалистическими государствами, который неизбежно превратился бы в войну за передел английской колониальной империи, ибо именно английские колонии являлись наиболее лакомым куском среди объектов борьбы между империалистическими державами.

Вынашивая планы разгрома и расчленения Советского государства, английская буржуазия не собиралась делать это своими руками. «Она всегда, — говорил И. В. Сталин еще в 1927 г., — предпочитала вести войну чужими руками» [47]. И эти «чужие руки» британские правящие круги усматривали на этот раз в гитлеровской Германии и ее союзниках по агрессивному фашистскому блоку.

Позицию наиболее реакционных кругов британского империализма с предельной откровенностью сформулировал еще в мае 1934 г. один из видных деятелей консервативной партии — лорд Ллойд: «Мы предоставим Японии, — говорил Ллойд, — свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы предоставим

[47] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 324—325.

Германии свободу вооружения... и откроем Германии дорогу на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии. Таким образом можно будет отвлечь от нас Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой» [48]. Менее года спустя, в марте 1935 г., тезис Ллойда получил дальнейшее развитие на страницах консервативного журнала «Раунд тэйбл». В передовой статье этого журнала ее автор — влиятельный политический деятель Великобритании и один из руководителей пресловутой клайвденской клики [49] — лорд Лотиан попытался сформулировать основные задачи британского правительства в области внешней политики. Смысл пространных рассуждений Лотиана сводился к следующему: 1) дать возможность Германии вооружиться, удовлетворить ее территориальные претензии в Центральной Европе, толкнуть германских агрессоров дальше на Восток, против СССР и вместе с тем не допустить германской экспансии к границам Франции, Бельгии и Голландии; 2) не препятствовать японской агрессии в Китае в расчете, что острие японской агрессии будет затем направлено против СССР, предоставить возможность Японии «обращаться с Восточной Азией и Россией, как ей заблагорассудится» [50].

Однако ряд причин препятствовал осуществлению антисоветских планов английских правящих кругов,

---

[48] «Известия», 21/V 1934.

[49] Клайвденская клика — название, укрепившееся за группой виднейших представителей политических и деловых кругов Великобритании, собиравшихся в салоне лорда и леди Астор в их поместье в Клайвдене (близ Лондона). Среди наиболее частых посетителей Клайвдена следует назвать имена председателя Английского банка Монтегю Нормана, главы Имперского химического треста Гарри Макгоуэна, лордов Лотиана и Лондондерри, С. Болдуина, Н. Чемберлена, С. Хора, Дж. Саймона, К. Вуда, Т. Инскипа. Именно в Клайвдене группой названных выше профашистски настроенных политиков и дельцов принимались решения по важнейшим вопросам английской внешней и внутренней политики. О характере этих решений можно судить по заявлению Г. Поллита, отмечавшего летом 1938 г., что именно «вынесенные здесь решения привели Европу на порог войны» («Большевик», 1938, № 15, стр. 13).

[50] „Round Table", March, 1935, p. 226—232. Несомненный интерес с точки зрения уяснения позиции Англии по германскому вопросу в рассматриваемый период имеют также статьи Лотиана, опубликованные в „Round Table" за июнь и декабрь 1937 г.

столь откровенно сформулированных Ллойдом и Лотианом. К числу этих причин необходимо отнести следующие:

1. Укрепление международных позиций Советского государства, усиление его оборонной мощи и в связи с этим опасение империалистических поджигателей войны, что начатая против СССР война может оказаться роковой для самих ее инициаторов.

2. Борьба широких масс английского народа и в первую очередь английского пролетариата против угрозы войны, против нападения на Советский Союз, за сохранение и упрочение мира.

3. Нежелание части английской буржуазии, заинтересованной в сохранении экономических отношений с Советским Союзом, поддерживать авантюристические планы развязывания войны против Советского государства, тем более, что германский фашизм, широко афишируя свои агрессивные замыслы против СССР, отнюдь не отказывался от провозглашенной им конечной цели — завоевания мирового господства. В этих кругах, по признанию отдельных политических и общественных деятелей Англии, все более укреплялось мнение о том, что национал-социалистская Германия угрожает Англии не менее, чем Франции или какому-либо другому государству Европы.

Не будучи в состоянии полностью игнорировать все эти факторы, серьезно затруднявшие реакционным правителям Англии достижение соглашения с фашистскими державами на антисоветской основе, руководители английской политики вынуждены были маневрировать и прибегать к разнообразным методам маскировки подлинных целей своего внешнеполитического курса. Некоторые члены правительства Великобритании выступали с довольно резкими заявлениями по адресу Германии, осуждали отдельные внешнеполитические акции гитлеровцев, критиковали методы и приемы немецко-фашистской дипломатии и всячески заверяли английское и мировое общественное мнение в «готовности» Англии сотрудничать с другими государствами в рамках международной системы коллективной безопасности на основе Устава Лиги наций.

Политическим маневром, имевшим целью, с одной

стороны, отдать дань глубоким антифашистским и антивоенным настроениям широких кругов английской общественности, а с другой — и дальше сохранить реакционный курс внешней политики Англии, хотя и под прикрытием фраз о верности Лиге наций и коллективной безопасности, было назначение в январе 1934 г. на пост лорда-хранителя печати, а в июле 1935 г. министром по делам Лиги наций Антони Идена, пользовавшегося в Англии репутацией поборника коллективной безопасности и сотрудничества миролюбивых государств для противодействия гитлеровским агрессорам.

В широких слоях английского народа это могло создать впечатление твердости и решительности правительства по отношению к фашистским державам, чего на самом деле не было. Более того, фарисейские фразы о «готовности» Англии придерживаться международной системы коллективной безопасности, демагогическая критика в адрес германских и японских поджигателей войны, а также отдельные дипломатические маневры, вроде переговоров Идена в Москве в марте 1935 г., служили, по существу, одной и той же цели — скрыть от общественного мнения Англии и всего мира действительный характер проводимого английским правительством политического курса.

Однако уже тогда известные факты разоблачали пособников гитлеровских агрессоров из лагеря британской реакции. Вскоре после прихода Гитлера к власти, в июне 1933 г., был подписан пакт согласия и сотрудничества четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии. Заключение этого пакта являлось важным шагом на пути к оформлению широкого сговора англо-французских правящих кругов с гитлеровской Германией и Италией Муссолини и поощряло фашистских агрессоров в проведении их политики развязывания новой войны. К этому же периоду относится открытая поддержка английским правительством германских притязаний на «равенство» в вооружениях с другими державами [52]. Введение воинской повинности в марте 1935 г., а также

[51–52] Political and Strategic Interests of the United Kingdom. London, 1939, p. 32—33.

другие односторонние акты гитлеровского правительства, упразднявшие всякие ограничения вооруженных сил Германии, установленные Версальским договором, не встретили какого-либо противодействия со стороны правящих кругов Англии и других западных держав.

Проводя эту политику уступок гитлеровской Германии и поощрения ее агрессивных притязаний, правящие круги Англии систематически отклоняли предложения Советского Союза об объединении усилий всех европейских государств для поддержания мира и устранения угрозы новой мировой войны. Английское правительство отрицательно встретило предложение Советского правительства и министра иностранных дел Франции Луи Барту о заключении Восточноевропейского регионального пакта о взаимной помощи и, обусловив свою поддержку этого пакта рядом оговорок [53], по существу сорвало его заключение. Британская дипломатия враждебно отнеслась и к переговорам о заключении договора о взаимной помощи между Францией и СССР, ответив на подписание этого договора заключением в июне 1935 г. англо-германского соглашения, официально санкционировавшего воссоздание военно-морской мощи нацистской Германии. По признанию некоторых английских политических деятелей, это соглашение очень походило на морской союз между Англией и Германией, направленный своим острием против СССР [54]. Прямое поощрение фашистских агрессоров со стороны Великобритании сделало возможной захватническую войну итальянского фашизма против Абиссинии, а затем и объединенную германо-итальянскую интервенцию против Испанской республики.

В течение 1936—1937 гг. возглавляемое Болдуином правительство консерваторов предпринимает ряд попыток достигнуть соглашения с гитлеровской Германией,

---

[53] Там же, стр. 78.

[54] «Правда», 13/VII 1935. Желая успокоить английскую общественность, встревоженную усилением военно-морского флота Германии, министр иностранных дел Великобритании Хор заявил в парламенте, что он «ручается» за то, что германские подводные лодки, на строительство которых Англия дала согласие, никогда не будут использованы против англичан (W. Gallacher. The Rolling of the Thunder. London, 1947, p. 190).

в соответствии с которым Англия и Германия выступили бы в роли «гарантов» безопасности западных государств — Франции, Бельгии и Голландии, при условии расторжения французским правительством пакта о взаимопомощи с СССР [55]. В мае — июне 1936 г. состоялось несколько бесед Риббентропа с английскими представителями, в ходе которых рассматривался вопрос о личной встрече Гитлера с Болдуином для обсуждения всего комплекса интересующих обе стороны вопросов и заключения англо-германского соглашения в целях совместного противодействия «угрозе коммунизма» [56]. Поборниками скорейшего достижения англо-германского соглашения была разработана целая система мероприятий, осуществление которой должно было создать необходимые предпосылки для установления тесного взаимопонимания между Англией и Германией, а также успешного проведения переговоров британского премьер-министра с гитлеровскими заправилами. Эти мероприятия предусматривали: 1) отзыв английского посла Фиппса из Берлина и замену его другим дипломатом, который мог бы проявить большее «сочувствие и понимание» устремлений Гитлера; 2) посещение Галифаксом Германии для установления личного контакта с ее руководителями; 3) давление на чехословацкое правительство с тем, чтобы заставить его пойти на уступки судетским немцам; 4) отказ от участия в каких-либо мероприятиях, которые могли бы предотвратить присоединение Австрии к Германии, и т. д. [57]

Однако план личной встречи Болдуина с Гитлером не был осуществлен из-за противодействия А. Идена, О. Чемберлена, У. Черчилля и других видных представителей так называемой консервативной оппозиции, отражавшей взгляды той части правящего лагеря Великобритании, которая в принципе не возражала против сговора с Германией, но считала, что данный момент не является подходящим для заключения англо-германского соглашения [58].

---

[55] T. Jones. A Diary with Letters. London, 1955, p. 209, 243.
[56] Там же, стр. 200—201, 209—216.
[57] Там же, стр. 207—208.
[58] Там же, стр. 224, 370.

В этой связи следует отметить, что «оппозиционная группа» Черчилля — Идена — Эмери выражала интересы тех кругов английской буржуазии, которые имели большие капиталовложения в странах Британской империи и потому особенно болезненно реагировали на агрессивные поползновения германского фашизма, в частности его колониальные притязания, усматривая в них непосредственную угрозу владениям Великобритании.

«Оппозиция» в отличие от большинства консервативной партии более трезво оценивала создавшееся положение. Отнюдь не возражая против соглашения с гитлеровской Германией на основе предоставления ей свободы рук на Востоке, «оппозиция» вместе с тем считала, что успешно вести переговоры о заключении такого соглашения с Германией Англия может, только завершив широкую программу вооружений и значительно укрепив свои внешнеполитические позиции, прежде всего путем налаживания тесного и всестороннего сотрудничества с Францией и особенно с США.

По мнению представителей консервативной оппозиции, слабая, недостаточно вооруженная Англия не могла бы чувствовать себя уверенно в переговорах с гитлеровской Германией и была бы вынуждена идти на сделки, не отвечающие полностью интересам британского империализма. В этом случае не была бы устранена опасность того, что фашистский агрессор не подведет своих лондонских «умиротворителей» и не двинется вместо Советского Союза на западные державы. Отсюда — критика «оппозиционерами» линии официального руководства консервативной партии и кабинета за его поспешность в достижении соглашения с Гитлером, отсюда — призывы ускорить осуществление программы вооружений, отсюда — требования максимального укрепления связей с Соединенными Штатами «почти на любых условиях» [59].

Все это объясняет отрицательное отношение Идена, Черчилля и их единомышленников к идее личной встречи Болдуина с Гитлером в 1936 г. Наряду с возражениями Идена и Черчилля определенную роль здесь сыграли и

---

[59] W. Langer and E. Gleason. The Challenge to Isolation, 1937—1940. New York, 1952, p. 31.

колебания самого Болдуина, временами начинавшего сомневаться в целесообразности бесконечных уступок Гитлеру и разделявшего опасения некоторых своих коллег (в первую очередь самого Идена), считавших, что гитлеровская Германия не удовлетворится уступками, которые ей ныне сделает Англия, а будет выдвигать все новые и все возрастающие требования.

Эти нерешительность и колебания британского премьера, так же как и позиция Идена, продолжавшего занимать пост министра иностранных дел, вызывали растущее недовольство среди наиболее реакционно настроенных, профашистских элементов правящего лагеря Англии. В этих кругах британского империализма укреплялось мнение о необходимости достигнуть соглашения с Гитлером именно сейчас, когда германский империализм, восстановивший и продолжавший развивать свой военно-промышленный потенциал, практически завершал создание армии, вооруженной новейшим оружием, и заканчивал приготовления к войне. Мысля подготавливаемую гитлеровцами войну как поход на Восток, против СССР, ослепленные классовой ненавистью к Советскому государству лондонские «умиротворители» фашистских агрессоров упорно продолжали верить в возможность ориентировать германскую политику в желаемом для себя направлении. Именно поэтому наиболее реакционные группировки британского монополистического капитала и прежде всего их главный штаб — клайвденская клика — все более решительно требовали скорейшего перехода к открытому и прямому курсу, без колебаний и зигзагов, на сближение с агрессором, на достижение широкого англо-германского соглашения, рассматривая это соглашение как важнейший шаг в развязывании гитлеровцами войны против СССР. В этой связи становится понятным, почему уже в 1936 г. руководство клайвденской клики пришло к решению о необходимости замены Болдуина на посту премьера другим политическим деятелем, способным на «быстрые и решительные действия» [60].

«Лотиан и Нэнси (Астор. — *В. П.*), — с циничной откровенностью пишет их близкий друг Т. Джонс в од-

[60] T. Jones. Op. cit., p. 177.

ном из писем, — смогут терпеть Болдуина (на посту главы правительства. — *В. П.*) лишь до коронации» Эдуарда VIII, после которой он должен будет уступить место Н. Чемберлену [61].

То обстоятельство, что выбор подлинных хозяев капиталистической Англии пал на Невилля Чемберлена, отнюдь не было неожиданностью или случайностью. Один из виднейших представителей финансового капитала, тесно связанный с английской тяжелой и военной промышленностью, а через нее с германским концерном «ИГ Фарбениндустри», непримиримый враг Советского Союза, Чемберлен пользовался значительным влиянием в правящих кругах и в руководстве консервативной партии Англии. На протяжении ряда лет, будучи министром здравоохранения, а затем министром финансов, Чемберлен принимал активное участие в выработке важнейших решений британского правительства по вопросам внешней и внутренней политики и уже в конце 20-х годов рассматривался многими как вероятный преемник Болдуина по руководству партией и кабинетом [62]. Не скрывая своих симпатий к немецкому фашизму и будучи сторонником англо-германского сотрудничества, Чемберлен считал гитлеровскую Германию и ее союзников по «оси» надежным оплотом против «красной опасности»—против Советского Союза, против революционных и национально-освободительных движений, расшатывавших устои Британской империи и грозивших ей социальными потрясениями.

Помимо Н. Чемберлена, ставшего премьер-министром в мае 1937 г., в возглавляемом им правительстве наиболее последовательными поборниками политики сговора с фашистской Германией были: канцлер казначейства Джон Саймон, министр внутренних дел Семюэль Хор, лорд Эдуард Фредерик Галифакс, заменивший Идена в феврале 1938 г. на посту министра иностранных дел, а также Кингсли Вуд, личный друг премьер-министра, занимавший в правительстве сначала пост министра здравоохранения, а затем авиации. Чемберлен, Саймон, Хор и Галифакс образовывали так называемый

[61] Там же, стр. 177, 209.

[62] См., например, „Echo de Paris", 30/I 1929 (статья Пертинакса).

«внутренний кабинет», фактически определявший линию английского правительства по основным вопросам внешней и внутренней политики. Эта линия, как правило, отражала решения, принимавшиеся клайвденской кликой — этими непосредственными вдохновителями курса на антисоветский сговор с гитлеровскими агрессорами в области внешней политики, курса на усиление политической реакции и фашизации страны в области внутренней политики.

В период премьерства Чемберлена еще более активизируют свою деятельность, направленную на достижение соглашения между Англией и Германией, различные профашистские организации. Ведущую роль среди них играло общество «Англо-германской дружбы», являвшееся важным связующим звеном между английским и немецким монополистическим капиталом.

Основанное в Лондоне в 1935 г. при непосредственном участии Риббентропа, это общество отнюдь не стремилось к налаживанию дружественных связей и сотрудничества между английским и немецким народами, а ставило главной целью всячески содействовать проведению политики сговора с гитлеровской Германией. Англо-германское общество дружбы насчитывало в своем составе крупнейших представителей британских финансовых, промышленных и придворно-аристократических кругов. Председателем общества был лорд Маунт Темпл — один из богатейших людей Англии, его заместителем — адмирал в отставке Б. Домвайл, бывший начальник английской военно-морской разведки[63]. Среди видных членов общества следует назвать имена Гарри Макгоуэна — председателя правления Имперского химического треста, директора Международного никелевого треста, «Мидлэнд банка» и ряда других крупных монополистических объединений; Фрэнка Тиаркса — одного из руководителей банкирского дома Шредеров, директора Английского банка и Англо-Иранской нефтяной компании; д'Арси Купера — главы крупнейшего в мире концерна по производству мыла и маргарина «Ливер браферс энд юниливер»; лорда Лондондерри, одного из богатейших землевладельцев Англии и председателя

[63] „Daily Worker", 2/X 1938; „Daily Herald", 5/VIII 1939.

Центрального совета консервативной партии; майора Дж. Астора, владельца «Таймс» и заместителя председателя правления международного страхового концерна «Феникс», контролирующего 11 страховых компаний Англии, США и Канады[64].

В общество «Англо-германская дружба» в качестве коллективных членов входили такие крупные монополистические объединения, как «Ливер бразерс энд юниливер», «Дэнлоп раббер компани», банки «Дж. Генри Шредер энд компани», «Лейзар бразерс» и др.[65]

Общество «Англо-германской дружбы» предоставило в Англии широкую трибуну нацистским политикам, дипломатам и генералам типа Риббентропа, Бломберга, герцога Саксен Кобург-Готтского, Вёрмана и др., восхвалявших в своих выступлениях кровавый гитлеровский режим и на все лады расписывавших «успехи» фашистского рейха в расправе с демократическими силами немецкого народа. В свою очередь члены общества неоднократно встречались с Гитлером и другими фашистскими главарями, присутствовали в качестве почетных гостей на нюрнбергских сборищах нацистов и возвращались в Англию начиненными гитлеровской пропагандой о необходимости «совместной борьбы с коммунизмом»[66].

Став во главе правительства, Н. Чемберлен по существу взял на себя руководство внешней политикой[67]. Разработанная в Клайвдене программа мероприятий, призванных обеспечить тесное сотрудничество между Англией и Германией, стала программой действий нового британского кабинета.

Весной 1937 г. в Берлин прибыл новый английский посол — Невилль Гендерсон, один из наиболее последовательных сторонников и проводников политики «умиротворения», никогда не скрывавший своих симпатий к гитлеровскому режиму и быстро нашедший общий язык с руководителями немецко-фашистской политики[68].

---

[61] „Daily Worker", 1, 2/X 1938.

[65] А. Норден. Указ. соч., стр. 193—195; S. Hachey. Tory M. P. London, 1939, p. 230—231.

[66] А. Норден. Указ. соч., стр. 195—196.

[67] T. Jones. Op. cit., p. 350.

[68] Об этом, в частности, свидетельствуют его собственные мемуары: см. N. Henderson. Failure of a Mission. New York, 1940, p. 14—16, 128.

Осенью 1937 г., после предварительного посещения Гитлера Лотианом и Лондондерри, в Германию для официальных переговоров отправился лорд-председатель совета Галифакс. Во время встречи с Гитлером и министром иностранных дел Германии Нейратом 19 ноября 1937 г. Галифакс от имени английского правительства сделал предложение о присоединении Англии и Франции к оси Берлин — Рим, т. е. о заключении союза четырех империалистических держав, направленного против СССР.

В ответ на требование Гитлера снять с Германии «моральное и материальное клеймо Версальского договора» в качестве предпосылки для такого соглашения, английский министр заверил Гитлера, что в Лондоне признают необходимым изменение существующего положения. Галифакс уточнил, что изменения, которые он имеет в виду и которые, по его словам, вероятно, рано или поздно произойдут, касаются Данцига, Австрии и Чехословакии. «Англия лишь заинтересована в том,— сказал он,— чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны» [69].

Беседа Галифакса с Гитлером неопровержимо свидетельствовала о том, что английское правительство в ноябре 1937 г. вступило в прямые переговоры с гитлеровской Германией о перекраивании карты мира, причем гитлеровскую агрессию по существу открыто подталкивали на Восток, давая понять, что захват Австрии, Чехословакии, Данцига не встретит возражений Англии [70].

Стремление английских правящих кругов к заключению тесного союза с фашистскими державами нашло яркое отражение и в заявлении Чемберлена, сделанном итальянскому послу в Лондоне Гранди в конце февраля 1938 г. Заверяя Гранди в том, что он всегда рассматри-

---

[69] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 35—36; см. также H a l i f a x. Fullness of days. London, 1957, p. 185—187.

[70] Результаты переговоров Галифакса с Гитлером были полностью одобрены Чемберленом, который охарактеризовал их как «весьма успешные» (K. F e i l i n g. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 332).

вал ось Берлин — Рим как важнейшую опору мира в Европе, британский премьер подчеркивал, что целью возглавляемого им правительства является достижение прочного и постоянного соглашения как с фашистской Италией, так и национал-социалистской Германией[71].

В духе переговоров руководителей английской политики с Гитлером, Нейратом и Гранди происходила и беседа британского посла в Берлине Гендерсона с Гитлером 3 марта 1938 г. В ходе этой беседы английский посол подтвердил позицию своего правительства, как она была изложена Галифаксом 19 ноября 1937 г., и счел нужным особо отметить усилия, прилагаемые Чемберленом в целях достижения «объединения Европы без России». По словам Гендерсона, Чемберлен «выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. д.»[72] Поскольку Гитлер прямо дал понять Гендерсону, что ближайшей его целью является захват Австрии, английский посол поспешил заверить фашистского главаря в том, что он, Гендерсон, сам часто высказывался за аншлюс[73].

Это заявление Гендерсона не было выражением только личной точки зрения английского дипломата, профашистские симпатии которого были хорошо известны. Оно полностью соответствовало позиции английского правительства, рассматривавшего захват Австрии Германией как важный этап в развертывании немецко-фашистской агрессии на востоке и юго-востоке Европы. Английский империализм считал, что захват Австрии облегчит Гитлеру его продвижение на Восток, к границам Советского Союза, и поэтому не только отказывался чинить препятствия гитлеровцам в их расправе над австрийским государством, но уже на протяжении значительного периода по существу подталкивал их на совершение такого рода захватнических действий.

Англия и Франция не противодействовали заключению австро-германского договора от 11 июля 1936 г.,

---

[71] Doc. on Germ. For. Pol., vol. I, прилож. 1 к док. 136, стр. 238.

[72] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 63—64.

[73] Там же, стр. 70.

который серьезно облегчил захват Австрии Германией. В то же время в беседах с Риббентропом министр по вопросам координации обороны Инскип и Лотиан заверили его в том, что Англия не будет препятствовать Гитлеру в его планах «поглощения» Австрии мирным путем[74]. 21 февраля 1938 г., т. е. в дни, когда подготовка к захвату Австрии гитлеровцами шла полным ходом, Саймон от имени правительства заявил в парламенте, что Англия никогда не давала специальных гарантий независимости Австрии и что английские обязательства по отношению к венскому правительству ограничиваются обязательствами, вытекающими из Устава Лиги наций. Это заявление английского министра было явно рассчитано на то, чтобы убедить Гитлера в том, что Англия не намеревается защищать Австрию и что английское правительство по-прежнему придерживается позиции, изложенной Галифаксом Гитлеру в ноябре 1937 г. С другой стороны, Н. Чемберлен в заявлениях, сделанных в эти же дни, «уточняя» позицию и возможности вмешательства Лиги наций, ясно дал понять, что австрийское государство вообще не может надеяться на какую-либо помощь в случае германской агрессии[75]. Наконец, позиция Чемберлена и Галифакса, занятая ими во время переговоров с Риббентропом 10—11 марта 1938 г., окончательно убедила гитлеровцев в том, что Англия благожелательно относится к их планам поглощения Австрии[76]. Более того, она побудила гитлеровских агрессоров действовать немедленно, о чем откровенно писал дипломатический обозреватель «Манчестер гардин». «Гитлер, — указывал этот журналист, — решил действовать, как только он был уведомлен о результатах переговоров между Риббентропом и Галифаксом... Возможно, аншлюсс все равно произошел бы когда-нибудь, но миссия Галифакса в Берхтесгаден и вчерашние переговоры, несомненно, содействовали тому, что он произошел так быстро»[77]. Позиция руководителей английского правительства во время их переговоров с Риббентропом

---

[74] T. Jones. Op. cit., p. 216.

[75] „Times", 22, 23/II, 8/III 1938.

[76] Documents on British Foreign Policy 1919—1929, Third Series. Ed. by E. L. Woodward and R. Butler, vol. I. London, 1949, p. 5.

[77] „Manchester Guardian", 12/III 1938.

в марте 1938 г. вызвала нескрываемое одобрение в лагере фашистских главарей. Так, Риббентроп прямо заявлял, что он приветствует «реалистическую политику» Чемберлена, а в письме к Гитлеру подчеркивал, что Германия заинтересована в том, чтобы «Чемберлен оставался у власти»[78].

В марте 1938 г. путем «мирной эволюции» стали совершаться те изменения европейского порядка, о которых английские правители договорились с Гитлером: вечером 11 марта фашистские войска вторглись в Австрию, и через несколько часов Австрия прекратила свое существование как независимое государство.

Захват гитлеровцами Австрии и позиция английского правительства, потворствовавшего им в совершении этого агрессивного акта, со всей очевидностью показали, как далеко были готовы идти правящие круги Англии в своих уступках гитлеровской Германии в надежде облегчить ей развязывание войны против Советского Союза.

Вместе с тем, несмотря на то, что английские реакционные правители всячески манили подачками гитлеровских агрессоров на Восток, а последние в своих заявлениях, явно рассчитанных на маскировку подлинных замыслов блока фашистских агрессоров, продолжали твердить, что их цель — борьба с Коминтерном, все более широким кругам английской и мировой общественности становилось ясно, что Германия и ее союзники по «оси» преследуют другие цели—далеко идущие цели установления своего господства в Европе и во всем мире. Накануне второй мировой войны именно партия гитлеровцев — партия наиболее хищнических и оголтелых империалистов выступила с развернутой программой установления безраздельного мирового господства, причем осуществление этой программы предусматривало не только войну против Советского государства, но и сокрушение мощи Англии, США, Франции и других так называемых «демократических» государств.

Подлинные замыслы фашистских захватчиков не могли быть секретом для руководителей внешней политики западных держав. В октябре 1937 г., в тот самый период, когда англо-французские правящие круги при активной

[78] Doc. on Germ. For. Pol., vol. I, doc. 146—147, p. 263—264.

поддержке США вели свою линию на «умиротворение» фашистских захватчиков, теша себя иллюзией якобы неизбежной советско-германской войны, бывший генеральный консул США в Берлине, а впоследствии помощник государственного секретаря Д. Мессерсмит писал государственному секретарю Хэллу: «Конечная цель трех государств с диктаторским режимом (т. е. Германии, Италии, Японии.— *В. П.*), возглавляемых... нынешним германским правительством, состоит в разрушении Британской империи, последующем ослаблении Англии и создании условий для нападения на США. Эти выводы основываются на моих личных беседах с ведущими руководителями германского правительства, которые не скрывают этих своих намерений» [79].

Не менее ясно выражался и прекрасно осведомленный французский журналист Пертинакс, писавший в «Эко де Пари» в том же 1937 г. в связи с подписанием пресловутого «антикоминтерновского пакта»: «Все, что можно сказать, — это то, что Советский Союз, быть может, менее затрагивается итало-германской системой, чем Британская империя. Три договорившиеся страны не могут прямо напасть на Советский Союз. Зато каждая из них может поразить Англию и ее владения. Германия может бросить воздушный флот на Лондон, Италия угрожает Египту, Япония — Гонконгу и Сингапуру. Это касается также и Франции[80].

Трезвые голоса раздавались и в самой Англии. Летом 1936 г. видный деятель консервативной партии министр в кабинетах Болдуина и Чемберлена — А. Дафф-Купер выступил с пространной речью, вызвавшей большой резонанс как в Англии, так и за ее пределами. В этой речи он обратил внимание на угрозу, которую представляли для западных держав захватнические притязания фашистских агрессоров. Дафф-Купер свидетельствует, что он был далеко не единственным представителем английских правящих кругов, понимавшим всю серьезность германской угрозы и безнадежность политики «умиротворения» перед

---

[79] „New York Times Magazine", 18/VII 1943.

[80] «История дипломатии», под ред. В. П. Потемкина, т. III, М., 1945, стр. 596.

лицом агрессивных планов гитлеровцев, направленных, не в последнюю очередь, против Британии и ее колониальной империи[81].

Известно, что на протяжении многих десятков лет главная внешнеполитическая проблема Великобритании состояла в сохранении целостности и расширении Британской империи. Но никогда эта проблема не приобретала такой остроты, как в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Три агрессивных государства в своих планах завоевания мирового господства отводили важнейшее место разгрому Британской империи и отторжению от Англии ее богатейших колоний. Еще до развязывания войны в Европе (в сентябре 1939 г.) своими разбойничьими действиями в Африке, в бассейне Средиземного моря, на Дальнем Востоке агрессоры, прикрываясь фальшивым знаменем борьбы против коммунизма, нанесли серьезный удар по имперским позициям Англии и надеялись, как признавал Гитлер в ноябре 1937 г., что это облегчит задачу полного разгрома Британской империи в будущей войне[82].

Однако, вынашивая бредовые планы коренного передела мира, фашистские державы не только хотели отобрать колониальные владения у государств англо-французского блока, но и намеревались, разгромив эти государства, лишить их политической и экономической самостоятельности, превратить их в своих сателлитов. По замыслу Гитлера, в Европе могло остаться лишь одно подлинно независимое, суверенное государство — «Великая Германия». Остальные государственные образования должны были быть либо полностью уничтожены, либо практически лишены самостоятельности. Для Англии, разумеется, не делалось исключения.

В этих условиях, когда перед Великобританией во всем объеме стали проблемы не только защиты целостности империи, но и сохранения собственной независимости и государственной самостоятельности, руководители английской политики должны были неизбежно сделать выбор, каким путем Англия пойдет дальше.

Было два пути.

---

[81] Duff Cooper. Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper. London, 1954, p. 202—203, 211.

[82] Doc. on Germ. For. Pol., vol. I, doc. 19, p. 32—33.

Первый путь — это путь коллективной безопасности, путь создания единого фронта заинтересованных в сохранении мира государств, независимо от их общественного и государственного строя, — против всех агрессоров вообще и против каждого агрессора в частности. Это — тот путь, который последовательно отстаивал Советский Союз и который являлся единственно надежным путем защиты мира и предотвращения новой мировой бойни. Национальные государственные интересы Англии повелительно диктовали необходимость выбора этого пути. Объективно, таким образом, налицо были предпосылки для создания единого фронта миролюбивых государств против фашистских агрессоров. Однако, как справедливо отмечал М. И. Калинин в своем докладе о международном положении 28 апреля 1938 г., «интересы господствующих классов далеко не всегда совпадают с национальными интересами. Больше того, они часто расходятся, а при загнивании капитализма расхождение это идет все дальше и глубже»[83]. Политика, которой придерживались в рассматриваемый период правители Великобритании, полностью подтверждала этот вывод. Действуя вопреки национальным интересам, реакционные правящие круги Англии отвергали путь коллективного отпора агрессорам. Они отвергали его потому, что единый фронт миролюбивых государств, достаточно могущественный для того, чтобы сорвать замыслы фашистских захватчиков, был немыслим без участия СССР. Сотрудничество же с Советским Союзом, со страной социализма даже ради защиты Британской империи, ради сохранения независимости и самостоятельности Англии, казалось английской плутократии отступничеством от своих классовых интересов, изменой священным принципам частной собственности, поддержкой ненавистного ей социалистического строя. Громадные успехи СССР во всех областях политической, экономической и культурной жизни вселяли страх и вызывали ненависть у правящих классов Англии. Социалистическая система все более доказывала свое превосходство над капитализмом как в области устройства социальной и экономической жизни народов, так и в области междуна-

[83] М. И. Калинин. О международном положении. М., 1938, стр. 8.

родных отношений. Это свое превосходство социалистическая система демонстрировала на глазах английских рабочих и народов английских колоний, являясь могучим стимулом для дальнейшего их натиска на империализм.

Именно против Страны Советов, против демократических и прогрессивных движений стремились использовать фашизм правящие круги Англии. Поэтому, несмотря на то, что накануне второй мировой войны фашизм представлял смертельную угрозу для Британии и ее мировых позиций, английский империализм меньше всего стремился к ликвидации фашизма и полному разгрому фашистских держав. Характеризуя позицию правящих кругов Англии по отношению к гитлеровской Германии, газета «Известия» писала в июле 1938 г.: «Фашизм плох, когда он угрожает мировым позициям Великобритании, но он хорош, когда защищает «цивилизацию» от наступления рабочего класса. Стало быть, нет оснований бить фашизм насмерть. Он может еще пригодиться»[84].

Отвергая первый путь — путь совместных с Советским Союзом коллективных действий против гитлеровских захватчиков, правящие круги Англии избрали второй путь — путь сговора и сделок с агрессорами в надежде, что он избавит Англию от угрозы фашистского нападения и столкнет гитлеровскую Германию с Советским Союзом. Этот путь, как это было ясно уже тогда, был политически крайне близоруким, а практически крайне опасным, ибо агрессоры наглели все больше и больше, их позиции укреплялись, они становились все более серьезной угрозой для Англии и других западных государств. Тем не менее британские правящие круги упрямо шли по этому гибельному для дела мира и национальных интересов английского народа пути. Слепая классовая ненависть к новому, социалистическому строю являлась основной движущей силой, которая направляла внешнюю политику господствующих классов Англии в предвоенный период, особенно в роковые годы кануна второй мировой войны, и которая привела человечество к невиданной ранее в истории военной катастрофе, принесшей народам Европы и всего мира неисчислимые бедствия и стоившей им миллионы и миллионы жертв.

---

[84] «Известия», 16/VII 1938.

3. ФАКТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПРАВЫМИ ЛИДЕРАМИ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АНГЛИИ

В проведении своей политики, направленной на «умиротворение» гитлеровской Германии, британские правящие круги опирались на фактическую поддержку реакционного руководства лейбористской партии и тред-юнионов.

Как отмечал генеральный секретарь Английской коммунистической партии Г. Поллит, эта поддержка явилась одним из важнейших, решающих факторов, сделавших возможным проведение пагубной, антинародной политики правительства консерваторов[85].

В течение ряда лет после прихода гитлеровцев к власти в Германии лейбористские лидеры, вводя в заблуждение широкие массы английского народа, пытались представить политику уступок и пособничества фашистским агрессорам, проводимую правительством консерваторов, как якобы соответствующую интересам английского народа и служащую делу мира. Вместо того чтобы требовать от правительства организации отпора агрессорам, лейбористские лидеры, спекулируя на антивоенных настроениях масс и используя широко распространенные в этот период в Англии пацифистские иллюзии, стремились внушить народу, что никакой непосредственной опасности для Англии не существует[86].

Правое руководство лейбористской партии и тред-юнионов в своих заявлениях одобрило такие агрессивно-провокационные акты гитлеровцев, как введение воинской повинности в Германии, аннулирование ими всяких других ограничений, установленных Версальским договором в отношении германских вооруженных сил, оккупация Рейнской демилитаризованной зоны и т. д., квалифицируя эти акции нацистов как стремление «восстано-

---

[85] „Daily Worker", 21/II 1939.

[86] Duff Cooper. Op. cit., p. 204. Следует отметить полное совпадение в том вопросе позиции лейбористских лидеров и ряда руководителей консервативной партии, в частности Н. Чемберлена, о котором в мае 1934 г. французская печать писала, что он также «не верит в наличие германской угрозы для Англии» („Petit Parisien", 27/V 1934).

вить страведливость»[87]. Одобрив заключение англо-германского морского соглашения в качестве вклада в дело «общего умиротворения», руководители лейбористской партии и лейбористская печать в то же время выступили с клеветническими измышлениями по поводу франко-советского пакта о взаимной помощи, повторяя при этом вымыслы немецко-фашистской и британской реакционной пропаганды о том, что цель пакта состоит в «окружении Германии» [88].

Только под прямым давлением рабочих масс, выражавших возмущение подобной позицией правосоциалистических лидеров, руководство лейбористской партии было вынуждено пересмотреть свою тактическую линию и выступить с «критикой» проводимого правительством внешнеполитического курса, а также осудить агрессивные действия гитлеровцев и их партнеров по фашистской «оси». Однако этот маневр не менял подлинного существа реакционной позиции лейбористских лидеров. «Критика», которой подвергалась с их стороны политика правительства Болдуина — Чемберлена, носила чисто показной характер и была явно рассчитана на то, чтобы ввести в заблуждение английский народ и сохранить влияние руководства лейбористской партии в широких массах, шедших за этой партией.

Отличительной чертой этой «критики» было то, что критиковалась не сама политика консерваторов, как таковая, ее глубоко реакционная сущность и антисоветская направленность, а неудачное ее осуществление, допущенные правительством «промахи» и «просчеты» при проведении этой политики. Вынужденные под непосредственным нажимом масс принимать иногда резолюции, осуждающие правительство, лейбористские лидеры делали все от них зависящее, чтобы сорвать их практическое осуществление.

В период германо-итальянской интервенции в Испании (1936—1939 гг.) руководство лейбористской партии поддерживало политику «невмешательства», под флагом которой международная реакция стремилась задушить

[87] „Daily Herald", 26/III 1935, 9, 10, 11, 12/III 1936; „Humanité", 24/V 1935.

[88] „Daily Herald", 19/VI, 10/VII 1935; „International Press Correspondence", 1937, № 10, p. 259.

Испанскую республику. Лейбористские лидеры пытались прикрыть эту предательскую по отношению к испанскому народу позицию насквозь фальшивым аргументом, будто «невмешательство» является единственным средством помочь Испанской республике, не прибегая к войне. Эттли, Гринвуд, Ситрин и особенно Бевин[89], вслед за Болдуином, Чемберленом и Хором, бессовестно играли на антивоенных настроениях широких масс английского народа и, запугивая их перспективой якобы неизбежной войны, в случае попытки оказать действенную помощь Испанской республике, продолжали по существу поддерживать консервативное правительство в его политике поощрения агрессии.

Правда, позиция ряда видных деятелей лейбористской партии, не входивших в то время в состав руководства (С. Криппса, Э. Бивена, Дж. Страусса, Дж. Стрэчи и др.), не совпадала с официальной внешнеполитической линией партии. Указанные деятели, отражая настроения рядовых членов лейбористской партии, неоднократно критиковали внешнеполитические установки Эттли — Ситрина — Бевина и подчеркивали необходимость объединения всех демократических сил страны в целях активизации борьбы со все возраставшей угрозой реакции, фашизма и войны.

В 1935—1937 гг. Криппс, Страусс, Бивен и другие члены так называемой «Социалистической лиги» поддержали начатую по инициативе компартии кампанию за создание единого антифашистского фронта трудящихся и всех демократических сил Англии, главной задачей которого должна была явиться борьба за отставку консервативного правительства, за радикальное изменение внешней и внутренней политики страны.

Однако в проведении этой линии указанным выше лейбористским деятелям не хватало ни последовательности, ни принципиальности, ни элементарного мужества. Многие из них явно опасались подлинного сотрудничества с коммунистами, и, как отмечал позднее Галлахер, во взаимоотношениях между коммунистами, с одной стороны, и лейбористами — сторонниками единого фронта, с другой, никогда не было ни должного взаимопонимания,

---

[89] W. Gallacher. Op. cit., p. 161, 173—174.

ни настоящего доверия, без чего был немыслим действительный успех кампании за единство действий [90].

Не удивительно поэтому, что как только исполком лейбористской партии исключил «Социалистическую лигу» из партии, подавляющее большинство членов лиги, не желая оказаться вне партии, отказалось от поддержки кампании за создание единого фронта и поспешило отмежеваться от сотрудничества с коммунистами, предпочитая ограничиваться общедекларативной словесной критикой в адрес консервативного правительства.

Внешнеполитический курс правительства не встречал серьезного противодействия и со стороны либеральной партии. Правда, некоторые либералы (например, Дж. Мандер) нередко выступали с резкими заявлениями по адресу правительства, подчеркивая опасность прежде всего для самой Англии политики уступок агрессии. При этом многие либералы признавали, что единственным действенным средством для нейтрализации угрозы со стороны гитлеровской Германии является тесное сотрудничество Англии с другими миролюбивыми странами и прежде всего с СССР. Однако, опасаясь развертывания подлинно народного, демократического движения в стране, которое могло бы привести к коренному изменению внешней и внутренней политики реакционного правительства консерваторов, деятели либеральной партии, принадлежавшие по своим социальным взглядам и экономическому положению к господствующим классам Англии, не предпринимали реальных шагов, чтобы добиться изменения этой политики и создания правительства, которое встало бы на путь сотрудничества с другими миролюбивыми государствами в целях противодействия фашистской агрессии. Более того, некоторые лидеры либералов (например, Г. Семюэль) даже делали попытки доказать, что проводимый консерваторами внешнеполитический курс, несмотря на все его «недостатки», являлся якобы единственно возможным в создавшейся обстановке, хотя задним числом и утверждали, что всегда находились в оппозиции к этому курсу [91].

---

[90] Там же, стр. 148.

[91] „Times", 12/VII 1935; H. Samuel. Memoirs. London, 1945, p. 276.

4. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ АНГЛИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ СГОВОРА С ГИТЛЕРОВСКИМИ АГРЕССОРАМИ, ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА

Последовательную борьбу против политики «умиротворения» фашистских агрессоров, против политики уступок и сделок с гитлеровской Германией вела Коммунистическая партия Великобритании, представлявшая собой центр, вокруг которого группировались все лучшие, прогрессивные силы страны. Последовательно защищая интересы рабочего класса, компартия Англии стремилась к тому, чтобы рабочее движение не ограничивалось борьбой за отдельные экономические требования и за улучшение социального законодательства. Коммунисты неустанно разъясняли массам необходимость сочетания борьбы за удовлетворение своих насущных экономических требований с борьбой за мир, за социальный прогресс, против фашизма и угрозы новой войны.

Исходя из национальных интересов английского народа в сложной обстановке подготовки гитлеровцами новой мировой войны, при прямом поощрении агрессоров со стороны правящих кругов Великобритании, компартия уделяла основное внимание преодолению раскола рабочего движения и объединению всех демократических сил страны для борьбы с реакционной политикой консервативного правительства. Компартия правильно считала при этом, что обеспечение единства английского народа, создание единого народного фронта в Англии является необходимой предпосылкой для антифашистского объединения всех миролюбивых народов Европы в целях противодействия зарвавшимся гитлеровским агрессорам и устранения угрозы нового мирового конфликта. На это обстоятельство было обращено особое внимание на XIV съезде Коммунистической партии Великобритании[92].

Большое значение для практической деятельности компартии, направленной на создание народного фронта, имел VII конгресс Коммунистического Интернационала, принявший важные решения о задачах коммунистических

---

[92] It can be done. Report of the 14th Congress of the Communist Party of Great Britain. London, 1937, p. 129, 139—140, 278—280.

партий в условиях нараставшей угрозы мировой войны и непрерывно совершавшихся агрессивных действий со стороны фашистских захватчиков. Период, последовавший за VII конгрессом Коминтерна, характеризуется усилиями компартии в борьбе за массы, укреплением позиций коммунистов в профсоюзном движении, ростом рядов партии. Если в 1935 г. английская компартия насчитывала 6500 членов, то в 1937 г. их число увеличилось до 12 250, а к середине 1938 г.— до 15 750 чел.[93] Большое политическое влияние компартии в массах английского народа признавала даже буржуазная печать[94].

В конце 1935 г. английская компартия поставила вопрос о приеме ее в лейбористскую партию, считая, что этот шаг будет иметь важное значение для дела единства рабочего класса, для сплочения всех демократических элементов страны в целях борьбы «против фашизма и реакции, за удовлетворение нужд и требований трудящихся масс»[95]. Правосоциалистические лидеры, опасавшиеся, что вступление коммунистов в лейбористскую партию усилит позиции ее левого крыла, к которому тяготели рядовые рабочие, отвергли это предложение. Тем не менее идея единства действий трудящихся, идея народного фронта пробивала себе дорогу к широким кругам английских трудящихся, завоевывая тысячи и десятки тысяч новых сторонников. К лету 1936 г. предложение компартии о вступлении ее в лейбористскую партию поддержали более 1200 различных организаций, включая 765 профсоюзных, 360 лейбористских, 80 кооперативных[96]. Однако предательская позиция социал-реформистских лидеров, все еще пользовавшихся значительным влиянием в массах английских трудящихся, препятствовала установлению единства действий рабочего класса и мешала английскому народу сплотить свои силы, чтобы заставить отступить реакцию и добиться изменения пагубной антинациональной политики консерваторов.

Руководители английской компартии в своих выступлениях в этот период неустанно разъясняли широким

---

[93] Report of the Central Committee of the Communist Party of Great Britain to the 15th Party Congress. London, 1938, p. 39.

[94] См., например, „Times", 5/VII 1935.

[95] It can be done, p. 58.

[96] В. Г. Трухановский. Указ. соч., стр. 274.

массам английского народа, что такие агрессивные действия международного фашизма, как ремилитаризация Рейнской зоны, нападение Италии на Абиссинию, а Японии на Китай, интервенция германского и итальянского фашизма против Испанской республики, свидетельствуют о том, что агрессоры от подготовки актов агрессии перешли к прямым актам агрессии, что угроза новой мировой войны становится все более реальной и что огромная доля ответственности за обострение международной обстановки падает на британские правящие круги, проводящие политику «невмешательства» [97].

Серьезным толчком для дальнейшего развертывания антифашистского движения в Англии послужила германо-итальянская интервенция в Испании. В первых рядах борцов за оказание помощи испанскому народу были коммунисты. Еще в августе 1936 г. пленум ЦК английской компартии обратился с воззванием к членам лейбористской партии, профсоюзов, кооперативных организаций, ко всем сторонникам мира, в котором призывал их оказать давление на правительство с тем, чтобы оно выступило против организаторов интервенции и признало законное право испанского республиканского правительства на получение помощи со стороны других государств[98].

На протяжении всего последующего периода компартия неустанно разоблачала комедию политики «невмешательства», организовывала массовые демонстрации и митинги солидарности с испанским народом, подчеркивая, что события в Испании являются прелюдией к мировой войне, к которой фашистские державы лихорадочно готовятся. Вопреки противодействию правящих кругов Англии и их праволейбористских приспешников, английский народ оказал существенную помощь борющейся Испании. На стороне Испанской республики сражались 1500 англичан, из которых половину составляли коммунисты. Английская компартия послала на помощь Испанской республике лучших своих сынов. Многие из них отдали свою жизнь, защищая с оружием в руках свободу и независимость испанского народа.

---

[97] W. Rust. The Story of the Daily Worker. London, 1949, p. 37, 47—48; W. Gallacher. Op. cit., p. 161.

[98] «Коммунистический Интернационал», 1936, № 15, стр. 113.

В начале 1937 г. был сделан новый шаг в борьбе за народный фронт в Англии. Коммунистическая партия, Независимая рабочая партия и Социалистическая лига выступили за объединение действий английского рабочего класса. В течение последующих месяцев эта кампания за единство действий трудящихся вылилась в мощное движение за создание широкого антифашистского фронта с участием коммунистов, лейбористов, а также всех других демократических элементов, независимо от партийной принадлежности, с целью устранения реакционного консервативного правительства и создания нового «правительства, которое окончательно отказалось бы от политики умиротворения и проводило бы политику противодействия агрессивным государствам» [99]. Краеугольным камнем внешнеполитической программы этого правительства должно было явиться заключение договора о взаимной помощи с СССР и Францией, а также с другими странами, выступавшими в поддержку коллективной безопасности, за обуздание фашистских агрессоров, за сохранение и упрочение мира [100].

Мощный размах в 1936—1937 гг. возглавляемого коммунистами движения за создание единого народного фронта в Англии, так же как и результаты проведенного еще раньше, летом 1935 г., «плебисцита мира», когда подавляющее большинство опрошенного населения высказалось за политику коллективной безопасности, за единство действий против агрессоров, наглядно свидетельствовали о том, что проводимая консервативным правительством политика поощрения фашистских захватчиков вызывает растущее возмущение и противодействие широких масс английского народа. Перед лицом консолидации демократических сил страны английская реакция также стремилась сплотить свои ряды и укрепить позиции с тем, чтобы, форсировав завершение сговора с гитлеровской Германией и изолировав СССР, направить фашистскую агрессию на восток Европы.

---

[99] G. Cole. A History of the Labour Party from 1914. London, 1948, p. 352.

[100] It can be done, p. 279.

Глава вторая

ОТ ЗАХВАТА АВСТРИИ ДО «МАЙСКОГО КРИЗИСА»

1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАХВАТА АВСТРИИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ПРОБЛЕМА И ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ

Захват Австрии серьезно изменял стратегическую и политическую обстановку на Европейском континенте. Германия становилась соседом Венгрии и Югославии и вплотную приближалась к Балканскому полуострову, усиливая свое политическое и экономическое влияние в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Это вело к дальнейшему ослаблению и распаду Малой Антанты, укрепляло фашистские и профашистские элементы в странах Малой Антанты, усиливало реваншистские вожделения в тогдашних правящих кругах Венгрии и Болгарии. В Югославии ревностных проводников профашистской политики гитлеровцы нашли в лице главы тогдашнего югославского правительства Стоядиновича и некоторых членов его кабинета, которые в угоду Гитлеру и Муссолини и за спиной своих союзников по Антанте начали секретные переговоры с Болгарией и Венгрией и по существу превратились в агентуру держав «оси» в Малой Антанте. Усиливалась экономическая и политическая зависимость Румынии от фашистской Германии, которая оказывала все возрастающее давление на румынские правящие круги с целью заставить их окончательно покинуть «орбиту» англо-французского влияния и вступить в более тесные отношения с немцами. Правители панской Польши не скрывали своих симпатий к державам

«оси», все более активно проводя политику сотрудничества с гитлеровской Германией, основание которой было заложено польско-германским соглашением 1934 г.

С захватом Австрии фашистская Германия получала исходные позиции для совершения новых захватнических актов в Восточной Европе и в первую очередь для нападения на Чехословакию со стороны ее слабоукрепленной австрийской границы, в обход основных чешских укреплений в Судетах.

Присоединение Австрии усиливало также военный потенциал гитлеровской Германии. Гитлер получал возможность увеличить свою армию на 500—600 тыс. чел. Германия овладевала довольно значительной тяжелой, особенно машиностроительной и горной, промышленностью Австрии, а также получала возможность компенсировать, хотя и частично, свой недостаток в лесе и целлюлозе. В целом захват Австрии способствовал увеличению производительной мощности германской промышленности на 4—5%[1].

Наконец, в результате аншлюса гитлеровцы захватили австрийский золотой запас, оцениваемый примерно в 200 млн. рейхсмарок[2], а также овладели австрийскими капиталовложениями за границей.

Захват Австрии и вызванные этим изменения в Центральной и Юго-Восточной Европе укрепляли позиции гитлеровской Германии и ослабляли позиции Англии и Франции в этой части европейского континента. Являясь очередным звеном в цепи агрессивных актов фашистской Германии накануне второй мировой войны, захват Австрии имел и свои отличительные особенности. Если раньше, растаптывая международные договоры и совершая провокационно-агрессивные действия, гитлеровцы прикрывались ссылками на борьбу против «унизительного Версальского диктата», то захват Австрии никак нельзя было уложить в рамки борьбы против Версаля, в рамки охраны национальных интересов Германии.

Этот акт наглядно свидетельствовал о том, что, опираясь на содействие правящих кругов Англии, Франции

---

[1] И. Лемин. Захват Австрии германским фашизмом и угроза войны. — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 4, стр. 6.

[2] „Statist", 16/IV 1938.

и США, фашистские агрессоры приступили к осуществлению своего плана насильственного пересмотра границ европейских государств, грубого захвата чужих территорий, коренной перекройки карты мира.

Следующим после захвата Австрии этапом германской агрессии и подготовки войны в Европе было расчленение и захват Чехословакии.

Еще в 1933—1935 гг., т. е. уже в первые годы после прихода гитлеровцев к власти, нацистские политики и дипломаты открыто выступили с планами присоединения Чехословакии к Германии, широко используя для достижения этой цели профашистские и фашистские элементы в Чехословакии, деятельность которых должна была подорвать чехословацкое государство изнутри и, таким образом, облегчить его «поглощение» фашистским рейхом [3].

Форсированная подготовка к нападению на Чехословакию началась с лета 1937 г. в соответствии с директивами германского военного министра Бломберга, предусматривавшими разгром Чехословакии посредством нанесения внезапного молниеносного удара. 5 ноября 1937 г., на совещании фашистских главарей, Гитлер, излагая программу своих агрессивных действий, заявил, что его ближайшей задачей, наряду с оккупацией Австрии, является захват Чехословакии. Фашистский диктатор выразил уверенность, что западные державы не окажут сопротивления осуществлению его захватнических планов, ибо, по его словам, «Англия и, очевидно, Франция уже молчаливо списали со счета Чехословакию и свыклись с мыслью, что этот вопрос должен быть решен Германией» [4]. По указанию Гитлера немецкое верховное военное командование разработало оперативный план военных действий против Чехословакии — так называемый «План Грюн». Различные варианты этого плана, представлявшиеся на утверждение Гитлеру в 1937—1938 гг. и предусматривавшие использование всех средств — военных, экономических, пропагандистских, вплоть до самых гнусных провокаций, основывались на

---

[3] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I, М., 1954, стр. 313—315.

[4] Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, 1946, vol. III, doc. 386—PS, p. 300—302.

том, что нападение на Чехословакию не встретит какого-либо противодействия со стороны Англии и Франции[5].

Вынашивая планы захвата Чехословакии, правители гитлеровской Германии преследовали ряд целей, которые должны были содействовать главной задаче, поставленной германским фашизмом, — развязыванию войны в Европе при максимально благоприятных для себя обстоятельствах.

Это, во-первых, военно-стратегические цели.

Географическое положение чехословацкой республики в непосредственном соседстве с Германией давало возможность союзнику Чехословакии — Франции использовать ее территорию как плацдарм для нанесения удара в тыл германскому агрессору в случае вооруженного конфликта. С захватом же Чехословакии гитлеровцами, с устранением «чехословацкого шипа» не только ликвидировался этот плацдарм, но и устранялось серьезное препятствие для дальнейшего распространения германской экспансии, в особенности для развертывания военных операций против СССР, Польши и других государств Восточной Европы.

Овладевая Чехословакией, гитлеровцы также надеялись захватить первоклассное вооружение чехословацкой армии, имевшей сотни новейших самолетов, танков, тысячи орудий, десятки тысяч пулеметов и т. п.

Во-вторых, гитлеровцы стремились овладеть высокоразвитой промышленностью Чехословакии, которая могла бы явиться серьезным подспорьем в их приготовлениях к «большой» войне. Действительно, до 80% всей валовой продукции Чехословакии приходилось на долю промышленности[6]. В 1937 г. в стране было добыто 17 млн. т каменного угля, 18 млн. т бурого угля, 600 тыс. т железной руды, 170 тыс. т серебряной, цинковой и свинцовой руды, произведено 1,7 млн. т чугуна, 2,3 млн. т стали и т. д.[7]

Машиностроительная промышленность Чехословакии давно приобрела мировую известность, особенно заводы

---

[5] «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 322—325; Nazi Consp. and Aggr., vol. III, p. 305—326.

[6] «Правда», 23/III 1938.

[7] «Производство товаров». Статистический справочник. М., 1944, стр. 109—110, 126, 134; Doc. on Br. For. Pol., vol. IV, прилож. к док. 556, стр. 537—539.

Шкода, выпускавшие новейшее вооружение для всех родов войск. В стране имелось восемь автомобильных заводов, несколько заводов по производству самолетов и моторов, крупнейшие в Европе химические предприятия и т. д.[8]

В-третьих, фашистская Германия преследовала цель захвата чехословацких сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов, в которых она остро нуждалась. Только производство зерновых в Чехословакии в 1932—1936 гг. выражалось в среднем ежегодно в следующих цифрах: 1,6 млн. т пшеницы, 1,75 млн. т ржи, 1,2 млн. т ячменя, 1,3 млн. т овса[9]. Кроме того, Чехословакия располагала богатейшими в Центральной Европе запасами леса, который всегда являлся важным предметом немецкого импорта. Наконец, гитлеровцы надеялись, что, оккупировав Чехословакию, они смогут захватить ее золотые запасы, общий размер которых определялся суммой в 23 млн. ф. ст., и тем самым существенно облегчат напряженное финансовое положение фашистского рейха, вызванное бешеной гонкой вооружений. К этому времени военные расходы Германии достигли поистине астрономических цифр: 11 млрд. марок в 1937 г. и 14 млрд. в 1938 г.[10]

Таким образом, было ясно, что захват Чехословакии гитлеровской Германией должен был привести к дальнейшему укреплению ее стратегических позиций в Европе, а равно и к значительному усилению ее военно-хозяйственного потенциала, что имело важное для гитлеровцев значение, принимая во внимание явно недостаточную для «большой войны» военную, промышленную и продовольственную базу фашистской Германии[11].

Английские правящие круги понимали, что захват Чехословакии гитлеровской Германией приведет к усилению немецкой агрессии в Европе, однако они по-прежнему считали, что это не представляет непосредственной угрозы их интересам. Наоборот, подчинение Чехословакии и установление германского господства в Восточной Европе должно было явиться дополнительным свидетельством то-

[8] „Economist", 12/III 1938.
[9] Там же.
[10] Nazi Consp. and Aggr., vol. VII, p. 475.
[11] См., например, „Economist", 19, 26/III 1938; „Financial Times", 5, 6/IX 1938.

го, что немецкая агрессия развивается именно в восточном направлении — в направлении, желательном и безопасном для западных держав, и что Гитлер не намеревается начинать войны на Западе, предотвращение которой, по крайней мере в тот период, было важнейшей задачей британской внешней политики. Натиск гитлеровцев против Чехословакии, по мысли руководителей английской политики, не только устранял опасность войны на Западе, но и создавал реальные предпосылки для вооруженного конфликта между Германией и Советским Союзом при весьма благоприятных для агрессора обстоятельствах, так как с исчезновением чехословацкого государства ликвидировалось важнейшее препятствие для дальнейшего развертывания немецкой агрессии на востоке Европы, для нападения на СССР, который отныне лишался бы ценного союзника и оказывался в состоянии полной изоляции. «Чехословакия, — отмечал советский историк Е. А. Адамов, — была... препятствием для осуществления полной изоляции Советского Союза, поэтому Чехословакия должна была либо «войти в орбиту» гитлеровского рейха, либо исчезнуть с карты Европы. Чехословакия тем более была препятствием для политики англо-французского реакционного блока, что стратегические условия связывали национальную безопасность Франции с существованием Чехословакии и вместе с тем усиливали тяготение Франции к Советскому Союзу... Этим объясняется подлинная ненависть к Чехословакии, которой были проникнуты все последующие действия английской дипломатии» [12].

На протяжении всего «чехословацкого кризиса», т. е. в период от захвата Австрии в марте 1938 г. до расчленения Чехословакии и фактической выдачи ее Гитлеру в сентябре того же года, позиция английского правительства по существу сводилась к полной поддержке гитлеровских притязаний в отношении Чехословакии. Нельзя, однако, не отметить, что британской дипломатии было нелегко сбросить со счета чехословацкую республику. Чехословакия имела сильную армию, оснащенную первоклассной боевой техникой, ее границы с Германией на значительном протяжении были опоясаны мощными

[12] «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 134.

оборонительными укреплениями, ее народ был преисполнен решимости защищать свою свободу и независимость и, наконец, что особенно важно, Чехословакия имела ряд договоров о взаимопомощи, в том числе заключенный в 1935 г. договор с Советским Союзом. Но все это не обескуражило английских пособников немецко-фашистских агрессоров; с методичностью и настойчивостью, присущей английской дипломатии, правящие круги Великобритании последовательно вели линию на удовлетворение гитлеровских притязаний, на выдачу Чехословакии фашистским агрессорам.

Если, однако, цель, которую преследовало британское правительство на протяжении всего германо-чехословацкого конфликта, оставалась неизменной, то тактика, методы и приемы, которые применяла английская дипломатия для достижения этой цели, менялись в зависимости от конкретной обстановки. В этом отношении деятельность английской дипломатии представляется возможным подразделить на четыре периода.

Первый период — с середины марта по конец апреля 1938 г. — непосредственно следует за аннексией Австрии, когда в Лондоне делают вид, что Германии потребуется время для того, чтобы «переварить» захват Австрии, и что Чехословакии не угрожает непосредственная опасность со стороны гитлеровской Германии. Английское правительство с глубоким удовлетворением воспринимает заверения гитлеровских заправил об их «самых лучших намерениях» по отношению к Чехословакии и обращает «серьезное внимание» чехословацкого правительства на эти заверения. Вместе с тем руководителям чехословацкой политики в осторожной форме дается понять, что они не могут рассчитывать на помощь Англии в случае, если бы Германия все-таки решила напасть на Чехословакию, и что поэтому им лучше всего пойти на удовлетворение требований гитлеровцев. Английское правительство знает, что следующей жертвой фашистских агрессоров будет Чехословакия, и оно прилагает усилия, чтобы усыпить бдительность чехословацкого государства, подтолкнуть его на проведение политики уступок нацистской Германии и помочь Гитлеру в «мирном решении» вопроса, т. е. в расправе над Чехословакией, без войны, на австрийский манер.

Второй период — с конца апреля до середины июля — непосредственно связан с предъявлением руководителем гитлеровской агентуры в Чехословакии Генлейном так называемых карлсбадских требований и последовавшим за этим «майским кризисом». Английское правительство дает указание органам печати обратить внимание чехословацкого правительства на то, что на помощь Англии, а также послушно следующей за ней Франции чехословакам рассчитывать нечего. Воздействие на прессу сочетается с дипломатическим нажимом на Прагу, которой указывается на необходимость скорейшего и радикального решения судето-немецкого вопроса. Гитлеровские главари, знающие о намерении Англии и Франции предать Чехословакию, двигают к ее границе войска с целью молниеносного удара по Чехословакии или по крайней мере оказания на нее, при помощи этой военной демонстрации, решительного давления, для того чтобы вынудить чехословацкое правительство пойти на уступки Генлейну, которые привели бы страну к разложению изнутри и подготовили ее поглощение Германией. Быстрые ответные меры Чехословакии, сразу же отмобилизовавшей свои вооруженные силы и придвинувшей их к границе, сорвали планы Гитлера и его пособников. Гитлер, опасаясь, что вооруженное сопротивление Чехословакии может вызвать вмешательство других держав и, таким образом, общеевропейскую войну, к которой Германия была еще не готова, отказывается от немедленного выступления. Однако он знает, что расчленение и захват Чехословакии — вопрос времени.

Третий период — 18 июля — 14 сентября — знаменует прямое и грубое давление английского правительства на Чехословакию. Английское правительство требует от Праги «разрешения» судетского вопроса путем полного удовлетворения притязаний генлейновской агентуры германского фашизма. В Чехословакию направляется «беспристрастный посредник» — лорд Ренсимен, деятельность которого, представлявшая собой ничем не прикрытое вмешательство английских правящих кругов во внутренние дела чехословацкого государства, должна была подготовить почву для расчленения Чехословакии и удовлетворения захватнических аппетитов нацистской Германии и ее сателлитов. Демарш следует за демаршем,

уступка вырывается за уступкой. Гитлеровская агентура в Чехословакии, располагающая поддержкой и «сочувствием» чемберленовской Англии в лице лорда Ренсимена, становится все наглее, срывая переговоры с правительством.

План «мирного решения» чехословацкого вопроса путем передачи Германии судетских районов и расчленения Чехословакии созрел в голове британского премьера, который торопится провести его в жизнь.

Четвертый период — 15—30 сентября — период осуществления плана Чемберлена. Отныне британский премьер открыто выступает в роли прямого пособника немецко-фашистских агрессоров, совершая одно за другим паломничества к Гитлеру, оформляя в Мюнхене сделку за счет Чехословакии, подписывая с Германией декларацию о ненападении. Мюнхенский сговор и англо-германское соглашение о взаимном ненападении, являясь важнейшим звеном внешнеполитического курса правительства Чемберлена — Галифакса, знаменовали собой логическое завершение политики правящих кругов Англии в период между двумя мировыми войнами, преследовавшей цель развязать войну против Советского государства при помощи изоляции СССР и активного поощрения агрессоров на вооруженный конфликт с ним.

* * *

11 марта 1938 г., в день вступления германских войск в Австрию, Геринг в беседе с чехословацким посланником в Берлине Мастны заверял его в отсутствии у Германии каких-либо враждебных намерений по отношению к Чехословакии. Ближайший подручный Гитлера добавил, что германское правительство «искренне стремится... улучшить германо-чешские отношения»[13]. На следующий день Геринг сообщил Мастны, что немецким войскам дан приказ остановиться по крайней мере в 15 км от чехословацкой границы, а Нейрат заверил посланника в том, что Германия по-прежнему считает себя связанной арбитражным договором с Чехословакией, подписанным в октябре

[13] Documents on International Affairs, 1938, vol. I, London, 1942, p. 34—35.

1925 г.[14] Чехословацкому посланнику в Лондоне было поручено обратиться к Галифаксу с просьбой получить от Германии подтверждение этих заверений гитлеровского правительства. Фашистские главари, разумеется, охотно это сделали. Английское правительство поспешило уведомить об этом Прагу, со своей стороны дав понять, что оно верит этим заверениям и не видит каких-либо оснований для беспокойства.

Однако у Чехословакии были весьма веские основания для такого беспокойства. Еще 20 февраля, выступая в рейхстаге с речью, Гитлер угрожающе заявил, что Германия «не может оставаться безучастной к судьбе 10 миллионов немцев, которые живут в двух соседних странах»[15]. 7 млн. были теперь присоединены в результате захвата Австрии, оставались еще три, проживавшие на территории чехословацкого государства. Среди немецкого меньшинства в Чехословакии активную кампанию за «разрешение» судето-немецкого вопроса—формально в целях предоставления немецкому населению территориальной автономии в границах Чехословакии, а фактически за присоединение Судетской области к Германии — на протяжении уже ряда лет вела так называемая судето-немецкая партия Генлейна[16]. Партия Генлейна представляла интересы судето-немецких промышленных и банковских кругов, тесно связанных с германским монополистическим капиталом, а также крупных немецких землевладельцев, поместья которых находились в Судетах. Активнейшими деятелями партии были такие видные судето-немецкие капиталисты, как Рихтер, Ульрих, Кислингер,

---

[14] Там же.

[15] «История дипломатии», т. III, стр. 614.

[16] Судетской области как отдельной административно-территориальной единицы Чехословакии не существовало. Под судетской (или судето-немецкой) областью подразумевались пограничные с Германией районы, населенные преимущественно немцами. Однако наряду с немцами здесь было довольно значительное чешское население. Территория области была исконно чешской территорией и никогда не входила в состав Германии. Судетская область была высокоразвитым в экономическом отношении районом с крупными предприятиями химической, стекольной, легкой промышленности, а также большими разработками полезных ископаемых. Исключительное значение имела область с военно-стратегической точки зрения: в Судетах проходила основная линия долговременных военных укреплений Чехословакии.

являвшиеся одновременно членами правлений и крупными владельцами акций германских монополистических объединений.

По расчетам Берлина, именно партия Генлейна должна была сыграть решающую роль в осуществлении немецко-фашистских планов, сводившихся в конечном счете к расчленению и захвату Чехословакии. Судето-немецкая партия была прямой гитлеровской агентурой, а сам Генлейн каждый шаг согласовывал с инструкциями, которые получал из Берлина. Генлейн и его ближайшие подручные — Франк, Кундт и др. — полностью копировали методы и практику своих берлинских хозяев, занимались разнузданной пропагандой фашистской идеологии, расизма и антисемитизма, применяли гитлеровские методы насилия и террора в отношении своих противников. Пользуясь попустительством чешских реакционных кругов и спекулируя на тяжелых условиях жизни трудящегося населения Судет, жестоко пострадавшего от экономического кризиса 30-х годов, генлейновцы развивали бешеную шовинистическую агитацию, всячески разжигали национальную вражду между немцами и чехами. Генлейновцы издавали десятки газет и журналов, а также распространяли огромное количество нацистской литературы, поставлявшейся из Германии. Хотя главари судетских фашистов всячески отрицали зависимость от Берлина, было хорошо известно, что судето-немецкая партия получает оружие и деньги из Германии, что линия поведения генлейновцев и выдвигаемые ими требования определяются германским правительством, которое через свое посольство в Праге осуществляет полный контроль над их деятельностью [17].

Еще в начале 1935 г. французская газета «Тан» отмечала значительную активизацию нацистской пропаганды в Чехословакии и, в частности, выдвижение генлейновцами требования о проведении плебисцита в стране [18]. В 1936 г. в чехословацкой печати были опубликованы сообщения о том, что судето-немецкая партия получила

---

[17] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 107—111; Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 592; Nazi Consp. and Aggr., vol. I., doc. 2788—PS, 2789—PS, 3059—PS, p. 546—549.

[18] „Temps", 29/I 1935.

указание гитлеровских главарей усилить деятельность, направленную на отторжение от Чехословакии населенных немцами районов [19]. В августе 1937 г., выступая на съезде зарубежной агентуры германского фашизма, Генлейн заявлял, что судетские немцы знают, что они не одни, что за их спиной стоят братья по расе и нации из соседнего германского государства. 20 февраля 1938 г. Генлейн провел совещание с участием виднейших представителей судето-немецких финансовых и промышленных кругов, на котором была подчеркнута необходимость использования всех средств для подрыва экономической и финансовой устойчивости Чехословакии с целью облегчить гитлеровцам отторжение Судет и присоединение их к рейху [20]. Судетские фашисты восторженно приветствовали захват Австрии фашистской Германией. В специальном послании Риббентропу их лидер обещал «удвоить усилия для достижения целей великой германской политики» [21]. 28 марта 1938 г. Генлейн встретился с Гитлером и получил от него директивы относительно тактической линии судето-немецкой партии в связи с нацистскими планами агрессии против чехословацкого государства. На следующий день на совещании у Риббентропа Генлейну и его подручным было дано указание настаивать перед чехословацким правительством на удовлетворении им «таких требований судето-немецкой партии, выполнение которых она сочтет необходимым для достижения желаемых привилегий» [22]. Было также решено, что генлейновцы не будут соглашаться на уступки, на которые пражское правительство пожелает пойти, и, непрерывно увеличивая свои требования, сделают невозможным достижение соглашения. Наконец, судетским фашистам было предписано активно сотрудничать с другими реакционными националистическими группировками в Чехословакии, если это будет способствовать достижению главной цели, которую ставили

---

[19] С. И. Прасолов. Чехословакия в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. VII, 1953, стр. 127—128.

[20] „New Statesman and Nation", 18/VI 1938.

[21] Nazi Consp. and Aggr., doc. 2789—PS, p. 546.

[22] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 109.

гитлеровцы, — подрыву чехословацкого государства изнутри и облегчению его захвата Германией [23].

Фактически генлейновцы давно уже находились в контакте со словацкими, венгерскими, польскими, а также украинскими фашиствующими националистами в Чехословакии, которые также вели активную подрывную деятельность против чехословацкого государства. Согласованность действий указанных фашистских группировок в полной мере выявилась уже в конце марта — начале апреля 1938 г., когда на заседаниях чехословацкого парламента главари судето-немецкой, венгерской, польской и словацкой фашистских групп выступили с аналогичными требованиями о предоставлении широкой «автономии» нацменьшинствам Чехословакии. Эту вылазку фашистских элементов в пражском парламенте «Правда» оценивала как подтверждение наличия единого блока, ведущего наступление на независимость чехословацкой республики [24].

Следует отметить, что на протяжении всей своей подрывной деятельности генлейновская партия никогда не ограничивалась требованиями предоставления национального самоуправления и территориальной автономии немецкому населению, проживающему в пределах Чехословакии. Она настойчиво добивалась изменения внешней политики страны в соответствии с требованиями гитлеровской Германии. Поскольку немецко-фашистские заправилы вели ожесточенную борьбу против системы коллективной безопасности в Европе, против советско-французского, советско-чехословацкого и франко-чехословацкого пактов о взаимной помощи, усматривая в них серьезную помеху для осуществления своих захватнических планов, то и Генлейн требовал от пражского правительства отказа от договоров с Францией и СССР. Это было одним из центральных звеньев всей политической линии судетских немцев. В этом духе Генлейн неоднократно высказывался и в Лондоне, куда он, начиная с 1935 г., совершал частые поездки и где он имел многочисленных друзей как среди руководителей правящей консервативной партии и видных чиновников министерства иностранных дел, так и в

[23] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, стр. 110—111.

[24] «Правда», 1/IV 1938.

среде парламентской оппозиции. Особенно тесные связи Генлейн поддерживал с Р. Ванситтартом, занимавшим до января 1938 г. пост постоянного заместителя министра иностранных дел, а затем ставшим главным дипломатическим советником правительства. Генлейн был также частым гостем леди и лорда Астор, У. Черчилля, видного деятеля лейбористской партии лорда Ноэл-Бэкстона и др.

Английский буржуазный журналист Геди признает, что к Генлейну относились в Лондоне с большой симпатией и проявляли полное понимание выдвигаемых его партией требований [25]. Усматривая в Генлейне удобное орудие для осуществления широких планов, направленных на ликвидацию Чехословакии путем разложения изнутри и «мирного поглощения» ее фашистскими агрессорами, руководители британской политики и ее вдохновители из числа деятелей клайвденской клики одобрительно выслушивали заявления Генлейна о его стремлении избавить Чехословакию от «красной опасности» и добиться аннулирования договора с СССР. Прикидываясь глубоко озабоченными судьбами немецкого населения в Чехословакии и внимательно выслушивая Генлейна как «законного выразителя» чаяний всех чехословацких немцев, английские политики упорно закрывали глаза на тот общеизвестный факт, что наряду с судетскими фашистами в Чехословакии было значительное количество немцев — противников фашизма, решительно выступавших против притязаний судетского фюрера и его берлинских хозяев.

Сочувственно относясь к внешнеполитическим и внутриполитическим домогательствам судетских фашистов, всячески заигрывая с их лидером и его подручными, английские реакционеры с нескрываемой враждебностью относились к чехословацкому народу и чехословацкой республике, называя ее «чудовищным порождением Версаля» и на протяжении уже ряда лет проповедуя мысль о «нежизнеспособности» чехословацкого государства и его «неминуемой гибели» [26]. Не удивительно поэтому, что

---

[25] G. E. R. Gedye. Fallen Bastions. Betrayal in Central Europe. London, 1939, p. 391—393.

[26] C. Haines and R. Hoffman. The Origins and Background of the Second World War. London, 1944, p. 504—505; см. также „Daily Mail", 30/VIII 1927; „Temps", 11/XII 1927.

уже к 1937 г. Генлейн был твердо убежден в том, что Англия «не будет серьезно заступаться за чехов» и не будет чинить препятствий в осуществлении его планов [27].

В своих планах, направленных на расчленение и захват Чехословакии, германский фашизм рассчитывал не только на судето-немецкую партию Генлейна. Ведущая партия правительственной коалиции — аграрная, партия крупной буржуазии и землевладельцев, занимала по существу предательскую позицию, давно уже подготавливая переход Чехословакии из англо-французской в германскую сферу влияния. Аграрии сочувственно относились к внешнеполитическим домогательствам судетских фашистов, всячески потворствовали деятельности генлейновцев и других фашистских группировок в стране, повторяли гитлеровские басни о «коммунистической угрозе» Чехословакии. Уже в начале 1934 г. руководство аграрной партии вступило в контакт с судетскими фашистами, а в октябре того же года центральный орган аграрной партии «Венков», сочувственно отзываясь о Генлейне и его планах, заявлял, что лидер судетской партии «сумел появиться вовремя» [28]. В 1937 г. эта же газета нагло заявляла, что было бы хорошо, если бы «Чехия сплотилась вокруг партии порядка, типа судето-немецкой партии, и таким образом была бы вырвана из рук красных» [29].

На протяжении последних 15 лет аграрии неизменно возглавляли все правительственные кабинеты. Аграрная партия занимала ведущее положение и в государственном аппарате. Именно на этой партии лежала главная ответственность за ту политику, которая привела к капитуляции чехословацкого правительства перед империалистами Германии, Англии и Франции в сентябре 1938 г. В роковые годы, предшествовавшие Мюнхену и захвату Чехословакии Германией, чехословацкая буржуазия и ее главная партия—аграрная—не только оказались неспособными отстаивать национальные интересы страны, но превратились по существу в послушное орудие немецко-фашистских поджигателей войны и их англо-француз-

---

[27] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 5, p. 21—22.

[28] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 7—8, стр. 104.

[29] Цит. по „Humanité", 28/V 1938.

ских пособников, став соучастниками международной реакции в позорном деле предательства чехословацкого народа.

В тесном контакте с аграриями действовали две другие партии крупной буржуазии — «Национальное объединение», возглавлявшаяся Крамаржем, и «Национальная фашистская община» во главе с Гайдой. Это были партии наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов чешского финансового капитала. Они требовали беспощадного подавления выступлений рабочего класса и его организаций, в первую очередь компартии, установления фашистской диктатуры, разрыва договора с СССР, сближения с гитлеровской Германией «любой ценой». В 1937—1938 гг., когда на карту была поставлена судьба Чехословакии как независимого государства, аграрная партия фактически выступала единым фронтом с партиями Крамаржа и Гайды, стремясь создать единый блок реакционных сил для прямого сговора с Генлейном, для совместной борьбы против демократических и прогрессивных сил страны [30].

В этих условиях особое значение приобретало единство действий рабочего класса, ибо только совместные действия трудящихся масс и их организаций могли сорвать замыслы международной и внутренней реакции, направленные против целостности и независимости чехословацкой республики, и заставить правительство придерживаться твердой позиции перед лицом домогательств Гитлера и его судето-немецкой агентуры. Однако руководство социал-демократической и национально-социалистической партий Чехословакии занимало колеблющуюся и фактически потворствующую аграриям позицию и категорически отклоняло все предложения чехословацкой компартии о создании единого фронта трудящихся страны [31]. Отказываясь от сотрудничества с компартией, правосоциалистические лидеры вместе с тем пытались выдать себя за поборников свободной и независимой Чехословакии, произнося немало напыщенных фраз о «необходи-

---

[30] «Правда», 25/III, 5/IV 1938.

[31] См. И. Веселы. О причинах возникновения и гибели буржуазного чехословацкого государства. — «Вопросы истории», 1958, № 11, стр. 122.

мости борьбы с фашизмом», о важности «объединения всех сил нации» и т. п. Такая двуличная политика правосоциалистических лидеров, пользовавшихся, однако, значительным влиянием среди широких масс, нанесла тяжелый удар национальным интересам чехословацкого народа и серьезно облегчила международной и внутренней реакции выдачу Чехословакии гитлеровским агрессорам.

В проведении этой политики не последнюю роль играл лидер одной из социалистических партий Чехословакии — национально-социалистической партии—тогдашний президент республики Э. Бенеш.

На протяжении всей своей политической карьеры в качестве министра, а затем президента Чехословакии Бенеш был представителем той части чехословацкой буржуазии, которая, ориентируясь на западные державы, по существу полностью подчинила экономику и политику чехословацкой республики интересам правящих кругов Англии, Франции и США. Боясь народных масс собственной страны и опасаясь, что их участие в защите национальной независимости и свободы создаст угрозу сохранению господства буржуазии и помещиков, основам их экономической и политической власти, дававшей возможность наживаться на эксплуатации трудящихся, Бенеш и другие руководители чехословацкого буржуазного государства все свои надежды в отношении обороны против Германии возлагали на поддержку империалистических держав Запада. Бенеш никогда не скрывал своей зависимости от Парижа, Лондона, Вашингтона и, как видно даже из его заявлений, не мыслил иной политики, кроме той, которая была бы одобрена западными державами [32].

Однако эту политику Бенеш и другие чехословацкие правители должны были проводить в чрезвычайно сложной обстановке, и им пришлось немало маневрировать. Будучи умным и опытным политиком, Бенеш не мог полностью игнорировать чаяния и устремления широких масс, не мог не считаться с глубокими антифашистскими настроениями чехословацкого народа, видевшего в Советском Союзе единственного верного и последовательного

---

[32] „Sunday Times", 6/III 1938; L. Noël. L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 200; Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 289.

защитника свободы и независимости Чехословакии. Вместе с тем сама чехословацкая буржуазия не могла относиться безразлично ко все более усиливавшейся угрозе чехословацкому государству со стороны германского милитаризма и стремилась как-то отвести от себя эту угрозу. Известно, что именно в этих условиях Бенеш, предварительно заручившись согласием французского правительства, пошел на заключение договора о взаимной помощи с Советским Союзом, который и был подписан в мае 1935 г. Являясь уступкой давлению народных масс, требовавших принятия действенных мер для обеспечения безопасности Чехословакии, заключение советско-чехословацкого договора в то же время свидетельствовало об определенном лавировании чешской буржуазии. Заключая этот договор, руководители чехословацкой политики надеялись укрепить внешнеполитические позиции Чехословакии перед лицом гитлеровской Германии. Большинство чехословацкой буржуазии (и в том числе Бенеш) в рассматриваемый период было, безусловно, заинтересовано в сохранении целостности чехословацкого буржуазного государства, так как это обеспечивало чешской буржуазии господствующие экономические и политические позиции в стране.

Таким образом, в отличие от прямых капитулянтов из лагеря правых аграриев, типа Берана, Черны и др., открыто ведших курс на капитуляцию перед фашистской Германией, Бенеш возглавлял ту группировку чешской буржуазии, которая как-то пыталась отстоять свои интересы перед лицом германского фашизма и была против удовлетворения его захватнических притязаний за счет Чехословакии. Подлинная же сущность капитулянтской позиции Бенеша состояла в его последовательной ориентации на империалистические державы Запада, причем в решающий момент, несмотря на все их колебания и маневрирование, Бенеш и возглавляемое им крыло чехословацкой буржуазии были готовы, уступая давлению англо-французских правящих кругов, предать национальные интересы Чехословакии и капитулировать перед злейшим врагом чехословацкого народа — германским милитаризмом.

Следует отметить также, что, учитывая нежелание западных держав защищать Чехословакию, видя, что они

сами делают ставку на сговор с гитлеровцами, Бенеш со своей стороны, еще за два года до Мюнхена предпринял ряд попыток договориться с нацистами. В ноябре—декабре 1936 г. Бенеш имел две секретные встречи с представителями Гитлера и обсуждал с ними возможность заключения германо-чехословацкого соглашения по образцу двустороннего договора Германии с Польшей, подписанного в январе 1934 г.[33] В ходе этих переговоров Бенеш также предложил, чтобы чехословацкая полиция и гестапо координировали свои усилия в борьбе с «пропагандой Коминтерна» на немецкой и чехословацкой территориях[34]. Хотя эти переговоры по ряду причин и не привели к определенным результатам (за исключением установления контакта между германской и чехословацкой полицией), Бенеш и позднее продолжал заискивать перед фашистскими главарями. Так, в декабре 1937 г. он заверял германского посланника в Праге в «своей доброй воле по отношению к Германии» и ссылался в этой связи на данное им распоряжение о сотрудничестве чехословацкой полиции с гестапо. Ради соглашения с гитлеровскими агрессорами тогдашний президент Чехословакии был готов пожертвовать советско-чехословацким договором о взаимной помощи, который он в одной из бесед с германским посланником не постеснялся назвать «пережитком прежней эпохи»[35].

Единственной политической партией страны, которая вела последовательную борьбу против политики уступок фашистским агрессорам и их пособникам, за объединение всех демократических и прогрессивных сил чехословацкого народа в целях защиты свободы, независимости и целостности Чехословакии, была Коммунистическая партия. В области внутренней и внешней политики, в частности в национальном вопросе, компартия выдвигала четкие и конкретные требования, осуществление которых могло бы спасти республику и предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Компартия требовала немедленного роспуска фашистских партий и их вооруженных банд,

---

[33] «Великая Октябрьская революция и свобода Чехословакии», М., 1951, стр. 81.

[34] Там же, стр. 81—82.

[35] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 56, p. 131—132.

чистки государственного аппарата и армии от фашистских и профашистских элементов. Компартия последовательно отстаивала принцип свободы и равенства всех национальностей, входящих в состав Чехословакии, разоблачала шовинистическую политику чешской буржуазии в национальном вопросе, указывала на то, что именно эта политика чешских правящих кругов толкает трудящихся угнетенных наций в объятия национализма, который используется германским фашизмом, польской и венгерской реакцией в империалистических целях. Компартия подчеркивала, что вопрос о судьбах немецкого меньшинства в Чехословакии искусственно раздувается гитлеровскими главарями с единственной целью найти предлог для вмешательства во внутренние дела чехословацкого государства, для нападения на него. Несмотря на разнузданную травлю и преследования со стороны реакции и предательско-капитулянтскую позицию правосоциалистических лидеров, компартия неутомимо разъясняла народным массам, что в условиях грозной опасности, нависшей над Чехословакией, единственным выходом из создавшегося положения в области внутренней политики является сплочение всех демократических сил страны в едином антифашистском фронте, образование правительства народного фронта; в области внешней политики — прочный братский союз и сотрудничество с СССР [36]. Коммунистическая партия, отражая интересы широких масс чехословацкого народа, выступила решительным поборником заключения договора о взаимной помощи между Чехословакией и Советским Союзом и после подписания договора в мае 1935 г. вела настойчивую борьбу за честное и добросовестное его выполнение чехословацкой стороной. Компартия разоблачала двуличную позицию руководителей чехословацкой политики, которые, будучи вынуждены под нажимом масс пойти на подписание договора с Советским Союзом, сразу же после его заключения, прикрываясь пустопорожними декларациями о готовности сотрудничества с СССР, встали на путь фактического саботажа этого договора, препятствуя развитию советско-чехословацкого сотрудничества и послушно

[36] В. Краль. О контрреволюционной и антисоветской политике Массарика и Бенеша. М., 1955, стр. 217—218.

плетясь, как и раньше, на поводу у англо-французской дипломатии.

Руководители Коммунистической партии Чехословакии К. Готвальд, А. Запотоцкий, В. Широкий в своих выступлениях с трибуны чехословацкого парламента, на партийных собраниях, а также в коммунистической печати настаивали на прекращении политики пресмыкательства перед английскими и французскими правящими кругами, которую вели Бенеш и Годжа, предупреждая, что эта политика может кончиться тем, что когда-нибудь Чехословакии придется жестоко за нее поплатиться [37].

События уже ближайших месяцев подтвердили справедливость оценки, которую давала создавшемуся положению и позиции правительства Бенеша — Годжи Коммунистическая партия Чехословакии.

Действительно, сразу же после захвата гитлеровцами Австрии английское правительство, выполняя обещания, данные Гитлеру и Риббентропу, взяло курс на выдачу Чехословакии «мирным путем» германскому агрессору. Английское правительство было хорошо осведомлено о том, что следующим объектом германской агрессии будет именно Чехословакия. Уже 15 марта 1938 г. английский посланник в Праге Ньютон, поддерживавший тесную связь с германским посланником Эйзенлором, в своем донесении в английское министерство иностранных дел «предсказывал», что Германия двинется теперь на Чехословакию, и советовал правительству не делать каких-либо предостережений немцам, мотивируя это тем, что Англия и Франция «все равно не смогут спасти Чехословакию» [38]. Точка зрения британского дипломата «счастливо» совпала со взглядами самого премьер-министра. 20 марта в письме к своей сестре Чемберлен сообщал, что он отказался от мысли о предоставлении гарантий Чехословакии или Франции в связи с обязательствами последней по отношению к Чехословакии [39]. Английский премьер также считал, что Англия и Франция «ничего не смогут сделать», чтобы спасти Чехословакию, так как, по его словам, австрийская граница практически открыта для

---

[37] С. И. Прасолов. Указ. соч., стр. 139—140.
[38] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 55—56.
[39] K. Feiling. Op. cit., p. 348.

вторжения, заводы Шкода могут быть легко выведены из строя в результате бомбардировок немецкой авиацией, а Советский Союз удален от Чехословакии на 100 миль [40].

Нетрудно видеть фарисейский и насквозь лживый характер подобного рода аргументации. В самом деле, надо было выдать Австрию Гитлеру, чтобы затем объяснить невозможность оказания помощи Чехословакии тем, что Австрии больше не существует. Явно несостоятельной была и попытка представить дело так, как будто способность Чехословакии к сопротивлению захватчикам зависит от того, будут ли действовать заводы Шкода или нет. Что же касается третьего аргумента Чемберлена — о неспособности СССР помочь Чехословакии, то это была грубая клевета на Советский Союз, к которой не раз прибегала английская дипломатия в период чехословацкого кризиса [41]. Стремясь оправдать в глазах английского и мирового общественного мнения свою политику предательства Чехословакии, британские правящие круги пытались взвалить вину за это предательство на Советский Союз, который и обвиняли в неспособности и нежелании помочь Чехословакии.

Рекомендации Ньютона из Праги сочетались с еще более настойчивыми советами и «прогнозами» Гендерсона из Берлина. В своем донесении от 24 марта этот наиболее последовательный и упорный поборник сговора с фашистскими агрессорами писал, что, по его мнению, Гитлер «уже недвусмысленно предупредил Чехословакию» и что не следует медлить для достижения «мирного урегулирования» вопроса. С притворным сожалением английский дипломат констатировал, что независимо от того, нравится ли Англии это или нет, но гегемония немцев к востоку от Рейна — совершившийся факт и что, вообще говоря, «Центральной и Восточной Европе придется плясать под дудку Гитлера» [42]. 13 апреля, подводя некоторые итоги захватнической политики Гитлера и намечая перспективы ее развития на будущее, Гендерсон писал: «Я всегда был убежден, что Австрии суждено рано

---

[40] Там же.

[41] См., например, Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 162; vol. II. p. 532—534. Подробнее об этом см. A. Rothstein. The Munich conspiracy. London, 1958, p. 108—110.

[42] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 100.

или поздно в той или иной форме стать частью Германии... Ныне Австрия ликвидирована и без всякого кровопролития... Однако остается сходная проблема судетских немцев, а затем Данциг, урегулирование с Польшей, Мемель»[43]. Через несколько дней Гендерсон уточнил, как гитлеровцы мыслят себе решение судето-немецкой проблемы: по словам британского посла в беседе с ним 16 апреля Геринг в порыве откровенности заявил, что необходимо «как можно скорее разделить этот придаток (этим термином Геринг обозначал Чехословакию.—*В. П.*) между Германией, Польшей и Венгрией»[44]. Ньютон также писал еще в марте, что ближайшей целью Гитлера и его генлейновской агентуры является отторжение судетских районов от Чехословакии[45].

Таким образом, английское правительство было полностью в курсе подлинных намерений и планов Гитлера в отношении Чехословакии. Оно знало, что с самого начала чехословацкого кризиса судетская проблема отнюдь не сводилась к вопросу о том, будет ли предоставлена немецкому населению в Чехословакии «административная или территориальная автономия», будут или не будут уравнены судетские немцы в правах с чехами. С самого начала речь шла о расчленении и захвате Чехословакии фашистской Германией, которые гитлеровцы намеревались осуществить, полагаясь на прямую поддержку правящих кругов западных держав и в первую очередь Англии.

В этой связи видно, насколько несостоятельным было утверждение, пущенное в ход вдохновителями и проводниками политики «умиротворения» фашистской Германии, о том, что на первых этапах чехословацкого кризиса было возможно решение судетского вопроса, не затрагивая целостности чехословацкого государства, что Англия и Франция стояли за такое решение и всячески стремились ему способствовать[46]. В равной мере являлся фальшивым и довод о том, что если бы не было немцев в Че-

---

[43] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 624—625.

[44] Там же, стр. 175.

[45] Там же, стр. 171; L. B. Namier. Europe in Decay. London, 1950, p. 180.

[46] См., например, J. Simon. Retrospect. The Memoirs. London, 1952, p. 241—242.

хословакии, если бы в Версале не было совершено «роковой ошибки», заключавшейся во включении трехмиллионного немецкого населения в границы чехословацкого государства, то никакого кризиса вообще не последовало бы и страна избежала бы постигшей ее в 1938—1939 гг. трагической участи. Выдвигая этот довод, его авторы (Н. Гендерсон, Дж. Саймон, биограф Чемберлена — Ч. Петри) [47] пытались доказать, что, не будь 3 млн. немцев в пределах Чехословакии, Гитлер был бы лишен каких-либо оснований для выдвижения своих требований к Чехословакии. Распространяясь о необходимости наличия каких-то моральных, этнических и прочих оснований для захватнических действий гитлеровских агрессоров, реакционные фальсификаторы истории явно извращают истину, ибо они не могут не знать, что немецких фашистов интересовала отнюдь не судьба своих «единокровных братьев», а судьба целого государства, намеченного в качестве очередного объекта агрессии. Наличие же немецкого меньшинства в Чехословакии послужило лишь удобным предлогом для гитлеровцев поставить чехословацкий вопрос на повестку дня и добиться приемлемого для себя решения, т. е. расчленения, а затем и присоединения чехословацкого государства к фашистскому рейху.

Будучи прекрасно осведомленными о подлинных замыслах гитлеровцев по отношению к Чехословакии, руководители английской политики в своих первых заявлениях по чехословацкому вопросу, напуская на себя деланный оптимизм, пытались представить положение таким образом, как будто они не видят оснований для беспокойства и тревоги со стороны чехословаков. Они стремились всячески подчеркнуть серьезность заверений германского правительства о его намерении поддерживать и развивать дружественные отношения с Чехословакией. Выступая в палате лордов 16 марта, Галифакс счел необходимым особо указать, что он рад довести до сведения палаты заверения Геринга и Нейрата чехословацкому правительству, данные 11 и 12 марта, и что английское правительство со своей стороны полагает, что эти «торжественно

---

[47] N. Henderson. Failure of a Mission. New York, 1940, p. 131—132; Ch. Petrie. The Chamberlain Tradition. London, 1952, p. 315—321; J. Simon. Op. cit., p. 242.

данные и неоднократно повторенные заверения будут выполнены»[48]. В аналогичном духе было выдержано и выступление Чемберлена в палате общин 14 марта[49].

Лицемерный характер подобного рода заявлений руководителей английской политики проступал особенно ясно при сопоставлении этих рассчитанных на широкую аудиторию заявлений с теми, которые не предназначались для опубликования. Так, в телеграмме, направленной английскому послу в Париже Фиппсу 23 марта, Галифакс подчеркивал, что он «не хочет придавать чрезмерного значения заверениям, данным... Герингом Чехословакии»[50]. Английский министр тут же по существу признавал, что правительство Великобритании не намерено чинить каких-либо препятствий Гитлеру в случае его выступления против Чехословакии[51].

Уже на первом этапе чехословацкого кризиса английское правительство, всячески обращая внимание руководителей чехословацкой политики на «мирные заверения» гитлеровского правительства, в то же время достаточно ясно, хотя и в осторожной форме, давало понять им, что Англия не собирается защищать Чехословакию в случае гитлеровской агрессии и что поэтому Чехословакии остается одно — идти на удовлетворение притязаний Гитлера и его судето-немецкой агентуры. В этой связи характерен разговор Ньютона с Бенешем 18 марта, когда английский дипломат, который еще раньше рекомендовал чехословацкому правительству проявлять по отношению к Генлейну большую уступчивость и прекратить «политику булавочных уколов»[52], теперь настойчиво советовал президенту идти дальше по пути уступок генлейновцам. Когда же Бенеш поинтересовался, на какую помощь может рассчитывать чехословацкое государство в случае нападения фашистской Германии, английский посланник заявил, что Болдуин в свое время указывал, что британская граница проходит по Рейну и что он, Ньютон, «весьма сомневается, будет ли готово английское правитель-

---

[48] Doc. on Intern. Affairs, vol. I, p. 39—40.
[49] Там же, стр. 34—35.
[50] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 86—87.
[51] Там же.
[52] В. Краль. Указ. соч., стр. 195—196.

ство распространить ее дальше на восток»[53]. В телеграмме от 23 марта Галифакс полностью одобрил это заявление Ньютона и выразил надежду, что Чехословакия поймет, что британское правительство «с величайшим сожалением пришло к выводу, что оно не может взять на себя каких-либо новых, прямых и определенных обязательств в отношении Чехословакии»[54].

Явное нежелание британских правящих кругов противодействовать гитлеровской агрессии против Чехословакии буржуазная печать Англии пыталась оправдать ссылками на принцип «самоопределения наций». Этот грубый прием английских реакционеров состоял в том, чтобы представить дело так, как будто Чехословакия насильно удерживает в своих границах трехмиллионное немецкое население и что поэтому если судетские немцы, пусть даже при помощи Германии, «пожелают» выйти из Чехословакии, то было бы преступлением с точки зрения правовой помешать им сделать это. Указанный фальшивый тезис усиленно пропагандировали не только газеты Ротермира и Бивербрука, но и такие претендующие на солидность органы британской печати, как «Таймс» и «Обсервер». В номере от 22 марта «Таймс», обосновывая английскую позицию по чехословацкому вопросу, стремилась доказать, что если бы Англия вступила в войну за то, чтобы судетские немцы оставались под чехословацким суверенитетом против их воли, то она «воевала бы против принципа самоопределения»[55]. Эти высказывания «Таймс» перекликались с такого же рода заявлениями, принадлежавшими редактору «Обсервера» Гарвину, а также другим журналистам правящего лагеря Англии[56].

В устах Ротермира и Бивербрука, Доусона и Гарвина — представителей британского империализма, беспощадно эксплуатирующего и угнетающего сотни миллионов людей различных национальностей, населяющих Британскую империю, ссылка на необходимость соблюдения принципа самоопределения могла звучать лишь как злая и трагическая насмешка. Подобные ссылки свидетельство-

---

[53] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 75.
[54] Там же, стр. 91.
[55] „Times", 22/III 1938.
[56] Medlicott W. H. British Foreign Policy since Versailles 1919—1939. London, 1940, p. 228—229.

вали о беспринципности и лицемерии, которые всегда характеризовали английские правящие классы и английскую дипломатию, и лишний раз подтверждали правоту сказанных еще 40 лет назад В. И. Лениным слов о том, что если германские империалисты «побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия» [57]. Впрочем, не кто иной, как сам Н. Гендерсон, вскрыл подоплеку неблаговидной игры английских пособников гитлеровских агрессоров, признав, что принцип самоопределения наций используется английскими правящими кругами для достижения целей, не имеющих ничего общего с подлинным самоопределением народов. В одном из писем, направленных Галифаксу в рассматриваемый период, британский посол, ратуя за удовлетворение гитлеровских требований, прямо заявлял: «Если же потребуется оправдание того, что кое-где будет квалифицироваться как позорная капитуляция перед угрозами Германии, то это оправдание наверняка можно найти в том, что мы всегда последовательно придерживались принципа самоопределения» [58].

2. РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА АНГЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПОЛИТИКОЙ УСТУПОК ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ СССР ОТ 17 МАРТА 1938 г. И ПОЗИЦИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Политика непрерывных уступок и поблажек со стороны английских правящих кругов фашистским агрессорам, отказ английского правительства чинить какие-либо препятствия итало-германским интервентам в Испании, которые не ограничивались массированными бомбардировками мирных испанских городов, а все чаще совершали пиратские нападения на торговые и пассажирские суда других стран, в том числе английские, предательская позиция по отношению к Австрии, упорные попытки сговориться с фашистскими державами за счет других стран и народов, прикрываясь при этом фальшивым флагом

[57] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 46.
[58] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 307.

«умиротворения» Европы, — все это вызывало растущее возмущение в самых различных кругах английского общества. Все более широкие слои английского народа понимали, что политика правительства Чемберлена означает полную капитуляцию перед агрессивными домогательствами блока фашистских держав, открытое предательство национальных интересов Англии.

В этих условиях в Англии назревали события, свидетельствовавшие о том, что страна находится на пороге острого политического кризиса, одним из первых проявлений которого была отставка Антони Идена с поста министра иностранных дел 20 февраля 1938 г. Формальной причиной отставки Идена и его заместителя лорда Крэнборна послужили разногласия между ними и Чемберленом по вопросу о немедленном открытии англо-итальянских переговоров с целью урегулирования спорных между Англией и Италией вопросов и заключения широкого соглашения между двумя странами, на чем решительно настаивал Чемберлен и против чего возражал Иден [59]. Несомненно, однако (и это видно из заявления самого Идена в палате общин 21 февраля), что эти разногласия затрагивали весь комплекс внешнеполитических проблем в целом, в отношении которых и выявились расхождения между главой правительства и министром иностранных дел [60].

---

[59] Англо-итальянские переговоры закончились 16 апреля 1938 г. подписанием соответствующего соглашения. По этому соглашению Англия и Италия обязывались установить между собой «добрососедские отношения». Соглашение предусматривало «пропорциональную эвакуацию» итальянских «добровольцев» из Испании, однако сроки окончания этой эвакуации так и не были установлены. Тем самым Англия фактически санкционировала продолжение итало-фашистской интервенции против Испанской республики. Английское правительство признавало захват Абиссинии Италией. С целью придать англо-итальянской сделке по этому вопросу видимость законности Англия вносила вопрос о признании прав Италии на Абиссинию в Лигу наций. Был разрешен также ряд других спорных вопросов, связанных с интересами Англии и Италии на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и в других районах. Англо-итальянское соглашение не было ратифицировано в связи с дальнейшим ухудшением международной обстановки в 1938—1939 гг. и обострением противоречий между англо-французским блоком и блоком фашистских держав накануне второй мировой войны.

[60] Doc. on Intern. Affairs, 1938, vol. I, p. 12—13.

В частности, существенные разногласия между Чемберленом и Иденом возникли и по вопросу англо-американских отношений. Еще в начале января 1938 г. президент США Рузвельт направил Чемберлену строго секретное послание, в котором изложил свой проект созыва в Вашингтоне международной конференции ряда малых государств Европы и Латинской Америки для выработки соглашения по важнейшим политическим и экономическим проблемам (включая проблему «мирного пересмотра» договоров, подписанных после первой мировой войны) [61]. Предполагалось, что великие державы, в первую очередь США, Англия, Франция, Германия и Италия (СССР исключался), присоединятся к этому соглашению и будут руководствоваться в своих международных отношениях принципами, выработанными на вашингтонской конференции. Проект Рузвельта, по утверждению ряда авторов, являлся свидетельством готовности правительства США отказаться от политики «нейтралитета» и встать на путь активного участия в европейских делах [62].

Вместе с тем, как это видно из меморандума заместителя государственного секретаря США Уэллеса, подготовленного в развитие проекта президента, правительство Соединенных Штатов не только не исключало, но и предполагало продолжение Англией и Францией их курса на соглашение с гитлеровской Германией, который фактически одобрялся Вашингтоном [63].

Предложение Рузвельта встретило сдержанное отношение со стороны Чемберлена. Британский премьер, вступивший на путь прямых переговоров с фашистскими диктаторами Германии и Италии, настойчиво добивался двусторонних соглашений с этими странами и опасался, что участие в них других держав, в первую очередь США, неизбежно привело бы к тому, что в системе соглашений с державами «оси» Англия играла бы роль «младшего партнера» Соединенных Штатов и была бы лишена тех гораздо более существенных выгод, которые она надеялась извлечь из прямого сговора с Гитлером и Муссо-

---

[61] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 22—26.

[62] Duff Cooper. Op. cit., p. 210; W. Churchill. The Second World War, vol. I, The Gathering Storm. Boston, 1949, p. 228—229.

[63] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 25.

лини. Поэтому Чемберлен по существу отклонил проект президента, заявив о своем намерении продолжать двусторонние переговоры с Германией и Италией[64].

Указанный ответ Чемберлена был направлен Рузвельту без консультации с Иденом, находившимся в это время в отпуске на юге Франции. Срочно возвратившийся в Лондон министр иностранных дел был потрясен[65]. В британском кабинете Иден считался наиболее активным сторонником сотрудничества с США и, по свидетельству Черчилля, разделявшего его взгляды, «долго и напряженно работал в целях укрепления англо-американских отношений»[66]. О стремлении Идена добиваться во что бы то ни стало поддержания самых тесных отношений с США пишет и биограф Чемберлена К. Филинг[67]. Биограф Идена — Л. Броуд также признает, что Иден придавал особое значение сотрудничеству с Соединенными Штатами, исходя из того, что, только опираясь на поддержку США, Англия сможет достаточно укрепить свои позиции и добиться выгодных условий в переговорах с Германией[68]. Поэтому в отличие от Чемберлена и большинства кабинета, делавших ставку на скорейшее достижение двустороннего англо-германского соглашения и в силу этого отрицательно встретивших предложение американского президента, Иден, а также Дафф-Купер и ряд других министров считали это предложение исключительно важным и по существу были готовы принять его.

Квалифицируя отклонение предложения Рузвельта как крупнейшую ошибку, Иден по возвращении в Лондон приложил немало усилий, чтобы исправить положение. По его настоянию кабинет вновь рассмотрел американский план и в Вашингтон были посланы телеграммы, в которых с некоторыми оговорками одобрялась инициатива президента. Однако это не изменило положения. Президент США, получив первый отрицательный ответ Чемберлена, уже отказался от осуществления своего плана[69].

---

[64] Там же, стр. 26; W. Churchill. Op. cit., p. 228.
[65] Duff Cooper. Op. cit., p. 210.
[66] W. Churchill. Op. cit., p. 227.
[67] K. Feiling. Op. cit., p. 336.
[68] L. Broad. Sir Anthony Eden. The Chronicles of a Career. London, 1955, p. 99.
[69] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 26—31; Duff Cooper. Op. cit., p. 210.

Непосредственным результатом описанных выше событий, связанных с англо-американскими отношениями в рассматриваемый период, явилось углубление расхождений и ухудшение личных взаимоотношений между премьер-министром и министром иностранных дел, что делало все более затруднительным дальнейшее пребывание последнего в правительстве.

Безусловно, было бы неправильно преувеличивать серьезность разногласий между Чемберленом и Иденом, учитывая, в частности, что между ними не было расхождений в отношении принципиальных установок и конечных целей английской политики и что сам Иден на протяжении многих лет был активным проводником внешнеполитического курса британского империализма, направленного на «умиротворение» агрессоров. Однако нельзя отрицать того очевидного факта, что отставка Идена и Крэнборна свидетельствовала о том, что в самом правительстве Англии в феврале—марте 1938 г. нашлись люди, усомнившиеся в целесообразности продолжения политики бесконечных уступок агрессорам и открыто отмежевавшиеся от этой политики.

Вместе с тем отставка Идена свидетельствовала и о дальнейшей активизации наиболее реакционных, профашистских элементов в правящем лагере Англии, которые, действуя в прямом контакте с дипломатией фашистских держав, стремились к удалению Идена из правительства, полагая, что это облегчит скорейшее достижение соглашения Англии с Германией и Италией [70].

Отставка Идена и Крэнборна подтверждала наличие разногласий в руководстве консервативной партии весной 1938 г., о чем уже некоторое время писала английская печать. Как признает Дафф-Купер, точку зрения Идена разделяли ряд членов правительства и многие консерваторы — депутаты парламента [71]. Эти консервативные деятели были явно встревожены беспрепятственным развитием фашистской агрессии, шедшей от успеха к успеху, и опасались, что ее конечным результатом явится полный подрыв английских позиций и установление безраздель-

---

[70] G. Ciano. Les Archives secrets du comte Ciano. 1936—1942. Paris, 1948, p. 167—169; Duff Cooper. Op. cit., p. 211—214.

[71] Duff Cooper. Op. cit., p. 212—213.

ной германской гегемонии в Европе. Поэтому они требовали от правительства недвусмысленного предостережения гитлеровцам по чехословацкому вопросу, а также твердого заявления о готовности поддержать Францию в случае ее выступления в защиту Чехословакии. Руководящая роль в этой группе консервативных депутатов, насчитывавшей около 60 чел., принадлежала известному политическому и общественному деятелю Англии — Роберту Бутби [72]. С резкой критикой политики непрерывных уступок Германии выступили Ллойд-Джордж и другие видные деятели либеральной партии, а также отдельные представители деловых кругов Великобритании [73]. Влиятельные органы английской буржуазной печати («Экономист» и др.) требовали изменения внешнеполитического курса правительства и прекращения политики уступок агрессору. В номере от 19 марта «Экономист» предостерегал руководителей английской политики, что было бы опасной иллюзией надеяться на то, что фашистские агрессоры, расправившись с Чехословакией, обязательно двинутся на СССР, поскольку, по словам журнала, им гораздо легче было приступить к разделу колониальных владений западных держав, нежели пытаться захватить Украину [74]. Еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн» со своей стороны предупреждал, что конечным итогом политики Чемберлена явятся полный подрыв позиций Англии и изоляция ее перед лицом гитлеровской Германии [75].

Характеризуя создавшуюся в этот период в стране обстановку, П. Датт писал: «Капиталистический лагерь был расколот сильнее, чем когда-либо со времени создания «национального правительства»» [76]. Г. Поллит также отмечал, что создалось положение, при котором, если бы лейбористская партия по-настоящему руководила массами, правительство Чемберлена было бы свергнуто [77].

Стремясь добиться отставки правительства консерваторов, английская коммунистическая партия обратилась

---

[72] «Правда», 18/III 1938.

[73] „Daily Worker", 18, 19, 21/III 1938; „Manchester Guardian", 18/III 1938; „Daily Telegraph and Morning Post", 18, 19/III 1938.

[74] „Economist", 19/III 1938.

[75] „New Statesman and Nation", 19/III 1938.

[76] „Labour Monthly", 1938, № 5, p. 271.

[77] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 8, стр. 45.

к лейбористам с призывом возглавить движение за создание нового народного правительства, опирающегося на организованное рабочее движение и союз всех подлинных демократов страны.

В обращении компартии к английскому народу, опубликованном 19 марта, говорилось: ««Национальное» правительство может пасть. Его можно заставить уйти в отставку. Надо, чтобы вера в собственные силы была внедрена в сознание народа. Важнейшим оружием является единство — единство рабочего класса, демократии и сил, борющихся за мир»[78]. Первоочередная задача нового правительства в области внешней политики, указывалось далее в обращении, будет состоять в организации единого фронта миролюбивых государств для противодействия фашистской агрессии и оказания помощи чехословацкой республике[79].

Компартия не ограничилась одними призывами к лейбористам. По ее инициативе были проведены внушительные митинги и демонстрации в Лондоне, Глазго, Ливерпуле и других городах Великобритании, прошедших под лозунгом прекращения политики уступок агрессорам и отставки правительства Чемберлена — Саймона — Галифакса[80].

20 марта орган кооперативной партии «Рейнольдс ньюс» выступил с призывом к широкому объединению всех демократических и миролюбивых сил страны с целью положить конец политике сговора с фашистскими агрессорами. Лейбористский еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн», характеризуя положение в стране в эти дни и настроения масс, с полным основанием писал, что самые широкие круги английской общественности, недовольные политикой консервативного правительства Чемберлена, «ждут руководства, готовы сотрудничать в деле создания правительства, которое проводило бы политику мира в создавшейся чрезвычайной обстановке. Указанная задача может быть решена, — продолжал журнал, — только в том случае, если лидеры тред-юнионов, лейбористской и либеральной партий перестанут ограничивать-

---

[78] „Daily Worker", 19/III 1938.
[79] Там же.
[80] «Правда», 22/III 1938.

ся бесплодной критикой правительства и на деле откажутся от сотрудничества с ним»[81].

Эти обращения вызвали широкий отклик в массах английского народа. Многочисленные профсоюзные, лейбористские, а также отдельные либеральные организации заявляли о своей готовности сотрудничать с тем, чтобы добиться изменения внешней политики правительства[82]. Влиятельный орган либеральной партии — газета «Ньюс кроникл» также выступила в поддержку идеи создания широкого народного фронта. О своей поддержке народного фронта в эти дни заявили самая многочисленная партия Англии — кооперативная партия, объединявшая в своих рядах свыше 5 млн. чел., федерация горняков Южного Уэльса, профсоюз работников торгово-распределительной сети и смежных отраслей, профсоюз приказчиков и т. д.[83] В различных районах Англии стали стихийно возникать «местные народные фронты», состоявшие из представителей компартии, левых лейбористов, прогрессивно настроенных либералов и многочисленных беспартийных — активистов и членов таких влиятельных организаций, как «Союз содействия Лиге наций», «Национальный Совет мира» и др.[84] Как подчеркивалось в отчетном докладе ЦК английской компартии XV съезду партии, вопрос о создании единого народного фронта трудящихся и всех демократических сил страны стал в это время центральным вопросом рабочего движения Великобритании[85].

В этих условиях решающее слово принадлежало руководству лейбористской партии. Однако оно продолжало топтаться на месте. 23 марта «Дейли уоркер» писала, что в то время, когда все взоры в Англии, да и не только в Англии, обращены на лейбористскую партию, Национальный Совет Труда бездействует. Собравшись на заседание утром 22 марта, Совет вскоре разошелся, опубликовав заявление, что будет продолжать свои заседания после выступления Чемберлена в палате общин 24 марта. Это

---

[81] „New Statesman and Nation", 26/III 1938.
[82] „Manchester Guardian", 22/III 1938.
[83] W. Rust. Op. cit., p. 54; G. Cole. Op. cit., p. 353.
[84] G. Cole. Op. cit., p. 353.
[85] Report of the Central Committee of the Communist Party of Great Britain to the 15th Party Congress, p. 7.

было как раз то, подчеркивал орган компартии, что нужно Чемберлену. Бездействие лейбористских лидеров вело к ослаблению недовольства в рядах консервативной партии и, таким образом, создавало возможность спасения правительства Чемберлена [86].

Ободренный такой позицией руководства лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов, Чемберлен предпринял дальнейшие шаги для того, чтобы парализовать усилия противников его политики и ликвидировать опасность объединения оппозиционных правительству сил. С этой целью Чемберлен и министр по вопросам координации обороны Инскип пригласили руководителей Генсовета тред-юнионов на совместное совещание для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением программы перевооружения. Участие в этом совещании генерального секретаря Конгресса тред-юнионов У. Ситрина и других руководителей БКТ было поддержкой реакционной политики правительства со стороны правых лейбористов. В ходе совещания Чемберлен выразил надежду, что руководство британских профсоюзов одобрит его политику в области перевооружения и проявит «добрую волю» к сотрудничеству с правительством. Английская коммунистическая печать охарактеризовала это совещание у Чемберлена как «решающий ход премьера в целях спасения правительства» [87]. Лейбористские лидеры в результате этой встречи оказали правительству Чемберлена ту необходимую поддержку, в которой правительство так нуждалось. Благодаря этому совещанию и занятой на нем генеральным секретарем БКТ Ситрином позиции, писала газета «Дейли уоркер», Чемберлен мог утверждать, что «английское профсоюзное движение поддерживает его политику» [88]. «Дейли уоркер» отмечала, что совещание у Чемберлена явилось плодом зловещих интриг, которые давно уже плелись некоторыми руководящими деятелями лейбористской партии с целью поддержки и сохранения у власти правительства Чемберлена. В этой связи газета напоминала, что еще две недели назад Инскип охарактеризовал позицию некоторых профсоюзных лидеров как

---

[86] „Daily Worker", 23/III 1938.
[87] Там же.
[88] „Daily Worker", 24/III 1938.

просто великолепную, добавив, что она «совершенно необходима для осуществления планов премьера»[89].

На деле сотрудничая с консервативным правительством, оправдывая свои действия «техническими мотивами», которые якобы не имеют ничего общего с «политикой», праволейбористские лидеры вместе с тем решительно препятствовали созданию единого фронта английских трудящихся и всех демократических сил страны против правительства Чемберлена. Реакционные лидеры лейбористской партии стремились оправдать свою непримиримо враждебную по отношению к народному фронту позицию ссылками на то, что вступление лейбористов в народный фронт якобы приведет к «потере независимости рабочего движения», «ослабит единство и независимость лейбористской партии» и т. д.[90] Фальшь и лицемерие подобного рода аргументов разоблачил даже ряд органов буржуазной печати. Так, газета «Манчестер гардиан» признавала, что руководство лейбористской партии не только не желает замены правительства Чемберлена — Галифакса, но и проявляет глубокое беспокойство характером и размахом народного движения за отставку консервативного правительства, за выработку новой политической программы[91].

Позиция лейбористских лидеров явилась по существу решающим фактором, укрепившим положение кабинета Чемберлена — Галифакса в критический для него момент и предотвратившим его, казалось бы, неминуемое падение. Касаясь развязки мартовского кризиса и позиции лейбористских лидеров в этот период, прогрессивный английский историк А. Хатт справедливо подчеркивает: «Архимиротворец (Чемберлен.—*В. П.*) был спасен и мог шествовать к своему последнему триумфу в Мюнхене и ликвидации независимости Чехословакии»[92].

24 марта Чемберлен выступил с пространным заявлением в палате общин. Его выступлению предшествовало заседание правительства, на котором обсуждался текст

---

[89] Там же.

[90] G. Cole. Op. cit., p. 353—354; „Daily Herald", 14/IV. 1938.

[91] „Manchester Guardian", 21/IV 1938.

[92] А. Хатт. Английское профсоюзное движение. М., 1954, стр. 154.

декларации премьера. В ходе заседания выявились разногласия между членами правительства. Большинство было согласно с представленным Чемберленом проектом заявления. Меньшинство (Дафф-Купер, Эллиот, Хор-Белиша) считало, что проект напоминает своего рода «изоляционистскую декларацию» и поэтому произведет явно отрицательное впечатление на парламент и общественность. По словам Дафф-Купера, не настаивая на том, чтобы Англия взяла на себя какие-либо прямые обязательства по отношению к Чехословакии, он добивался, чтобы в заявлении было указано, что Англия не сможет остаться нейтральной в случае вовлечения Франции в вооруженный конфликт [93].

Значительная часть декларации премьера, которой 24 марта открылись прения в палате общин по внешней политике, была посвящена заверениям о мирных целях английской политики и горячем стремлении к «поддержанию и сохранению мира» [94]. Чемберлен указал, что есть, однако, вещи, ради которых Англия будет воевать — например, защита британских территорий, ведущих к ним коммуникаций, свободы и образа жизни, принятого в Англии.

Английский премьер подчеркнул значение, которое английское правительство придает обязательствам о помощи, данным Бельгии и Франции в случае неспровоцированного на них нападения, так же как и обязательствам, взятым по договорам с Португалией, Ираком, Египтом. Естественно, что английское и мировое общественное мнение в момент, когда над Чехословакией нависла опасность германского нашествия, меньше всего интересовалось решимостью английского правительства выполнить обязательства по португальскому или иракскому договору. Зато определение позиции Англии в отношении Чехословакии имело бы громадное значение для всего последующего хода событий. Однако тех, кто ожидал услышать твердое заявление из уст главы британского правительства, ждало разочарование. По словам Чемберлена, английское правительство не может заранее принять никакого решения, которое накладывало бы на него обяза-

[93] Duff Cooper. Op. cit., p. 218.
[94] Doc. on Intern. Affairs, 1938, vol. I, p. 42.

тельства в отношении «района, где его жизненные интересы не затрагиваются в такой степени, как это имеет место в отношении Франции и Бельгии»[95]. Для того чтобы как-то ослабить впечатление, которое мог произвести этот отказ поддержать Чехословакию в случае германской агрессии и ввести в заблуждение английское и мировое общественное мнение по поводу подлинной позиции Англии в чехословацком вопросе, Чемберлен счел нужным добавить: «Неумолимый ход событий может оказаться сильнее формальных деклараций, и в этом случае очень вероятно, что другие страны, помимо тех, которые были участниками первоначальной распри, могут быть втянуты в конфликт» [96]. Эта оговорка была явно рассчитана на определенный эффект среди наивной публики, а также среди тех, кто был заинтересован в том, чтобы представить данное заявление Чемберлена как шаг вперед в позиции Англии по чехословацкому вопросу и использовать его в качестве козыря в своей политической игре. К числу последних следует отнести и чехословацкого премьера Годжу, усмотревшего в чемберленовской речи готовность помочь Чехословакии[97].

В своем выступлении Чемберлен категорически отклонил предложение Советского Союза о принятии коллективных мер с целью приостановить развитие агрессии и устранить опасность новой мировой войны[98]. В заключение британский премьер отметил, что английское правительство с удовлетворением встретило заверения германского правительства о его «миролюбивых намерениях» по отношению к Чехословакии. Чемберлен также заявил, что английское правительство приветствует намерения Праги «удовлетворить разумные требования немецкого меньшинства» в Чехословакии и готово всячески содействовать разрешению спорных между Германией и Чехословакией вопросов[99]. С присущим ему ханжеством британский премьер заклинал не говорить о применении силы —

---

[95] Там же, стр. 47.

[96] Там же.

[97] M. Hodza. New European Situation and Czechoslovakia. Praha, 1939, p. 10; «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939 гг.». Сборник статей под редакцией В. Сояка. М., 1959, стр. 479.

[98] Подробнее об этом см. ниже.

[99] Doc. on Intern. Affairs, p. 48.

разговоры такого рода, заявил Чемберлен, «заслуживают самого сурового порицания... Они неизбежно сулят вред и явно чинят помехи успешной деятельности дипломатии» [100].

Выступление Чемберлена, положительно встреченное английской реакционной прессой, было по достоинству оценено и немецко-фашистской и итальянской печатью. Германская печать, в частности, с нескрываемым удовлетворением подчеркивала, что, несмотря на все ораторские ухищрения, Чемберлен отказался дать гарантии Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Итальянская газета «Джорнале д'Италиа» писала, что Чемберлену своим ловким заявлением по чехословацкому вопросу удалось «успокоить» недовольных в рядах консервативной партии и ликвидировать их противодействие политике кабинета [101]. Это обстоятельство признавали и некоторые английские газеты [102].

Деятельность правительства Чемберлена в рассматриваемый период не ограничивалась тем, чтобы рассеять надежды чехословацкого правительства на получение помощи со стороны Англии и подтолкнуть его на капитуляцию перед гитлеровско-генлейновскими требованиями. Английское правительство учитывало, что одним из серьезных препятствий для осуществления гитлеровских планов мог явиться союзный договор Чехословакии с Францией, от вступления в силу которого формально зависело и выполнение Советским Союзом его обязательств по договору с Чехословакией. Поэтому Чемберлен и Галифакс стремятся не оставить у французских правителей сомнения в том, что Англия не намеревается противодействовать гитлеровским замыслам против Чехословакии, и советуют французскому правительству занять позицию, аналогичную английской.

22 марта Галифакс направил английскому послу в Париже Э. Фиппсу меморандум для вручения его француз-

---

[100] Doc. on Intern. Affairs, p. 48.

[101] Цит. по „Daily Worker", 26/III 1938; „Правда", 26/III 1938.

[102] См., например, „Manchester Guardian", 25, 26/III 1938. Действительно, как видно из выступления Черчилля 24 марта, а также оценки речи Чемберлена Дафф-Купером в его мемуарах, консервативная оппозиция была удовлетворена заявлением премьера („Times", 25/III 1938; Duff Cooper. Op. cit., p. 218).

скому правительству. В этом меморандуме, весьма характерном для позиции английского правительства на протяжении всего чехословацкого кризиса, прежде всего подчеркивалась мысль, что Англия не имеет по отношению к Чехословакии каких-либо прямых и определенных обязательств. Обращая внимание на уязвимость Чехословакии ввиду захвата немцами Австрии и отсутствия на австро-чешской границе необходимых укреплений, авторы меморандума выражали также «сомнение» в способности СССР и Франции оказать действенную помощь чехам и предотвратить оккупацию их территории германскими вооруженными силами. Все содержание этого документа не оставляло сомнения в том, что британское правительство, всячески подчеркивая и преувеличивая сложность положения, в котором оказалась Чехословакия, стремилось убедить Францию в бесцельности попыток оказать помощь Чехословакии в случае германской агрессии [103].

Позиция английских пособников фашистских агрессоров встретила полное понимание со стороны французской реакции. Правящие круги Франции не скрывали своего намерения избавиться от обременявших их обязательств по договорам с Чехословакией и Советским Союзом и по примеру Англии стремились достичь широкого соглашения с гитлеровской Германией. «Переплетающиеся интересы английских монополий и «200 семейств» в борьбе против СССР,—пишет Ж. Катала,—привели к тому, что голос лондонского Сити все сильнее и сильнее раздавался в Париже» [104].

Эта зависимость особенно усилилась с середины 30-х годов, чему способствовал также ряд обстоятельств внешнеполитического порядка.

В течение 1933—1935 гг. английское правительство, используя заинтересованность Франции в поддержке ее Англией перед лицом непрерывно усиливавшейся реваншистской Германии, систематически вело линию на подчинение французской внешней политики интересам Великобритании.

В июле 1934 г. Болдуин выдвинул знаменитую форму-

---

[103] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 83—86.

[104] Ж. Катала. Они предают мир. М., 1950, стр. 20.

лу «граница Англии — на Рейне»[105]. Почти одновременно буржуазная печать Франции и Англии стала усиленно писать о «сердечном сотрудничестве», установившемся в отношениях между двумя державами, хотя и всячески подчеркивала отличие этого сотрудничества от довоенной Антанты — «сердечного согласия». Английская и французская реакционная печать при этом тщательно скрывала, на каких основаниях зиждется это сотрудничество, какова цена, которую должна будет заплатить Франция за «готовность» Англии защищать ее на Рейне.

Между тем, заявив, исходя из своих собственных интересов, о заинтересованности в целостности и неприкосновенности границ Франции, Англия упорно не желала зафиксировать свои обязательства по отношению к ней в специальном соглашении[106] и стремилась придать по возможности малообязывающий характер переговорам представителей военных штабов двух стран, начатым в 1935—1936 гг. Британское правительство претендовало на роль посредника в отношениях между Францией и Германией и, заручившись еще в 1935 г. официальным заверением французского правительства о том, что последнее окажет Англии любую военную помощь в случае ее вооруженного конфликта с третьей стороной, по-прежнему отказывалось участвовать в каких-либо мероприятиях по созданию системы коллективной безопасности в Европе[107]. Как справедливо указывал хорошо осведомленный французский журналист Пертинакс, английское правительство

---

[105] „Times", 31/VII 1934. В марте 1936 г. Иден от имени английского правительства подтвердил «готовность» Англии оказать помощь Франции в случае прямого и неспровоцированного нападения на нее со стороны третьей державы. Это обязательство не распространялось на случай выполнения Францией ее международных обязательств по оказанию помощи своим союзникам — жертвам агрессии (Political and Strategic Interests of the United Kingdom, p. 56—57).

[106] Весьма характерно в этой связи, что, выступая в палате общин два с половиной месяца спустя после Мюнхена — 12 декабря 1938 г., Чемберлен многозначительно заявил, что ни в одном англо-французском договоре нет обязательств оказания Англией военной помощи Франции („Times", 13/XII 1938).

[107] P. L a v a l. The Unpublished Diary of P. Laval. London, 1948, p. 27—28; D u f f C o o p e r. Op. cit., p. 202, 220; T. J o n e s. Op. cit., p. 207—211.

не хотело предпринимать ничего, что помешало бы его политике заигрывания с Германией, будучи готово «выбросить в корзину любое соглашение с Францией, коль скоро Берлин его отвергнет» [108]. Не в состоянии воспрепятствовать подписанию франко-советского договора о взаимной помощи, английская дипломатия делала все от нее зависящее, чтобы свести на нет этот договор, всячески подчеркивая «немыслимость» подлинного военного союза между Англией и Францией, до тех пор пока последняя имеет договор с СССР [109].

Заинтересованность Франции в военном союзе с Англией британские правящие круги использовали как средство непрерывного давления и нажима на французскую дипломатию, добиваясь за обещание защищать Францию в случае нападения на нее Германии послушного исполнения французской дипломатией предначертаний английской политики. Результатом этого являлось прогрессирующее ослабление международных позиций Франции, ее низведение, по красноречивому признанию английского публициста Р. Бриффо, до положения «прислужницы английской политики»[110]. После убийства французского министра иностранных дел Л. Барту, сделавшего попытку вступить на путь проведения самостоятельной внешней политики, сменявшие друг друга французские правительства послушно плыли в фарватере английской политики. Дело доходило до того, что даже составы отдельных французских кабинетов диктовались в Лондоне[111].

Делая ставку, как и лондонские «умиротворители» фашистских агрессоров, на неизбежное вооруженное столкновение Германии с СССР и, с другой стороны, возлагая все свои надежды на помощь Англии в случае, если бы агрессор повернул на Запад, правящие круги Франции в середине 30-х годов, вопреки национальным интересам страны, собственными руками содействовали разрушению созданной самой же Францией системы союзов в Центральной и Восточной Европе и проводили политику саботажа франко-советского договора—этой важнейшей

---

[108] „Echo de Paris", 13/VI 1934.

[109] T. Jones. Op. cit., p. 209—211; Pierre Cot. Le Procès de la République, vol. II. New York, 1944, p. 341.

[110] «Правда», 15/II 1940; см. также „Ordre", 22/IV 1938.

[111] Ж. Катала. Указ. соч., стр. 20.

основы безопасности Франции. Не удивительно поэтому, что правящие круги Франции полностью поддерживали политику английского правительства и по чехословацкому вопросу.

Уже с самого возникновения чехословацкого кризиса французские правители изыскивают различные предлоги для того, чтобы «обосновать» свое отступничество от обязательств по договору с Чехословакией. На заседании сенатской комиссии по иностранным делам в конце февраля 1938 г. было сделано своеобразное открытие: так как франко-чехословацкий договор якобы являлся составной частью Локарнских соглашений и так как последние перестали действовать, то, как следствие этого, франко-чехословацкий договор также утратил обязательную силу [112] Несостоятельность подобного рода аргументации была видна хотя бы из того, что франко-чехословацкий договор был заключен в 1924 г., т. е. на год раньше созыва конференции в Локарно. На это обстоятельство было обращено внимание французского правительства чехословацкой дипломатией, которое, «приняв его к сведению», продолжало изыскивать способы для того, чтобы избежать выполнения обязательств по отношению к своему союзнику.

В феврале—марте 1938 г. во Франции значительно активизировалась деятельность крайне реакционных и профашистских элементов, начавших открытую кампанию за отказ Франции от выполнения обязательств по договору с Чехословакией. 18 марта один из руководителей «Демократического альянса», лидер правой оппозиции в парламенте П. Э. Фланден опубликовал заявление, в котором, полностью поддержав политику Чемберлена в чехословацком вопросе, призвал Англию и Францию оставить Чехословакию один-на-один с фашистской Германией для «урегулирования» судетской проблемы [113]. В других выступлениях Фланден и его приспешники пропагандировали мысль о том, что Франция не должна пытаться преграждать путь Германии в ее движении на Восток.

В результате происшедшей в десятых числах марта очередной смены кабинета министром иностранных дел

[112] «Документы и материалы кануна второй мировой войны» т. I, стр. 84—85.

[113] „Figaro", 18/III 1938.

Франции стал Жозеф Поль-Бонкур. Поль-Бонкур принадлежал к числу тех государственных деятелей, которые, учитывая настроения широких кругов французской общественности, требовавших прекращения политики уступок гитлеровским агрессорам, считали, что Франция должна оказать помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии[114]. Поль-Бонкур справедливо полагал, что в случае вооруженного конфликта с немцами Франции будет необходима помощь первоклассной чехословацкой армии и что принесение Чехословакии в жертву Гитлеру отнюдь не уменьшило бы опасность войны, а, наоборот, создало бы для гитлеровцев более выгодные условия для совершения новых захватнических актов. По его мнению, только твердое предупреждение со стороны неагрессивных государств заставило бы отступить фашистских поджигателей войны, так как сила агрессоров коренилась прежде всего в разобщенности и бездействии их противников. Вместе с тем, как это видно из мемуаров Поль-Бонкура [115] и других материалов, французский министр иностранных дел, подобно своим предшественникам, координировал почти каждый свой шаг в важнейших вопросах международной политики с Лондоном, не мысля иной внешнеполитической линии, кроме той, которая была бы согласована с английским правительством.

Таким образом, получалось, что на словах Поль-Бонкур и некоторые другие политические деятели Франции выступали в поддержку Чехословакии. Но они не обладали ни достаточной настойчивостью, ни инициативой и решимостью для того, чтобы их точка зрения о необходимости защиты Чехословакии, исходя из собственных интересов Франции и Англии, взяла верх над позицией заядлых мюнхенцев как в Париже, так и в Лондоне, стремившихся к скорейшему достижению соглашения с германским фашизмом и готовых ради этого принести в жертву своего чехословацкого союзника.

В ответе на меморандум Галифакса от 22 марта Поль-Бонкур указывал на необходимость совместных

---

[114] Doc. on Germ. For. Pol.,, vol. II, doc. 117, p. 214; Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 94; см. также „New Statesman and Nation", 16/IV 1938.

[115] J. Paul-Boncour. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-ème République, Paris, 1946.

англо-французских действий по чехословацкому вопросу. Французский министр иностранных дел считал, что лучшим средством для предотвращения войны в данных условиях является твердое предупреждение Гитлеру со стороны Англии и Франции. В случае если бы Германия, несмотря на это предупреждение, все-таки напала на Чехословакию, Франция начала бы военные действия против Рейнских провинций Германии, а Совет Лиги наций на основании ст. 16 Устава должен был бы признать, что военные операции французов не являются агрессией[116].

Хотя, как это видно из вышеприведенного заявления Поль-Бонкура, выступление Франции в поддержку Чехословакии было по существу связано с приведением в действие сложного механизма Лиги наций, тем не менее уже тот факт, что французский министр иностранных дел высказывался за оказание военной помощи чехословакам, вызвал серьезное беспокойство английского правительства. В Лондоне явно опасались, что даже такие непоследовательные сторонники противодействия немецкой агрессии, как Поль-Бонкур, могут послужить помехой в осуществлении давно задуманных планов. В беседе с чехословацким посланником Я. Массариком в начале апреля 1938 г. постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган не скрыл своего раздражения по поводу позиции Поль-Бонкура. «Поль-Бонкур,—заявил заместитель Галифакса,—не такой министр иностранных дел, который в столь серьезный момент мог бы быть достойным партнером в переговорах о европейском кризисе»[117].

Стремясь избавиться от внушавшего беспокойство французского министра, руководители британской политики прибегли к маневру. С одной стороны, английскому послу в Париже Фиппсу были даны инструкции туманно заявить о том, что «под впечатлением... настоятельных просьб французского правительства Великобритания готова согласиться с его точкой зрения» по поводу позиции, которую следует занять при данной ситуации[118], а с другой стороны, было усилено давление на Францию с тем,

---

[116] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 94.

[117] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 119.

[118] Tabouis. They called me Cassandra. New York, 1940, p. 336—337.

чтобы добиться отставки кабинета Блюма—Поль-Бонкура. При этом Париж явно шантажировали перспективой прекращения англо-французского сотрудничества в случае, если вопрос о составе французского правительства не будет решен в благожелательном для Англии духе[119]. Как прямое требование убрать кабинет Блюма — Поль-Бонкура и заменить его приемлемым для британских правящих кругов новым кабинетом звучали слова близкой к английскому МИД газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост»: «Британское правительство желает в близком будущем продолжить дальнейшие переговоры с французским правительством относительно англо-французской политики. Но тот факт, что Франция переживала период неустойчивых правительств, сделал пока невозможным совместную встречу. Как только будет образовано министерство менее преходящего характера, чем нынешнее, Лондон сделает предложение о дате переговоров» [120].

По согласованию с Чемберленом и Галифаксом в Париж выехал У. Черчилль [121].

Основная цель визита Черчилля состояла в том, чтобы оказать давление на Францию, укрепить позиции крайне правых элементов в парламенте и в стране и добиться создания нового правительства с ярко выраженной реакционной и приемлемой для Англии программой [122]. Во время пребывания в Париже Черчилль встречался с рядом руководящих политических и военных деятелей Франции, в том числе с Даладье, Фланденом, Блюмом, Гамеленом, а также вновь появившимся на горизонте не без содействия англичан Лавалем, в течение последних двух лет обитавшим на политических задворках. В ходе переговоров с французами затрагивались не только вопросы англо-французских отношений, но и проблемы налаживания сотрудничества западных держав с державами «оси». В частности, Черчилль выяснял возможность заключения с участием Англии, Франции и Италии так называемого «средиземноморского Локарно», а также зондировал точку зрения руководителей французской политики по

---

[119] «Правда», 5/IV 1938.
[120] Цит. по «Правде», 29/III 1938.
[121] W. Churchill. Op. cit., p. 252
[122] «Правда», 29, 30/III 1938.

поводу начала переговоров с Гитлером и Муссолини как по колониальным проблемам, так и по вопросу о положении в Европе [123].

Усилия английских правящих кругов, направленные на замену кабинета Блюма — Поль-Бонкура «устойчивым» правительством, смыкались с происками французской реакции, в свою очередь требовавшей образования нового правительства, которое проводило бы более «реалистическую внешнюю политику», т. е. политику совместного с правящими кругами Англии сговора с агрессорами, и «навело бы порядок в собственном доме», иными словами, ввело бы новые налоги и лишило французских трудящихся тех социальных завоеваний, которых они добились в период пребывания у власти правительства народного фронта [124].

В результате закулисных торгов и сделок между представителями различных буржуазных группировок формирование нового кабинета было поручено одному из лидеров радикал-социалистической партии — Эдуарду Даладье. Министром иностранных дел в новом правительстве был назначен Жорж Боннэ. Образование кабинета Даладье — Боннэ (10 апреля 1938 г.) было расценено французской буржуазной печатью как явный сдвиг вправо [125]. Особое удовлетворение в реакционных кругах вызвало назначение Боннэ на пост министра иностранных дел, рассматривавшееся как решающий шаг на пути к сближению французской позиции с внешнеполитическим курсом Чемберлена—Галифакса [126]. Правда, считаясь с настроениями широких кругов французской общественности, Боннэ подтвердил «готовность» нового правительства

---

[123] Ch. Tansill. Back Door to War. Chicago, 1952, p. 390—391.

[124] „Temps", 9, 10/IV 1938; „New Statesman and Nation", 16/IV 1938.

[125] „Figaro", 11/IV 1938.

[126] «Правда», 13/IV 1938; P. Lazareff. De Munich à Vichy. New York, 1944, p. 32—34. Назначение Боннэ министром иностранных дел было встречено с удовлетворением не только французской реакцией, но также и в Лондоне, Берлине и Риме („Economist". 23/IV 1938). Причину этого удовлетворения нетрудно понять, если принять во внимание ту оценку Боннэ, которую ему дал уже в эти дни один из членов нового французского правительства: «Боннэ, — говорил этот министр, — готов на любую капитуляцию ради умиротворения Гитлера» (P. Lazareff. Op. cit., p. 34).

выполнить обязательства по договору с Чехословакией, однако не успел еще новый министр разместиться в своем кабинете на Кэ д'Орсэ, как реакционная французская печать резко усилила кампанию против Чехословакии, открыто призывая правительство порвать союзный договор с ней.

12 апреля ведущий орган французских правящих кругов и официоз министерства иностранных дел газета «Тан» опубликовала явно инспирированную статью известного реакционного юриста и дипломата Жозефа Бартелеми. В статье вновь повторялся избитый и не раз опровергавшийся тезис о том, что Франция якобы свободна от оказания помощи чехам в связи с тем, что Локарнские соглашения, нарушенные гитлеровцами, утратили свою силу[127].

С враждебными выпадами против чехословацкого государства выступил и другой реакционный деятель Франции — А. Тардье, утверждавший, что Чехословакия вообще не имеет права на существование. Эта статья Тардье вызвала настоящее ликование в Берлине, где ее содержание стало известно раньше, чем во Франции[128]. Усиление античехословацкой кампании во Франции было встречено с нескрываемым удовлетворением и британскими правящими кругами, рассматривавшими ее в качестве средства давления на Прагу с тем, чтобы вынудить чехословацкое правительство к уступкам генлейновцам. Этой же цели, по замыслу английского правительства, должно было служить и вновь повторенное в эти дни в Бирмингаме Чемберленом, а в Бристоле — Галифаксом заявление о том, что Англия не собирается принимать на себя новые обязательства в отношении оказания помощи другим странам[129].

Для уяснения позиции и тактической линии английской дипломатии не только на первом этапе, но и на протяжении всего чехословацкого кризиса весьма показательна беседа постоянного заместителя министра иностранных дел Англии А. Кадогана с чехословацким посланником в Лондоне Я. Массариком, состоявшаяся 5 апреля 1938 г. В связи с заявлением Массарика об усилении

---

[127] „Temps", 12/IV 1938.
[128] „Humanité", 25/IV 1938.
[129] „Times", 9/IV 1938; „Sunday Times", 10/IV 1938.

фашистской кампании угроз и шантажа в отношении Чехословакии Кадоган сделал вид, что он не усматривает серьезных причин для беспокойства. Затем, подчеркнув, что он говорит не только от своего имени, но и выражает официальную точку зрения правительства, британский дипломат заявил следующее:

1. Английское правительство считает, что было бы своевременно, чтобы чехословацкие власти вступили в переговоры непосредственно с Генлейном, а не только с представителями его партии. 2. Английское правительство выражает пожелание, чтобы его информировали о намечаемых и предпринимаемых Прагой во время этих переговоров шагах и о ходе переговоров в целом. 3. Во Франции, по словам Кадогана, правительства нет, а ее министр иностранных дел Поль-Бонкур не является достойным партнером в переговорах о европейском кризисе. 4. Английское правительство «сомневается» в способности Советского Союза помочь Чехословакии. 5. Английское правительство будет действовать в Берлине в интересах примирения, а чехословацкому правительству оно рекомендует переговоры не прерывать, ибо в противном случае, по словам Кадогана, успехи в переговорах не имели бы большого значения. Наконец, Кадоган заявил Массарику, что английское министерство иностранных дел располагает информацией о том, что немецкая земельная аристократия и магнаты тяжелой промышленности в судетских районах Чехословакии «не хотят присоединиться к Германии»[130].

Таким образом, в свете заявления Кадогана позицию английского правительства можно сформулировать следующим образом: Чехословакия должна как можно скорее начать переговоры непосредственно с Генлейном[131]; эти переговоры пражское правительство не должно прерывать, снося все оскорбления и провокационные выходки генлейновцев, которые, по словам ряда газет, вели себя в это время так, «как будто Судеты уже являлись частью Германии»[132].

---

[130] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 118—119.

[131] Интересно отметить, что аналогичный «совет» Праге дал Гитлер („Sunday Times", 10/IV 1938).

[132] „Humanité", 11/IV 1938.

Английское правительство должно быть в курсе всех подготовляемых чехословацким правительством мероприятий. Нет сомнения — это подтверждают другие документы, в том числе и английские — что это было необходимо в первую очередь для оказания давления на чехов, если бы они оказались недостаточно сговорчивыми[133]. Францию и СССР английские правители по существу предлагали сбросить со счета: Праге недвусмысленно давалось понять, что Англия держит в своих руках ключи от безопасности и независимости Чехословакии, поэтому руководители чехословацкой политики должны следовать тому, что скажет Лондон. Кадоган давал обещание, что англичане будут действовать в Берлине в интересах примирения; поскольку эта задача поручалась не кому другому, как Н. Гендерсону, давно уже выступавшему за удовлетворение гитлеровских притязаний к Чехословакии, то можно было без труда представить себе конечные результаты «примиренческой деятельности» британской дипломатии. Наконец, Кадоган заверял Массарика в лояльности по отношению к Чехословакии немецких промышленников и землевладельцев, живших в судетских районах, сославшись при этом на какие-то имевшиеся в его распоряжении «подробные сведения».

Это заявление в устах постоянного заместителя министра иностранных дел, прекрасно осведомленного о подлинной позиции судето-немецких промышленных и банковских кругов, активно поддерживавших генлейновскую партию и выдвигаемые ею требования, звучало столь издевательски, что даже такой убежденный англофил, как Массарик, и тот был вынужден, хотя и в осторожной форме, возразить Кадогану. Так английское правительство приступило к даче советов чехословацкому правительству, имевших столь гибельные последствия для независимости, свободы и самого существования чехословацкой республики. Так английская дипломатия, заостряя внимание Праги на «мирных намерениях» Берлина, всячески подчеркивая свою готовность содействовать примирению сторон и в то же время зная о подлинных намерениях фашистских захватчиков, стремилась усыпить бдительность чехословацкого народа и его республики и,

[133] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 142.

используя капитулянтскую позицию ее тогдашних правителей, заманить Чехословакию в искусно подставленную вместе с Гитлером западню и помочь германскому фашизму в «мирной», «бескровной» расправе над чехословацким государством. В этом отношении британское правительство проявляло удивительную последовательность: на протяжении всего рассматриваемого периода оно настойчиво рекомендовало гитлеровцам решать чехословацкий вопрос «мирным путем», не вызывая общеевропейского конфликта и «большой войны», которая могла бы оказаться роковой прежде всего для гитлеровского режима. Об этом германскому правительству говорили и Галифакс в ноябре 1937 г., и Гендерсон в марте 1938 г., и, наконец, 22 апреля 1938 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Батлер, специально посвятивший свою беседу с германским поверенным в делах в Лондоне вопросу о «мирном удовлетворении» гитлеровских требований к Чехословакии[134].

* * *

В отличие от правящих кругов Англии и Франции, потворствовавших захватническим поползновениям германского фашизма, Советский Союз выступил с решительным осуждением империалистических притязаний фашистской Германии.

На протяжении всего предвоенного периода из всех великих держав только Советский Союз последовательно и настойчиво вел борьбу за укрепление мира и международной безопасности, за предотвращение новой войны. Советское правительство явилось инициатором и главным поборником создания системы коллективной безопасности, твердо придерживаясь при этом той позиции, что сохранение и упрочение мира зависит от совместных усилий всех государств, независимо от их государственного и общественного устройства. Еще до вступления в Лигу наций, в феврале 1933 г., Советское правительство предложило принять декларацию об определении агрессии и нападающей стороны. Выдвигая это предложение, правительство СССР исходило из необходимости в интересах всеобщей безопасности определить возможно более точ-

[134] Survey of International Affairs, 1938, vol. II, p. 17.

ным образом понятие «нападение», чтобы предупредить всякий предлог к его оправданию.

Борьбу за создание системы коллективной безопасности, за обеспечение мира во всем мире, за национальную независимость всех народов — больших и малых — советская дипломатия продолжала со всей настойчивостью и последовательностью и после вступления СССР в Лигу наций. Советская дипломатия выдвинула и обосновала принцип «неделимости мира», получивший признание в самых широких кругах международной общественности и ставший лучшим выражением идей мира и коллективной безопасности. Принцип «неделимости мира» основывался на невозможности локализации военных конфликтов и на необходимости создания одинаковых гарантий для всех стран и народов[135]. Его громадное значение состояло в том, что он был направлен на разоблачение пагубного, реакционного курса западных держав, стремившихся под фальшивым флагом «локализации войны» обеспечить безопасность для агрессора, облегчить ему расправу над очередной жертвой и тем самым поощрить его на новые захватнические действия.

Советская делегация в Лиге наций решительно настаивала на принятии этой организацией эффективных мер в защиту народов Китая, Абиссинии и Испании, явившихся жертвой неспровоцированного нападения фашистских захватчиков.

Советский Союз выступил в качестве активного поборника Восточноевропейского договора о взаимной помощи, предложение о заключении которого было выдвинуто выдающимся государственным деятелем Франции Луи Барту. Крупным успехом Советского Союза и всех миролюбивых сил Европы было подписание в 1935 г. правительством СССР договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, которые должны были явиться важным шагом на пути к созданию всеобъемлющей системы коллективной безопасности в Европе. В течение всего предвоенного периода, отмечается в исторической справке Совинформбюро «Фальсификаторы истории», советская дипломатия «отстаивала в Лиге Наций принцип коллективной безопасности, подымая свой голос в защиту этого

[135] М. М. Литвинов. В борьбе за мир. М., 1938, стр. 77.

принципа почти на каждом заседании Лиги Наций, почти в каждой комиссии Лиги Наций»[136].

В рассматриваемый период Советское правительство по-прежнему выражало готовность участвовать, как в рамках Лиги наций, так и вне ее, в совместных мероприятиях, направленных против агрессии, и вновь обратилось ко всем миролюбивым государствам с призывом организовать коллективную защиту стран, которым эта агрессия угрожала. 17 марта 1938 г., т. е. несколько дней спустя после захвата Австрии, народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов по поручению Советского правительства выступил с заявлением, в котором изложил точку зрения Советского Союза по поводу сложившейся в Европе международной обстановки.

В этом заявлении подчеркивалось, что если ранее имевшие место агрессивные действия, совершавшиеся на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европейского континента, непосредственно затрагивали интересы жертв агрессии и ряда соседних с ними стран, то на этот раз насильственный захват Австрии, государства, расположенного в центре Европы, создавал несомненную угрозу для всех европейских и не только европейских государств. Советское правительство обращало внимание на то, что серьезная опасность возникает прежде всего для независимости Чехословакии и что эта опасность грозит разрастись в новые международные конфликты.

От имени правительства СССР М. М. Литвинов вновь подтвердил готовность Советского Союза немедленно приступить к обсуждению с другими державами практических мер, которые могли бы приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранить усилившуюся опасность новой мировой войны. Заявление Советского правительства заканчивалось следующими поистине пророческими словами: «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»[137].

---

[136] «Фальсификаторы истории», стр. 17.

[137] «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1958, стр. 22.

По указанию Советского правительства заявление народного комиссара по иностранным делам от 17 марта в виде ноты правительства СССР было направлено правительствам других государств, приняв, таким образом, форму официальных и конкретных предложений Советского Союза, призванных послужить выработке практических мероприятий, которые могли бы быть согласованы всеми государствами с целью приостановить развитие агрессии в Европе и устранить угрозу новой войны. Следует отметить, что еще раньше (15 марта) М. М. Литвинов в беседе с группой американских журналистов, а его заместитель В. П. Потемкин в беседе с чехословацким посланником З. Фирлингером официально подтвердили готовность СССР полностью и безоговорочно выполнить свои обязательства по договору с Чехословакией [138].

Реакционные круги Англии и других западных держав враждебно встретили новую инициативу Советского правительства. Однако многие буржуазные органы печати были вынуждены признать важность предложения Советского Союза от 17 марта[139]. Английская газета «Манчестер гардиан», в частности, писала: «Ни одно другое европейское государство не имеет столь четкого взгляда по поводу создавшейся международной обстановки, как Советская Россия, и ни одно из них не проявило такой готовности выполнить принятые на себя обязательства, как Советский Союз. Поэтому любое предложение, выдвигаемое Советским правительством с целью разрешения нынешнего кризиса, заслуживает тщательного рассмотрения всеми миролюбивыми государствами»[140]. Известная французская журналистка Женевьева Табуи, отметив значение советского предложения для сохранения всеобщего мира, писала, что недвусмысленная позиция Советского правительства по чехословацкому вопросу заставит Гитлера «серьезно пораздумать». Однако, по ее словам, Гитлер рассчитывает на то, что Чемберлен отклонит это предложение СССР и тем самым предопределит позицию не только Англии, но и Франции по вопросу о событиях

---

[138] Там же, стр. 17—18.

[139] См., например, „News Chronicle", 18/III 1938; „Manchester Guardian", 18/III 1938.

[140] „Manchester Guardian", 18/III 1938.

в Центральной Европе [141]. Эти расчеты фашистских агрессоров, как известно, полностью оправдались.

В упоминавшемся заявлении в палате общин Чемберлен категорически отверг предложение Советского правительства от 17 марта. «Правительство его величества, — утверждал британский премьер, — тепло бы приветствовало созыв конференции, на которую... все европейские государства согласились бы послать своих представителей и на которой, следовательно, можно было бы обсудить вопросы, вызывающие в настоящее время беспокойство. Однако при существующих обстоятельствах не приходится надеяться на созыв такого рода конференции» [142]. Указав далее, что цель предложения СССР от 17 марта состоит в том, чтобы заранее договориться о совместных обязательствах с целью противодействия агрессии, Чемберлен прямо заявил, что английское правительство отказывается взять на себя такого рода обязательства[143]. Действительно, писала в этой связи «Правда», трудно «было выразиться более ясно: Чемберлен высказывается против предложения СССР потому, что оно направлено против агрессии! Надо думать,—продолжала газета,— что в Берлине, Риме, Токио... чутко прислушивались к тому, о чем говорил британский премьер, и его «нет» звучало для поджигателей войны как самое определенное «дерзай». В целом остается вполне обоснованное впечатление, что Чемберлен так решительно отклонял в своей декларации какие бы то ни было новые обязательства о сотрудничестве с миролюбивыми странами по той простой причине, что он успел принять на себя кое-какие обязательства в отношении агрессоров»[144]. Точка зрения английского правительства по поводу заявления М. М. Литвинова, как она была изложена в выступлении Чемберлена, была подтверждена и в ноте английского министерства иностранных дел, направленной в советское посольство в Лондоне 24 марта 1938 г.[145] Вместе с тем, стремясь как-то обосновать отклонение предложения Совет-

[141] „Oeuvre", 22/III 1938.
[142] Doc. on Intern. Affairs, 1938, vol. I, p. 47—48.
[143] Там же.
[144] «Правда», 26/III 1938.
[145] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 102—106

ского Союза и оправдать свое непримиримо враждебное отношение к усилиям СССР, направленным на сохранение мира, Чемберлен, Саймон, Галифакс и другие руководители английской политики прибегли к фальшивому утверждению о том, что принятие советских предложений якобы привело бы Европу к «расколу на враждебные блоки» и к «неминуемому вооруженному конфликту», в то время как английское правительство ставит своей задачей «обеспечение всеобщего мира» [146].

Отрицательную позицию по поводу предложения Советского правительства от 17 марта 1938 г. заняло и правительство США. Бывший государственный секретарь США Хэлл в своих мемуарах пишет, что госдепартамент в течение нескольких недель обсуждал вопрос, нужно ли давать ответ на указанное заявление. В конце концов было решено ответа не давать, поскольку заранее был «предрешен отрицательный ответ»[147]. Это враждебное отношение американского правительства к советскому предложению являлось логическим следствием той позиции, которую занимали накануне второй мировой войны правящие круги США, стоявшие за спиной Великобритании и Франции и подталкивавшие их на проведение политики сговора с фашистскими державами.

В рамки настоящей работы не входит рассмотрение американской внешней политики в этот период, однако, нельзя не подчеркнуть, что роль Соединенных Штатов в подготовке и развязывании второй мировой войны отнюдь не ограничивалась теми финансово-экономическими мероприятиями, которые были осуществлены американским монополистическим капиталом с целью восстановления военно-промышленного потенциала Германии после первой мировой войны. Хорошо известно также, что не только отдельные представители американской финансовой олигархии (Л. Дюпон, А. Слоун) и отдельные американские дипломаты типа Д. Кеннеди и У. Буллита знали о гитлеровских планах агрессии в Европе и обещали им свое содействие, о чем красноречиво свидетельствуют как встречи ряда видных представителей американских деловых

---

[146] Doc. on Intern. Affairs, 1938, vol. I, p. 48, 52—53, 58.

[147] C. Hull. The Memoirs of Cordell Hull, vol. I, New York, 1948, p. 658—659.

кругов с представителями гитлеровского правительства в ноябре 1937 г. в Бостоне, так и откровенные заявления Кеннеди, Буллита и других американских дипломатов в беседах с немецкими, английскими и французскими политиками и дипломатами[148]. В настоящее время достоверно известно, в частности из работы У. Лангера и Э. Глизона, посвященной американской внешней политике в 1937—1940 гг.[149], а также из книги Ч. Тэнсилла о внешней политике Рузвельта[150], что президент Соединенных Штатов и руководство госдепартамента не только были в курсе почти всех шагов, которые предпринимали английское и французское правительства для достижения широкого сговора с гитлеровской Германией, но и всячески поощряли эти усилия Лондона и Парижа[151]. Руководители американского правительства разрабатывали различные проекты «урегулирования международных разногласий», которые должны были по существу содействовать одной и той же задаче — достижению соглашения западных держав с государствами фашистского блока, в первую очередь с гитлеровской Германией.

В связи с отставкой Идена в феврале 1938 г. и серьезным ослаблением позиций правительства Чемберлена внутри страны американские правящие круги предприняли попытку оказать давление на английское общественное мнение, охарактеризовав устами заместителя государственного секретаря Уэллеса политику Чемберлена как энергичную и реалистическую и выразив надежду на успех «миротворческой деятельности» британского премьера[152]. В это же время некоторые руководящие деятели США в беседах с лордом Астором, находившимся в Вашингтоне, заверили его в том, что правительство США разделяет точку зрения английского правительства в отношении достижения англо-германского соглашения[153].

---

[148] А. Норден. Указ. соч., стр. 182—183; Doc. on Germ. For. Pol. vol. I, doc. 457, 459, p. 715—718, 721—722; Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 615.

[149] W. Langer and E. Gleason. Op. cit.

[150] Ch. Tansill. Op. cit.

[151] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 25, 28—29, 34, 35, 67, 76.

[152] Там же, стр. 28—29.

[153] T. Jones. Op. cit., p. 390.

Эту линию на поддержку внешнеполитического курса Чемберлена — Галифакса американское правительство продолжало и позднее, причем сам Рузвельт, по свидетельству помощника государственного секретаря Адольфа Берли, не скрывал надежды на то, что в результате англо-германского соглашения Гитлер повернет на Восток, увязнет там и оставит в покое западные государства [154].

По существу одобрив захват Австрии, американское правительство не намеревалось оказывать поддержку и Чехословакии; наоборот, оно всячески подталкивало правительства Чемберлена и Даладье к заключению сделки с Гитлером за счет Чехословакии, полагая, что выдача Чехословакии нацистской Германии расчистит агрессорам путь на Восток и облегчит им развязывание войны против Советского Союза.

3. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ЧЕХОСЛОВАЦКОМУ ВОПРОСУ В КОНЦЕ АПРЕЛЯ 1938 г.

Отклонив предложения Советского Союза, стремившегося путем совместных усилий миролюбивых государств воспрепятствовать дальнейшему развитию фашистской агрессии в Европе, английское правительство продолжало вести линию на выдачу Чехословакии Гитлеру.

Важным шагом в осуществлении этих планов британского империализма явилось совещание представителей английского и французского правительств, состоявшееся в Лондоне 28 и 29 апреля 1938 г. Созыв этого совещания был вызван прежде всего тем, что, несмотря на явно проанглийскую ориентацию руководителей нового французского правительства, британские правящие круги серьезно опасались, что в случае немецкого вторжения в Чехословакию правительство Даладье, уступая давлению широких масс французского народа, может оказаться вынужденным совершить тот «необдуманный шаг», которого более всего боялись в Лондоне: выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. В Англии учитывали при этом, что вооруженное

[154] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 67.

вмешательство Франции неизбежно привело бы к вступлению в силу советско-чехословацкого договора, в результате чего Германия оказалась бы зажатой в тиски войны на два фронта и, независимо от позиции Англии, была бы быстро разбита, что означало бы неминуемый крах гитлеровского режима, в котором британский империализм усматривал своего главного классового союзника в борьбе против Советского государства. Именно поэтому Чемберлен и Галифакс сочли нужным пригласить своих французских коллег в Лондон, чтобы еще и еще раз посоветовать им без колебаний придерживаться английской позиции в чехословацком вопросе, и заручиться их поддержкой в давлении на Прагу с тем, чтобы вырвать у нее уступки, которых домогались Гитлер и его генлейновская агентура.

Повестка для совещения в Лондоне была довольно обширной. Рассмотрению подлежали: вопросы англо-французского военного сотрудничества, испанская проблема, положение на Дальнем Востоке и другие вопросы. Однако центральное место занимал чехословацкий вопрос. Заявление по данному вопросу сделал Галифакс. Английский министр нарисовал нарочито мрачную картину военного положения не только Чехословакии, но и Франции и Англии, которые, по утверждению Галифакса, не смогли бы, даже если бы того пожелали, предотвратить гитлеровское вторжение в Чехословакию. Между тем, продолжал Галифакс, английское правительство «не может... взять на себя каких-либо новых военных обязательств» [155].

Английский министр иностранных дел всячески стремился поставить под сомнение способность Советского Союза оказать военную помощь чехословакам, сославшись при этом на якобы полученную им информацию о «внутренних беспорядках в России».

Эти клеветнические измышления Галифакса, очевидно, должны были сыграть роль дополнительного аргумента, при помощи которого английские министры надеялись убедить своих французских коллег в безнадежности расчетов на помощь СССР в случае германо-чехословацкого конфликта и таким образом побудить их безоговорочно согласиться с тем, что Чехословакия должна быть выдана

[155] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 212—213.

Гитлеру. Галифакс настаивал на необходимости совместного англо-французского представления в Праге для того, чтобы добиться от чехов необходимых уступок, которые сделали бы возможным «урегулирование» германо-чехословацких отношений [156].

От имени французской делегации выступил Даладье. Французский премьер напомнил, что еще в 1937 г. английское правительство просило тогдашнего министра иностранных дел Франции Дельбоса сделать представление Бенешу, чтобы Чехословакия пошла на ряд уступок судетским немцам. Известно, что Чехословакия пошла на эти уступки. Не возражая против того, чтобы английское и французское правительства добивались от Праги дальнейших уступок, Даладье, однако, указал, что французское правительство считает, что в случае, если эти новые уступки будут отвергнуты гитлеровцами, Англия и Франция должны будут поддержать чехословацкое правительство.

Это первое выступление Даладье могло создать впечатление действительной решимости французского правительства защищать Чехословакию. Однако, как показали последующие события, заявление Даладье являлось всего лишь маневром, к которому не раз прибегали руководители французской политики для того, чтобы успокоить общественное мнение своей страны и убедить его в «твердой и самостоятельной» позиции французского правительства по чехословацкому вопросу.

С ответом Даладье выступил Чемберлен. Все выступление главы английского правительства было выдержано в духе защиты политики дальнейших уступок гитлеровским захватчикам. Подхватив доводы геббельсовской пропаганды, давно запугивавшей Чехословакию экономическим бойкотом, Чемберлен утверждал, что Германия, если она того захочет, может добиться сокрушения чехословацкого государства путем применения лишь экономического давления, «не пуская в дело ни одного солдата» [157].

Чемберлен категорически возражал против предложения Даладье о совместном англо-французском предосте-

[156] Там же, стр. 215—216.

[157] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 219.

режении Гитлеру по чехословацкому вопросу, хотя и не мог отрицать того очевидного факта, что такое предостережение могло бы предотвратить нападение немецко-фашистских агрессоров на Чехословакию [158]. Британский премьер заявил, что он весьма сомневается в том, что Гитлер действительно хочет уничтожения чехословацкого государства, однако тут же добавил, что если «Германия действительно решила уничтожить Чехословакию, то он не видит, каким образом это может быть предотвращено» [159]. Чемберлен, как и Галифакс, настаивал на необходимости совместного англо-французского демарша в Праге с тем, чтобы побудить Бенеша пойти на максимальные уступки немцам.

Ответное заявление Даладье не внесло ничего нового в позицию французской делегации. Премьер-министр, хотя и менее решительно на этот раз, повторил, что французское правительство не может согласиться с тем, чтобы Германии была предоставлена свобода рук в осуществлении ее захватнических планов.

На последнем заседании англо-французской конференции, которому, вероятно, предшествовали неофициальные переговоры между делегациями, было быстро достигнуто совместное решение английского и французского правительств по чехословацкому вопросу и согласованы казавшиеся столь различными точки зрения Чемберлена и Даладье [160]. Ознакомление с этим решением показывает, что Даладье по существу капитулировал перед английскими министрами и присоединился к их позиции. От категорических заявлений французского премьера о необходимости проявить «твердость» по отношению к Гитлеру и «готовности» помочь Чехословакии не осталось и следа. Нельзя не отметить, что то же повторялось неоднократно и позд-

---

[158] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 219—220.

[159] Там же, стр. 221—222; G. Bonnet. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948, p. 352—353.

[160] По словам биографа Даладье И. Лапакеллери, между Чемберленом и Галифаксом, с одной стороны, и Даладье и Боннэ — с другой, во время пребывания французских министров в Лондоне в апреле 1938 г. сразу же было установлено тесное и полное взаимопонимание, перешедшее в «глубокую личную симпатию». Лапакеллери признает, что позиции Чемберлена и Даладье удалось примирить без особого труда (Y. Lapaquellerie. Edouard Daladier. Paris, 1940, p. 167).

нее, во время последующих переговоров английского правительства с французским. Даладье сначала, как правило, на официальных заседаниях выступал с «решительными» заявлениями по адресу Германии и занимал позицию, существенно отличавшуюся от позиции Чемберлена — Галифакса, затем в ходе неофициальных бесед с английскими министрами снимал свои возражения, переходил на позицию английских партнеров, делая при этом вид, что вынужден уступить давлению и согласиться с их точкой зрения. Применение такой тактики, по замыслу руководителей французской политики, делало возможным возложить ответственность за уступки Гитлеру в чехословацком вопросе и, в конечном итоге, за предательство Чехословакии на английское правительство.

Соглашение, к которому пришли участники лондонского совещания, предусматривало, что оба правительства — Великобритании и Франции — совместно предпримут демарш в Праге с тем, чтобы обеспечить максимальные уступки судетским немцам. В то же время английский посол в Берлине должен будет «объяснить» гитлеровскому правительству, что Лондон и Париж прилагают все усилия, чтобы добиться мирного урегулирования судето-немецкого вопроса. Если же, не дожидаясь выяснения чехословацкой реакции на представление Лондона и Парижа, Германия все-таки будет намерена прибегнуть к силе, то она должна иметь в виду, что французское правительство может оказаться вынужденным вмешаться в конфликт в силу своих обязательств по договору с Чехословакией, а английское правительство займет позицию, как она была определена в заявлении Чемберлена от 24 марта [161].

Таким образом, самое большее, на что была готова пойти Англия в соответствии с решениями указанного совещания, — это предупредить германское правительство о том, что в случае его выступления против Чехословакии она займет позицию, о которой говорил Чемберлен 24 марта. Но ведь как раз в этом выступлении Чемберлен отказался взять на себя обязательство оказать военную помощь Чехословакии. Как известно, это заявление Чемберлена было с удовлетворением встречено в немецко-

[161] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 231—232.

фашистских кругах, поощрив гитлеровцев и их судетонемецкую агентуру на новые провокации против чехословацкого государства, о чем Массарик говорил Кадогану еще 5 апреля. Совершенно ясно в этой связи, что «предостережение», с которым в крайнем случае должен был бы выступить Гендерсон и которое должно было содержать ссылку на заявление Чемберлена от 24 марта, не только не могло оказать сдерживающего влияния на гитлеровских заправил, но, наоборот, давало им ясно понять, что Англия не изменила своей позиции по чехословацкому вопросу и не намерена, как и раньше, чинить препятствий их замыслам. Понятно вместе с тем, что такая позиция англичан заранее предопределяла и позицию французского правительства, которое было готово ухватиться за любой предлог, дабы уклониться от оказания помощи своему чехословацкому союзнику, и стремилось во что бы то ни стало избежать обстановки, которая заставила бы его выполнить обязательства по договору с Чехословакией. Это правильно подметила «Манчестер гардиан», признававшая в номере от 29 апреля, что на лондонском совещании как Франция, так и Англия были озабочены главным образом тем, чтобы «почти любой ценой избежать такого положения, при котором Франция..., а также Англия были бы вынуждены выступить против Германии... С этой целью,—продолжала газета,— Англия и Франция будут настаивать на том, чтобы чехословацкое правительство пошло на максимальные уступки германскому меньшинству» [162]. Заявив далее, что оба правительства — английское и французское — понимают, что эти уступки должны быть сделаны «в рамках чехословацкой конституции», газета в заключение признавала, что как Чемберлен, так и его французские коллеги хотели бы, чтобы «этому выражению было придано самое широкое толкование» [163].

Путь постепенно вырываемых у чехословацкого правительства уступок, масштабы которых должны непрерывно возрастать так, чтобы отвечать «требованиям момента», т. е. требованиям Гитлера, с тем, чтобы в конечном итоге разложить чехословацкое государство изнутри,

---

[162] „Manchester Guardian", 29/IV 1938.
[163] Там же.

парализовать его волю к сопротивлению и сделать его легкой добычей фашистских агрессоров, — вот тот метод, к которому решили прибегнуть английские и французские правители и который был согласован 29 апреля. Этот метод уже был испробован в Австрии — теперь его собирались применить к Чехословакии. Английские и французские правители рассчитывали при этом, что находящееся в зависимости от них правительство Бенеша — Годжи, вступив на путь выполнения рекомендаций и следования советам своих западных союзников, будет и дальше скользить по наклонной плоскости. Раз поддавшись давлению своих вероломных друзей, чехословацкое правительство уже совершило капитальную ошибку — отныне каждая новая уступка, которой требовал Гитлер и на которую советовал пойти Чемберлен, как будто незначительно отличаясь от предыдущей, вела к последующей, закладывая, таким образом, основы для расчленения чехословацкого государства и захвата его Гитлером.

Стремясь облегчить гитлеровской Германии овладение Чехословакией, английская дипломатия надеялась, что ее деятельность в этом отношении будет должным образом оценена руководителями немецко-фашистской политики и поможет достижению того широкого соглашения между Англией и Германией, которое, как известно, являлось основной внешнеполитической целью правительства Чемберлена — Галифакса. Интересно отметить, что еще в ходе совещания 28—29 апреля Чемберлен призвал своих французских коллег к «величайшей осторожности», дабы избежать каких-либо оснований для недовольства со стороны Гитлера и Муссолини [164]. Сразу же по окончании совещания Галифакс пригласил к себе германского поверенного в делах в Лондоне Кордта и подробно информировал его об англо-французских переговорах. Галифакс особенно подчеркивал, что Англия не взяла на себя каких-либо новых военных обязательств. В ходе беседы английский министр иностранных дел, признав необходимость сохранения оси Берлин — Рим, выдвинул предложение о создании блока империалистических государств с участием Германии, Англии и США, мотивируя это

[164] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 215.

необходимостью совместных усилий в целях поддержания мира. Галифакс добавил при этом, что как Англия, так и Германия являются в «известном смысле главными поборниками мира, задача которых — поощрять других» [165].

Так заискивали перед нацистскими агрессорами руководители британской политики, надеявшиеся, что выдача Гитлеру Австрии, а затем и Чехословакии создаст необходимые предпосылки для сколачивания единого блока империалистических держав, своего рода антисоветского «священного союза», мечту о котором мировая реакция лелеяла еще с 1918 г., но осуществить которую до сих пор мешали противоречия в лагере самих империалистических держав.

---

[165] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 139, p. 246—247.

Глава третья

ПОЗИЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД «МАЙСКОГО КРИЗИСА»

1. ОБОСТРЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПРОБЛЕМЫ В АПРЕЛЕ—МАЕ 1938 г. ДАВЛЕНИЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ПРАГУ

24 апреля в Карловых Варах (Карлсбаде) на съезде судето-немецкой партии, который точно воспроизводил немецко-фашистские сборища в Нюрнберге, выступил Генлейн с изложением «программы» и требований партии[1]. В каждой строке этой программы, в каждом слове, которое выкрикивал Генлейн, чувствовался не столько его, сколько его хозяина, Гитлера, голос. Главарь судетских фашистов категорически отверг как совершенно недостаточное предложение правительства выработать кодекс свобод для нацменьшинств. Нагло и развязно говорил этот гитлеровский агент, недвусмысленно давая понять, что он выступает не от имени национального меньшинства, просящего уступок, а как представитель великой державы, чувствующей себя в состоянии диктовать свои условия соседнему малому государству.

Генлейн изложил требования судето-немецкой партии в восьми пунктах, впоследствии ставших известными как «карлсбадская программа территориальной и административной автономии судетских немцев». Они предусматривали: 1) обеспечение немецкой национальной группе

[1] Эти требования были предварительно санкционированы в Берлине на совещании у Гитлера и Риббентропа 28—29 марта, когда была определена тактическая линия судето-немецкой партии в связи с гитлеровскими планами агрессии против Чехословакии.

в Чехословакии полного равноправия с чехами; 2) признание этой группы в качестве самоуправляющейся правовой единицы; 3) создание специальных немецких районов в пределах Чехословакии; 4) полное самоуправление этих районов; 5) юридическую защиту немцев, живших за пределами этих районов; 6) устранение «несправедливостей, причиненных судетским немцам с 1918 г., и компенсацию за вызванный ими ущерб»; 7) комплектование администрации немецких районов исключительно из числа немцев; 8) предоставление полной свободы судетским немцам «исповедовать» идеологию национал-социализма [2].

В области внешней политики генлейновцы требовали немедленной денонсации договоров Чехословакии с Советским Союзом и Францией.

Таким образом, под лозунгом предоставления «территориальной и административной автономии» судетским немцам германский фашизм делал попытку заставить чехословацкое правительство согласиться на фактическое расчленение республики, создать необходимые условия для дальнейшего развертывания подрывной деятельности фашистских элементов в масштабах всей страны, которая, разорвав союзные договоры с другими державами и в первую очередь с СССР, должна была превратиться в простой придаток гитлеровской Германии.

Провокационные выступления Генлейна и других главарей судето-немецкой партии на съезде в Карловых Варах послужили толчком для активизации подрывной деятельности польских и венгерских фашистов на территории Чехословакии, которые, подстрекаемые тогдашними польскими и венгерскими правителями, настаивали, чтобы пражское правительство предоставило им такие же «права», каких домогались судетские немцы. В этой связи английский буржуазный журнал «Стейтист» прямо писал, что замышляется взрыв чехословацкого государства изнутри, который должен быть ускорен в результате согласованного давления извне — со стороны Германии, Польши и Венгрии [3].

Демократическая печать Чехословакии и других стран единодушно расценила речь Генлейна и сопутствовавшую

---

[2] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 184—185.
[3] „Statist", 30/IV 1938.

ей фашистскую вакханалию как открытое выступление против чехословацкой республики[4]. «Генлейн объявил войну республике. Необходима твердая рука против Генлейна», — указывала газета «Руде право»[5]. Требования Генлейна были немедленно поддержаны фашистской Германией. Гитлеровская печать повела яростную кампанию против Чехословакии, угрожая ей «серьезными внешнеполитическими осложнениями» в случае отказа удовлетворить притязания генлейновцев и открыто подстрекая последних к дальнейшему усилению провокационно-подрывной деятельности.

В этих условиях было совершенно ясно, что у чехословацкого правительства имелся только один выход — категорически отвергнуть карлсбадскую программу и пресечь провокационные выходки генлейновцев, иначе правительство полностью потеряло бы и авторитет в стране и Судетскую область, а целостность и единство Чехословакии, по меткому выражению английского журнала, стали бы «пустой фразой»[6]. Исходя из этого, а также вынужденное считаться с настроениями народных масс, требовавших безоговорочного отклонения карлсбадской программы, чехословацкое правительство заявило об отклонении восьми пунктов Генлейна, указав на свою готовность пойти только на такие уступки, которые не ущемляют суверенитет государства и не ставят под угрозу безопасность его границ.

Однако если чехословацкие правители все еще полагали, что Лондон и Париж согласятся с правильностью занятой ими позиции, то они серьезно ошибались. Во время переговоров 28—29 апреля англо-французские политики по существу уклонились от рассмотрения карлсбадских требований, а Чемберлен даже заявил, что карлсбадская программа якобы свидетельствует об «умеренности» гитлеровских притязаний, поскольку в ней не идет речь об аншлюсе[7]. Сами же переговоры, как это уже отмечалось выше, проходили под знаком необходимости дальнейших уступок Гитлеру и его судето-немецкой

---

[4] «Правда», 27/IV 1938.
[5] Цит. по «Правде», 27/IV 1938.
[6] „Statist", 30/IV 1938.
[7] G. Bonnet. Op. cit., p. 352—353.

агентуре. Не прошло незамеченным и сделанное как раз в день начала англо-французского совещания заявление английского военного министра Хор-Белиша, который в «доверительном порядке» сообщил группе американских журналистов, что судьба Чехословакии предрешена и что Судеты будут присоединены к Германии, прежде чем западные державы решат оказать ей сопротивление [8].

В соответствии с решениями лондонского совещания Галифакс 4 мая дал указание Ньютону настаивать перед Бенешем и Годжей на максимальных уступках со стороны чехословацкого правительства с тем, чтобы сделать возможным «мирное урегулирование» германо-чехословацких отношений. Галифакс поручал послу, когда он будет делать это представление, обратить внимание руководителей чехословацкой политики на «серьезность» международного положения Чехословакии, на «сомнительность» получения помощи со стороны Советского Союза, на «действенность» экономического давления, которое могут оказать гитлеровцы на Чехословакию, и, наконец, на то, что Англия не намерена изменять позиции, изложенной Чемберленом в парламенте 24 марта. Весь смысл указанного представления, подкрепленного приведенной выше аргументацией, должен был состоять в том, чтобы убедить чехословацкое правительство в безнадежности расчетов на получение помощи извне, в связи с чем Чехословакии и предлагалось идти на самые крайние уступки немцам якобы «в интересах ее собственного спасения и сохранения европейского мира» [9].

Нажим на чехословацкое правительство через дипломатические каналы сочетался с нажимом через печать. Выдвижение Генлейном карлсбадских требований и англо-французское совещание по чехословацкому вопросу не случайно совпали с развертыванием широкой античехословацкой кампании не только в немецко-фашистской, но и в английской реакционной печати, что создавало вполне определенное впечатление согласованности усилий гитлеровской и британской пропаганды, руководимой в этот

[8] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 32.

[9] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 242. Представление Ньютона Бенешу, в соответствии с инструкциями Галифакса от 4 мая, было сделано 7 мая. Аналогичный демарш был предпринят французским посланником в Праге (Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 282—283).

период одним из ближайших сотрудников Чемберлена — С. Хором [10]. Особую активность в этом отношении проявляли газеты Ротермира и Бивербрука. В номерах от 29 апреля и 6 мая «Дейли мейл» поместила статьи по чехословацкому вопросу, автором которых был лорд Ротермир. Выдержанные в духе стандартной геббельсовской пропаганды, эти статьи содержали грубые, клеветнические выпады против чехословацкой республики. Автор статей открыто призывал к достижению англо-германского соглашения за счет Чехословакии, которая, по его утверждению, проявила полную неспособность руководить своими нацменьшинствами и вскоре должна будет «прекратить свое существование» [11].

В более сдержанных тонах, но по существу ту же линию вели «Таймс» и «Обсервер». 4 мая «Таймс», после пространных рассуждений по поводу создавшейся международной обстановки, указывала на то, что Чехословакии было бы лучше придерживаться политики нейтралитета, вместо того чтобы участвовать в пактах коллективной безопасности [12]. По мнению рупора клайвденской клики, денонсация чехами договора с СССР могла бы успокоить Германию. 7 мая «Таймс» поместила письмо известного поборника политики сговора с гитлеровской Германией лейбориста лорда Ноэл-Бэкстона, который, грубо извращая существо проблемы, пытался доказать, что Чехословакии угрожает полный распад и что единственным путем сохранения независимости государства является предоставление судетским немцам «права на самоопределение» [13]. Спекулируя на миролюбивых чувствах широких масс английского народа, Ноэл-Бэкстон стремился представить всякую политику поддержки Чехословакии как ошибочную и опасную для дела мира.

В рассматриваемый период «Таймс», «Обсервер» и другие ведущие органы реакционной печати приступили

---

[10] W. Rust. Op. cit., p. 16.

[11] „Daily Mail", 29/IV, 6/V 1938. Впоследствии стало известно, что гранки статьи от 6 мая были предварительно посланы для «ознакомления» немецкому послу в Лондоне Дирксену, который не замедлил одобрить ее содержание («Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 11—12).

[12] „Times", 4/V 1938.

[13] Там же, 7/V 1938.

к систематическому публикованию явно инспирированных редакционных статей, многочисленных корреспонденций, а также писем в редакцию, авторы которых настоятельно рекомендовали чехословацкому правительству «не раздражать» своего могущественного соседа — нацистскую Германию — и идти на дальнейшие уступки генлейновцам. Под этим же лозунгом проходила в начале мая сессия Совета Малой Антанты, на которой самый острый вопрос дня — об оказании помощи Чехословакии в случае гитлеровской агрессии — был обойден молчанием, зато было принято специальное решение, одобрявшее заключенное в апреле 1938 г. англо-итальянское соглашение в качестве «важного элемента достижения длительного мира» [14].

Усиливая давление на Прагу, английское правительство проявляло максимум осторожности и предупредительности по отношению к гитлеровским заправилам. В инструкциях, специально посланных в эти дни Гендерсону, Галифакс обращал внимание посла на то, чтобы тот в беседах с руководителями немецко-фашистской политики не делал им никаких предостережений и даже не упоминал о заявлении Чемберлена в палате общин от 24 марта. Британский министр иностранных дел мотивировал эти свои инструкции «сложностью и щекотливостью» стоящей перед Гендерсоном задачи и необходимостью избегать каких-либо шагов, которые могли бы вызвать раздражение Гитлера и Риббентропа [15]. 11 мая Гендерсон посетил Риббентропа и подробно информировал его об «усилиях» английского правительства в целях «мирного» разрешения судето-немецкого вопроса, в частности о представлении англо-французской дипломатии в Праге 7 мая. Английский посол дал понять своему собеседнику, что британское правительство хотело бы знать приемлемые для Германии условия разрешения вопроса, с тем чтобы рекомендовать их чехословацкому правительству [16]. Риббентроп не скрыл своего удовлетворения позицией английского правительства по чехословацкому вопросу. «Германское правительство, — сказал он, — тепло приветствует шаги, предпринятые правительством его величе-

[14] «Правда», 7/V 1938; «Известия», 8/V 1938.
[15] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 254, 281.
[16] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 154, p. 273.

ства в Праге, как соответствующие пожеланиям г-на Гитлера»[17]. В ходе дальнейшей беседы Риббентроп, прекрасно учитывая, что идея широкого англо-германского соглашения являлась излюбленной мечтой Чемберлена, за осуществление которой английский премьер был готов уплатить немалую цену, всячески прельщал чемберленовского дипломата перспективой англо-германских переговоров по всем интересующим обе стороны проблемам, как только будет окончательно урегулирован судето-немецкий вопрос.

Гитлеровская печать по достоинству оценила английское представление в Праге и демарш Гендерсона в Берлине. Так, «Берлинер берзенцейтунг» в своих комментариях писала, что отныне немцы «быстро могут перейти от слов к делу»[18].

«Миротворческая» деятельность британской дипломатии быстро приносила свои пагубные плоды. Уже 12 мая хорошо осведомленный дипломатический обозреватель «Манчестер гардиан», подводя некоторые предварительные итоги представления Ньютона в Праге и демарша Гендерсона в Берлине, вынужден был констатировать, что «до настоящего времени британское представление в Праге не дало каких-либо удовлетворительных результатов... Судя по всему, это представление лишь поощрило судетских немцев в их требованиях ..., которые в конечном итоге будут означать разложение чехословацкого государства. Что же касается параллельного английского демарша в Берлине, то он был сделан в столь примирительной форме, что как будто его вообще не было. Нет никаких оснований полагать, что, даже если чехословацкое правительство достигнет «крайнего предела» в уступках судетским немцам, оно сможет рассчитывать на бо́льшую поддержку со стороны западных держав, чем это имеет место в настоящее время»[19].

14 мая Ньютон сообщал в министерство иностранных дел, что в своем официальном ответе на англо-французский демарш от 7 мая чехословацкое правительство выражало признательность Англии и Франции за их

---

[17] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 285.
[18] Цит. по «Правде», 16/V 1938.
[19] „Manchester Guardian", 12/V 1938.

«особый интерес» к положению в Центральной Европе и в особенности к Чехословакии. Чехословацкое правительство заверяло Англию и Францию в своей готовности вести переговоры с Генлейном и обещало полностью информировать их о ходе этих переговоров.

Подобострастный ответ Бенеша на англо-французское представление свидетельствовал о том, что чехословацкие правящие круги намеревались и дальше идти по опасному для дела мира и независимости Чехословакии пути — пути уступок Гитлеру и его генлейновской агентуре. Что дело обстояло именно так, подтвердили события ближайших дней, когда судетские фашисты добились от министерства внутренних дел разрешения на формирование военных отрядов по образцу гитлеровских штурмовых отрядов [20]. Потворствуя активизации деятельности генлейновцев и других фашистских группировок, чешская реакция одновременно усиливала репрессии против Коммунистической партии Чехословакии—последовательного борца за свободу и независимость республики, за прекращение пагубной политики уступок Гитлеру и Чемберлену. Беспрецедентной по своему характеру явилась начатая в этот период нотная переписка чехословацкого правительства с польским правительством по вопросу о так называемой «коммунистической пропаганде» в Чехословакии. В ответ на явно провокационную ноту польского министерства иностранных дел с требованием пресечь деятельность коммунистических организаций в Чехословакии пражское правительство угодливо заявило, что оно «признает наличие организаций, упомянутых... в польской ноте, и обещает предпринять шаги для подавления их опасной деятельности» [21]. В середине мая министерство внутренних дел Чехословакии предупредило редакцию центрального органа компартии «Руде право» о возможном закрытии газеты на три месяца [22]. Эта вылазка чехословацкой реакции против коммунистической печати, мобилизовывавшей народ на борьбу за независимость и свободу республики, вызвала бурю негодования со стороны

[20] W. Shepardson. The United States in World Affairs. New York, 1939, p. 57—58.

[21] „Manchester Guardian" 7/V 1938.

[22] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 7—8, стр. 109.

трудящихся Чехословакии, настоявших на отмене этого распоряжения министерства внутренних дел.

В рассматриваемый период, когда над Чехословакией нависла угроза нападения со стороны гитлеровской Германии, чехословацкие правящие круги и лично Бенеш и Годжа выступили в неблаговидной роли поборников сближения с главным союзником гитлеровской Германии — Италией. В ряде официальных заявлений, а также опубликованных в печати статей руководители чехословацкой политики расточали похвалы по адресу итальянского правительства и распространялись по поводу роли, которую играет итальянский фашизм в международной политике. После признания пражским правительством в конце апреля 1938 г. захвата Абиссинии Италией чехословацкая реакция повела широкую кампанию за сближение между Римом и Прагой [23]. В испанском вопросе чехословацкое правительство продолжало поддерживать политику «невмешательства», а чехословацкий представитель в лондонском комитете по невмешательству полностью сотрудничал с англо-французской дипломатией в ее усилиях, направленных на то, чтобы облегчить итало-немецким интервентам разгром Испанской республики [24].

2. СОБЫТИЯ 20—22 МАЯ. МАНЕВРЫ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ. ГОТОВНОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОКАЗАТЬ ЧЕХОСЛОВАКИИ ДЕЙСТВЕННУЮ И НЕМЕДЛЕННУЮ ПОМОЩЬ

Ночью 12 мая в Лондон с очередным визитом прибыл Генлейн. Инициатором его поездки был упоминавшийся выше лейбористский лорд Ноэл-Бэкстон [25]. Ряд газет утверждал, что руководитель судетских фашистов прибыл в Англию для обсуждения положения, создавшегося в Чехословакии, и «разъяснения» смысла его карлсбадской речи [26]. Однако на деле цель визита Генлейна состояла в том, чтобы позондировать настроения в различных

[23] „Humanité“ 22/IV 1938; «Правда» 26/IV 1938.
[24] В. Краль. Указ. соч., стр. 206.
[25] Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers, 1938, vol. I. Washington, 1955, p. 497.
[26] „Manchester Guardian“, 14/V 1938.

кругах английского общества по чехословацкому вопросу и заручиться поддержкой английского правительства в осуществлении карлсбадской программы и тех дальнейших шагов, которые намеревался предпринять Гитлер против Чехословакии [27].

Генлейн беседовал с Ванситтартом, Черчиллем, Синклером, Доусоном, Спирсом и другими политическими и военными деятелями Англии. Главарь судетских фашистов вновь заверял своих английских друзей в том, что его главной задачей является борьба с «красной опасностью» в Чехословакии. Особенно продолжительными были беседы Генлейна с Ванситтартом и Черчиллем, которых он просил хранить в тайне все им сообщенное [28]. Мы не располагаем полными записями всех бесед и встреч, которыми было насыщено двухдневное пребывание Генлейна в Лондоне и которые, по признанию этого гитлеровского агента, были «безусловно откровенными и полезными» [29]. Однако опубликованные в «Британских документах» краткие заметки о двух беседах Генлейна: одной — с Ванситтартом, а другой — с Черчиллем и Синклером, позволяют в определенной мере представить, о чем шла речь во время пребывания Генлейна в Лондоне и каковы были позиции сторон.

Обращает внимание прежде всего то обстоятельство, что встречавшиеся с Генлейном английские политики проявляли исключительную предупредительность по отношению к гитлеровскому агенту и выражали удовлетворение по поводу «разумности и умеренности» его требований. Так, Ванситтарт уже в начале беседы поспешил заверить Генлейна, что, по мнению английского правительства, он, Генлейн, «безусловно, является горячим поборником умиротворения» [30]. Ванситтарт тут же выразил пожелание, чтобы Генлейн оставался во главе судето-немецкой партии. В ходе беседы руководитель судетских фашистов достаточно ясно намекал, что Гитлер отнюдь не намерен останавливаться на удовлетворении чехами притязаний судетских немцев о предоставлении им территориальной

---

[27] Foreign Relations, vol. I, p. 504—505.
[28] G. G e d y e. Op. cit., p. 404—405.
[29] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 632.
[30] Там же, стр. 631.

и административной автономии, и по существу признавал, что все разговоры об автономии служат прикрытием для достижения главной цели гитлеровских агрессоров — расчленения и подчинения Чехословакии. Несмотря на это, Ванситтарт не постеснялся заявить, что он нашел Генлейна «гораздо более приятным и разумным, нежели мог надеяться... Мы, — продолжает английский дипломат, — расстались как всегда друзьями» [31].

В беседе с Черчиллем и Синклером Генлейн подробно рисовал картину намечаемой им «автономии» нацменьшинств в Чехословакии, хотя тут же давал понять, что судетские фашисты высказываются за более радикальное решение вопроса — за аншлюсс. Особый интерес, однако, представляли не разглагольствования Генлейна на тему о методах «решения» национального вопроса в Чехословакии, а обмен мнениями между Генлейном и Черчиллем по более широким проблемам. Оказывается, в ходе беседы Черчилль выдвинул предложение о возможности оказания Англией и Францией военной помощи Германии, в случае если «Германия подвергнется нападению со стороны России»[32]. Несомненно, что Черчилль не мог не знать, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать, в том числе не намеревался нападать и на Германию. Выдвинув в беседе с Генлейном предложение об оказании помощи гитлеровцам против СССР, Черчилль вплотную подошел к той самой идее, которая нашла окончательное оформление в виде заявления, сделанного два месяца спустя другому гитлеровскому агенту — Ферстеру, когда этот британский политический деятель высказался за заключение так называемого «общеевропейского соглашения» с участием Англии, Франции и Германии (но, конечно, без СССР), в соответствии с которым Германия могла бы рассчитывать на помощь со стороны западных держав в случае, если бы она оказалась «жертвой неспровоцированного нападения со стороны России» [33].

Подобные заявления Уинстона Черчилля, делавшего вид, что он верит в агрессивные намерения Советского

---

[31] Там же, стр. 632—633; см. также стр. 297—298.

[32] Там же, стр. 634—635.

[33] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 161—162.

Союза и недвусмысленно дававшего понять настоящему агрессору — германскому фашизму, что тот может рассчитывать на помощь Англии и Франции в своих захватнических действиях против Советского государства, а также высказанное Черчиллем «понимание» устремлений генлейновцев вызвали настоящее ликование в лагере судетских фашистов и их берлинских хозяев. По словам корреспондента «Дейли уоркер», руководители судето-немецкой партии, комментируя позицию Черчилля во время его встреч с Генлейном 13—14 мая, прямо заявляли, что отныне «самый антинемецки настроенный британский государственный деятель полностью перешел на нашу сторону»[34]. В свою очередь, Черчилль также не скрывал своего удовлетворения итогами переговоров с Генлейном[35].

Английская, а также французская и американская печать широко комментировала пребывание Генлейна в Лондоне. По словам ряда газет («Дейли экспресс», «Ивнинг ньюс» и др.), лидер судетских фашистов прямо поставил в известность английское правительство о том, что для Германии приемлемо только такое решение вопроса, которое основывается на отказе Чехословакии от пакта с СССР[36]. «Санди Таймс» сообщала, что Генлейн настаивал перед английскими представителями на выделении значительной части чехословацкой территории в виде так называемой «автономной области», которая затем должна будет войти в состав германского рейха[37]. «Нью-Йорк Таймс» в связи с пребыванием Генлейна в Лондоне многозначительно намекала, что Чехословакии так или иначе придется согласиться с требованиями Гитлера[38]

По словам «Рейнольдс ньюс», Генлейн встречался с рядом видных представителей британских деловых кругов, которые заверили его в том, что Англия не будет мешать осуществлению его планов; в свою очередь, Генлейн заверил круги Сити, имевшие инвестиции в Чехословакии, что он не будет создавать угрозы их интересам[39]. Это сообщение «Рейнольдс ньюс» представляло тем больший ин-

[34] „Daily Worker", 2 VI 1938.
[35] „New Statesman and Nation", 21/V 1938.
[36] Цит. по „Humanité", 15/V 1938.
[37] „Sunday Times", 15/V 1938.
[38] „New York Times", 15/V 1938.
[39] „Reynold's News", 15/V 1938.

терес, что оно приоткрывало завесу над державшейся в глубокой тайне «деловой стороной» английской позиции в чехословацком вопросе, свидетельствовавшей о том, что монополистический капитал Англии заблаговременно беспокоился об обеспечении своих интересов в Чехословакии. В этой связи следует отметить, что почти одновременно с Генлейном главный управляющий Банка стран Центральной Европы А. Рейтер вел в Праге по поручению англичан переговоры об уступке немцам британских интересов в предприятиях Шкода. В деловых кругах отмечалось, что Рейтеру удалось удачно завершить эту сделку[40]. С другой стороны, некоторое время спустя после окончания лондонского визита Генлейна английский журналист Геди писал, что в Берлине ведутся переговоры между рядом английских монополистических групп, тесно связанных с Английским банком, и германскими финансистами о возможности участия британского капитала в эксплуатации естественных богатств судетских районов Чехословакии «после их приобретения Германией»[41].

Таким образом, подготавливая предательство чехословацкого народа и давая согласие на расчленение его страны, английские империалисты проявляли немалую заботу о своих настоящих и будущих интересах в Чехословакии и в этом отношении, как видно, могли рассчитывать на известное понимание со стороны своих германских коллег, которые шли им навстречу, видимо, высоко ценя те усилия, которые прилагала британская дипломатия, чтобы облегчить германскому фашизму осуществление его захватнических планов.

Уже во время пребывания Генлейна в Лондоне английское правительство усилило нажим на Прагу, стремясь вынудить чехословацкое правительство согласиться с карлобадскими требованиями судетских фашистов. В эти дни Ньютон непрерывно «беседует» с Бенешем, Годжей и министром иностранных дел Крофтой, настоятельно добиваясь от чехословацких правителей дальнейших уступок генлейновцам. Не довольствуясь своими представлениями в Праге, Ньютон рекомендует Галифаксу вызвать чехословацкого посланника в Лондоне Массарика

---

[40] А. М. Некрич. Указ. соч., стр. 270.
[41] G. Gedye. Op. cit., p. 497.

и воздействовать на него с тем чтобы он разъяснил чехословацкому правительству необходимость того, что в создавшейся обстановке «надо действовать быстро» [42].

Уступая давлению английской дипломатии, чехословацкое правительство дало 17 мая согласие пойти на дальнейшие уступки генлейновцам, которые отныне могли рассчитывать на удовлетворение значительной части своих требований, сформулированных в пресловутой карлсбадской программе, в частности в отношении комплектования местной администрации в Судетах из немцев, участия генлейновцев в центральном государственном аппарате, подчинения полиции местным властям, «уравнения» немцев в правах с чешским населением и т. д.[43] В этой связи «Манчестер гардиан» с полным основанием писала: «Германия может быть вполне удовлетворена достигнутыми сдвигами. Давление, оказываемое Великобританией, Францией, а также Италией на Чехословакию, направлено на ослабление центрального чехословацкого правительства и укрепляет судетских немцев в отношении их требований. Это давление избавляет Германию от необходимости самой осуществлять первоначальные этапы подчинения Чехословакии, поскольку это за нее делают западные державы...» [44] С аналогичным признанием несколько дней спустя выступил и «Стейтист», писавший, что пока дипломатическое давление Англии и Франции на Чехословакию дало немцам более значительные результаты, чем те, которых Берлин мог бы добиться при помощи военной интервенции [45].

Упомянутому согласию чехословацкого правительства на новые, далеко идущие уступки генлейновцам предшествовало еще одно событие, сыгравшее примечательную роль в развитии всего чехословацкого кризиса. 10 мая леди Нэнси Астор давала завтрак в своем клайвденском поместье. Присутствовал Чемберлен и группа американских и канадских журналистов. Во время завязавшейся за завтраком беседы Чемберлен сообщил присутствующим о своих планах заключения «общеевропейского до-

---

[42] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 312.
[43] Там же, стр. 311—313.
[44] „Manchester Guardian", 16/V 1938.
[45] „Statist", 21/V 1938.

говора» с участием Англии, Франции, Германии и Италии, из которого исключался Советский Союз. Чемберлен добавил, что необходимой предпосылкой к заключению указанного пакта является разрешение судетского вопроса. Касаясь позиции Великобритании в вопросе о Чехословакии, премьер заявил, что чехословацкое государство в его нынешних границах не может рассчитывать на помощь западных держав в случае нападения Германии и что он, Чемберлен, придерживается того мнения, что границы Чехословакии должны быть пересмотрены, а Судеты — отданы Германии[46]. Результатом этого интересного завтрака явились не менее интересные статьи в ряде канадских и американских газет, посвященные английской позиции в чехословацком вопросе. 14 мая известный канадский журналист и близкий друг Чемберлена Джозеф Дрисколл писал в «Монреаль дейли стар»: «Я в состоянии изложить то, что безошибочно может быть названо официальной точкой зрения... англичан в отношении Чехословакии. Достоверность того, что я излагаю, не может быть оспорена... Очевидно, что наиболее опасным местом в настоящее время является Чехословакия. Что официальные британские лица думают по этому поводу? Они считают, что существует очень незначительная опасность войны в Европе в ближайшем будущем. Вряд ли что может быть яснее, чем то, что англичане не намереваются воевать из-за Чехословакии... Пересмотр границ может оказаться целесообразным. Меньшая, но более сильная Чехословакия возникнет вместо прежней... Чехи должны быть реалистами и пойти на соглашение с немцами без войны»[47]. Сообщения примерно такого же содержания появились в «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и других газетах.

Понятно, что подобные корреспонденции, опубликованные почти одновременно в ведущих органах американской и канадской печати, не могли пройти незамеченными для мирового общественного мнения. Заметили их, хотя и с некоторым запозданием, также и в Англии. В парла-

---

[46] J. Wheeler-Bennett. Op. cit., p. 52; G. Gedye. Op. cit., p. 401—403.

[47] Цит. по: G. Gedye. Op. cit., p. 402—403; Surve y of Intern. Affairs, 1938, vol. II, p. 113—114.

менте либерал Дж. Мандер потребовал у премьера разъяснения, что это за официальная точка зрения, которую изложил Дрисколл, почему подобные интервью даются иностранным журналистам и почему подобные планы правительства не были сообщены парламенту и стране. В ответ Чемберлен заявил, что «Монреаль дейли стар» не говорит о каком-либо интервью, хотя журналист и указывает, что информация получена им из официальных британских кругов. Но, добавил премьер, поскольку Мандер не знает, кто это лицо, давшее информацию, он, Мандер, не имеет права предположить, что это лицо может сообщить что-либо палате. Было ясно, что Чемберлен уклоняется от ответа. Тогда Мандер прямо спросил Чемберлена, беседовал ли он с Дрисколлом. Вышедший из себя Чемберлен заявил, что он не намерен удовлетворять «назойливого любопытства», отказывается отвечать и считает вопрос исчерпанным. Вновь взявший слово Мандер спросил премьера, не имело ли место это интервью 10 мая на завтраке у леди Астор. Леди Астор с места заметила, что «во всем этом нет и слова правды». Однако через несколько дней глава клайвденской клики была вынуждена признать, что премьер-министр присутствовал у нее на завтраке. «Что она действительно отрицала и отрицает сейчас, — продолжала Астор, — это всякое предположение о якобы имевшем место за завтраком интервью... Интервью, насколько мне известно, — заявила Астор,— это встреча, специально организованная для передачи информации представителям печати, в то время как г-н Чемберлен был у меня с целью встретить журналистов в неофициальном порядке» [48].

В свете этого «уточнения» все становится на свои места. Заявления Чемберлена и Астор лишь проливают дополнительный свет на подлинную позицию английских правящих кругов, содействовавших гитлеровским палачам в насилии над Чехословакией.

Запрос Мандера в палате, о котором выше шла речь, имел место 20—21 июня. Генлейн же покинул Лондон 14 мая. Но главарь судетских фашистов не нуждался

---

[48] Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 335, 337, col. 854—858, 957, 1540; см. также „Manchester Guardian", 24, 28/VI 1938.

в дополнительном уточнении источника информации Дрисколла. Из Лондона он возвращался, будучи твердо убежден в том, что правительство Чемберлена — Галифакса не только не будет чинить помех гитлеровской Германии в ее планах подчинения Чехословакии, но и намерено усилить давление на Прагу, чтобы заставить ее капитулировать. Дополнительным подтверждением этого явилась, в частности, помещенная в лондонской «Таймс» 16 мая передовая статья, в которой развивалась мысль о том, что настоящий момент является наиболее подходящим для предоставления максимальных уступок судетским немцам. «Таймс» при этом настойчиво рекомендовала Бенешу сделать эти уступки сразу, а «не отдельными порциями». Одобряя требования генлейновцев о разрыве союзных договоров Чехословакии с Францией и СССР, газета писала: «Понятно, что для чехословацкого правительства представляется затруднительным согласиться на изменение ориентации своей внешней политики, как того требует Генлейн. Однако нельзя отрицать, что Генлейн в качестве руководителя части населения страны вправе настаивать на таком изменении. Можно также привести ряд доводов, говорящих в пользу нейтрализации Чехословакии по примеру Бельгии или Швейцарии» [49].

Давление Англии и Франции на чехословацкое правительство с тем, чтобы вырвать эти «максимальные уступки», приняло после поездки Генлейна в Лондон особенно грубые формы. По словам одного из официальных чехословацких лиц, поведение представителей Англии и Франции в Праге стало просто возмутительным. Правительство Чемберлена, жаловался этот чешский представитель, относится к Бенешу «не как к главе суверенного государства, а как к вождю какого-то беспокойного колониального племени» [50]. «Как характер, так и форма англо-французских демаршей, предпринимаемых по инициативе Великобритании, — заявлял этот деятель, — становятся все более и более невыносимыми. За последнее время не видно даже попытки соблюсти хотя бы видимость дипломатической вежливости. Самые

[49] „Times", 16/V 1938.
[50] G. G e d y e. Op. cit., p. 410—411.

смехотворные жалобы делаются по любому поводу... в надежде измотать наши нервы... Хуже всего то, что на нас оказывается постоянное давление с целью добиться того, чтобы мы не разрешали полиции прибегать к оружию и поддерживать твердый порядок»[51]. В своих вышедших после войны мемуарах[52] бывший президент чехословацкой республики предпочел умолчать об этой тактике изматывания нервов, об этой тактике шантажа и угроз, к которой прибегали западные «союзники» Праги, сговорившиеся с гитлеровскими заправилами о расчленении Чехословакии. Внешняя политика чехословацкого буржуазного государства, возглавлявшегося Массариком, а затем Бенешем, давно уже стала послушным орудием в руках англо-французских империалистов, и Бенеш, несмотря на предательскую позицию Англии и Франции, что было предельно ясно уже в майские дни 1938 г., продолжал послушно идти на поводу правящих кругов этих государств. Не мысля себе другой политики, Бенеш был готов скорее пойти на любые уступки германским агрессорам и их англо-французским сообщникам, вплоть до полной капитуляции перед ними, нежели решиться на разрыв с гибельной для республики ориентацией на империалистические державы Запада и встать на путь проведения самостоятельного внешнеполитического курса, диктуемого национальными интересами страны, курса на честное и лояльное сотрудничество с великой Советской державой — единственным последовательным защитником свободы и независимости Чехословакии.

Характерно в этой связи заявление, сделанное Бенешем Ньютону, о котором английский посланник сообщал в министерство иностранных дел в своем письме от 18 мая. По словам Ньютона, Бенеш сказал, что оценка военного и политического положения Чехословакии, данная английским правительством в его последних представлениях, является столь пессимистической, что невольно напрашивается вывод о том, что «единственный выход для нее состоит в подчинении германскому гос-

---

[51] G. Gedye. Op. cit., p. 410—411.

[52] E. Beneš. Pameti od Mnichova k nové válce a k novému vitezstvi. Orbis—Praha, 1948.

подству»[53]. Бенеш добавил, что эту же точку зрения проповедуют некоторые лидеры аграрной партии, настаивающие на удовлетворении всех требований Гитлера — Генлейна. Признав, таким образом, что английское правительство по существу добивается того, чего требуют и правые аграрии, т. е. полной капитуляции перед Гитлером, чехословацкий президент ни словом не осудил такую позицию скрытых и явных врагов чехословацкого государства. Наоборот, Бенеш напомнил о том, что он сам стремился достичь соглашения с Германией и что в будущем он по-прежнему намерен ориентировать внешнюю политику страны на западные державы. «Чехословацкие отношения с Россией, — добавил Бенеш,— всегда были и останутся второстепенным фактором, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией зависят исключительно от франко-русского договора, но если Западная Европа перестанет быть заинтересованной в России, Чехословакия также утратит к ней интерес. Его страна... всегда будет следовать за Западной Европой и будет связана с ней, а отнюдь не с Восточной Европой»[54].

Эта западная ориентация тогдашних пражских правителей, как показали последующие события, стоила Чехословакии свободы, независимости и самого существования.

Видя, что Англия и Франция по существу поддерживают гитлеровские планы расчленения Чехословакии, с требованием о немедленном урегулировании вопроса о польском меньшинстве в Чехословакии выступила панская Польша. Французский посланник в Варшаве Ноэль признает, что польское правительство пустило в ход все имевшиеся средства, чтобы ослабить Чехословакию и подорвать ее позиции[55]. Уступая давлению Польши, пражские власти 18 мая дали согласие на предоставление польскому меньшинству таких же прав, какие будут предоставлены судетским немцам[56]. Однако польские правящие круги отнюдь не намеревались ограничиться

[53] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 313.

[54] Там же, стр. 314.

[55] L. Noël. Op. cit., p. 200, 216; см. также „New Statesman and Nation", 14/V 1938.

[56] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 315.

«уравнением» в правах поляков с судетскими немцами— вместе с фашистской Германией и Венгрией они вынашивали планы раздела Чехословакии, надеясь, в частности, на захват Тешинской Силезии. Под предлогом проведения маневров с начала мая польские войска стали стягиваться к чехословацкой границе[57]. Перед лицом агрессивных притязаний польской воинствующей реакции Англия, так же как и Франция, упорно отказывалась занять твердую позицию — позицию противодействия этим притязаниям. Наоборот, обращая внимание бековских дипломатов на то значение, которое она придает роли Польши в Европе, подчеркивая свое желание «опереться на Польшу и сотрудничать с ней», англо-французская дипломатия по существу потворствовала польско-фашистским домогательствам[58].

Своих захватнических устремлений по отношению к Чехословакии не скрывала и венгерская реакция. Эти планы правящие круги Венгрии надеялись осуществить главным образом при помощи гитлеровской Германии[59]. Венгерские правители рассчитывали также на содействие английских правящих кругов. В этой связи заслуживали внимания сообщения чехословацкой печати о том, что посетившая еще в конце апреля Будапешт группа членов британского парламента от консервативной партии заверила правительство Хорти в том, что оно может рассчитывать на поддержку английского правительства в отношении своих ревизионистских требований по отношению к Чехословакии[60].

Положение чехословацкой республики становилось все более серьезным. 18—19 мая ее секретная служба получила точные данные о сосредоточении крупных германских пехотных, бронетанковых и авиационных частей на чешско-германской границе. Достоверность этой информации была подтверждена и Гендерсоном, который

---

[57] «Правда», 30/V 1938.

[58] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 130—131; см. также Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 501—503.

[59] «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. I. Германская политика в Венгрии (1937—1942). М., 1946, стр. 51, 56.

[60] «Правда», 23/IV 1938.

узнал от исполняющего обязанности английского консула в Дрездене о концентрации крупных подразделений германских войск в Южной Силезии и Северной Австрии[61]. Создавалась реальная опасность того, что Гитлер, который не мог расценивать иначе заверения, полученные Генлейном в Лондоне, и интервью Чемберлена на завтраке у Астор 10 мая как своего рода зеленый свет светофора для нанесения молниеносного удара по Чехословакии, действительно готовил вторжение. Дафф-Купер прямо пишет в своих мемуарах: «Нет никакого сомнения, что в мае 1938 г. Гитлер хотел и намеревался развязать войну против Чехословакии» [62]. Удар по Чехословакии извне должен был сочетаться с комбинированным ударом изнутри — вооруженным выступлением банд генлейновцев, провокации которых после возвращения их главаря из Англии приняли особенно серьезный характер. Всегда хорошо информированная «Таймс», еще во время пребывания Генлейна в Лондоне предсказывавшая, что судетский вопрос быстро двигается к «критической стадии», теперь многозначительно намекала со ссылкой на авторитетных наблюдателей в Берлине, что в ближайшие дни на германо-чехословацкой границе ожидаются чрезвычайно серьезные события[63].

Перед лицом грозной опасности, нависшей над Чехословакией, самые широкие массы чехословацкого

---

[61] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 317.

[62] Duff Cooper. Op. cit., p. 220; «Внешняя политика Чехословакии», стр. 490—491.

[63] „Times", 14, 19, 20/V 1938. Некоторые органы английской печати, отмечая, что целью концентрации германских войск на чехословацкой границе не обязательно должно было быть немедленное вторжение в Чехословакию, тем не менее признавали, что эта военная демонстрация должна была запугать Прагу и вынудить ее пойти на безоговорочное принятие гитлеровских требований, конечным результатом чего явилось бы «мирное поглощение» Чехословакии на австрийский манер, Так, еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн», оговорившись, что он не может ручаться за то, что Гитлер наверняка планировал немедленное вторжение в Чехословакию, писал: «...однако инциденты провоцировались, войска стягивались к границам с целью запугивания, немецкий народ подготавливался к тому, что в Чехословакии вспыхнет мятеж. Тон германской печати и безосновательные утверждения о беспорядках и терроре по отношению к немцам в Чехии — все это весьма напоминало психологическую подготовку к захвату австрии» („New Statesman and Nation", 28/V 1938).

народа — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция требовали от правительства принятия решительных мер против наступающего фашизма. Душой и вдохновителем масс на борьбу за независимость и целостность чехословацкой республики явилась коммунистическая партия. 19 мая в Праге чешские рабочие, возглавляемые коммунистами, преградили путь вооруженным фашистским демонстрантам и сорвали попытку генлейновских провокаторов вызвать кровопролитие и превратить эту демонстрацию в открытое вооруженное выступление против республики. Были пресечены попытки фашиствующих элементов спровоцировать кровавые инциденты и в ряде других городов страны. 19 мая на массовом митинге трудящихся столицы Чехословакии выступил К. Готвальд. В своей речи он подтвердил решимость рабочего класса и крестьянства страны до конца отстаивать республику. Руководитель коммунистической партии подверг уничтожающей критике позицию капитулянтов и потребовал прекращения политики уступок и заигрывания с генлейновской агентурой, которую продолжали вести аграрии и находившееся под их фактическим контролем правительство[64].

В эти дни компартия вновь обратилась к социалистическим партиям с призывом объединить усилия в борьбе против внешних и внутренних врагов чехословацкого государства, справедливо подчеркивая, что в этом единстве действий трудящихся масс залог спасения республики. Несмотря на то, что правосоциалистические лидеры даже в эти тяжелые для республики дни по-прежнему противодействовали всем усилиям компартии, направленным на объединение демократических сил страны, компартия решительно продолжала борьбу за мобилизацию масс на защиту республики, сплачивая под своим знаменем все более широкие слои трудящихся Чехословакии.

Твердая и последовательная позиция чехословацкого народа, требовавшего решительного отпора Гитлеру и его генлейновской агентуре, предопределила и позицию чехословацкого правительства в критические майские дни 1938 г.

Во второй половине дня 20 мая состоялось экстрен-

[64] «Известия», 21/V 1938.

ное заседание Высшего совета обороны и правительства Чехословакии. В ответ на военные мероприятия Гитлера и концентрацию немецких войск на границе было решено провести частичную мобилизацию чехословацких вооруженных сил. Мобилизация прошла организованно, быстро и четко, что произвело сильное впечатление как на друзей Чехословакии, так и ее врагов. Через несколько часов чехословацкие войска в полной боевой готовности придвинулись к границе, чтобы дать решительный отпор агрессору, если бы он дерзнул вторгнуться в пределы республики. Решимость чехословацкого народа защищаться с оружием в руках обескуражила английское правительство. В Лондоне, этом центре заговора против независимости и свободы чехословацкого государства, не на шутку встревожились [65]. 21 мая Галифакс дал указание Гендерсону немедленно запросить Риббентропа о характере германских военных приготовлений и, обратив внимание гитлеровцев на то, что английское правительство прилагает все усилия, чтобы добиться «мирного решения» чехословацкого вопроса, указать, что в создавшихся условиях вызванный немцами вооруженный конфликт может привести к общеевропейской войне, в которую, в случае выступления Франции, может быть втянута и Англия[66]. С присущей ему наглостью Риббентроп заявил Гендерсону, что германские военные мероприятия носят обычный характер. Однако предупреждение английского посла о возможной позиции Великобритании в случае вторжения немцев в Чехословакию, хотя и облеченное в весьма осторожную форму, вызвало настоящий приступ бешенства у нацистского министра. Риббентроп разразился угрозами по адресу Чехословакии, а затем обрушился на французского союзника Англии, заявив, что в случае, если последует общеевропейская война, виновницей будет не Германия, которая, однако, как и в 1914 г., готова принять вызов[67].

[65] Решение пражского правительства о частичной мобилизации своих войск в мае 1938 г. вызвало большое раздражение и руководителей французской политики, особенно Боннэ, потребовавшего у чехословацкого посланника в Париже специальных «разъяснений» на этот счет (см. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 38—39).

[66] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 331—332.

[67] N. Henderson. Op. cit., p. 138.

Чем объясняется это негодование нацистского министра, до сих пор, как правило, находившего общий язык и неплохо ладившего с представителями английского правительства? Вероятнее всего, причина заключается в том, что Риббентроп расценил переданное Гендерсоном предупреждение Галифакса как отступление от прежней позиции Англии в вопросе о «поглощении» Чехословакии гитлеровцами. На первый взгляд может действительно показаться, что это предупреждение Галифакса являлось отклонением от того курса, который до сего времени вела британская дипломатия по отношению к Чехословакии. Но это только на первый взгляд. На самом деле английское правительство отнюдь не намеревалось изменять своего ранее принятого решения предать Чехословакию. Но решимость Чехословакии с оружием в руках дать отпор немецко-фашистским захватчикам грозила спутать все карты Чемберлена. Он опасался, что, рискнув на выступление против Чехословакии в таких условиях, Германия встретит ее вооруженное сопротивление. Это могло бы заставить и Францию прийти на помощь Чехословакии. Что касается Советского Союза, то его позиция не могла вызывать каких-либо сомнений. Эта позиция — позиция строгого соблюдения своих договорных обязательств по отношению к Чехословакии была вновь подтверждена незадолго до майских событий в Чехословакии, 8 мая, председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым во время беседы с чехословацкой делегацией, прибывшей на празднование 1 Мая в Москву. Более того, выступая 26 апреля с докладом о международном положении, М. И. Калинин недвусмысленно указал на возможность оказания Советским правительством помощи Чехословакии вне зависимости от позиции Франции. «Чехословакии мы помогаем, — говорил М. И. Калинин, — в том случае, если ей помогает Франция, и, наоборот, Чехословакия нам будет помогать в том случае, если нам будет помогать Франция. Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»[68]. О готовности СССР оказать помощь Чехословакии всеми необходимыми сред-

[68] М. И. Калинин. О международном положении. М., 1938, стр. 13—15.

ствами, включая использование сухопутных и военно-воздушных сил, сообщал в Прагу в эти дни чехословацкий посланник в Москве Зденек Фирлингер [69].

Строго придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела Чехословакии и «воздерживаясь от каких-либо непрошенных советов чехословацкому правительству» [70], Советское правительство в то же время проявляло постоянную заботу о создании наиболее благоприятных международных условий для оказания помощи Чехословакии как со стороны Советского Союза, так и Франции. Именно в этом плане следует рассматривать и выдвинутое М. М. Литвиновым в мае 1938 г. во время очередной сессии Лиги наций предложение о начале переговоров между представителями советского, французского и чехословацкого генеральных штабов для уточнения необходимых мероприятий по оказанию помощи Чехословакии и о совместном воздействии на Польшу и Румынию с целью побудить их изменить свою позицию в вопросе о пропуске через их территорию частей Советской Армии в случае германо-чехословацкого конфликта [71].

Нельзя не отметить, что многие представители тогдашнего буржуазного чехословацкого правительства, при всей их зависимости от Англии и Франции и всей их антипатии к Советскому Союзу, высоко оценивали твердую и принципиальную позицию СССР в чехословацком вопросе, в частности, в критические для страны дни мая 1938 г. Так, министр иностранных дел Крофта в заявлении, сделанном советскому полпреду в Праге С. С. Александровскому 30 мая 1938 г., подчеркивал, что Чехословакию очень успокаивает и очень ободряет «уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды...» [72] Аналогичное признание сделал несколько позднее и Бенеш в беседе с известным американским журналистом У. Липпманом, заявив, что в случае германо-чехословацкого конфликта СССР «немедленно бы вступил в войну, подверг бы бомбарди-

---

[69] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 26.
[70] Там же, стр. 60.
[71] Там же, стр. 41—42.
[72] Там же, стр. 50—51.

ровке германские города и двинул бы свою армию в Чехословакию через Румынию»[73]. Об этом же говорил Бенеш в конце июня французскому журналисту Э. Бюре[74].

Таким образом, когда в результате первого массированного нажима Гитлера на Чехословакию возник так называемый «майский кризис» 1938 г., Чехословакия, безусловно, могла рассчитывать на готовность Советского Союза оказать ей немедленную и действенную помощь. В случае, если бы давление общественного мнения на французское правительство заставило последнее в создавшихся условиях также поддержать Прагу, то неизбежным результатом явилась бы «большая война», образование антигитлеровской коалиции неагрессивных держав, исход единоборства с которой для гитлеровской Германии было нетрудно предвидеть. Не желание спасти Чехословакию и предотвратить новый захватнический акт фашистских агрессоров двигало Чемберленом и Галифаксом, как пытаются уверить апологеты политики «умиротворения», когда английские министры давали инструкции Гендерсону остановить Гитлера, а страх за судьбу фашистского режима и вынашиваемых планов «крестового похода» против СССР. Но не только Гендерсону были посланы в эти критические майские дни чемберленовские инструкции. В Париже Эрик Фиппс имел продолжительную беседу с Боннэ. По поручению своего правительства английский посол сделал следующее официальное заявление: «Британское правительство выступило с самым серьезным предупреждением в Берлине, и следует надеяться, что это предупреждение помешает германскому правительству прибегнуть к крайним мерам. Но было бы весьма опасно, если бы французское правительство преувеличило действенность указанного предупреждения... Правительство его величества выполнит свои обещания прийти на помощь Франции, если последней будет угрожать неспровоцированная агрессия со стороны Германии... Однако если французское правительство предполагает, что правительство его величества готово на общие военные

---

[73] Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 533.

[74] P. Durand. L'histoire vraie de la déclaration de guerre. — „Humanité", 21/VIII, 1959.

мероприятия, чтобы защитить Чехословакию против германской агрессии, то надо предупредить, что для такого предположения нет оснований в нашем заявлении...»[75]

Маневр английской дипломатии предельно ясен. Германию «предупреждали», чтобы она не выступала против Чехословакии в обстановке, которая складывалась явно неблагоприятно для агрессора. Для этого даже прибегли к угрозе английского вмешательства, по сути дела никогда не намечавшегося, — о том, что Англия не собиралась оказывать помощи Чехословакии ни при каких обстоятельствах (подчеркнуто нами. — *В. П.)*, прямо сказал Дафф-Купер в своей парламентской речи 3 октября 1938 г.[76] Таким образом, получалось, что, если бы Гитлер, несмотря на предупреждение Гендерсона, все-таки двинулся на Чехословакию, он не оказался бы перед лицом единого фронта западных держав, ибо, не намереваясь оказывать поддержку Чехословакии, английское правительство сочло нужным вновь предупредить Францию, чтобы та также не мешала гитлеровцам в осуществлении их замыслов.

Эта предательская по отношению к Чехословакии позиция аглийских правящих кругов была одобрена французским правительством. Из переписки Фиппса с английским министерством иностранных дел в дни майского кризиса видно, с какой злобой реагировали английские и французские пособники гитлеровских агрессоров на мобилизацию чехословацкой армии. Так, 21 мая Фиппс сообщал Галифаксу о том «возмущении», которое охватило Боннэ при получении известий о мобилизации чехословаков. Фиппс писал далее, что он посоветовал французскому министру немедленно вызвать чехословацкого посланника и решительно заявить ему, что, по мнению французского правительства, Чехословакия по существу нарушила союзный договор с Францией, проведя мобилизацию своих вооруженных сил без согласия последней. Фиппс настойчиво рекомендовал Боннэ добиваться от Бенеша немедленной отмены мобилизации. Как видно из донесения

---

[75] P. E. Flandin. Politique française. Paris, 1947, p. 263; Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 446—447.

[76] Duff Cooper. The Second World War. New York, 1939, p. 19.

Фиппса, Боннэ так и поступил, потребовав от посланника, чтобы впредь подобные мероприятия без предварительной консультации с Францией и Англией не проводились[77].

Немалую активность развивала в дни «майского кризиса» и американская дипломатия, причем особенно усердствовал небезызвестный Буллит, занимавший в то время пост посла США в Париже и являвшийся, по выражению чехословацкого историка, главным уполномоченным американского правительства по чехословацкой проблеме[78]. Целиком поддерживая позицию англо-французских пособников гитлеровской агрессии, Буллит буквально засыпал госдепартамент письмами и телеграммами с целью побудить американское правительство официально вмешаться в конфликт и заставить Чехословакию согласиться на удовлетворение немецко-фашистских притязаний.

Грубо клевеща по адресу чехословацкого государства, Буллит обвинял Прагу в намерении довести дело до мировой войны из-за «своей неуступчивости» и на все лады расписывал неизбежную «гибель западной цивилизации» и «триумф коммунизма», который якобы последует в результате вооруженного конфликта[79].

По совету Боннэ Буллит обратился к Хэллу с предложением, чтобы тот выступил со специальным заявлением, рекомендующим чехам проявлять «сдержанность и готовность к компромиссу» (!) с Гитлером[80]. Хотя государственный секретарь и не счел возможным последовать совету своего посла, учитывая, видимо, то неизбежно отрицательное впечатление, которое подобная декларация произвела бы на мировое общественное мнение, тем не менее Хэлл выступил 28 мая со специальным заявлением на пресс-конференции. Несмотря на нарочито туманные формулировки отдельных положений этого заявления, его содержание было правильно понято и по достоинству оценено в Париже и Лондоне как направленное на поддержку позиции английского и французского правительств в чехословацком вопросе[81].

---

[77] Doc. on Br. Fol. Pol., vol. I, p. 336.
[78] И. Веселы. Указ. соч., стр. 122.
[79] Foreign Relations of the U. S., 1938, vol. I, p. 510—515.
[80] Там же, стр. 519.
[81] Там же, стр. 524.

Между тем Германия, как и следовало ожидать, учтя предостережение Гендерсона, не выступила против Чехословакии. Она не выступила потому, что боялась общеевропейского конфликта в мае 1938 г., не будучи готовой к «большой войне». Известно, что все свои планы захвата Чехословакии Гитлер строил исходя из того, что ни Франция, ни Англия не окажут вооруженной поддержки Чехословакии. Эта мысль фашистского главаря получила предельно четкое выражение в директиве, утвержденной 18 июня: «Я приму решение предпринять операции против Чехословакии только в том случае, если я буду твердо убежден, что Франция не выступит и поэтому Англия также не вмешается»[82]. Решимость же Чехословакии защищаться, возможность выступления ей на помощь других держав грозили опрокинуть все расчеты гитлеровцев и создавали угрозу общеевропейской войны, на риск которой Гитлер не решался пойти.

Перед лицом такой же самой ситуации, которая сложилась на границах Австрии немногим более двух месяцев назад и которая привела к молниеносному захвату этого государства фашистской Германией, Чехословакия приняла как раз противоположное решение: на угрозу гитлеровского вторжения она ответила твердой решимостью защищать свои границы, свою свободу и независимость.

Нет сомнения, что твердая и последовательная позиция широких масс чехословацкого народа, продемонстрировавшего свою готовность отстоять свободу и целостность республики, явилась той решающей силой, которая предотвратила германское нападение и спасла республику в мае 1938 г. Это обстоятельство особенно отметил К. Готвальд, заявивший, что исход событий 20—22 мая является красноречивым доказательством того, что «только путь решительных мер и твердых действий спасает мир и независимость республики, в то время как путь уступок есть гибельный путь поощрения агрессии»[83].

22 мая в Чехословакии проходил первый тур муниципальных выборов. Состоявшиеся в сложной и напряженной обстановке, в условиях грубого шантажа и провока-

---

[82] Nazi Consp. and Aggr., vol. III, doc. 388—PS, p. 324—326.
[83] «Известия», 26/V 1938.

ций со стороны германского фашизма, а также нажима со стороны англо-французской дипломатии, требовавшей уступок Гитлеру, эти выборы приобретали особое политическое значение. Выборы в большинстве районов Чехословакии ознаменовались серьезным поражением реакционно-фашистских партий и группировок и крупной победой антифашистских сил. Особенно показательными были итоги выборов в Праге, где основные антифашистские партии — коммунистическая, национально-социалистическая, социал-демократическая и народная — получили 64% всех голосов, причем коммунисты собрали на 21 тыс. голосов больше, чем в 1935 г., и заняли второе место [84].

По единодушному признанию чехословацкой и иностранной печати, результаты выборов являлись наглядным доказательством того, что народы Чехословакии отвергают политику капитуляции и выступают за твердую политику в отношении происков Гитлера и его агентуры. Печать также уделяла большое внимание провалу гитлеровских планов молниеносного удара по Чехословакии. Французские газеты «Ордр» и «Эвр» правильно отмечали, что, хотя агрессор и был вынужден отступить, положение в Центральной Европе по-прежнему остается чрезвычайно серьезным и что дальнейшие осложнения могут быть предотвращены лишь в том случае, если Англия и Франция недвусмысленно предостерегут Гитлера[85].

Английская реакционная печать («Дейли экспресс», «Дейли телеграф энд морнинг пост» и др.) всячески стремилась создать впечатление, что Чехословакия была спасена благодаря «энергичным усилиям» английского правительства. Эти измышления английских пособников гитлеровских агрессоров были разоблачены прогрессивной печатью. 24 мая газета «Дейли уоркер» посвятила пространную передовую статью позиции Англии в чехословацком вопросе. Высмеяв неуклюжие попытки Чемберлена выступить в роли «спасителя» Чехословакии, газета подчеркивала, что только из-за решимости чехословацкого народа оказать сопротивление гитлеровцам и зная о готовности СССР и, возможно, также Франции выступить на

---

[84] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 7—8, стр. 106. «Внешняя политика Чехословакии», стр. 493—494.

[85] „Ordre", 23, 24/V 1938; „Oeuvre" 24/V 1938.

помощь Чехословакии, Чемберлен оказался вынужденным предостеречь Гитлера и порекомендовать ему прибегнуть к более «дипломатическим методам» для разрешения чехословацкого вопроса. «Гитлер, — говорилось далее в статье,— проиграл первый тур. Силы демократии в Чехословакии одержали крупную победу..., а значительное увеличение числа голосов, поданных за коммунистическую партию на выборах, является признательностью ей за ту замечательную борьбу, которую она ведет за мир... Однако теперь Гитлер начнет подготовку к следующему туру и использует все знакомые провокационные фашистские методы для того, чтобы помочь Генлейну в его усилиях, направленных на подрыв чехословацкого государства. Выступая в качестве «миротворца», Чемберлен попытается обеспечить Гитлеру достижение дипломатическими методами того, что нацистам не удалось осуществить при помощи открытого применения военной силы» [86].

Правильность этого прогноза английской газеты была, как известно, полностью подтверждена дальнейшим развитием событий.

3. ПРОИСКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕАКЦИИ ПОСЛЕ «МАЙСКОГО КРИЗИСА»

Срыв гитлеровских планов захвата Чехословакии в мае 1938 г. несколько обескуражил англо-французских пособников гитлеровских агрессоров. Некоторое время растерянность и уныние царили в лагере могильщиков чехословацкой республики. С нескрываемым раздражением комментирует майские события биограф Чемберлена Петри: «Справедливость и политические соображения, — заявляет этот апологет английской политики «умиротворения», — требовали, чтобы чехи пошли на существенные уступки..., но те, кто не был согласен с внешней политикой Чемберлена..., подстрекали чехов не уступать ни на дюйм», что, по утверждению Петри, и привело к кризису в мае. Петри не скрывает своего разочарования исходом майских событий[87]. Ему вторит Н. Гендерсон. Решение

[86] „Daily Worker", 24/V 1938.
[87] Ch. P e t r i e. Op. cit., p. 321.

чехословацкого правительства провести частичную мобилизацию в мае он называет «вызывающим жестом»[88].

В первые дни после событий 20—22 мая гитлеровская пропаганда против Чехословакии и деятельность судето-немецких фашистов приняли более сдержанные формы.

Однако интриги заговорщиков против независимости Чехословакии ни на минуту не прекращались. Чемберлен, Галифакс, а также Боннэ настойчиво добивались от чехословацкого правительства скорейшей демобилизации войск и отвода их от германской границы, мотивируя это необходимостью лишить Гитлера предлога к новому выступлению. Энергично ратовала за демобилизацию чешских войск «Таймс», ныне упорно твердившая, что сведения о концентрации германских вооруженных сил у чехословацкой границы были «уткой».

Давление англо-французской дипломатии на Прагу по вопросу о демобилизации чехословацких войск и отмене всех других военных мероприятий, проведенных в связи с угрозой нападения на Чехословакию, уже через несколько дней дало свои результаты. В телеграмме от 28 мая Ньютон не без удовлетворения сообщал Галифаксу, что чехословацкое правительство намерено приступить к постепенному отводу войск от границы, а затем и их демобилизации[89]. Под совместным нажимом Лондона и Парижа чехословацкое правительство 24 мая возобновило переговоры с Генлейном, которому Гитлер, окончательно убедившись в провале намеченной авантюры, дал указание продолжать переговоры. Лишь только возобновились переговоры, как в Прагу с «информационными целями» прибыл заведующий отделом стран Центральной Европы английского МИД — У. Стрэнг. Стрэнг встретился с рядом чехословацких официальных лиц, а также с Ньютоном. Как видно из опубликованных в «Британских документах» записей бесед Стрэнга с Ньютоном, английских дипломатов более всего занимала мысль о том, каким образом можно было бы добиться скорейшей уступки Судетской области Германии. В этой связи Стрэнг сообщал, что Галифакс «обдумывал вопрос» о плебисците в населенных немцами районах Чехословакии и пришел к выводу о том,

[88] N. Henderson. Op. cit., p. 142.
[89] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 397.

что было бы целесообразно, чтобы Бенеш уже сейчас официально выдвинул предложение о плебисците, не откладывая дела в долгий ящик [90].

Следует отметить, что английские дипломаты отнюдь не строили себе иллюзий относительно тех целей, которые преследовали гитлеровцы, добиваясь «радикального решения» судетского вопроса. Так, Ньютон прямо говорил Стрэнгу, что Гитлер использует судетский вопрос в качестве инструмента в своей политике, направленной на «усиление политических и военных позиций Германии в Европе и вытеснение Советского Союза из Центральной Европы» [91].

В своих беседах с чехословацкими официальными лицами Стрэнг также настаивал на скорейшем решении судетской проблемы [92].

Другим непосредственным следствием пребывания английского дипломата в Праге было установление дипломатических отношений между Чехословакией и Франко; решение это было принято Бенешем и Годжей по «совету» английского правительства, переданному через Стрэнга, несмотря на протесты широких кругов чехословацкой общественности.

Чувствуя, что за их спиной по-прежнему стоит не только гитлеровская Германия, но и чемберленовская Англия, генлейновцы, начиная с 26 мая, вновь усилили свою враждебно-провокационную деятельность против чехословацкой республики. Их главари Кундт и Франк выступили с публичными заявлениями, в которых указывали, что судето-немецкая партия ни на дюйм не отступит от карлсбадской программы, а Генлейн в своем нашумевшем интервью, данном английскому журналисту У. Прайсу, открыто угрожал Чехословакии переходом судетских немцев в Третью империю, если чехословацкое правительство не поймет необходимости «немедленных и широких уступок» [93]. На следующий день «Дейли мейл», поместившая указанное интервью, всячески доказывала, что в этом заявлении Генлейна нет ничего такого, что могло бы «неприятно поразить Англию» [94].

[90] Там же, стр. 403—404.
[91] Там же, стр. 404.
[92] «Известия», 5/VI 1938.
[93] „Daily Mail", 26/V 1938.
[94] Там же, 27/V 1938.

Английские правящие круги при поддержке французских мюнхенцев с конца мая — начала июня предприняли новый нажим на Чехословакию, стремясь любыми средствами — уговорами, угрозами, шантажом — вынудить ее к капитуляции. В то же время в своих заявлениях в эти дни видные представители правящих кругов Англии всячески заискивали перед Гитлером и фактически извинялись перед ним за представление Гендерсона Риббентропу 21 мая[95].

31 мая, узнав о выдвижении Кундтом «новой» программы требований судетских немцев, которая мало чем отличалась от карлсбадских требований Генлейна, Галифакс писал Ньютону, чтобы тот добивался от Бенеша согласия на принятие этой программы в качестве основы для переговоров, рекомендуя своему посланнику пригрозить чехам, что в случае их неуступчивости Англия «утратит интерес» к разрешению судетского вопроса[96]. Одновременно, стремясь добиться скорейшего отвода от границы и демобилизации всех чехословацких войск, Гендерсон сговорился с Риббентропом и Вейцзекером о необходимости посылки в Судетскую область так называемых наблюдателей, задача которых должна была состоять в «расследовании инцидентов, установлении фактов и сообщении о них правительству его величества»[97]. В качестве наблюдателей английское правительство предложило кандидатуры английского майора Пратта и консула в Либереце Перза. Заручившись согласием гитлеровцев на упомянутые кандидатуры наблюдателей, английское правительство добилось одновременно и согласия чехословаков, которые вынуждены были пойти на это в результате настойчивых представлений Ньютона. Комментируя начало деятельности наблюдателей в Судетской области, «Дейли уоркер» писала: «В Праге считают, что сообщения и отчеты этих наблюдателей будут использованы как дополнительный фактор для того, чтобы побудить чехословацкое правительство отвести свои войска (от границы. — *В. П.*) на том

---

[95] В. Краль. Указ. соч., стр. 201; „Times", 11/VI 1938; S. Haxey. Op. cit., p. 236.

[96] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 418; «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 54—55.

[97] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 410—411, 417.

основании, что присутствие наблюдателей делает ненужным наличие этих войск»[98]. Действительно, уступая нажиму западных держав, чехословацкое правительство уже через неделю после начала деятельности наблюдателей приняло решение о демобилизации всех запасных, призванных в армию 20—21 мая[99].

С начала июня английская реакционная печать усилила кампанию против Чехословакии. 3 июня «Таймс» выступила с лицемерным призывом к руководителям чехословацкой политики позволить немецкому, польскому и венгерскому меньшинствам «самим решить вопрос о своем будущем». Заявив, что такое решение, очевидно, приведет к аннексии этих меньшинств соответствующими государствами, «Таймс» пыталась утешить пражских правителей перспективой того, что они «в конечном итоге выиграют от этого, поскольку под их контролем останется однородное и удовлетворенное население, значительно превышающее по своей численности население Бельгии и Голландии... Это, — заключала газета, — весьма радикальное средство для ликвидации нынешнего неустойчивого положения, но какое-то радикальное средство поистине является необходимым»[100]. Опасаясь реакции, которую эта статья может вызвать прежде всего в Чехословакии, Галифакс дал инструкции Ньютону, чтобы тот в случае необходимости заявил, что статья «Таймс» не выражает мнения правительства. Однако лицемерный характер подобного утверждения английского министра совершенно очевиден, ибо «Таймс» всего лишь точно воспроизвела то, о чем сказал Чемберлен в неофициальной беседе с группой журналистов 1 июня 1938 г.[101] Десять дней спустя рупор клайвденской клики опять выступил с призывом «исправить ошибку 1919 г.» и позволить судетским немцам самим высказаться по поводу своего будущего[102].

Стремясь облегчить Гитлеру «мирное поглощение» Чехословакии, англо-французская дипломатия в эти дни

---

[98] „Daily Worker", 14/VI 1938.
[99] «Известия», 20/VI 1938.
[100] „Times", 3/VI 1938.
[101] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 247, p. 400—401.
[102] „Times", 14/VI 1938.

разрабатывает проекты «нейтрализации» Чехословакии, автором одного из которых явился лорд Галифакс. 9 июня он направил специальный меморандум Гендерсону, Фиппсу и Ньютону с изложением своего плана. В основе плана Галифакса, так же как почти одновременно предложенного плана французского посла в Берлине А. Франсуа-Понсэ, лежало то положение, что Чехословакия должна будет согласиться на отказ от союзных договоров с СССР и Францией в обмен на «коллективную гарантию» ее нейтралитета со стороны ряда держав, включая Германию, Англию, Францию и Италию; причем по проекту Галифакса, в случае нарушения этой гарантии одним из указанных государств, другим предоставляется право самим решать, оказывать ли помощь Чехословакии или нет[103]. Подобные проекты, как это нетрудно видеть, не только выдавали Чехословакию на милость фашистских агрессоров, но и преследовали другую цель — еще больше изолировать СССР, который лишался бы союзника в случае гитлеровского нападения[104].

В середине июня в Праге было объявлено, что правительства и генлейновцы будут продолжать переговоры, приняв за основу выработанный правительством проект кодекса национальностей и подготовленный еще 7 июня меморандум руководства судето-немецкой партии. Оба документа еще не были опубликованы, но вскоре выяснилось, что новый меморандум генлейновцев в основном воспроизводил положения старой карлобадской программы, что, даже по признанию Ньютона, делало невозможным достижение соглашения между правительством и Генлейном. Однако, действуя в угоду англо-французским реакционерам, чехословацкие правители упорно отказывались опубликовать проект кодекса национальностей, так же как держали в секрете ход переговоров с лидерами судетской партии якобы с целью «не мешать их успеху»

Правительство Бенеша — Годжи упорно не желало привлечь к участию в переговорах другие немецкие партии, помимо генлейновской, тем самым давая понять, что

---

[103] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 452, 497, 652.

[104] Б. Е. Штейн. Буржуазные фальсификаторы истории. М., 1951, стр. 101.

оно признает эту партию в качестве единственного представителя немецкого населения в Чехословакии. Между тем итоги муниципальных выборов в Судетской области, где треть населения, несмотря на угрозы и запугивания генлейновских террористов, отказалась голосовать за судетских фашистов, наглядно свидетельствовали о том, что Генлейн отнюдь не может претендовать на роль представителя всего немецкого меньшинства в Чехословакии. Это прекрасно понимали и сами руководители тогдашнего чехословацкого правительства. Один из руководящих чешских деятелей говорил в эти дни в беседе с английским журналистом: «Нам известно, что если бы мы арестовали Генлейна и два десятка его главных помощников, возглавляемое ими движение потерпело крах. Мы согласны с точкой зрения тех, кто считает, что генлейновская машина — инородное тело в государстве, что эта машина создана иностранцами на их же деньги и что у генлейновцев нет настоящих корней в массе населения, говорящего на немецком языке. Однако, если бы мы рискнули предпринять что-либо против генлейновцев, мы навлекли бы на себя неудовольствие английского и французского правительств» [105].

В угоду правящим кругам Англии и Франции чехословацкие правители не только отвергали все предложения Коммунистической партии Чехословакии, направленные на разрешение национального вопроса в подлинно демократическом духе, но и всячески стремились помешать деятельности компартии и других прогрессивных организаций, требовавших от правительства прекращения уступок Гитлеру и его покровителям из англо-французских правящих кругов.

В двадцатых числах июня министерство внутренних дел предприняло новую попытку закрыть центральный орган компартии «Руде право». Еще раньше была запрещена коммунистическая газета «Карпатская правда», выходившая в Закарпатской Украине [106]. Пытаясь лишить рабочий класс Чехословакии своих печатных органов, возглавляемое аграриями министерство внутренних дел в то же время проявляло удивительную терпимость

[105] A. Rothstein. Op. cit., p. 145—146.
[106] «Известия», 21/VI 1938.

по отношению к генлейновским газетным листкам. Так, центральный орган судетских фашистов в Праге «Цейт», перепечатывавший гнусные вымыслы нацистской печати, направленные против Чехословакии и неугодных Гитлеру чехословацких политических деятелей, продолжал выходить беспрепятственно [107].

Преследование коммунистической печати находилось в тесной связи с предпринятыми в эти дни представлениями английского посланника Ньютона, выражавшего «недовольство» своего правительства по поводу резко антигенлейновской позиции ряда чехословацких газет [108].

Усиление репрессий против коммунистической печати Чехословакии вызвало негодование широких кругов не только чехословацкой, но и международной общественности, о чем свидетельствовала, в частности, редакционная статья французской буржуазной газеты «Ордр», автор которой напоминал Бенешу, что в нынешний тяжелый для чехословацкой республики период нет бо́льших патриотов, чем коммунисты, и что никто не борется столь последовательно и решительно против гитлеризма, как редакторы «Руде право» [109].

Происки англо-французской реакции, продолжавшей подводить подкоп под безопасность и независимость чехословацкой республики, смыкались с происками внутренней реакции. Правые аграрии и в том числе премьер-министр Годжа были готовы полностью удовлетворить все требования генлейновцев. Об этом Годжа откровенно признался Ньютону во время их встречи 27 июня. Более того, совершая этот явно предательский акт по отношению к стране, главой правительства которой он являлся, Годжа рекомендовал Ньютону, чтобы тот посоветовал Галифаксу вызвать к себе чехословацкого посланника в Лондоне и через него решительно потребовать от Бенеша принятия генлейновских требований [110]. Однако Бенеш, считаясь с настроениями широких масс, колебался и не торопился с принятием карлсбадской программы.

---

[107] A. Rothstein. Op. cit., p. 146.
[108] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 508—509.
[109] „Ordre“ 24/VI 1938.
[110] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 520.

4. ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1938 г. ПОДДЕРЖКА ПРАВОЛЕЙБОРИСТСКИМИ ЛИДЕРАМИ ПОЛИТИКИ СГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ

2 июля 1938 г. Чемберлен выступил в Кеттеринге с большой речью. Британский премьер всячески защищал политику «невмешательства» в испанском вопросе и политику «умиротворения» в общеевропейских делах, заявив, что английское правительство намерено продолжать ее и в будущем [111]. Однако Чемберлен вынужден был признать, что она встречает растущее противодействие со стороны оппозиционных кругов и наталкивается на многочисленные затруднения [112].

Следует отметить, что Чемберлен на этот раз говорил правду, когда признавал растущее противодействие его внешнеполитическому курсу. Действительно, политика уступок и пособничества фашистским агрессорам, которой упорно придерживались английские «умиротворители» и которая получила свое дополнительное подтверждение в кеттерингской речи премьера, вызывала возмущение не только прогрессивной общественности страны, но и усиливала недовольство внешнеполитическим курсом Чемберлена — Саймона — Галифакса в самом правящем лагере Великобритании, в частности, в деловых кругах страны. В этих кругах, выражаясь словами «Экономиста», преобладало мнение, что Англия, являясь богатейшей державой в мире, не должна отказывать в уступках другим странам, в том числе Германии, но лишь при условии, что те, которым эти уступки делаются, не используют их в конечном счете против самой Англии [113]. Между тем получалась иная картина: чем последовательнее проводилась политика «умиротворения», чем большие уступки делались агрессору, тем

---

[111] Это заявление Чемберлена встретило положительную оценку в немецко-фашистских кругах. В специально опубликованном в Берлине коммюнике говорилось, что английское правительство «ведет реалистическую политику мира и безопасности, которая совпадает с политикой г-на Гитлера» („Manchester Guardian", 4/VII 1938).

[112] Doc. on Intern. Affairs, vol. I, p. 68—70.

[113] „Economist", 19/II 1938.

наглее он становился, тем сильнее разыгрывались его захватнические аппетиты.

Значительные круги английской буржуазии были явно обеспокоены тем, что, несмотря на все попытки Чемберлена путем политических и экономических уступок задобрить фашистских агрессоров и добиться хотя бы частичного смягчения англо-германских противоречий, гитлеровская Германия не только не проявляла готовности «оценить» усилия своих лондонских «умиротворителей» и не только не ослабляла натиска на позиции англичан, но, наоборот, продолжала наращивать темпы внешнеторговой, политической и военной экспансии, стремясь вырвать у своих конкурентов, прежде всего у Англии, новые уступки.

Весной — летом 1938 г. особую тревогу у английской буржуазии вызвала принимавшая все более широкий размах немецкая экономическая экспансия в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, торговлю с которыми гитлеровцы превратили в организованный грабеж.

В конце апреля 1938 г. один из ведущих органов британских финансовых кругов, «Файнэншл таймс», выступил с пространной статьей, в которой отмечал, что, применяя систему клиринговых и бартерных соглашений в торговле со странами Центральной и Восточной Европы, Германия прочно закрепилась в экономике этих стран и по существу привязала их народное хозяйство к немецко-фашистской экономике. Подчеркивая принявшее за последнее время поистине катастрофический характер ослабление торговых связей Англии со странами Восточной Европы, газета настаивала на принятии правительством срочных мер для исправления создавшегося положения и противодействия натиску немецкого капитала в этом районе[114].

В мае 1938 г. серьезное беспокойство в Англии вызвали сообщения о том, что Германия и Италия разрабатывают планы создания тесного экономического союза между державами «оси», с одной стороны, и странами Юго-Восточной Европы и Дунайского бассейна — с другой.

[114] „Financial Times", 30/IV 1938.

В первой половине 1938 г. значительно усилилось проникновение германского капитала в Румынию и Югославию, о чем свидетельствовало, в частности, создание в течение этого периода десяти новых германо-югославских компаний с общим капиталом в 500 млн. динаров [115].

В июне 1938 г. английская печать отмечала, что усиление германской конкуренции на мировом рынке угля серьезно ухудшает положение английских экспортеров[116]. Почти одновременно один из влиятельных органов английских финансовых кругов, журнал «Стейтист», опубликовал большую статью, в которой отмечал, что благодаря широкому субсидированию экспорта немецкие фирмы неуклонно теснили Англию также на мировом рынке автомобилей, причем, по данным журнала, вывоз автомобилей из Германии за последние два года возрос в два с половиной раза, в то время как английский экспорт остался почти на прежнем уровне. Журнал подчеркивал, что объектом германской экспансии являлись не только близлежащие страны Северной и Западной Европы, но и отдаленные рынки Южной Африки, Латинской Америки и особенно Индии. «Стейтист» называл германскую экспортную политику настоящей агрессией[117].

В течение весны и лета 1938 г. в английском парламенте не раз поднимался вопрос об угрозе, которая создается английским интересам в результате усиления натиска немецких монополий на позиции своих британских конкурентов. Так, 15 июня в палате общин ряд депутатов, принадлежавших к различным партиям, потребовал от правительства принятия действенных мер, чтобы предотвратить полное подчинение Восточной Европы Германии. Депутаты Бутби, Прайс и др. предостерегали правительство, что если Германия добьется экономического господства в странах Восточной Европы, то она вскоре установит «полный политический и военный контроль над ними» [118]. Бутби настаивал на предоставлении правительством крупных кредитов странам Восточной

---

[115] „Manchester Guardian", 20/V 1938.
[116] Там же, 17/VI 1938.
[117] „Statist" 21/V 1938.
[118] „Times", 16/VI 1938.

и Юго-Восточной Европы в целях «спасения их от немецкого и итальянского господства»[119]. В аналогичном духе были выдержаны выступления Бутби и других членов парламента, в том числе консерваторов, 4 июля[120]. Несколько раньше с резкой критикой политики «экономического умиротворения» агрессоров и, в частности, подготавливаемых некоторыми влиятельными кругами западных держав проектов предоставления финансовой помощи Германии и Италии выступил депутат палаты общин полковник Веджвуд. Оратор обращал внимание на то, что, получив новые займы, гитлеровцы в еще больших масштабах развернут подготовку к войне и увеличат выпуск вооружения, что даст им возможность очень скоро поступить с Англией так, как «они уже поступили с испанцами и как они собираются поступить с чехами[121].

Правительство Чемберлена и стоявшие за его спиной наиболее реакционные группировки британского монополистического капитала, при всем их стремлении добиться скорейшего соглашения с фашистскими державами против СССР, не могли полностью сбрасывать со счета эти настроения в среде самих господствующих классов и как-то не реагировать на их требования противодействовать агрессивной германской экспансии, в частности в тех районах, где позиции Англии оказывались под особой угрозой.

Именно в этой связи следует расценивать начатые в марте и завершенные в конце мая англо-турецкие экономические переговоры. В соответствии с подписанными 28 мая 1938 г. клиринговым соглашением и соглашением о предоставлении кредитов Турции, намечалось значительное расширение англо-турецкой торговли, в частности увеличение закупок турками различного оборудования в Англии. Важное значение имело также предоставление Англией специального займа Турции на сумму в 6 млн. ф. ст. для финансирования закупок необходимого для турецкой армии вооружения[122]. Указанные англо-турецкие соглашения встретили полное одобрение в де-

---

[119] „Times", 16/VI 1938.

[120] Parliamentary Debates, House of Commons, vol. 338, col. 70—83, 95—99.

[121] Там же, vol., 336, col. 2493.

[122] „Labour Research", 1938, № 7; см. также Parl. Deb., H. of C., vol. 338, col. 143.

ловых кругах Великобритании, показателем чего являлись комментарии по этому поводу в журналах «Стейтист» и «Экономист». Последний особенно приветствовал укрепление связей с Турцией, рассматривая их как противодействие попыткам Германии расширить и закрепить свои позиции в этом стратегически важном районе [123].

Другим шагом, направленным на укрепление английских позиций в странах Юго-Восточной Европы, было подписание летом 1938 г. англо-румынского платежного соглашения. Соглашение имело целью содействовать увеличению торгового оборота между обеими странами и, в частности, предусматривало значительное расширение продажи румынских товаров на рынках Англии и Британской империи. Одновременно в английских финансовых кругах рассматривался ряд мер, осуществление которых помогло бы активизировать участие Румынии в мировой торговле и ослабить ее чрезмерную зависимость от Германии [124]. Английский капитал, начиная с середины 1938 г., стремится также к укреплению своих серьезно ослабленных за последнее время позиций в экономике и внешней торговле Польши и Югославии [125].

Под давлением британских промышленных кругов, выражавших сильное беспокойство в связи с непрерывно усиливавшейся конкуренцией германской угольной промышленности, правительство Чемберлена объявило о создании специального фонда для субсидирования английского экспорта угля [126].

Все эти ответные мероприятия Англии, направленные своим острием против германского конкурента, не могли не способствовать дальнейшему обострению англо-германского антагонизма и, по признанию отдельных органов британской печати, являлись дополнительным свидетельством того, что, несмотря на все усилия правящей клики британской буржуазии во главе с Чемберленом добиться соглашения с Гитлером на антисоветской основе, глубочайшие противоречия между англо-французским блоком и

---

[123] „Economist", 4/VI 1938.
[124] „Financial Times" 5/IX 1938.
[125] „New Statesman and Nation", 9/VII 1938.
[126] „Statist", 30/VII 1938.

группировкой фашистских держав не только продолжали действовать, но неумолимо вели к вооруженному столкновению между ними [127].

Летом 1938 г. англо-германские отношения подверглись новому испытанию и в связи с переговорами о признании Германией австрийских долгов. В ходе этих переговоров гитлеровская дипломатия прибегла к своим излюбленным методам — шантажу, запугиванию, прямым угрозам. Вначале гитлеровцы вообще отказывались признать за собой обязательства по австрийским долгам и даже потребовали понижения процентов по своим внешним займам (в частности, по займам Дауэса и Юнга). Проходившие в весьма напряженной обстановке переговоры несколько раз прерывались, однако английское правительство, твердо отстаивая интересы британских кредиторов только что «поглощенного» нацистами австрийского государства, не шло на уступки, а министр финансов Саймон даже пригрозил немцам, в случае если они будут упорствовать в своем отказе признать австрийские долги, денонсировать выгодное для Германии англо-германское платежное соглашение 1934 г. [128]

Наглое поведение гитлеровских представителей во время переговоров по австрийским долгам вызвало настоящий взрыв негодования в Англии, где, по признанию немецкого посла Дирксена, в это время еще не улеглась волна возмущения, прокатившаяся по стране в связи с немецко-фашистским насилием над Австрией [129]. В конечном итоге переговоры были завершены подписанием соглашения, в соответствии с которым австрийский долг переходил к Германии, однако проценты, выплачиваемые немцами по различным внешним займам, были понижены в среднем до 5 и даже до 4,5 [130]. Соглашение носило двусторонний характер и не означало, что Германия будет погашать платежи по австрийским долгам другим странам, бывшим кредиторами Австрии. Одновременно было заключено новое англо-германское платежное соглашение,

---

[127] „New Statesman and Nation", 9/VII 1938.
[128] „Economist", 18/VI 1938; „Statist", 8/VII 1938.
[129] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 145—147.
[130] Parl. Deb., H. of C., vol. 337, col. 2303—2304.

в основном воспроизводившее положения соглашений 1934 г. [131]

Исход англо-германских переговоров по австрийским долгам и сами подписанные соглашения не вызвали особого ликования в Англии, и «Экономист» называл их «весьма жалкой сделкой»[132]. Такая реакция английских деловых кругов станет вполне понятной, если учесть, что, заключая эти соглашения, Германия выдвинула требование о снижении англичанами ввозных пошлин на немецкие товары, что было явно направлено на подрыв системы имперских преференциальных тарифов — этого важнейшего обруча, скреплявшего составные части Британской империи[133]. Поэтому нетрудно понять ту критику, с которой выступал ряд влиятельных органов английской буржуазной печати по адресу правительства Чемберлена — Саймона — Галифакса, продолжавшего, несмотря на отдельные зигзаги, вести линию на сговор с гитлеровской Германией, на поощрение ее захватнических притязаний. В рассматриваемый период такие газеты и журналы, как «Манчестер гардиан», «Ньюс кроникл», «Нью стейтсмэн энд нейшн», «Экономист» и некоторые другие, неоднократно подчеркивали, что политика, проводимая правительством Чемберлена, не только подрывает престиж Англии в глазах народов всего мира, но и не отвечает ее собственным национальным интересам, ибо опасным образом усиливает позиции государств фашистского блока в ущерб прежде всего самой Англии. Отдельные органы буржуазной печати (в частности, «Манчестер гардиан»), при всей их антипатии к Советскому Союзу, вынуждены были иногда вскрывать и движущие мотивы внешней политики правящих кругов Англии, признавая, что именно ненависть к СССР, к социалистическому строю заставляет английскую реакцию идти на одну уступку за другой фашистским державам и даже мириться с перспективой утраты британского могущества в пользу Гитлера и Муссолини[134].

---

[131] „Statist", 8/VII 1938.

[132] „Economist", 9/VII 1938.

[133] Л. В. Поздеева. Англо-германские экономические противоречия (1933—1939 гг.) — «Вопросы истории», 1955, № 5, стр. 49.

[134] „Manchester Guardian", 21/III 1938.

Политика сговора с агрессорами, проводимая западными державами, подвергалась резкой критике и на страницах ряда крупных буржуазных газет Франции в статьях таких видных публицистов, как А. Пертинакс («Эко де Пари»), А. Кериллис («Эпок»), Ж. Табуи («Эвр») и особенно Э. Бюре («Ордр»). В этой связи заслуживала внимания статья Эмиля Бюре, опубликованная 12 июля в газете «Ордр». «Классовое сознание некоторых лидеров английской и французской буржуазии,—писал Бюре,—настолько затемнило их национальное самосознание, что достаточно Гитлеру и Муссолини закричать «Долой коммунизм!», как эти господа (руководители английской и французской буржуазии.—*В. П.*) не только позволят ограбить себя, но даже будут рукоплескать грабителям. Для меня поистине трагедия читать высказывания моих коллег, которые, закрывая глаза на каждодневные провокации оси Берлин—Рим—Токио, продолжают и сегодня клеветать на Советский Союз, называя его поджигателем войны» [135].

Резюмируя настроения общественности в отношении Германии, немецкий посол в Лондоне Дирксен в своих донесениях от 8 июня и 10 июля 1938 г. отмечал, что, несмотря на то, что «в Англии у власти находится кабинет Чемберлена — Галифакса, первым и важнейшим пунктом программы которых была и осталась политика соглашения с тоталитарными государствами», общественное мнение страны относится резко враждебно к гитлеровской Германии из-за захвата Австрии и планов нападения на Чехословакию, в результате чего англо-германские отношения, по словам Дирксена, находятся «в неопределенном положении». [136] Поэтому, указывал посол, в руководящих британских кругах высказывалось пожелание, чтобы Германия не пыталась вновь прибегнуть к силе в решении чехословацкого вопроса, а действовала постепенно, методически усиливая свое давление и парализуя способность Чехословакии к сопротивлению. По словам Дирксена, один видный англичанин прямо заявил ему:

---

[135] „Ordre", 12/VII 1938.

[136] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 145, 154; Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 247, p. 400—401.

«Не стреляйте в Чехословакию, а душите ее». Дирксен добавляет, что в этом последнем случае Германия может полностью рассчитывать на поддержку Англии в чехословацком вопросе [137]. В донесении от 10 июля Дирксен вновь подчеркивает готовность правительства Великобритании принести «большие жертвы» во имя удовлетворения и других требований Германии [138].

В рассматриваемый период важным фактором, делавшим возможным продолжение правительством Чемберлена его реакционной, антинациональной политики, по-прежнему оставалась фактическая поддержка этой политики со стороны руководства лейбористской партии и тред-юнионов.

В обстановке усиления антифашистских настроений в стране и укрепления позиций прогрессивных сил лейбористские лидеры упорно отказывались сотрудничать с коммунистической партией и другими демократическими организациями в целях создания единого фронта против правительства Чемберлена. Для оправдания такой позиции официального руководства лейбористской партии вновь были извлечены затасканные и неоднократно обыгрывавшиеся «аргументы» о том, что сотрудничество лейбористов с другими, нелейбористскими группами и организациями якобы ослабит английское рабочее движение и приведет к утраге им социалистических принципов, в связи с чем английскому рабочему классу вновь предлагалось сосредоточить свои усилия исключительно на поддержке лейбористской партии для победы на следующих выборах [139]. Однако, разглагольствуя о победе на предстоящих выборах, лейбористские лидеры враждебно относились к выработке в избирательных округах совместной платформы коммунистами, местными организациями лейбористской партии, либералами и влиятельными независимыми, хотя именно объединение всех этих выступавших против правительства элементов привело к поражению консервативных кандидатов на дополнительных выборах в феврале — мае 1938 г., сократив за

[137] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, p. 400—401.

[138] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 155.

[139] „New Statesman and Nation", 23/IV 1938; G. Cole. Op. cit., p. 334—335.

последние два года число консервативных депутатов в парламенте на 11 чел.[140]

В этот же период английские правосоциалистические лидеры усилили свою подрывную деятельность и в международном рабочем движении. В мае 1938 г. на сессии Совета Международного объединения профсоюзов представители Генсовета БКТ Ситрин и Хикс вместе с лидерами Американской федерации труда добились отклонения предложения о принятии советских профсоюзов в МОП, чем нанесли тяжелый удар единству международного профсоюзного движения, столь необходимому рабочему классу всех стран в борьбе против наступления реакции и угрозы войны.

В важнейшем вопросе момента — чехословацком вопросе руководящие деятели лейбористской партии всячески стремились внушить английскому рабочему мысль о том, что интересы Англии непосредственно не затрагиваются гитлеровскими происками против Чехословакии, а лейбористские издания, не исключая и левых, доказывали, что пересмотр чехословацких границ с целью удовлетворения права судетских немцев на «самоопределение» может явиться вполне «приемлемым» решением вопроса[141]. В рассматриваемый период отдельные видные деятели лейбористской партии (А. Гринвуд, А. Гендерсон) вступили в прямой контакт с Генлейном. В заявлениях, сделанных после встреч с главарем судетских фашистов, они всячески подчеркивали свой оптимизм в отношении «справедливого урегулирования» судетской проблемы, что дало основание для опубликования в печати новых сообщений о поддержке лейбористской партией требований судетских фашистов[142].

Лейбористские лидеры пытались представить политику Чемберлена в чехословацком вопросе как отвечающую национальным интересам английского народа. Утверждая, будто всякое противодействие Гитлеру приведет к «кровавому вооруженному конфликту», к которому Англия еще не готова, ловко используя отвращение

---

[140] Intern. Press Corresp., 1938, № 25, p. 609; „New Statesman and Nation", 9, 23/IV 1938.

[141] См., например, „New Statesman and Nation", 26/III, 25/VI, 27V/III 1938.

[142] „Daily Worker", 2/VI 1938.

народа к войне, лейбористские лидеры требовали от правительства проведения политики «невмешательства» в судетский конфликт. Показательной являлась статья, опубликованная 23 мая, т. е. в период майских событий, в центральном органе лейбористов — «Дейли геральд». Вслед за «Таймс», «Дейли геральд» заявляла, что «государственная мудрость (!) требует устранения горючих материалов, ставящих нашу судьбу в зависимость от случайной искры» [143]. Одновременно лейбористская печать настойчиво рекомендовала пражскому правительству идти на крайние уступки судетским фашистам, мотивируя это фальшивым доводом о необходимости скорейшего «уравнения» в правах чешского и немецкого населения Чехословакии [144]. К этому же времени относится и снискавшее печальную известность заявление руководителя британских тред-юнионов Ситрина, в котором он брал на себя невыполнимую задачу реабилитации Чемберлена и его политики. Ситрин не постеснялся утверждать, что «Чемберлен отнюдь не симпатизирует фашизму и верит в демократические учреждения своей страны и личные свободы ее граждан» [145].

Весьма характерно для тактики лидеров лейбористской партии и тред-юнионов в рассматриваемый период, что они, будучи вынужденными считаться с усилением антифашистских настроений в стране и растущей оппозицией политике Чемберлена — Галифакса со стороны различных кругов английского общества и в первую очередь рабочего класса, «милостиво разрешали» рядовым членам партии и профсоюзов критиковать внешнеполитические акции правительства, а также выражать свои симпатии народам Испании и Чехословакии, Абиссинии и Китая, но не больше. Как только возникал вопрос о конкретных мероприятиях английского рабочего класса с целью действительно помочь жертвам агрессии и заставить правительство отказаться от политики пособничест-

---

[143] „Daily Herald", 23/V 1938. В советской печати отмечалось в эти дни «совпадение» точек зрения на чехословацкие события между ведущим органом лейбористов «Дейли геральд» и ведущим органом британских правящих кругов «Таймс» («Известия», 24/V 1938). «Совпадение» столь же многозначительное, сколь и не случайное!

[144] A. Rothstein. Op. cit., p. 209.

[145] „World News and Views", 1938, № 48, p. 1098.

ва агрессорам, Ситрин, Эттли, Бевин и их коллеги решительно противодействовали всем попыткам английских трудящихся перейти от слов к делу, квалифицируя их как «опасные и экстремистские тенденции». Недаром 23 июля «Экономист» писал, что руководство Британского конгресса тред-юнионов «преисполнено решимости пресечь экстремистские тенденции» среди рядовых членов профсоюзов, не допустить попыток с их стороны «запугать правительство путем организации забастовок... и добиться, подобно Чемберлену, проведения своей линии»[146].

Эту по существу предательскую по отношению к интересам рабочего класса позицию правых лейбористских лидеров разоблачала не только коммунистическая печать, но и отдельные левые лейбористские издания. В частности, еженедельник «Нью стейтсмэн энд нейшн», анализируя слова и дела руководства БКТ, приходил к выводу, что «английский тред-юнионизм все более становится простым придатком британского капитализма»[147].

Именно политика и тактика руководства английского профсоюзного движения и лейбористской партии не только позволяли правительству консерваторов оставаться у власти в рассматриваемый период, но и помогали английской империалистической буржуазии, притом ее самому реакционному, профашистскому крылу, возглавляемому Чемберленом, вести дальше курс на сговор с Гитлером за счет других стран и народов, на данном этапе—за счет чехословацкого народа и государства.

---

[146] „Economist", 23/VII 1938.
[147] „New Statesman and Nation", 10/IX 1938.

Глава четвертая

ПРЯМОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО АНГЛИИ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ЧЕХОСЛОВАКИИ. МИССИЯ РЕНСИМЕНА

1. ВИЗИТ ВИДЕМАНА В ЛОНДОН

18 июля, накануне отъезда короля Георга с официальным визитом в Париж, в Лондон прибыл адъютант Гитлера Видеман. Он нанес визит Чемберлену и был принят Галифаксом в присутствии постоянного заместителя министра иностранных дел Кадогана. Как видно из обзорной записки немецкого посла в Лондоне Дирксена, переговоры Видемана с Галифаксом еще более укрепили «благоприятную атмосферу», которая к этому времени сложилась в отношениях между правительствами Англии и Германии [1].

Запись разговора Галифакса с Видеманом впервые опубликована в «Британских документах». Из нее следует, что Видеман прибыл в Англию по поручению Гитлера и что одной из задач его миссии являлось выяснение возможности поездки в Лондон в ближайшем будущем высокопоставленного лица для ведения переговоров с английским правительством по основным проблемам англо-германских отношений. Предполагалось, что этим лицом будет Геринг. Как видно из записи беседы, Галифакс заверил гитлеровского эмиссара в том, что английское правительство приветствовало бы подобный визит, однако, по мнению Галифакса, настоящий момент неблагоприятен для широкой дискуссии по вопросам англо-

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 178—179.

германских отношений из-за перешенности чехословацкой проблемы.

Следует отметить, что подобная версия ответа Галифакса, приведенная в «Британских документах», разительно отличается от другой версии, известной нам по упоминавшейся выше обзорной записке германского посла в Лондоне Дирксена. Ссылаясь на заявление о беседе с Галифаксом, сделанное ему Видеманом, Дирксен писал, что «английское правительство живо приветствовало мысль о приезде фельдмаршала, и Галифакс пошел так далеко, что сказал, что прекраснейший момент его жизни наступил бы тогда, когда фюрер проехал бы рядом с королем по Mall во время официального визита в Лондон» [2].

Из записи беседы, опубликованной в «Британских документах», видно также, что Видеман выразил «разочарование» гитлеровских правителей по поводу того, что во время переговоров Галифакса в Берхтесгадене в ноябре 1937 г. английское правительство не представило конкретных предложений для разрешения англо-германских разногласий и урегулирования отношений между двумя странами, на что, по словам Видемана, Гитлер весьма надеялся. В ходе беседы Видеман подробно распространялся о «самых дружественных чувствах», которые Гитлер якобы питает к Англии [3]. Галифакс в свою очередь заверял собеседника в стремлении британского правительства установить дружественные отношения с Германией. Однако, по словам английского министра, полному восстановлению доверия мешает чехословацкий вопрос. Галифакс просил германское правительство официально заявить о том, что оно будет стремиться к мирному решению этого вопроса и воздержится от применения силы. В ответ Видеман, подробно распространявшийся о «миролюбии» Гитлера, дал понять, что Германия отнюдь не намерена мириться с затяжкой в разрешении чехословацкого вопроса. «В любой момент, — заявил Видеман, — может произойти инцидент, который великая держава, подобная Германии, не сможет игнорировать» [4].

Такого рода заявление в устах гитлеровского эмисса-

[2] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 179.

[3] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 585.

[4] Там же, стр. 588.

ра звучало как недвусмысленный намек на то, что оказываемое в настоящее время Англией давление на Чехословакию и вырванные у последней уступки отнюдь не достаточны, что это давление надо усилить и заставить чехов склониться перед немецко-фашистскими требованиями, не ожидая возникновения «инцидентов», на которые так прозрачно намекал посланец Гитлера.

Коснувшись процедуры продолжения англо-германских переговоров, Видеман высказал предположение, что визит официального представителя германского правительства в Лондон раньше осени не может состояться.

Очевидно, запись беседы Галифакса с Видеманом подверглась значительной «обработке» со стороны редакторов «Британских документов». Это подтверждается не только упомянутым выше существенным расхождением в формулировке ответа, который дал Галифакс на переданное Видеманом предложение о поездке Геринга в Англию. Сами редакторы «Документов» — Вудворд и Батлер признают в примечаниях, что опубликованные ими материалы о переговорах Галифакса с Видеманом являются далеко не полными. По словам редакторов, оказалось «совершенно невозможным» найти в архивах английского МИД полный текст меморандума о переговорах Галифакса с Видеманом [5]. Однако можно предположить, что пропущенные редакторами разделы содержали самые главные пункты, которые обе стороны решили хранить в глубокой тайне. Известный интерес в этой связи представляли комментарии некоторых хорошо осведомленных газет, уделивших значительное внимание переговорам Видемана с Галифаксом. Ряд органов английской печати прямо отмечал, что в ходе переговоров министра иностранных дел с гитлеровским эмиссаром обсуждались такие вопросы, как предоставление свободы рук Германии на востоке Европы, достижение соглашения между осью Берлин — Рим и англо-французским блоком и особенно чехословацкая проблема. «Таймс», касаясь обсуждения чехословацкого вопроса, писала: «Видеман дал понять, что англо-французские решения о Чехословакии (имелись в виду решения, которые должны были быть приняты во время парижских переговоров Галифакса с

[5] Там же, стр. 589.

Даладье и Боннэ 19 и 20 июля. —*В. П.)* могут иметь роковые последствия для будущего англо-германских отношений. Право судетских немцев на самоопределение входит в сферу германских интересов. Германия все более убеждается в том, что судетские немцы не смогут мирным путем добиться своего права, если Франция и Англия не дадут понять Праге, что их заинтересованность не должна истолковываться как оказание поддержки при любых обстоятельствах» [6]. Как указывала «Дейли мейл» в статье журналиста Прайса, известного своими связями с гитлеровцами, Видеман настаивал на том, чтобы Англия усилила давление на Чехословакию с целью добиться необходимых уступок [7]. Другой прекрасно осведомленный журналист—корреспондент французской газеты «Франс-суар» П. Лазарев записывал в своем дневнике, что Галифакс и Видеман «рассматривали вопрос о том, как лучше всего и быстрее всего добиться согласия Праги на передачу Судет Германии» [8]. Близкая к британскому министерству иностранных дел «Дейли телеграф энд морнинг пост» со своей стороны писала, что из доклада Видемана об итогах его переговоров в Лондоне Гитлер вынес убеждение о готовности английского правительства усилить давление на Чехословакию с тем, чтобы она пошла на полное удовлетворение генлейновских притязаний [9].

Как известно, гитлеровские главари не ошиблись в этих своих расчетах.

2. «ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ» МИССИЯ РЕНСИМЕНА В ПРАГЕ. УСИЛЕНИЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО НАЖИМА НА ЧЕХОСЛОВАКИЮ

Несмотря на то, что, следуя «советам» английского и французского правительств, чехословацкие правящие круги шли на одну уступку генлейновцам за другой и сквозь пальцы смотрели на их провокационно-подрывную деятельность против республики, Чемберлен и Галифакс не скрывали своего раздражения по поводу «медлитель-

---

[6] „Times", 21/VII 1938.
[7] „Daily Mail", 21/VII 1938.
[8] P. Lazareff. Op. cit., p. 56.
[9] „Daily Telegraph and Morning Post", 22/VII 1938.

ности» Чехословакии в деле предоставления судетским фашистам необходимых уступок [10]. В течение уже некоторого времени в британском министерстве иностранных дел обсуждались пути и средства, при помощи которых можно было бы заставить чехословацкое правительство пойти на «радикальные уступки» Генлейну, т. е. не только принять пресловутую карлсбадскую программу, но и согласиться на передачу Судетской области Германии.

Наиболее подходящим способом для достижения этой цели, по мнению Галифакса, было бы проведение плебисцита в населенных немцами районах Чехословакии, согласие на который со стороны чехословацкого правительства предрешало переход Судетской области к Германии. Учитывая, однако, что Бенеш, вынужденный считаться с общественным мнением страны, возражал против плебисцита, Галифакс в письмах к Ньютону от 14, 16, и 18 июля выдвинул другое предложение, также уже в течение длительного времени обсуждавшееся в английском МИД — предложение о посылке в Прагу «независимого посредника». В качестве такого «посредника» Галифакс называет кандидатуру лорда Уолтера Ренсимена [11]. В своих инструкциях Ньютону Галифакс так предлагал объявить решение английского правительства о посылке Ренсимена: «Вы можете заявить (чехословацкому правительству. — *В. П.)*, что правительство его величества уже в течение некоторого времени обдумывало вопрос, какие надлежащие действия оно смогло бы предпринять, если бы стало очевидным, что неизбежен тупик в переговорах. Нам (английскому правительству. — *В. П.)* кажется, что этот момент приближается, ввиду решения чехословацкого правительства обратиться к парламенту с просьбой принять в целом кодекс национальностей, не предоставив судетским немцам необходимого времени и возможности для обсуждения пунктов, вызывающих разногласия» [12].

Выражая недовольство по поводу той «поспешности», которую якобы проявляет пражское правительство в отношении проведения через парламент кодекса национальностей, Галифакс далее заявляет, что при создавшихся

---

[10] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 545—546.
[11] Там же, стр. 563, 567, 582, 583.
[12] Там же, стр. 583.

условиях английское правительство считает целесообразным направить в Чехословакию «беспристрастное лицо», задача которого будет состоять в исследовании причин расхождений между «двумя сторонами», поддержании контакта между ними и выработке рекомендаций для урегулирования проблемы.

Нет необходимости останавливаться на утверждении Галифакса о том, что чехословацкое правительство торопилось с утверждением парламентом кодекса национальностей и не предоставило генлейновцам времени и возможности обсудить его. Это утверждение британского министра выдумано от начала до конца, ибо всему миру было известно,—и английское правительство не являлось исключением, — что генлейновцы имели в своем распоряжении многие недели для досконального рассмотрения и изучения этого закона, однако, следуя гитлеровским инструкциям, судетские фашисты по существу саботировали переговоры, по-прежнему упорно настаивая на безоговорочном удовлетворении своих требований, как они были сформулированы в карлсбадской программе.

Учитывая, что официальное выступление с заявлением о намерении послать в Чехословакию упомянутого «посредника» могло бы быть охарактеризовано мировой общественностью как неприкрытое вмешательство во внутренние дела суверенного государства и вызвать неблагоприятную для Англии реакцию, английское правительство позаботилось о том, чтобы придать этому вмешательству «законные формы». С этой целью Галифакс дал инструкции Ньютону во что бы то ни стало убедить Бенеша и руководство судетских немцев самим обратиться к Англии с просьбой назначить определенное лицо, а именно Ренсимена, для выполнения упомянутой выше миссии [13].

Известный американский журналист Г. Армстронг указывает, что английский министр не постеснялся и на этот раз пригрозить чехам, что если его предложение не будет принято, то Англия «устранится» от участия в решении судетского вопроса [14].

В Париже, куда Галифакс прибыл 19 июля, сопровождая короля Георга, английский министр сообщил Даладье

[13] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 583.

[14] H. Armstrong. When there is no peace. New York, 1939, p. 35—36.

и Боннэ о проекте посылки Ренсимена в Прагу. В ходе переговоров Галифакса с французскими министрами последние полностью поддержали «инициативу» английского правительства [15].

Ряд органов английской и французской печати писал, что во время переговоров в Париже детальному обсуждению подвергся также вопрос о «нейтрализации Чехословакии», как известно, еще ранее выдвигавшийся англо-французской дипломатией.

Вынашивая проекты «нейтрализации» Чехословакии, изоляции СССР и ослабления его позиций в Европе, английские реакционеры не скрывали своего злорадства по поводу затеянных как раз в эти дни в районе озера Хасан провокаций японской военщины, стремившейся поддержать гитлеровских агрессоров и связать руки Советскому Союзу на Дальнем Востоке. Правящие круги Англии возлагали большие надежды на то, что Советский Союз, втянутый в военные операции по защите своих дальневосточных границ, утратит свое значение в качестве активного фактора европейской политики и не сможет оказать помощь Чехословакии в случае немецкой агрессии. В результате, гитлеровская Германия сможет беспрепятственно покончить с Чехословакией, а Советский Союз лишится чехословацкого союзника.

Именно в эти дни реакционная печать Англии, США, Франции подняла провокационную шумиху о неизбежности войны между СССР и Японией. Разоблачая замыслы инициаторов этой кампании, газета «Юманите» писала: «На самом деле Япония слишком сильно увязла в Китае, чтобы попытаться напасть на СССР. Но цель, которая преследуется в данном случае, заключается в том, чтобы содействовать осуществляемым в Европе планам, направленным против Чехословакии, СССР, а также Франции... Диверсия японцев должна помочь той игре, которую ведет Лондон и которая состоит в том, чтобы оторвать Францию от СССР, показать, что СССР, будучи обеспокоен обстановкой в Азии, не сможет прийти на помощь Чехословакии и что, следовательно, необходимо «умиротворить» Гитлера, выдав ему Чехословакию. . .» [16].

[15] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 602—603; см. также «Новые документы по истории Мюнхена», стр. 62.

[16] „Humanité", 22/VII 1938.

Как и можно было ожидать, планы японских поджигателей войны и их пособников из лагеря международной реакции потерпели полный провал. В боях у озера Хасан в июле—августе 1938 г. советские вооруженные силы дали сокрушительный отпор агрессору. Развязка советско-японского конфликта явилась горьким разочарованием как для немецко-фашистских главарей, так и для реакционных кругов западных держав. Зато демократические круги во всех странах и, в частности, в Чехословакии с глубоким удовлетворением встретили исход событий на дальневосточных границах СССР. По словам «Юманите», демократическая общественность Чехословакии отмечала, что Советский Союз, в отличие от западных держав, не верит в уступки агрессорам, а твердо и решительно пресекает все попытки посягнуть на его территорию. Мощь, продемонстрированная советскими вооруженными силами в боях с японцами летом 1938 г., способствовала укреплению позиции тех, кто выступал за тесное сотрудничество между Чехословакией и СССР [17].

Заручившись поддержкой французского правительства, а также согласием генлейновцев в отношении посылки миссии Ренсимена в Чехословакию, английское правительство усилило нажим на Прагу. В беседах с Бенешем и Годжей 20—21 июля Ньютон настаивает на принятии английского плана посылки «посредника» в Чехословакию. Одновременно Боннэ в беседах с чехословацким посланником в Париже, а английский и французский дипломатические представители — в беседах с чехословацкими официальными лицами в Праге настойчиво добиваются заверения от чехословацкого правительства, что оно «не будет торопиться» с передачей кодекса национальностей на утверждение парламента.

Чехословацкие правители, вопреки воле народа, продолжали двигаться по гибельному для чехословацкой республики пути — пути уступок английской и французской реакции. 21 июля Годжа безоговорочно, а Бенеш после некоторых колебаний дали согласие на английское предложение о «посредничестве» Ренсимена. Чехословацкое правительство также заверило Лондон и Париж, что оно отложит представление парламенту кодекса националь-

[17] „Humanite", 16/VIII 1938.

ностей и продолжит его рассмотрение с представителями генлейновской партии.

Однако все эти уступки Лондон считал явно недостаточными. От Чехословакии требовали «решительных мер для умиротворения Европы», т. е. по существу полной капитуляции перед гитлеровско-генлейновскими притязаниями. 23 июля, уступая новому нажиму англичан, чехословацкое правительство утвердило назначение мэров муниципалитетов в городах Судетской области, в подавляющем большинстве генлейновцев [18], которые открыто заявляли о своем нежелании подчиняться распоряжениям пражских властей. 23 июля чехословацкое правительство передало на рассмотрение генлейновцев три новых законопроекта: кодекс национальностей, законопроект о языках и законопроект о реформе государственного управления. Несмотря на то, что эти предложения в значительной степени шли навстречу требованиям генлейновцев о предоставлении судетским немцам административной и территориальной автономии и удовлетворяли их притязания, по мнению известного французского журналиста Бев-Мери, не менее чем на 70%, руководство судето-немецкой партии, а также немецко-фашистская печать сразу же отвергли их как совершенно неприемлемые [19].

Позиция Гитлера — Генлейна была одобрена английской дипломатией. 23 июля Ньютон трижды посетил Бенеша и Годжу и настойчиво рекомендовал им не останавливаться на уже сделанных уступках и ни в коем случае не прерывать ведущихся с генлейновцами переговоров. Газеты «Таймс», «Дейли мейл», «Обсервер» открыто брали под защиту судетских фашистов, по существу поощряя их на новые домогательства. Так, Гарвин утверждал 24 июля в «Обсервере» будто новые предложения чехословацкого правительства предназначены лишь для того, чтобы произвести «приятное впечатление» за пределами Чехословакии; однако они не затрагивают существа проблемы, которая, по его словам, состоит в превращении «исторически сложившихся провинций в национальные территории» [20].

---

[18] «Правда», 25/VII 1938.
[19] „Temps", 24/VII 1938.
[20] „Observer", 24/VII 1938.

Оказывая грубое и все усиливающееся давление на чехословацкое правительство с целью вынудить его пойти на принятие всех требований судетских фашистов, английские реакционные круги отнюдь не считали нужным добиваться каких-либо уступок со стороны генлейновцев. Это обстоятельство не без иронии отмечал 26 июля дипломатический обозреватель «Манчестер гардиан»: «Судя по всему, вообще не ставится вопрос о том, чтобы потребовать каких-либо «уступок» от Гитлера и руководства судетских немцев. Вероятно, считается само собой разумеющимся, что их требования выше всякой критики... и не требуют каких-либо изменений. Однако несомненно, что если бы эти требования были проведены в жизнь, то они означали бы конец чехословацкой республики как независимого суверенного государства» [21].

26 июля в палате общин с речью, посвященной внешней политике, выступил Н. Чемберлен. На все лады расписывая успехи проводимой Англией политики «умиротворения», Чемберлен утверждал, что в настоящее время на всем Европейском континенте ощущается разрядка международной напряженности, достигнутая в значительной степени благодаря усилиям британского правительства [22].

Перейдя к обзору событий в Чехословакии, английский премьер охарактеризовал создавшееся в этой стране положение как весьма сложное. «При такого рода обстоятельствах, — лицемерил Чемберлен, — правительство его величества в течение последнего времени задавало себе вопрос, нет ли способа помочь участникам переговоров (т. е. чехословацкому правительству и генлейновцам. — *В. П.*), и, идя навстречу пожеланию чехословацкого правительства, решило предложить лицо с необходимым опытом и качествами с тем, чтобы этот человек смог на месте изучить вопрос и попытаться... предложить пути, посредством которых переговоры были бы успешно завершены. Такой посредник и исследователь будет независим от правительства его величества, независим от всех правительств» [23]. Назвав кандидатуру лорда Ренсимена,

---

[21] „Manchester Guardian", 26/VII 1938.
[22] Doc. on Intern. Affairs, vol. I, 1938, p. 79.
[23] Там же, стр. 76—77.

Чемберлен утверждал, что именно он обладает личными качествами и опытом, необходимыми для выполнения поставленной задачи.

Выступая на следующий день в палате лордов, Галифакс, повторив сказанное Чемберленом о Ренсимене, со своей стороны подчеркивал, что цель миссии Ренсимена состоит якобы в том, чтобы найти мирное решение проблемы, «не разрушая целостности чехословацкого государства» [24]. С подобным утверждением, однако, никто не мог согласиться. По меткому выражению З. Фирлингера, миссия Ренсимена была «лишь ширмой, скрывающей от глаз английской общественности ампутацию судетского края, судьба которого уже была решена в Лондоне» [25]. Видные французские публицисты Пертинакс и Вивье — в «Ордр», Табуи — в «Эвр», Пери — в «Юманите» подчеркивали, что известный своими прогитлеровскими симпатиями лорд Ренсимен едет в Прагу, чтобы принудить Чехословакию к самоубийству и расчистить Гитлеру путь для осуществления его агрессивных планов в Центральной и Восточной Европе. Даже такие газеты, как «Фигаро» и «Пти Паризьен», отмечали полную некомпетентность чемберленовского посланца для разрешения «сложных и запутанных проблем» Центральной Европы.

Именно так французская печать самых различных партий и направлений оценивала характер «посреднической» миссии и самый облик Ренсимена, ярого реакционера, одного из магнатов Сити, председателя правлений ряда британских пароходных и железнодорожных компаний, директора Вестминстерского банка, принимавшего самое активное участие в финансировании германской торговли, судоходства, кредитных операций, тысячами нитей связанного с нацистскими финансовыми и промышленными магнатами.

Не удивительно, что немецко-фашистские круги приветствовали сообщение о посылке Ренсимена в Прагу, причем некоторые гитлеровские газеты в своих комментариях по поводу миссии Ренсимена открыто выбалтывали те цели, которые ставили себе ее инициаторы. Так, «Дейче альгемейне цейтунг» писала: «Ренсимен восстано-

[24] Там же, стр. 84.
[25] Z. Fierlinger. Ve službách ČSR. Praha, 1947, str. 124.

вит то, разрушению чего способствовал Ллойд-Джордж в Версале». Газета квалифицировала посылку Ренсимена в Прагу как «первую открытую попытку пересмотреть одну из важнейших частей Версальского договора» [26].

В Англии решение правительства Чемберлена о «посредничестве» Ренсимена в Праге было одобрено не только Черчиллем, который в одном из своих выступлений перед избирателями заявил, что он «молится за успех его миссии» [27], но и руководством оппозиционных партий — либералов и лейбористов. Лидер либералов Синклер, выступая в палате общин 26 июля, заявил о безоговорочной поддержке решения английского правительства о посылке Ренсимена в Прагу [28]. Орган лейбористов «Дейли геральд» желал Ренсимену удачи в его миссии. С такими же напутствиями чемберленовскому посланцу выступил 30 июля один из лидеров лейбористской партии Г. Моррисон [29].

Из всех политических партий Англии только коммунистическая партия решительно осудила посылку Ренсимена в Чехословакию. Срывая маску с тех, кто под флагом миротворческих миссий искал возможности сговориться с гитлеровскими агрессорами за счет третьей стороны, орган компартии — газета «Дейли уоркер» квалифицировала миссию Ренсимена как «преступное вмешательство во внутренние дела Чехословакии» [30]. Газета подчеркивала, что Чемберлен намерен превратить Чехословакию в разменную монету, надеясь, что выдача этой страны Гитлеру расчистит путь к соглашению между Англией и Германией.

Широкие круги чехословацкого народа и в первую очередь чехословацкий рабочий класс встретили сообщение о согласии правительства Годжи на «посредничество» Ренсимена с негодованием. Несмотря на все ухищрения реакции, пытавшейся представить миссию Ренсимена в качестве примера «активизации» английской политики в Центральной Европе, демократическая общественность страны единодушно осудила решение о посылке англий-

---

[26] Цит. по „Manchester Guardian", 27/VII 1938.
[27] W. Churchill. Op. cit., p. 261.
[28] Parl. Deb., H. of C., vol. 338; col. 2963—2967.
[29] Survey of Intern. Affairs, 1938, vol. II, p. 201; „Humanité", 1/VIII 1938.
[30] W. Rust. Op. cit., p. 55.

ского «посредника» в Прагу как новую попытку грубого вмешательства в исключительное право Чехословакии как суверенного государства самой решать свои внутренние проблемы.

31 июля, 1 и 2 августа по всей Чехословакии прокатилась волна демонстраций и митингов протеста против английского вмешательства в дела Чехословакии, против продолжения правительством Бенеша — Годжи политики заигрывания с генлейновской агентурой германского фашизма.

Одним из следствий этой политики чехословацких властей явилось новое заявление руководства судето-немецкой партии от 2 августа о том, что оно окончательно отвергает правительственный кодекс национальностей и настаивает на полном удовлетворении своих требований, изложенных в меморандуме от 7 июня. По существу еще раньше генлейновцы прервали переговоры с правительством, ожидая прибытия в Прагу Ренсимена, на «посредничество» которого они возлагали большие надежды.

Ренсимен прибыл в Прагу 3 августа. Его сопровождали заведующий экономическим отделом английского МИД Ф. Эштон-Гуэткин [31], а также Р. Стопфорд и Д. Пето — близкие друзья и сотрудники Ренсимена.

На своей первой пресс-конференции чемберленовский посланец заявил, что он прибыл как «друг всех, не имеющий врагов». Первый день «посреднической деятельности» Ренсимена состоял в трех встречах с представителями правительства и двух беседах с судето-немецкими лидерами. Беседы с генлейновцами были продолжительными и детальными, встречи с чешскими официальными лицами, за исключением прямых капитулянтов и профашистов, сравнительно короткими и холодными. Миссия с самого начала постаралась окутать свою деятельность

---

[31] По словам некоторых авторов, именно Эштон-Гуэткин был фактическим руководителем миссии. Один из реакционнейших британских дипломатов, тесно связанный с русскими белогвардейцами-эмигрантами, последовательный проводник линии Чемберлена на изоляцию Советского Союза и сговор с фашистскими державами, Эштон-Гуэткин играл видную роль во внешней политике Англии в период кануна второй мировой войны (см. P. Buk. La tragédie tchécoslovaque. Paris, 1939, p. 19—20; «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 183—188, 311—312).

покровом непроницаемой тайны и не давала никакой информации представителям печати, кроме кратких коммюнике, которые ровным счетом ничего не говорили. Даже вопрос о том, где лорд Ренсимен намерен проводить субботу и воскресенье, держался в секрете, хотя вскоре было установлено, что в эти дни «беспристрастного посредника» можно увидеть в Судетах, в поместьях немецких аристократов и загородных виллах немецких промышленников и банкиров [32].

Усиление нажима английского правительства на Прагу в конце июля — начале августа 1938 г. было поддержано действиями американской дипломатии. Уже на следующий день после приезда Ренсимена в Прагу туда же прибыл американский посол в Берлине Хью Вильсон. Он встретился с Бенешем, Годжей, а также имел продолжительную беседу с Ренсименом. О характере этих встреч и бесед можно судить по сообщению, направленному в английский МИД Гендерсоном еще 22 июля. Британский посол в Берлине, в частности, писал, что Вильсон в беседах с ним указывал, что проведение плебисцита в Чехословакии является единственным решением вопроса, о чем он намерен прямо заявить Бенешу, как только встретится с ним в начале августа. Пронацистски настроенный американский дипломат советовал английскому правительству пригрозить чехам последствиями, которые непременно возникнут для них, в случае, если они не проявят «подлинного стремления к компромиссу и примирению» с генлейновцами [33].

В Германии отлично понимали истинное назначение последних шагов дипломатии западных держав. В беседе с польским послом Липским 10 августа Геринг заявил, что приближается момент достижения соглашения по судетскому вопросу. «Англия, — отметил подручный Гитлера, — осуществляет свое посредничество для проформы... чешское государство прекращает существование» [34].

Начало «посредничества» Ренсимена в Праге послужило своего рода стимулом для дальнейшей активизации дипломатической деятельности английского посла в Бер-

---

[32] G. G e d y e. Op. cit., p. 434—435.

[33] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 615.

[34] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 176.

лине Гендерсона. Невилль Гендерсон не только осуществлял директивы своего правительства, но и сам явился автором ряда идей и предложений, которые впоследствии были позаимствованы у него Чемберленом и были проведены в жизнь в общем плане мюнхенской политики британских правящих кругов. В частности, именно Гендерсону принадлежало авторство и идеи четырехсторонней конференции по чехословацкому вопросу (с участием Англии, Франции, Германии и Италии), созванной в Мюнхене 29—30 сентября 1938 г.

Впервые мысль о проведении такого рода конференции Гендерсон высказал в своем донесении от 22 июля. Однако тогда она не вызвала особого энтузиазма в Лондоне, где наиболее предпочтительным вариантом попрежнему считали двустороннее англо-германское соглашение. Десятью днями позже Гендерсон вновь возвращается к своему предложению и конкретизирует его: в письме к Стрэнгу, датированном 2 августа, касаясь дальнейшего развития событий в связи с «посредничеством» Ренсимена, Гендерсон предсказывает возможность возникновения кризиса, в разгар которого, по его словам, «не будет, вероятно, времени, чтобы привлечь к участию (в конференции четырех держав.—*В. П.*) Россию»[35]. Посол считает, что события будут, очевидно, развиваться по следующей схеме:

«a) обе стороны (чехи и судетские немцы. — *В. П.*) отказываются отступить от своих принципов;

b) судетские немцы прервут переговоры;

c) Германия начнет мобилизацию под предлогом защиты своих судетских братьев...;

d) Франция также начнет мобилизацию.

В момент (b) или, более вероятно, (c) или (d) Италия в качестве друга Германии предложит Великобритании, чтобы та в качестве друга Франции предложила англо-итальянское посредничество. Такова четырехсторонняя конференция, как я ее представляю... и вопрос о других ее участниках не возникнет»[36].

Не удивительно, что «пророчество» Гендерсона оправдалось с весьма небольшими коррективами, ибо разви-

[35] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 36.
[36] Там же.

тие событий, нашедших свое завершение в Мюнхене, в значительной мере определялось британской дипломатией, а ее деятельность в рассматриваемый период направлялась Чемберленом, Галифаксом и, не в последнюю очередь, Гендерсоном.

В телеграммах и письмах, посланных Галифаксу в течение августа — сентября 1938 г., Гендерсон настойчиво твердил о необходимости усилить давление на чехословаков с тем, чтобы вынудить их пойти на удовлетворение гитлеровско-генлейновских притязаний. Утверждая, что развернувшиеся в августе демонстративные военные приготовления гитлеровцев не являются блефом и свидетельствуют о решимости Германии прибегнуть к силе, если «мирное урегулирование» судетской проблемы окажется невозможным, Гендерсон вместе с тем признавал, что именно от Англии зависит, быть ли вооруженному конфликту в Европе или нет. В письме от 6 августа британский посол прямо писал: «Я считаю, что, если бы мы действительно показали зубы Гитлеру, он не посмел бы в настоящее время начать войну. Однако, с моей точки зрения, такое положение (т. е. отказ Гитлера от вооруженного выступления. — *В. П.*) было бы величайшей трагедией.

Это было бы пирровой победой, которая, даже если бы мы объявили ее окончательной, означала бы на деле всего лишь отсрочку злосчастного дня. Мы не хотим второго 21 мая» [37].

Таким образом, для Гендерсона и английской дипломатии повторение 21 мая, когда германский фашизм был вынужден отступить в результате предупреждения неагрессивных держав, было бы серьезной ошибкой и даже катастрофой. Нетрудно видеть почему—ведь Гендерсон и другие руководители британской политики твердо надеялись, что чем скорее будет «решен» чехословацкий вопрос в приемлемом для гитлеровцев духе и, таким образом, ликвидирован дополнительный источник осложнений в отношениях между Англией и Германией, тем скорее можно будет достигнуть общего соглашения.

В этом же письме Гендерсон не скрывал своего убеждения в том, что Судетская область в конечном итоге

[37] Doc. on Br. For. Pol., v. II, p. 58.

должна будет разделить судьбу Австрии, т. е. войти в состав рейха, а в письме от 17 августа английский посол даже доказывал что отторжение Судет от Чехословакии — эта хирургическая, по его выражению, операция — соответствует интересам всех, в том числе и оперируемого [38].

Несомненный интерес с точки зрения выявления подлинных замыслов мюнхенцев представляет письмо Гендерсона Галифаксу от 12 августа. В этом письме британский посол призывал руководителей английского правительства не рисковать перспективой достижения англо-германского соглашения «ради чувств к Чехословакии, которая в самом своем возникновении и благодаря всему своему существованию была ошибкой...» [39]. Тешя себя надеждой, что гитлеровская агрессия может развиваться только в одном направлении — на Восток, против Советского Союза, и что колониальные требования играют для гитлеровцев гораздо меньшую роль, нежели проблема судетских немцев, чемберленовский дипломат заявлял, что германские военные приготовления, будучи весьма угрожающими для чехов, не внушают опасения для Запада. «Они означают оборону на Западе и наступление на Востоке» [40].

Как видно из донесения польского посла в Берлине Липского Беку от 11 августа, Гендерсон не ограничивался изложением прогнозов на будущее и дачей далеко идущих советов своему правительству по чехословацкому вопросу. Английский посол по собственной инициативе оказывал воздействие на румынского и югославского посланников в Берлине, добиваясь, чтобы их правительства также усилили нажим на Прагу и склонили чехословацкое правительство к дальнейшим уступкам Генлейну, на которых энергично настаивал в эти же самые дни чемберленовский «посредник» лорд Ренсимен.

Деятельность самого Ренсимена в Чехословакии, где он находился до 16 сентября, весьма ярко раскрыта как в переписке Ньютона и Ренсимена с Галифаксом, так

---

[38] Там же, стр. 108.
[39] Там же, стр. 85.
[40] Там же, стр. 86.

и особенно в переписке Эштон-Гуэткина со Стрэнгом, опубликованной в «Британских документах».

Уже в первых письмах к Стрэнгу Гуэткин признает, что генлейновцы сразу же по прибытии Ренсимена в Чехословакию стали рассматривать его миссию как своего рода инструмент, при помощи которого они смогут добиться своих целей[41].

Начало «посреднической деятельности» Ренсимена было ознаменовано настоятельным требованием, чтобы чехословацкое правительство предоставило генлейновцам гораздо больше мест в органах государственного и местного управления, чем они имели до сих пор. Выполняя пожелание генлейновцев, Ренсимен далее советует Бенешу и Годже устранить от участия в переговорах представителей партий, входящих в правительственную коалицию, и поручить ведение переговоров с генлейновцами узкой группе министров-капитулянтов во главе с Годжей[42]. Из писем Гуэткина видно, что львиная доля времени Ренсимена и его сотрудников уходила на беседы с генлейновцами, венгерскими и польскими фашистами, профашистски настроенными представителями чешской крупной буржуазии, а также на поездки по Судетской области, где члены генлейновской партии восторженно встречали чемберленовского посланца, который в свою очередь внимательно выслушивал их фантастические россказни о «чешских зверствах» и «притеснениях». Вместе с тем Ренсимен не проявил ни малейшего желания выяснить отношение широких кругов населения Чехословакии к генлейновским притязаниям и по существу игнорировал точку зрения антифашистски настроенных немцев, проживающих в Судетской области, хотя она и была доведена до его сведения в многочисленных письмах, меморандумах и резолюциях[43].

Несмотря на провокационное поведение генлейновских лидеров, их систематические попытки сорвать переговоры с правительством и обострить положение в стране как Эштон-Гуэткин, так и другие члены ренсименовской миссии почти в каждом письме выражали восхище-

---

[41] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 661—662.
[42] Там же, стр. 662; „Daily Worker", 19/VIII 1938.
[43] «Правда», 26/VIII 1938.

ние «честностью» и «скромностью» Генлейна и его подручных. Ренсимен и его подчиненные делали вид, что они верят в лучшие намерения Генлейна и его стремление прийти к соглашению с правительством.

Характерной в этой связи являлась беседа Ренсимена с Генлейном, имевшая место 18 августа. Эта беседа состоялась на следующий день после встречи генлейновцев с Годжей, когда судетские фашисты заявили о неприемлемости всех ранее выдвигавшихся предложений правительства, в том числе их последнего варианта, известного под названием «Второго плана», и вновь потребовали принятия пресловутой карлсбадской программы. Во время этой встречи глава генлейновской делегации Кундт пригрозил правительству «новым обострением внутриполитического положения» в случае отказа удовлетворить требования судетских фашистов[44]. Хотя в ходе беседы с Ренсименом 18 августа Генлейн фактически подтвердил позицию своего ближайшего подручного, многозначительно добавив, что время для принятия их требований истекает, Ренсимен в своих выводах об этой беседе счел возможным констатировать, что «Генлейн явно стоит за мир» и у него «нет желания разрушать целостность государственных границ чехословацкой республики»[45].

Чем непримиримее и наглее становились генлейновцы, тем более настойчиво требовал Ренсимен от пражского правительства новых уступок. После свидания с лидером судетских фашистов 18 августа Ренсимен предложил Бенешу срочно изыскать «новую базу» для переговоров[46]. Уступая нажиму Ренсимена, чехословацкие власти предоставили ряд новых важных административных и судебных постов в Судетской области членам генлейновской партии[47].

24 августа правительство передало на рассмотрение генлейновских вожаков Кундта и Себековского новые предложения — так называемый «Третий план». В соответствии с этими предложениями на территории Судетской области должны были быть созданы три автономных

---

[44] Там же, 19/VIII 1938.
[45] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 656—657.
[46] „Manchester Guardian", 20/VIII 1938.
[47] «Правда», 21/VIII 1938.

немецких района. Этим районам предоставлялась немедленная экономическая и финансовая помощь от центрального правительства. Административный аппарат в немецких районах подлежал комплектованию исключительно из немцев. Предусматривался также вывод чешской государственной полиции на определенных условиях и т. д.[48]

Даже по признанию официальных английских кругов, предложения от 24 августа знаменовали «значительный шаг вперед»[49]. Однако «Третий план», как и все предшествующие правительственные планы и проекты, оказался мертворожденным, ибо Гитлера и его агентуру могло устроить только один план, который предусматривал бы расчленение, ликвидацию чехословацкого государства как препятствия на пути фашистских агрессоров на Восток.

25 и 26 августа генлейновцы организовали ряд крупных провокаций, а днем 26 августа руководство судето-немецкой партии опубликовало манифест, в котором призвало своих сторонников к «вооруженной самозащите» против мнимой угрозы со стороны «марксистских террористов». Фактически это был призыв к новым провокациям, к расправе над всеми немцами-демократами, отказывавшимися поддержать Генлейна, результатом чего явились новое обострение обстановки в стране и очередной срыв переговоров с правительством.

Нельзя не отметить, что такому развитию событий в немалой степени способствовали Ренсимен и Эштон-Гуэткин. Последний по указанию Ренсимена 22 августа тайно направился в Мариенбад, где встретился с главарем судетских фашистов. В начале беседы английский представитель рассыпался в комплиментах по адресу Генлейна и его подручных, заявив, в частности, что они произвели как на него лично, так и на Ренсимена самое лучшее впечатление. Несмотря на то, что Гуэткин уже знал о предложениях, включенных в «Третий план» Бенеша, фактически он не обсуждал их с Генлейном. Как указано в записи беседы, разговор касался главным образом «проведения неотложных мероприятий для создания более благопри-

[48] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 166.
[49] Survey of Intern. Affairs, 1938, vol. II, p. 226.

ятной атмосферы» [50]. По мысли Генлейна, такая атмосфера могла бы быть создана, если бы чехословацкое правительство немедленно и безоговорочно вывело государственную полицию из Судетской области, категорически запретило «преследования» судетских фашистов, сурово наказало чешских полицейских и чиновников за «злоупотребления», разрешило дополнительные назначения немецких чиновников и т. д. [51]

Нетрудно видеть, что распоясавшийся главарь судетских фашистов по существу требовал выдачи населенных немцами районов Чехословакии ему на расправу, тут же давая понять, что этим его притязания отнюдь не исчерпываются. Однако Гуэткин не только сочувственно выслушал гитлеровского агента, но и выразил мнение, что было бы целесообразно, чтобы Бенеш сам выступил с приемлемыми для генлейновцев предложениями.

Из записи беседы видно, что английского дипломата интересовал не только и не столько чехословацкий вопрос, сколько проблема англо-германских отношений в целом. Эштон-Гуэткин, обсуждая с Генлейном проблемы «мира в Европе», уделил особое внимание установлению и развитию дружественных отношений между Англией и Германией. В этой связи английский представитель спросил Генлейна, не проявит ли он намерения позондировать почву у Гитлера, желательна ли еще до партийного съезда встреча представителей Англии с фюрером, во время которой можно было бы обсудить такие проблемы, как «соглашение в области авиации, колониальный вопрос и соглашение по вопросам вооружения»[52].

Указанная беседа Эштон-Гуэткина с Генлейном представляет несомненный интерес для уяснения подлинного

---

[50] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 184; см. также Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 658.

[51] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 184—187.

[52] Там же, стр. 188; см. также Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 659. Интересно отметить, что почти одновременно с Гуэткином, 23 августа в Лондоне ближайший сотрудник Чемберлена — Г. Вильсон беседовал с германским поверенным в делах Кордтом о возможности передать Гитлеру через особого уполномоченного английского правительства предложение о разрешении чехословацкого вопроса в более широком плане («Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 36).

характера и задач миссии Ренсимена. Она убедительно свидетельствует о том, что деятельность английского «посредника» в Чехословакии отнюдь не ограничивалась поисками приемлемого для фашистской Германии решения судетского вопроса. Миссия Ренсимена была использована правительством Чемберлена для установления более тесного контакта с гитлеровцами в целях обсуждения с ними в ближайшем будущем важнейших вопросов, вызывавших острые разногласия между двумя империалистическими соперниками, без урегулирования которых было немыслимо достижение того широкого соглашения между Англией и Германией, которое являлось заветной мечтой британских правящих кругов.

Призыв генлейновских главарей к «вооруженной самозащите», новая волна провокаций и террора, прокатившаяся по всей Судетской области, обострение внутриполитической обстановки в стране были использованы Ренсименом для дальнейшего нажима на чехословацкое правительство. Другим «аргументом», при помощи которого Ренсимен рассчитывал сделать чехословацкое правительство более сговорчивым, явились начатые еще в первых числах августа демонстративные военные приготовления гитлеровцев — маневры вооруженных сил в восточных районах Германии, мобилизация запасных, реквизиция транспорта для военных целей, наконец, проведенный с большой помпой смотр военно-морских сил гитлеровской Германии с участием крупных подразделений других родов войск. Все было рассчитано на то, чтобы создать впечатление несокрушимой силы немецкой военной машины и облегчить Ренсимену достижение его цели [53].

27 августа Ренсимен посетил Бенеша и, обратив его внимание на создавшееся положение, настаивал на достижении скорейшего соглашения с судетскими немцами, во всяком случае не позже следующей недели [54]. Всемерное содействие Ренсимену в его миссии оказал находившийся в эти дни в Праге лейборист лорд Аллен. Этот рьяный поборник политики «умиротворения» фашистских агрессоров рекомендовал Чехословакии согласиться на передачу Судетской области Германии и порвать союз-

[53] «История дипломатии», т. III, стр. 630.
[54] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 171.

ные отношения с СССР. Деятельность лейбористского лорда, который, завершив свои переговоры в Праге, отправился на поклон к Риббентропу и Герингу, вызвала возмущение в Чехословакии [55].

Перед лицом надвигающегося кризиса широкие круги английской общественности, представлявшие различные политические партии и убеждения, требовали от правительства четкого определения позиции по чехословацкому вопросу.

Отражением этих настроений общественности страны явились, в частности, выступления ряда влиятельных органов печати. Так, «Ньюс кроникл» в номерах за 25 и 29 августа настаивала на необходимости осознания той опасности, которая угрожает Центральной Европе, и на недвусмысленном определении позиции Англии в чехословацком конфликте[56]. Еженедельник «Экономист», касаясь тупика в переговорах пражского правительства с судетскими немцами, призывал английское правительство ясно заявить Германии, что всякая попытка нанести удар по Чехословакии вызовет общеевропейскую войну [57]. С позицией английской общественности, недовольной неуступчивостью и явно провокационным поведением Гитлера и его судето-немецкой агентуры, пришлось считаться и отдельным реакционным органам британской печати типа «Таймс» и «Дейли телеграф», которые теперь признавали, что ответственность за обострение чехословацкого кризиса падает на Германию, и высказывались (правда, в осторожной форме) за пересмотр позиции английского правительства в чехословацких делах.

Английская общественность, настаивавшая на противодействии нацистским захватчикам, подчеркивала, что именно сейчас, в эти дни надо было предупредить Гитлера о том, что всякая попытка нападения на Чехословакию встретит объединенный отпор Франции и Англии, поддержанных Советским Союзом, о готовности которого помочь Чехословакии 22 августа вновь официально заявил народный комиссар иностранных дел СССР [58]. Недву-

---

[55] „Daily Worker", 25/VIII 1938.
[56] „News Chronicle", 25, 29/VIII 1938.
[57] „Economist", 27/VIII 1938.
[58] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 66.

смысленное предупреждение агрессору со стороны миролюбивых держав заставило бы его отступить, и, сохранив целостность и независимость Чехословакии, оказало бы огромную услугу делу поддержания мира в Европе. Однако такое развитие событий отнюдь не входило в расчеты британской дипломатии. Вместе с тем правительство Чемберлена не могло дальше игнорировать настоятельное требование общественности — определить позицию Англии в чехословацком вопросе.

В этих условиях 24 и 25 августа состоялись заседания британского кабинета. Было решено, что 27 августа канцлер казначейства Джон Саймон выступит с речью в Ланарке (Шотландия) с изложением позиции правительства.

Печать терялась в догадках относительно содержания предстоящего заявления Саймона. Некоторые газеты, утверждавшие, что английское правительство намерено занять «новую и твердую» позицию в связи с событиями в Центральной Европе, уверяли, что декларация канцлера казначейства будет столь же значительной и важной, как историческое предупреждение Ллойд-Джорджа Германии 21 июля 1911 г. Но этим надеждам не суждено было сбыться. В большой, изобилующей нарочито расплывчатыми формулировками речи Саймон определил английскую политику как «положительную» и «миролюбивую». Он указал, что заявление Чемберлена по чехословацкому вопросу от 24 марта остается в силе: «К нему ничего нельзя прибавить, в нем ничего нельзя изменить» [59]. Поскольку заявление премьера от 24 марта было равносильно отказу в помощи чехословакам, Гитлер воспринял повторение его Саймоном как разрешение идти дальше, не опасаясь противодействия Англии. Фашистская Германия начала демонстративно готовиться к вооруженному выступлению. К чехословацкой границе подтягивались новые воинские соединения, над территорией Чехословакии непрерывно летали германские самолеты.

28 августа Генлейн и Франк, действуя по указанию Гитлера, потребовали от Ренсимена, чтобы английское правительство «убедило» Чехословакию принять карлсбадскую программу за основу разрешения судетского во-

[59] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 190.

проса. Это заявление вконец распоясавшихся судето-фашистских лидеров было сделано в такой форме, что даже Ренсимен был раздражен и, согласно некоторым источникам, впервые счел нужным предупредить их, что они «слишком далеко заходят» [60]. Вместе с тем Ренсимен, как это видно из «Британских документов», не возражал по существу генлейновских требований, хотя и сослался на необходимость запросить Лондон [61]. Почти одновременно Галифакс поручил Ренсимену уведомить Гитлера о «твердом намерении» английского правительства добиться быстрого и окончательного урегулирования судетского вопроса. При этом предполагалось, что если стороны не смогут прийти к соглашению, то Ренсимен выдвинет к 15 сентября свой собственный план. Ренсимену также поручалось заявить, что Англия по-прежнему стремится к соглашению с Германией и что разрешение судетского конфликта расчистит путь для такого соглашения. По просьбе Ренсимена Генлейн немедленно выехал в Германию для встречи с Гитлером [62].

28 августа в Лондон для консультаций прибыл Гендерсон. По словам «Дейли телеграф энд морнинг пост», доклад Гендерсона, в котором он в довольно мрачных тонах обрисовал сложившуюся в Центральной Европе обстановку, не только не вызвал разочарования Чемберлена и Саймона, но подтвердил их мнение о том, что именно сейчас наступает момент для создания «атмосферы примирения» [63].

30 августа состоялось специальное заседание английского правительства. По сообщениям печати, на заседании выявились разногласия. Точку зрения Чемберлена — Саймона — Галифакса не разделял ряд министров, считавших, что Чехословакия достигла предела в своих уступках Генлейну и что Англия должна прямо предупредить Гитлера о возможности возникновения общеевропейского конфликта в случае нападения Германии на Чехословакию.

С резкой критикой позиции Чемберлена — Галифакса выступил морской министр Дафф-Купер. Он настаивал

[60] A. Rothstein. Op. cit., p. 62.
[61] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 177, 182.
[62] Там же, стр. 189, 200—201.
[63] „Daily Telegraph and Morning Post", 30/VIII 1938.

на официальном предостережении Германии, что Англия не останется в стороне в случае германского нападения на Чехословакию. Дафф-Купер также требовал проведения необходимых военно-мобилизационных мероприятий, которые заставили бы гитлеровцев поверить в то, что английское правительство на этот раз действительно намерено противодействовать их захватническим притязаниям. Показывая всю несостоятельность разговоров о том, следует или не следует воевать за Чехословакию, Дафф-Купер подчеркивал, что речь идет вовсе не о войне за Чехословакию, а о том, сможет ли Англия остаться нейтральной, если Германия развяжет вооруженный конфликт с целью установления своей гегемонии в Европе. Однако, как свидетельствует Дафф-Купер, его точка зрения не нашла поддержки со стороны большинства кабинета, в том числе его ведущих членов [64]. Возобладало мнение Чемберлена — Саймона — Галифакса, настаивавших на проведении прежней линии по чехословацкому вопросу.

Более того, как сообщала газета «Дейли мейл», Гендерсон получил инструкции заверить руководителей гитлеровской политики в том, что английское правительство на данной стадии более озабочено тем, чтобы побудить Чехословакию пойти на максимальные уступки судетским немцам, нежели тем, чтобы заниматься критикой генлейновской партии [65].

В определении позиции английского правительства в рассматриваемый период немаловажная роль принадлежала американской дипломатии. Как в критические для Чемберлена дни февраля—марта 1938 г., американская дипломатия и на этот раз поспешила на помощь англий-

---

[64] Duff Cooper. Old Men Forget, p. 225.

[65] „Daily Mail", 1/IX 1938. Гендерсон по возвращении в Берлин сразу же уведомил статс-секретаря министерства иностранных дел Вейцзекера о том, что он приехал не для того, чтобы предостерегать Германию, добавив, что британское правительство не намерено выступать с «пустыми угрозами» (Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 203). В беседе с Риббентропом 1 сентября Гендерсон пошел еще дальше, заявив, что осознает ту обиду, которую причинил Германии английский демарш 21 мая, однако, добавил британский посол, он не ожидает повторения 21 мая (там же, стр. 206). Что же касается тех предупреждений, которые, по утверждению Чемберлена, Гендерсон якобы сделал ряду немецко-фашистских политиков в Нюрнберге во время съезда гитлеровской партии, то, по свидетельству фран-

скому правительству, стремясь подчеркнуть полную согласованность точек зрения Англии и США по важнейшим внешнеполитическим вопросам.

30 и 31 августа в беседах с Чемберленом и Галифаксом американский посол в Лондоне Кеннеди заверил британских министров в том, что правительство США полностью одобряет линию английского правительства в чехословацком вопросе. Согласившись с тем, что Гитлера можно остановить, если Англия твердо заявит о своей решимости воспрепятствовать немецкому нападению на Чехословакию, Кеннеди, однако, солидаризировался с намерением английского правительства не делать каких-либо предупреждений Гитлеру. Явно подстрекая Чемберлена и Галифакса на проведение политики дальнейших уступок фашистским агрессорам, Кеннеди заявил, что, по его убеждению, Рузвельт стоит «заодно с Чемберленом» и что, какой бы линии последний ни придерживался в будущем, «президент США сочтет ее правильной»[66].

Полная и безоговорочная поддержка Соединенными Штатами курса английского правительства в чехословацком вопросе поощрила Чемберлена и Галифакса на новые шаги с тем, чтобы принудить Чехословакию склониться перед гитлеровскими требованиями. С этой целью 31 августа английское правительство, не довольствуясь нажимом, который Ренсимен непрерывно оказывал на чехословацкое правительство, дало указание своему посланнику Ньютону посетить Бенеша и заявить ему, что, по мнению английского правительства, наступил момент, когда

цузского историка Дзелепи, они носили просто комический характер. Самое присутствие на съезде Гендерсона и весьма значительной английской делегации, в которую входили близкие друзья Чемберлена и старые поклонники Гитлера — лорды Макгоуэн, Броккет, Стамп и др., не скрывавшие своего одобрения нацистских планов в отношении Чехословакии, лишало эти «предупреждения» какого-либо значения. По согласованию с Гендерсоном французский посол Франсуа-Понсэ, обращаясь к Гитлеру от имени дипломатического корпуса на приеме в Нюрнберге 7 сентября, произнес полную пресмыкательства перед фашистским диктатором речь, в которой выразил надежду, что «лавры миротворца увенчают чело» Гитлера (E. N. Dzelepy. La vérité sur Munich — „L'Europe", № 22, 1947, p. 4; A. François-Poncet. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Paris, 1946, p. 322).

[66] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 212—213.

необходимо немедленно и безоговорочно пойти на уступки, «без которых судетский вопрос не может быть разрешен мирным путем» [67].

История международных отношений новейшего времени знает немного дипломатических документов, которые по своему лицемерию и цинизму могли бы быть поставлены в один ряд с упомянутыми выше инструкциями Галифакса Ньютону. Прикрываясь лживо-фарисейскими рассуждениями о необходимости обеспечения интересов Чехословакии и сохранения мира в Европе, британские пособники фашистских агрессоров нагло предлагали чехословацкому правительству прекратить «маневрирование и затяжку переговоров» с генлейновцами и продемонстрировать искреннее стремление разрешить судетский вопрос. Горя нетерпением поскорее добиться капитуляции Чехословакии, английские правители, теряя всякое чувство меры, заявляли, что нынешняя позиция чехословацкого правительства вызывает всюду серьезные подозрения и что с целью рассеять эти подозрения оно должно безотлагательно пойти на уступки, которые по своему объему и характеру должны быть, вероятно, не меньшими, чем карлсбадская программа [68].

Демарш Ньютона в соответствии с этими инструкциями, предпринятый 3 сентября, был поддержан французским правительством, по-прежнему безоговорочно одобрявшим все шаги Чемберлена — Галифакса в чехословацком вопросе.

Уступая объединенному нажиму Ньютона, Ренсимена и французского посланника Лякруа, чехословацкое правительство приняло 6 сентября так называемый «Четвертый план», который воспроизводил с небольшими изменениями все восемь пунктов карлсбадской программы и который, как писали «Известия», положил «начало государственному разложению Чехословакии» [69].

Однако и эти новые, далеко идущие уступки пражских правителей не удовлетворили Гитлера и его судето-немецкую агентуру. Уже через день в печати появились сообще-

---

[67] N. Chamberlain. The Struggle for peace. London, 1939, p. 284; Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 195—196.

[68] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 195—196.

[69] «Известия», 8/IX 1938.

ния о том, что в кругах, близких к Гитлеру, считают «Четвертый план» Бенеша не отвечающим создавшейся обстановке и потому совершенно неприемлемым [70].

7 сентября, пользуясь тем, что чехословацкие власти по-прежнему не принимали энергичных мер для пресечения провокационных действий генлейновцев, группа фашистских молодчиков спровоцировала в Моравской Остраве столкновение с местной полицией. Хотя этот инцидент не отличался от множества других, ранее имевших место, генлейновцы Кундт и Роше от имени своей партии заявили об отказе вести переговоры с правительством до тех пор, пока указанный инцидент не будет разрешен удовлетворительным образом. Как признает даже Ренсимен в своем докладе, события в Моравской Остраве были спровоцированы генлейновцами с целью сорвать переговоры как раз в тот момент, когда правительство по существу пошло на удовлетворение всех их требований [71].

В соответствии с полученными из Берлина инструкциями Генлейн, только что вернувшийся из Германии, вновь покинул Чехословакию, направляясь на этот раз в Нюрнберг на открывшийся там съезд гитлеровской партии.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЕ «ТАЙМС» ОТ 7 СЕНТЯБРЯ 1938 г. О ПЕРЕДАЧЕ СУДЕТСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕРМАНИИ. РЕШЕНИЕ ЧЕМБЕРЛЕНА О ПРЯМЫХ ПЕРЕГОВОРАХ С ГИТЛЕРОМ

7 сентября, в тот самый день, когда судетские фашисты спровоцировали события в Моравской Остраве, лондонская «Таймс» опубликовала статью своего главного редактора Доусона, посвященную судетскому вопросу. Признав, что «Четвертый план» являлся крупной уступкой чехословацкого правительства генлейновцам, газета продолжала: «Быть может, однако, следовало бы, чтобы чехословацкое правительство решило, нет ли смысла принять предложение, поддерживаемое в некоторых кругах и ставящее своей целью сделать Чехословакию более однород-

[70] „Humanité" 8/IX 1938.

[71] Correspondence respecting Czechoslovakia, Cmd 5847, № 7, London, 1938, p. 4; H. Ripka. Munich. Before and After. London, 1939, p. 28—29.

ным государством путем отделения от него чуждого ему населения, живущего по соседству с народом, с которым оно связано расовыми узами...» [72]

Таким образом, «Таймс» открыто заявила о том, что принятия карлсбадских требований Прагой явно недостаточно и что населенные немцами районы Чехословакии должны быть переданы гитлеровской Германии.

Статья в «Таймс» вызвала бурю негодования в Англии и за ее пределами. Британское министерство иностранных дел поспешило заявить, что позиция «Таймс» не отражает точки зрения правительства. Однако мало кто обратил внимание на это опровержение: слишком хорошо было известно, что, помимо точки зрения Чемберлена и его друзей из Клайвдена, газета ничьих мнений не выражает. Даже «Дейли телеграф» сочла нужным отмежеваться от предложения «Таймс» и выступить с порицанием рупора клайвденской клики за «бестактность», допущенную в столь ответственный момент [73]. «Манчестер гардиан» в своих комментариях писала, что если Гитлер захочет сорвать последнее предложение чехов, то отныне в его распоряжении имеется довод, который поможет ему в этом деле. В частности, по словам газеты, Гитлер и Генлейн не преминут заявить, что их требования, сформулированные в карлсбадской программе, более умеренны, чем предложение, исходящее из влиятельных английских кругов и столь недвусмысленно выраженное «Таймс» [74]. Английская печать единодушно отмечала, что предложение «Таймс» появилось вслед за только что сделанными новыми уступками чехов, фактически удовлетворивших все требования судетских фашистов, и, таким образом, свидетельствовало о том, что, по мнению английских руководящих кругов, Прага все еще сделала мало.

8 сентября днем Галифакс дважды беседовал с Доусоном. В ходе этих бесед Галифакс по существу одобрил упомянутое выше предложение «Таймс». И редакционная статья по чехословацкому вопросу, опубликованная в этой газете 9 сентября, весьма характерна. «Таймс» предупреждала Гитлера об опасности, которую представляет для ми-

---

[72] „Times", 7/IX 1938.
[73] „Daily Telegraph and Morning Post", 8/IX 1938.
[74] „Manchester Guardian", 8/IX 1938.

ра решение проблемы при помощи силы, однако она не отказывалась от высказанного 7 сентября мнения о целесообразности предложенного ею способа решения судетского вопроса, в случае, если другие проекты потерпят неудачу, и при условии, что отторжение Судетской области «не будет основываться на силе»[75].

В Германии обе эти статьи вызвали настоящее ликование. Германское радио и печать немедленно подхватили аргументацию органа клайвденской клики[76]. Несомненно, действительная позиция Чемберлена — Галифакса была хорошо известна нацистам. Но ведь до сих пор даже Генлейн и его берлинские хозяева в своих выступлениях не решались открыто заявить о намерении оторгнуть Судеты от Чехословакии. Ведь до самого последнего дня, до самого последнего момента Гитлер официально требовал автономии для судетских немцев в пределах Чехословакии. Эту позицию фашистский главарь повторил и во время встречи с Генлейном 1 сентября, когда он дал последнему указание добиваться полного принятия карлсбадских требований[77]. Таким образом, влиятельнейшая английская газета, неофициальный орган правительства, после всех уступок Праги ясно сформулировала то, что гитлеровцы до сих пор не решались прямо сказать. Это было событие исключительное по своей важности и последствиям. И подобно тому как статьи Дрисколла и Авгура в американских и канадских газетах послужили сигналом для немецко-фашистского выступления в мае, сорванного лишь благодаря твердости и решимости чехословацкого народа, так и статьи Доусона в «Таймс» 7 и 9 сентября явились своего рода сигналом для новых провокаций гитлеровцев, для нового натиска германского фашизма и его судето-немецкой агентуры на свободу, независимость и целостность чехословацкой республики.

Новое выступление гитлеровцев не заставило себя долго ждать. 12 сентября Гитлер произнес в Нюрнберге погромную речь. Разразившись площадной бранью по адресу

---

[75] „Times", 9/IX 1938; см. об этом подробнее „History of the Times", vol. IV, p. II, New York, 1952, p. 930—936.

[76] «Известия», 8, 9/IX 1938.

[77] „New York Times", 5/IX 1938.

чехословацкого народа, Гитлер заявил, что он не намерен больше мириться с «угнетением» трех миллионов судетских немцев. Заявив далее, что эти немцы настаивают на предоставлении им права на «самоопределение», фашистский диктатор угрожающе добавил, что он намерен поддержать это требование.

Едва Гитлер закончил свою речь, как в Судетской области вспыхнул вооруженный мятеж. Мятежники, среди которых было немало специально переброшенных из Германии эсесовцев и гестаповцев, действовали по заранее разработанному плану [78]. Им удалось захватить ряд пунктов в Судетах и увезти в Германию несколько тысяч чехов, проживавших в Судетской области, а также значительное число немцев-антифашистов, которых после пыток и издевательств бросили в гитлеровские концлагери.

К большому разочарованию Гитлера и его друзей из правящего лагеря западных держав, чехословацкие вооруженные силы, поддержанные населением всей страны, без труда подавили мятеж. Демократическая общественность страны требовала от правительства немедленного роспуска генлейновской партии и ареста ее главарей как государственных преступников. Однако премьер-министр Годжа и министр внутренних дел Черны всячески оттягивали принятие окончательного решения по этому вопросу. Опубликованное правительством распоряжение о «прекращении деятельности» генлейновской партии вылилось в настоящую комедию: уже через несколько часов после опубликования этого распоряжения находившееся в Праге руководство судетских немцев (Кундт, Себековский и др.) объявило о «возобновлении» деятельности своей партии, которая теперь выступала под вывеской «Богемской судетской партии» [79]. Как Генлейн, так и его ближайшие сообщники Франк и Кундт оставались на свободе; более того, главари судетских фашистов вновь связались с членами миссии Ренсимена и через них выдвинули свои условия, без удовлетворения которых правительством они отказывались

[78] P. Buk. Op. cit., p. 8—9. Значительная часть немецкого населения Судетской области не участвовала в мятеже, «пассивно и неодобрительно» наблюдая за действиями генлейновских молодчиков (A. Rothstein. Op. cit., p. 144—145).

[79] „Manchester Guardian", 17/IX 1938.

продолжать переговоры [80]. Хотя Годжа заверил генлейновцев в готовности принять выдвинутые ими условия, Гитлер дал приказ своей агентуре переговоры не возобновлять и продолжать провоцировать беспорядки, чтобы создать видимость неспособности властей обеспечить порядок в стране, что могло бы послужить удобным предлогом для вторжения в Судеты якобы для защиты жизни и собственности своих «единокровных братьев».

Таким образом, несмотря на явный провал вооруженного путча генлейновцев в Судетской области, положение в стране оставалось весьма серьезным.

В этих условиях Чемберлен решил «не терять времени». Как это теперь известно из биографии Чемберлена, написанной Филингом, а также из «Британских документов», английский премьер уже в течение нескольких недель вынашивал проект прямых переговоров с Гитлером посредством личной поездки в Германию, в связи с чем 24 августа Чемберлен направил специальные инструкции Гендерсону [81]. 30 августа премьер обсуждал упомянутый план со своими ближайшими сотрудниками, в том числе с Гендерсоном [82]. Об этом плане Чембелен неоднократно упоминает позднее в своих частных письмах к семье (от 3, 11, 19 сентября). Так, в письме от 11 сентября Чемберлен пишет, что у него есть проект, последствия осуществления которого выйдут далеко за пределы нынешнего кризиса и произведут переворот во всей международной обстановке [83]. Таким образом, британский премьер по существу признавал, что вопрос о судьбе Чехословакии интересовал его лишь постольку, поскольку чехословацкий кризис был выгоден для осуществления его плана. В письме от 19 сентября Чемберлен делает другое, не менее интересное признание: «В конце концов мне было абсолютно все равно, будут ли Судеты входить в рейх или нет» [84]. «Момент реализации плана еще не наступил, все время существует возможность, что Гитлер будет действовать так, что опередит

---

[80] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 321, 327, 334.

[81] K. Feiling. Op. cit., p. 360—363; см. также Ch. Mowat. Great Britain between the Wars. London, 1955, p. 607.

[82] Там же, стр. 314; J. Simon. Op. cit., p. 244.

[83] K. Feiling. Op. cit., p. 360—361.

[84] Там же, стр. 367.

мой план»,— указывает далее Чемберлен, не скрывая своих опасений по поводу того, что Гитлер может захватить Чехословакию раньше, чем он, Чемберлен, ее выдаст, и тем самым сорвет осуществление вынашиваемого им плана.

Частная корреспонденция Чемберлена позволяет выявить еще одно характерное обстоятельство. В ряде своих выступлений в период кануна Мюнхена английский премьер-министр утверждал, что единственное средство предотвратить войну из-за Чехословакии — это «уговорить» Гитлера не выступать. Между тем сам Чемберлен в письме от 11 сентября признает, что решающее слово в судьбах войны и мира в Европе принадлежало отнюдь не Германии, а Великобритании. Чемберлен прямо пишет: «Я великолепно отдаю отчет в том, что если развитие событий примет дурной оборот и агрессия совершится, найдется много людей...,которые будут утверждать, что английское правительство должно нести за это всю полноту ответственности, поскольку если бы оно имело мужество прямо заявить Гитлеру, что всякое применение им силы вызовет объявление войны с нашей стороны, то этого оказалось бы достаточно, чтобы остановить его. Доказать обратное в настоящее время—невозможно»[85].

Письмо Чемберлена к сестре от 19 сентября подтверждает, с каким нетерпением британский премьер ждал наступления кризиса, который был важнейшей предпосылкой для осуществления его плана. «Две вещи существенны для меня,—подчеркивал Чемберлен,—во-первых, чтобы мой план был испробован в тот момент, когда обстановка станет наиболее критической, во-вторых, чтобы встреча с Гитлером была полной неожиданностью»[86].

Позиция английского правительства и образ действия самого Чемберлена в рассматриваемый период не оставляют сомнения в том, что британский премьер не только ждал кризиса, но и старался ускорить его, провоцировал этот кризис. Именно поэтому Чемберлен дал указание Гендерсону не предостерегать Гитлера против выступления, ибо в этом случае Гитлер отступил бы и никакого кризиса не последовало. Именно поэтому английское пра-

[85] K. Feiling. Op. cit., p. 361.
[86] Там же, стр. 363.

вительство сочло нужным еще раз уведомить Францию в эти дни, что оно не намерено противодействовать гитлеровским планам, направленным против Чехословакии, причем, несмотря на конфиденциальный характер этих уведомлений, тот факт, что английское правительство будет придерживаться прежней линии в чехословацком вопросе, получил широкое освещение в английской печати[87]. Именно поэтому английское правительство игнорировало и вновь выдвинутое в начале сентября советское предложение сделать от имени СССР, Англии и Франции совместное предупреждение Гитлеру, предупреждение, которое остановило бы все более наглевшего агрессора и сохранило бы независимость и целостность чехословацкого государства[88].

На протяжении всего рассматриваемого периода английская дипломатия делала все, чтобы «не раздражать» Гитлера и не мешать ему в осуществлении его замыслов. По красноречивому свидетельству Дафф-Купера, фашистского диктатора все это время «уверяли, заверяли и укрепляли во мнении, что Великобритания ни в коем случае не будет воевать»[89]. Позиция Англии предопределяла и позицию французского правительства[90]. В результате

[87] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 276, 303; „Times", 10/IX 1938; „Sunday Times", 11/IX 1938.

[88] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 272.

[89] Duff Cooper. The Second World War. New York, 1939, p. 19.

[90] В период кризиса 12—14 сентября состоялось специальное заседание французского правительства. На этом заседании Боннэ, Шотан и де Монзи настаивали на полной поддержке линии Чемберлена в чехословацком вопросе и решительно возражали против мобилизации. Ряд министров (Мандель, Рейно и др.), считая создавшуюся обстановку критической, высказывался за мобилизацию. Даладье колебался. Однако эти колебания французского премьера носили в значительной степени показной характер. Сам Даладье уже несколько недель подвергался «обработке» со стороны Гитлера, с которым французский премьер находился в секретной переписке, в частности, через де Бринона. Гитлер всячески прельщал Даладье перспективой «вечного мира» между Францией и Германией. На необходимости «мирного урегулирования» судетского вопроса во что бы то ни стало настаивал также Боннэ. В конце указанного заседания кабинета Даладье в порядке «компромисса» предложил не принимать каких-либо решений, предоставив английскому правительству право самому определить общую линию действий англо-французской дипломатии. «Это, — писал известный английский публицист А. Верт, — означало полную капитуляцию Франции» („New Statesman and Nation", 24/IX 1938).

Гитлер шел вперед, подстрекая свою агентуру в Чехословакии на новые выступления, обостряя обстановку, создавая кризисы. Очередной кризис 12—14 сентября и был использован Чемберленом, чтобы приступить к реализации давно задуманного плана — прямым переговорам с Гитлером в целях заключения сделки с фашистской Германией.

Глава пятая

ПЕРЕГОВОРЫ ЧЕМБЕРЛЕНА В ГЕРМАНИИ. МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ С ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

1. СОВЕЩАНИЕ ЧЕМБЕРЛЕНА С ГИТЛЕРОМ В БЕРХТЕСГАДЕНЕ

Предложение Чемберлена о личной встрече с Гитлером, переданное через Гендерсона, было сразу же принято нацистским канцлером. В официальных кругах гитлеровской Германии не скрывали удовлетворения по поводу инициативы британского премьера, рассматривая ее как доказательство готовности английского правительства завершить дело предательства Чехословакии. Риббентроп в интервью, данном У. Прайсу, заявил о своей уверенности в том, что визит Чемберлена будет играть важную роль в решении чехословацкого вопроса и дальнейшем развитии англо-германских отношений [1]. Гендерсон в своем донесении от 15 сентября отмечал, что в немецко-фашистских кругах не делали секрета из того, что предложение об урегулировании судетского вопроса, которое привезет Чемберлен, будет основываться на отторжении от Чехословакии населенных немцами районов страны [2].

Решение Чемберлена отправиться для переговоров с Гитлером вызвало широкие отклики во всем мире. Реакционные круги западных держав безоговорочно одобрили это намерение британского премьера, пытаясь предста-

[1] «Известия», 16/IX 1938.
[2] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 334.

вить предстоящие переговоры Чемберлена с Гитлером как «лучшее средство для устранения напряжения и ликвидации недоразумений» [3]. Правительство США, которое 9 сентября вновь выступило против какого-либо предостережения фашистским агрессорам, 14 сентября в специальном заявлении госдепартамента охарактеризовало предстоящее совещание Чемберлена с Гитлером как «историческую конференцию» [4]. Решение английского премьера о прямых переговорах с фашистскими главарями было одобрено и руководителями французского правительства, выразившими «глубокое удовлетворение» инициативой Чемберлена [5].

Намерение британского премьера отправиться для переговоров с Гитлером встретило поддержку и со стороны правосоциалистических лидеров Англии и Франции. Известно, что незадолго до начала переговоров в Берхтесгадене закончил свою работу 70-й конгресс британских тред-юнионов. Проходивший в критические сентябрьские дни, этот конгресс имел большое значение. Широкие массы английских трудящихся настаивали на том, чтобы конгресс явился отправным пунктом для пересмотра проводимой руководством лейбористской партии и БКТ политики по чехословацкому и испанскому вопросам, для решительного разоблачения антинародной сущности политики правительства консерваторов, для мобилизации народа на борьбу против этого правительства. В этой сложной обстановке лидерам БКТ пришлось немало маневрировать. Вынужденные считаться с настроениями рядовых членов профсоюзов и боясь окончательно разоблачить себя в их глазах как верных прислужников правительства монополистического капитала, лидеры Конгресса тред-юнионов произносили громкие и патетические речи с «критикой» политики правительства Чемберлена и под давлением рядовых участников конгресса даже пошли на принятие резолюций, в которых открыто и в довольно резкой форме осуждалась эта по-

---

[3] G. Bonnet. Op. cit., p. 220; W. Hadley. Munich — before and after. London, 1944, p. 67.

[4] C. Hull. Op. cit., p. 589; Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 605.

[5] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 329, 359—360.

литика [6]. Однако, выступая со словесной критикой по адресу правительства Чемберлена, лидеры лейбористов и генсовета тред-юнионов делали все от них зависящее, чтобы укрепить «тыл» этого правительства и помешать английским трудящимся и всем честным демократам сорвать осуществление замыслов Чемберлена и его сторонников. Именно с этой целью в ходе работы конгресса правосоциалистические лидеры под различными предлогами продолжали решительно выступать против объединения прогрессивных сил Англии в едином народном фронте.

Накануне отъезда Чемберлена в Берхтесгаден ряд руководящих деятелей лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов выступил с заявлениями, в которых одобрил инициативу английского премьера. Так, Ситрин заявлял, что поездка Чемберлена в Германию является лишним доказательством того, что премьер не останавливается ни перед чем ради достижения мирного урегулирования чехословацкой проблемы [7]. Вслед за органами реакционной печати, пытавшейся представить Чемберлена в качестве друга Чехословакии, а его миссию в Германию — как попытку защитить Чехословакию от посягательств со стороны фашистских агрессоров, центральный орган лейбористов «Дейли геральд» всячески пропагандировал мысль о том, что цель английского правительства — добиться мирного и справедливого решения судетского вопроса без ущерба для жизненных интересов чехословацкой республики. В день отъезда Чемберлена в Берхтесгаден, 15 сентября, газета поместила передовую статью, озаглавленную «Желаем вам успеха, г-н Чемберлен». Орган правых лейбористов, не стесняясь, утверждал, что в свершении своего «смелого акта» Чемберлен может рассчитывать на поддержку «всех людей повсюду, независимо от партийной принадлежности» [8].

Хотя, безусловно, лейбористский орган брал на себя слишком много, когда выступал с подобным утверждением, тем не менее он, несомненно, был прав, по крайней

---

[6] Trades Union Congress. Seventieth Annual Report. Blackpool, 1938, p. 77—78, 180—188, 371—373, 474—475.

[7] W. Rust. Op. cit., p. 57.

[8] „Daily Herald", 15/IX 1938, 16/IX 1938.

мере в отношении того, что руководящая верхушка лейбористской партии, в том числе Ситрин, Моррисон и Дальтон, были полностью солидарны с действиями Чемберлена. Об этом, в частности, не без злорадства сообщал в Вашингтон Кеннеди [9].

Иную оценку решению Чемберлена отправиться к Гитлеру давала прогрессивная общественность как в Англии, так и за ее пределами, рассматривавшая поездку Чемберлена к нацистскому фюреру в качестве прелюдии к выдаче Чехословакии на расправу фашистским разбойникам. В Лондоне толпы народа собирались у резиденции премьера на Даунинг-стрит и у германского посольства, требуя прекращения уступок Гитлеру. Многие лейбористские, профсоюзные, кооперативные и другие организации принимали резолюции с требованием немедленного и полного изменения внешней политики правительства. Враждебное отношение к гитлеровской Германии,— писали «Известия»,—достигало крайнего предела [10].

Кампанию против чемберленовских планов расчленения Чехословакии возглавили коммунисты. 16 сентября орган английской компартии «Дейли уоркер» опубликовал передовую статью, озаглавленную: «Никаких уступок Гитлеру». Газета разоблачала попытки консервативной и праволейбористской печати представить поездку Чемберлена в Германию как «миротворческую миссию». Указав, что целью переговоров Чемберлена с Гитлером является не предотвращение войны и спасение Чехословакии, а предательство дела мира и чехословацкого государства, газета писала: «Человек, который несет ответственность за сделку с Муссолини [11] и за предательство испанского народа, ныне прилагает усилия, чтобы вступить в сговор с Гитлером, сговор, который в результате установления фашистского господства в Европе поставит под угрозу демократию и мир во всем мире» [12].

В то время как лейбористские лидеры в этот критический период предпочли не созывать очередную партий-

---

[9] Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 611.

[10] «Известия», 15/IX 1938.

[11] Речь идет об англо-итальянском соглашении, подписанном 16 апреля 1938 г.

[12] „Daily Worker", 16/IX 1938.

ную конференцию и перенесли ее на 1939 г., явно не желая связывать себя решениями о борьбе с правительством, которые они были бы вынуждены принять под давлением рядовых членов партии, коммунистическая партия созвала 16 сентября свой съезд. Значение этого съезда состояло прежде всего в том, что на нем была выработана конкретная программа действий в защиту Чехословакии, в защиту мира и безопасности в Европе, которая нашла поддержку в массах английского народа [13].

Последовательная борьба Британской коммунистической партии против политики предательства Чехословакии и дальнейшая активизация этой борьбы в период обострения чехословацких событий в сентябре 1938 г. являлись разительным контрастом по отношению к позиции, которую занимали многие представители правящего лагеря Англии, также понимавшие, какими последствиями для Англии грозит продолжающееся пособничество гитлеровским агрессорам.

Известно, что внутри самого правительства ряд министров (Дафф-Купер, Оливер Стэнли) не одобрял решения Чемберлена отправиться к Гитлеру. Эти политические деятели, выражаясь словами «Экономиста», считали, что «соглашение, которое оставляло чехов на произвол судьбы, не только было бы бесчестным, не только превратило бы полет Чемберлена в позорную капитуляцию, но и явилось бы близоруким актом, шедшим вразрез с элементарными интересами самой Англии» [14]. Дафф-Купер и другие представители «консервативной оппозиции» как внутри правительства, так и вне его (Иден, Бутби, Сесиль, Эмери и др.) правильно считали, что удовлетворение гитлеровских притязаний по чехословацкому вопросу не принесет мира Европе, ибо, как справедливо говорил сам Дафф-Купер, «не может быть мира в Европе, пока нацисты правят Германией» [15]. Нельзя было не согласиться и с предостережением, сделанным Дафф-Купером на заседаниях британского кабинета 17 и 24 сентября, когда он говорил, что, уступая Гитлеру шаг за шагом, принося ему одну жертву за другой, Англия

---

[13] Подробнее об этом см. ниже, стр. 246—247.
[14] „Economist", 17/IX 1938.
[15] Duff Cooper. Old Men Forget, p. 230.

вскоре окажется в положении, когда ей придется вести войну против Германии одной, без союзников и друзей [16].

Однако, признавая серьезную опасность политики Чемберлена — Галифакса прежде всего для самой Англии, ни Дафф-Купер, ни другие недовольные Чемберленом консерваторы не предпринимали никаких реальных шагов, чтобы добиться изменения этой политики, и даже не выступили с открытым — а не только на заседаниях кабинета и в интимных беседах с друзьями — ее разоблачением и осуждением. Более того, из мемуаров Дафф-Купера следует, что он, как и разделявший его взгляды министр торговли О. Стэнли, опасались, как бы вокруг них не сплотились их единомышленники, которые пожелали бы начать действенную борьбу против правительства, членами которого они состояли [17]. Дафф-Купер и его сторонники из числа консервативных «оппозиционеров» при определенных условиях даже были готовы одобрить передачу Судет Германии [18]. О наличии колебаний и нерешительности среды «оппозиционеров» свидетельствует и то обстоятельство, что, намереваясь еще в середине сентября 1938 г. подать в отставку из-за разногласий с руководством кабинета, Дафф-Купер счел возможным пойти навстречу пожеланию Чемберлена, просившего его остаться в правительстве в столь ответственный момент.

Значительно более трезво оценивая создавшуюся обстановку, чем правящая клика Чемберлена — Галифакса, правильно рассматривая гитлеровскую Германию как самую серьезную угрозу для Англии и ее империи, «консервативная оппозиция» не могла не понимать того, что единственным эффективным средством противодействия агрессорам является сотрудничество Англии с другими миролюбивыми государствами и в первую очередь с СССР. Однако, будучи по своему классовому положению и мировоззрению не меньшими тори, чем Чемберлен или Астор, представители этой «оппозиции» враждебно относились к идее сотрудничества с Советским Союзом, опасаясь, что союз с СССР в целях обуздания фашистской агрессии послужит мощным толчком для дальнейшего

[16] Duff Cooper. Old Men Forget, p. 230, 234—235.
[17] Там же, стр. 229.
[18] Там же, стр. 230, 244.

подъема освободительного антиимпериалистического движения в странах капитала и их колониях, прежде всего в самой Британской империи, а также приведет к опасному для мирового капитализма упрочению позиций Советского государства. Кроме того, консервативные «оппозиционеры» боялись и народа Англии, полагая, что участие широких масс в движении за изменение антинациональной политики правительства приведет к свержению этого правительства, к замене его правительством, опирающимся на поддержку прогрессивных сил, результатом чего были бы опасные социальные и политические потрясения, подрыв основ политической и экономической власти господствующих классов Великобритании.

Именно поэтому Дафф-Купер, Иден, Сесиль и их единомышленники, выступая против гитлеровских притязаний, призывая к укреплению связей и сотрудничества с США и Францией, по существу игнорировали Советский Союз [19], а в своей критике Чемберлена не шли дальше слов и как огня боялись дел, которые только и могли пресечь его политику, гибельность которой для самой Англии они прекрасно понимали.

* * *

15 сентября Чемберлен вылетел в Берхтесгаден. Его сопровождали заведующий отделом стран Центральной Европы английского МИД У. Стрэнг и ближайший сотрудник премьера Г. Вильсон [20].

По прибытии в Берхтесгаден Чемберлен сразу же был принят Гитлером. Как видно из опубликованных в «Британских документах» записей беседы Чемберлена с Гитлером, английский премьер начал разговор с описания своих усилий, направленных на улучшение англо-германских отношений и достижение соглашения между

---

[19] Duff Cooper. Op. cit., p. 239—244; „Daily Telegraph and Morning Post", 21/IX 1938; „Humanité", 22/IX 1938.

[20] Официально Г. Вильсон в рассматриваемый период занимал пост главного экономического советника правительства. На самом деле Вильсон являлся главным советником Чемберлена по вопросам внешней политики. Вильсон пользовался особым доверием немецко-фашистских политиков и дипломатов (см. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 35—36; см. также Ch. Mowat. Op. cit., p. 593).

двумя странами [21]. Чемберлен сказал, что он с нетерпением ожидал момента, который позволил бы путем откровенного обмена мнениями выяснить позиции сторон по интересующим оба государства вопросам. Британский премьер заверил фашистского главаря в том, что он питает глубокое уважение к руководителям немецкой политики, в частности к Гитлеру, и отдает должное его «замечательным успехам в деле возрождения германской нации» [22]. Заявив далее, что он предпочел бы заняться на первом совещании обсуждением англо-германских отношений в целом, независимо от существующего между ними спорного (т. е. судетского) вопроса, Чемберлен предложил перенести рассмотрение чехословацкого вопроса на следующий день.

Таким образом, с самого начала британский премьер сделал попытку выяснить возможность достижения англо-германского соглашения в целом, вне зависимости от судетского вопроса, будучи готовым, естественно, потом дать согласие на приемлемое для Гитлера решение этого вопроса с тем, чтобы оно явилось одним из элементов указанного соглашения. Такая тактика Чемберлена полностью соответствовала его взглядам, изложенным в цитировавшихся выше письмах к сестре: чехословацкий кризис и чехословацкая проблема интересовали английского премьера лишь в той мере, в какой они были необходимы и могли быть использованы для осуществления давно вынашиваемого английскими правящими кругами плана заключения англо-германской сделки. Целостность и само существование Чехословакии являлись лишь разменной монетой в руках Чемберлена. Продавая Чехословакию, он намеревался получить взамен англо-германское соглашение.

Однако попытка Чемберлена потерпела неудачу. Гитлер отнюдь не торопился связывать себя какими-либо обязательствами по широкому кругу вопросов, вызывав-

---

[21] Во втором томе третьей серии «Британских документов», помимо записи берхтесгаденской беседы, сделанной самим Чемберленом, приведена и более подробная запись — гитлеровского переводчика Шмидта (Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 338—351). В целом не противореча друг другу, эти записи далеко не совпадают.

[22] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 342; Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 487, p. 787—788.

ших острые разногласия между Англией и Германией. Принятие обязательств подобного рода могло бы ограничить свободу маневрирования немецко-фашистской дипломатии в будущем и создало бы известные помехи в деле приемлемого для Гитлера «урегулирования» конкретных проблем, т. е. в расправе поодиночке над очередными жертвами. С другой стороны, Гитлер не сомневался, что, если проявить некоторую «твердость», Чемберлен выдаст Чехословакию без какой-либо платы взамен — ведь позиция английского правительства по чехословацкому вопросу давно уже была известна фашистским главарям. Поэтому Гитлер, сославшись на якобы полученные им сообщения о гибели трехсот судетских немцев в Чехословакии (что было грубой ложью), заявил, что чехословацкий вопрос ныне приобретает особую остроту и требует безотлагательного обсуждения.

Чемберлен не возражал, и Гитлер начал длинную речь, которая, очевидно, должна была доказать «миролюбие» германского фашизма и «умеренность» его требований. Вместе с тем нацистский главарь не упустил возможности пригрозить Чемберлену денонсацией англо-германского морского соглашения 1935 г., если у Германии не будет уверенности в том, что Англия не вступит в войну против Германии.

Переходя непосредственно к чехословацкому вопросу, Гитлер заявил, что он любой ценой намерен добиться «возвращения» трех с половиной миллионов судетских немцев в Германию. На вопрос Чемберлена, удовлетворится ли Германия присоединением судетских районов или будет настаивать на большем, Гитлер, согласно записи его английского собеседника, дал следующий ответ: «Если судетские немцы воссоединятся с рейхом, последует отделение (от Чехословакии.— *В. П.*) венгерского меньшинства, польского меньшинства, словацкого меньшинства, а то, что останется, будет столь незначительно, что об этом не стоит и думать»[23]. Как следует из записи Шмидта, Гитлер прямо заявил Чемберлену, что «Чехословакия некоторое время спустя прекратит свое существование»[24]. Из записи Шмидта видно также, что

[23] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 340.
[24] Там же, стр. 347.

Чемберлен в ответ на такое заявление фашистского главаря поспешил заверить его в том, что Англия не заинтересована в судето-немецком вопросе, как таковом, и что ее интересует лишь «сохранение мира».

Излагая далее свои требования по чехословацкому вопросу, Гитлер, согласно записи Шмидта, добавил, что он настаивает на ликвидации союзов Чехословакии с другими государствами, поскольку благодаря таким союзам Чехословакия представляет «угрозу для Германии»[25]. Чемберлен же в своей записи говорит лишь о требовании Гитлера аннулировать советско-чехословацкий договор, умалчивая, таким образом, что его собеседник требовал также ликвидации франко-чехословацкого договора. Фальсификация, на которую пустился в данном случае английский премьер, не является случайной. Далее, как это видно из записи Чемберлена, так же как и записи Шмидта, Чемберлен задал Гитлеру вопрос, удовлетворит ли его такое положение, при котором договор СССР с Чехословакией был бы «изменен» так, чтобы Чехословакия не оказывала помощи Советскому Союзу в случае нападения на него и в то же время была бы лишена возможности рассчитывать на его помощь[26]. В данном случае Чемберлен вновь упорно говорит только о советско-чехословацком договоре и ни словом не упоминает о франко-чехословацком союзе. Налицо явная попытка британского премьера представить советско-чехословацкий договор в качестве единственного камня преткновения, в который упирается приемлемое для фашистских заправил решение чехословацкого вопроса; одновременно Чемберлен достаточно прозрачно намекает Гитлеру (фраза Чемберлена: «если Россия подвергнется нападению»), что от Германии ждут движения на Восток, против СССР и что аннулирование союзного договора между Чехословакией и Советским Союзом облегчит Гитлеру это движение, облегчит ему развязывание войны против Советского государства.

Откровенный обмен мнениями между нацистским главарем и английским премьер-министром в Берхтесгадене

---

[25] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 347.

[26] Там же, стр. 340, 347; Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 487, p. 793.

15 сентября убедительно свидетельствовал о том, что Чемберлен не только не возражал против гитлеровских требований о передаче судетских районов Германии, но и был готов максимально содействовать фашистским захватчикам в их планах полной ликвидации Чехословакии, которая с аннулированием своих союзных договоров с другими странами и в первую очередь с СССР оказалась бы один-на-один с разъяренным фашистским зверем и неизбежно попала бы под гитлеровское ярмо.

Учитывая позицию Чемберлена, занятую в ходе беседы, нетрудно было предвидеть, какой ответ даст глава английского правительства на заключительный вопрос Гитлера, готова ли Англия уже сейчас согласиться с принципом передачи судетских районов Германии с тем, чтобы затем можно было согласовать процедуру осуществления этого принципа. Оговорившись, что он должен предварительно проконсультироваться со своими коллегами по кабинету, а также выяснить позицию французского правительства, Чемберлен счел возможным сообщить свою личную точку зрения, которая сводилась к тому, что «в принципе он ничего не может сказать против отделения Судетской области от остальной части Чехословакии» [27].

Попросив Гитлера воздержаться от каких-либо действий, которые могли бы помешать дальнейшим переговорам с целью «мирного разрешения» вопроса, и условившись с ним о повторной встрече в ближайшем будущем, Чемберлен вылетел в Лондон.

2. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ЛОНДОНЕ 18 СЕНТЯБРЯ. ПРИНЯТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ГЕРМАНО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО УЛЬТИМАТУМА ОБ ОТТОРЖЕНИИ СУДЕТСКОЙ ОБЛАСТИ ОТ ЧЕХОСЛОВАКИИ. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По возвращении из Берхтесгадена Чемберлен пригласил на совещание в Лондон Даладье и Боннэ. Переговоры английских и французских министров продолжались один день — 18 сентября. В них приняли участие со

[27] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 341.

стороны Англии: Чемберлен, Галифакс, Саймон, Хор и руководящие чиновники министерства иностранных дел; со стороны Франции: Даладье, Боннэ, генеральный секретарь МИД Леже, посол в Лондоне Корбэн.

Излагая результаты своих бесед в Берхтесгадене, Чемберлен заявил, что Гитлер настаивает на передаче Судетской области Германии и что хотя он, Чемберлен, не дал ему окончательного ответа, тем не менее он сам лично считает, что в настоящий момент не может быть никакого другого решения судетской проблемы. Британский премьер утверждал, что отказ согласиться с требованием Гитлера означал бы неминуемое вооруженное выступление фашистской Германии и, таким образом, мировую войну [28]. В связи с этим Чемберлен обратился к своим французским собеседникам с вопросом, готово ли их правительство признать «принцип самоопределения» судетских немцев, с тем чтобы на этой основе могли быть возобновлены переговоры с Гитлером.

Даладье попытался уклониться от прямого ответа на поставленный Чемберленом вопрос, предложив английскому правительству первым сформулировать свою позицию. На это Чемберлен сказал, что лорд Ренсимен, вернувшийся 16 сентября из Праги, придерживается того мнения, что судетские районы должны быть переданы Германии [29]. Однако, по словам премьера, английское правительство, прежде чем окончательно определить свою позицию, предпочитает выслушать соображения представителей Франции, которая связана союзными обязательствами с Чехословакией.

---

[28] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 378.

[29] Доклад Ренсимена об итогах его миссии в Чехословакию был опубликован 21 сентября. В этом докладе Ренсимен признает, что в ходе переговоров с судето-немецкой партией чехословацкое правительство непрерывно шло на уступки, а Генлейн срывал переговоры, всякий раз увеличивая требования. Это не мешает «беспристрастному посреднику» заявить, что он весьма симпатизирует делу судетских немцев, которые, по его словам, являлись жертвой бестактностей, нетерпимости и дискриминации со стороны чешских властей на протяжении всех 20 лет. Ренсимен выражает сожаление по поводу того, что в настоящее время генлейновцы имеют всего 44 места в центральном парламенте, в результате чего при голосовании они всегда могут остаться в меньшинстве. В целях разрешения судетской проблемы чемберленовский эмиссар высказывается за незамедлительную

Отвечая Чемберлену, Даладье занял «решительную позицию» против отторжения судетских районов от Чехословакии. Заявив, что Гитлер отнюдь не ограничится ныне выдвинутым требованием о присоединении Судет к Германии, Даладье признал, что политика уступок агрессорам, имея своим результатом обострение международной обстановки в Европе, неминуемо приведет к войне. Французский премьер заявил, что принятие гитлеровских требований по судетскому вопросу в конечном итоге будет знаменовать полное уничтожение чехословацкого государства и что французское правительство, связанное с Чехословакией союзным договором, не может согласиться с таким решением вопроса. Проявив, таким образом, «твердость» в начале своего заявления, Даладье, однако, поспешил заверить своих английских коллег, что французские министры прибыли в Лондон «с целью изыскать мирное решение проблемы» [30].

На втором заседании состоялся обмен мнениями между английскими и французскими представителями в связи с полученными сообщениями о намерении чехословацкого правительства провести частичную мобилизацию в ответ на военные мероприятия Гитлера. Хотя участникам совещания было известно, что фашистская Германия, ведя «переговоры», уже фактически завершила мобилизацию своих вооруженных сил и сосредоточила их вдоль чехословацкой границы, по предложению Чемберлена было принято решение рекомендовать чехосло-

---

передачу Германии тех пограничных районов Чехословакии, где немцы составляли значительное большинство. Для немцев, остающихся в Чехословакии, Ренсимен предлагает автономию на основе «Четвертого плана». Касаясь политических аспектов проблемы, Ренсимен рекомендует: 1) положить конец «агитации», которая, по его словам, ведется в Чехословакии против ее соседей; 2) потребовать, чтобы Чехословакия дала заверения своим соседям, что она ни при каких обстоятельствах не нападет на них; 3) предоставить Чехословакии «гарантию помощи» в случае неспровоцированной против нее агрессии; 4) предложить Чехословакии заключить с Германией торговый договор на основе преференций. Как последнее унижение для суверенного государства Ренсимен предлагал Праге обеспечить за теми судетскими фашистами, которые, возможно, останутся в пределах республики, постоянное место в чехословацком правительстве (Correspondence respecting Czechoslovakia, London, 1938, p. 1—8).

[30] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 383.

вацкому правительству воздержаться от мобилизации, пока продолжаются переговоры об урегулировании конфликта.

Взявший затем слово Даладье вновь заявил, что он возражает против того, чтобы в Судетской области проводился «плебисцит», ибо это привело бы к распаду всего чехословацкого государства и создало чреватый серьезными последствиями для многих государств Европы прецедент. Даладье сказал, что для французского правительства было бы «почти невозможно» принять решение на этой основе [31]. За это «почти» немедленно ухватился Чемберлен, без труда усмотревший в формулировке Даладье плохо завуалированную готовность французских министров склониться перед английской точкой зрения.

Британский премьер предложил, чтобы чехословацкое правительство просто согласилось на передачу части своей территории без всякого плебисцита. Даладье не отрицал, что если «на Прагу оказать дружеское давление, обратив ее внимание на всю сложность обстановки и подчеркнув необходимость уступки некоторой части судетской территории, то она, возможно, согласится с таким предложением» [32]. Чемберлен не преминул воспользоваться и этим замечанием французского премьера, предложив оформить дело так, как будто решение о передаче судетской территории было принято самими чехами. По мнению Чемберлена, уступка Германии части чехословацкой территории была бы «лучше воспринята» общественным мнением Англии, если бы ее можно было представить как выбор, сделанный самим пражским правительством. Тем самым, цинично разъяснил Чемберлен, была бы «устранена всякая мысль о том, что мы сами кромсаем чехословацкую территорию» [33].

После обмена мнениями относительно практического осуществления передачи судетских районов Германии стороны перешли к обсуждению вопроса о «гарантиях» остающейся после ампутации Судет территории Чехословакии. Даладье признал, что, отдавая Судетскую область Германии, Англия и Франция ставят Чехослова-

---

[31] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 388—389.
[32] Там же, стр. 389.
[33] Там же, стр. 390.

кию в военно-стратегическом отношении в исключительно тяжелое положение, так как основные долговременные укрепления чехов находятся именно в Судетской области. Пытаясь проявить самостоятельность, Даладье заявил, что французское правительство может согласиться оказать давление на Прагу только в том случае, если будет принято решение о международной гарантии урезанной чехословацкой территории. Даладье добавил, что он считает необходимым, чтобы одним из гарантов была Германия.

Со своей стороны Чемберлен, указав, что он не может в настоящий момент дать окончательный ответ на вопрос об участии Англии в гарантиях Чехословакии, заметил, что во всяком случае условием такого участия явилась бы нейтрализация Чехословакии по бельгийскому образцу, т. е. разрыв союзных отношений Чехословакии с другими странами и в первую очередь с СССР [34].

Взявший затем слово Галифакс добавил, что для английского правительства будет недостаточной ликвидация союзных договоров Чехословакии с другими государствами. По его словам, Англия сможет дать гарантии урезанному чехословацкому государству только в том случае, если такие гарантии будут «сопровождаться определенным обязательством чехословацкого правительства о том, что в проблемах, затрагивающих вопросы войны и мира, оно будет следовать указаниям правительства его величества и что в случае, если чехословацкое правительство откажется им следовать, британское правительство будет автоматически освобождено от своих гарантийных обязательств» [35].

Таким образом, Галифакс требовал ни более, ни менее как полного и безоговорочного подчинения чехословацкой внешней политики правительству Великобритании в обмен на «гарантию», практическая ценность которой, по признанию самих английских министров, была весьма сомнительной.

После выступлений Даладье и Боннэ, достаточно прозрачно намекнувших своим английским собеседникам, что в случае отказа Англии принять участие в «гаранти-

[34] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 393.
[35] Там же, стр. 394.

ях» Чехословакии французский кабинет может отвергнуть принятое здесь рещение об отторжении судетских районов от Чехословакии, заседание было прервано на два с половиной часа. Что происходило в течение этого времени — неизвестно, так как редакторы «Британских документов» хранят по этому поводу глубокое молчание. После перерыва заседание продолжалось всего 15 минут. В целях «облегчения» работы совещания английские представители сформулировали от имени обоих правительств — Англии и Франции проект обращения к президенту Бенешу, подытоживавший решения, к которым пришли участники переговоров. Чемберлен сообщил, что английское правительство, учитывая «коренные изменения», которые должны произойти в позиции Чехословакии и Франции (имелось в виду аннулирование союзных договоров, связывавших Чехословакию с Францией и СССР), а также принимая во внимание пожелание французской делегации, приняло решение дать гарантии урезанному чехословацкому государству, в случае если последнее примет предложение о передаче судетских районов Германии.

Согласие английского правительства на участие в «гарантиях» Чехословакии предопределяло и позицию французской делегации: после некоторых колебаний Даладье объявил, что он с сожалением вынужден принять английский проект совместного англо-французского обращения к Праге с призывом уступить Судетскую область Германии. Даладье не скрыл, что подобное решение вызовет возмущение как во Франции, так и в Чехословакии, однако французские и английские министры не сомневались, что под их совместным нажимом чехословацкое правительство в конечном счете согласится с принятыми на лондонском совещании решениями [36].

Телеграмма Галифакса в английскую миссию в Праге с изложением текста предложений английского и французского правительств Бенешу была отправлена утром 19 сентября. В этот же день, в 14 часов, посланники Англии — Ньютон и Франции — Лякруа посетили Бенеша и вручили ему упомянутые предложения.

[36] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 398—399.

Предложения эти предусматривали прямую передачу (без плебисцита) тех районов Чехословакии, где немецкое население составляло более 50%. Авторы предложений выражали надежду, что можно будет «договориться» об условиях исправления границ в тех случаях, когда это необходимо, при помощи специального международного органа, куда было обещано ввести чехословацкого представителя. Указанному органу поручалось также решение вопросов, связанных с обменом населения.

Английское и французское правительства лицемерно заявляли, что отторжение судетских районов Чехословакии необходимо в целях поддержания мира и международной безопасности, а также для обеспечения жизненных интересов Чехословакии и пытались прикрыть свое предательство союзного чехословацкого государства обещанием международной гарантии его новых границ. Это обещание содержалось в пункте 6 англо-французских предложений, гласившем, что британское правительство «было бы согласно... присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии. Одним из основных условий такой гарантии явилось бы ограждение независимости Чехословакии путем замены существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера, общей гарантией против неспровоцированной агрессии» [37]. Таким образом, Чехословакия должна была разорвать союзные договоры с СССР и Францией, являвшиеся основой ее безопасности, и полагаться отныне на обещание английского правительства «гарантировать» ее границы.

Мы воспроизвели пункт 6 англо-французских предложений для того, чтобы несколько ниже показать всю условность этого обещания, показать, что правительство Чемберлена на самом деле не взяло на себя никаких обязательств гарантии новых чехословацких границ.

Сразу же после берхтесгаденских переговоров Чемберлена с Гитлером и англо-французского совещания в Лондоне немецко-фашистская печать и радио повели беспрецедентную по масштабам кампанию против Чехословакии. К этому времени гитлеровское командование практиче-

[37] Correspondence, p. 9.

ски завершило мобилизацию своих вооруженных сил, сосредоточив подавляющее большинство дивизий, в том числе бронетанковые и механизированные войска, на чехословацкой границе и оставив на западе, против линии Мажино, лишь слабый заслон [38]. Кроме того, к границам Судетской области был подтянут так называемый «свободный корпус», сформированный по специальному распоряжению Гитлера из бежавших в Германию генлейновцев. 19 сентября было объявлено, что корпус будет бороться с оружием в руках «за освобождение судетских немцев» [39]. С этого дня банды вооруженных фашистов приступили к систематическим провокациям на границе: нападали на чешских пограничников, грабили таможни, терроризировали местное население. Всякая попытка чехословацких властей дать отпор вылазкам гитлеровских бандитов вызывала истерические вопли в германской и генлейновской печати, не переставшей фабриковать самые сенсационные измышления о «зверствах чешской военщины».

В кампанию клеветы и угроз по адресу чехословацкой республики активно включилась реакционная печать западных держав. Во Франции не только профашистские бульварные листки типа «Матэн» и «Жур», но и «респектабельные» органы вроде «Тан» упрожающе требовали от Праги безотлагательного принятия гитлеровско-чемберленовских предложений.

В Англии кампанию за принятие Чехословакией берхтесгаденского ультиматума Гитлера возглавили «Дейли мейл» и «Таймс». В номере от 20 сентября рупор клайвденской клики с серьезным видом доказывал, что и после отторжения Судетской области Чехословакия будет «хорошо организованной и хорошо вооруженной страной, располагающей международными гарантиями своей независимости». По мнению «Таймс», если Бенеш примет англо-французские предложения, то это явится свидетельством торжества принципа изменения мирных договоров «ненасильственным путем», от чего, лицемерно заявляла газета, зависит будущее цивилизации [40].

---

[38] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 451, 453—454.
[39] H. Ripka. Op. cit., p. 118—119.
[40] „Times", 20/IX 1938.

Ряд органов британской печати не делал секрета из того, что правящие круги Англии возлагают большие надежды на то, что разрешение в выгодном для немцев духе судетского вопроса сделает возможным скорейшее достижение англо-германского соглашения, а затем и соглашения между англо-французским блоком и осью Берлин — Рим. Показательной в этой связи являлась статья в «Файнэншл таймс» в номере за 20 сентября. Газета отмечала громадное удовлетворение Лондона по поводу того, что руководители немецко-фашистской политики дали понять Англии, что, как только чехословацкий конфликт будет урегулирован, гитлеровская Германия проявит готовность рассмотреть все спорные между двумя странами вопросы. «Это понято в том смысле, — продолжал автор статьи,— что англо-германские переговоры... будут вскоре возобновлены, и это в свою очередь приведет к совещанию четырех держав, а затем, как полагают, и к соглашению между этими державами» [41].

Поддержка англо-французскими правящими кругами гитлеровских притязаний на Судетскую область поощрила Польшу и Венгрию выступить со своими требованиями — о «незамедлительной» передаче им районов Чехословакии, населенных поляками и венграми. Польская и венгерская реакционная печать открыто повела кампанию за расчленение Чехословакии. 19 сентября польское правительство официально уведомило Лондон и Париж о своих притязаниях на Тешинскую область. Аналогичное представление было сделано венграми. Ответ английского правительства, несмотря на некоторые оговорки, не оставлял сомнения в том, что оно не возражает против удовлетворения захватнических аппетитов польской и венгерской реакции [42].

Дипломатические акции Бека и Хорти были подкреплены соответствующими военными мероприятиями: к 20 сентября несколько новых польских дивизий было переброшено к чехословацкой границе. Военные приготовления завершались и в Венгрии.

Положение Чехословакии осложнялось с каждым днем. Чехословацкие правители, идя на поводу Лондона

---

[41] „Financial Times", 20/IX 1938.
[42] Doc. on Br. For. Pol., vol. III, p. 11, 14, 19.

и Парижа и выполняя фактически все их указания, до сих пор не осуществили мобилизации армии и воздерживались от проведения других военных мероприятий, настоятельно диктуемых сложившейся обстановкой. В результате, по выражению английского военного атташе в Париже Фрезера, Чехословакия, потенциально сильное в военном отношении государство, но не отмобилизовавшее свою армию, в то время как ее противник завершал военные приготовления, напоминала в эти дни «птицу, загипнотизированную удавом» [43].

Тем не менее, несмотря на исключительно сложную обстановку, создавшуюся в результате непрекращавшегося нажима англо-французских правящих кругов и прислужничества перед ними чехословацкой реакции, народ Чехословакии требовал от правительства не соглашаться на капитуляцию и мобилизовать все силы народа на защиту республики. Выражая подлинное мнение трудящихся масс, Чехословацкая коммунистическая партия в своем заявлении, опубликованном в эти дни, указывала: «Тысячелетние границы Чехословакии были утверждены... после мировой войны в качестве гарантии мира. В течение двадцати лет прямой обязанностью Англии и Франции было защищать их в интересах мира. В настоящей ситуации эти границы приобретают бóльшее значение..., чем когда бы то ни было. Они препятствуют германской агрессии, направленной против всех придунайских стран и Балкан. Тот, кто выступает против какого бы то ни было нарушения границ Чехословакии, является борцом за ее независимость» [44].

Демократическая общественность во всем мире выражала солидарность с чехословацким народом и решительно поднимала свой голос против попыток англо-французской реакции навязать Чехословакии «гангстерское лондонское соглашение» [45]. Против принятия чехами англо-французских предложений от 18 сентября выступил также ряд органов буржуазной печати, подчеркивавших несостоятельность утверждений официальной пропаганды

---

[43] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 454.

[44] «Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу», М., 1951, стр. 15—16.

[45] „Humanité", 21/IX 1938.

о том, что удовлетворение гитлеровских притязаний на Судетскую область будто бы явится вкладом в дело «умиротворения Европы» [46].

Важнейшее значение в эти дни приобретала позиция Советского Союза. Известно, что Советское правительство, твердо придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других государств, на протяжении всего рассматриваемого периода не вмешивалось в переговоры чехословацкого правительства с судетскими немцами. «Мы, — заявил народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов на пленуме Лиги наций 21 сентября, — воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении» [47].

Однако позиция Советского Союза ни на минуту не вызывала сомнений. Симпатии советских людей были целиком на стороне чехословацкого народа в его трудной борьбе против коварных происков внешней и внутренней реакции, за свободу и независимость своей родины. Советский Союз был и оставался единственной державой, сохранившей верность своим обязательствам по договору с Чехословакией, единственным государством, последовательно отстаивавшим независимость и целостность Чехословакии.

В начале сентября 1938 г. в ответ на соответствующие запросы французского правительства правительство СССР трижды в недопускающей никаких недоразумений и кривотолков форме заявляло о своей готовности выполнить обязательства по договору с Чехословакией. Одновременно руководители Наркоминдела в беседах с французскими представителями в Москве 2, 5 и 11 сентября подчеркивали, что, по мнению Советского правительства, настоятельно необходимо:

1. В случае угрозы гитлеровского нападения на Чехословакию обратиться в Лигу наций, согласно ст. 11 ее

[46] „Ordre", 19 и 20/IX 1938; „Epoque", 20/IX 1938; „News Chronicle," 20/IX 1938.

[47] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV. М., 1946, стр. 387.

Устава, для констатации угрозы агрессии, мобилизации мирового общественного мнения в поддержку Чехословакии, а также для соответствующего воздействия на Польшу и Румынию в целях побудить эти государства изменить их позицию в отношении пропуска советских войск через их территорию для оказания помощи Чехословакии.

2. Предупредить Германию от имени трех держав — СССР, Англии и Франции о том, что в случае нападения Германии на Чехословакию последней будет оказана вся необходимая помощь. Советское правительство считало при этом, что недвусмысленное предупреждение Гитлеру со стороны трех великих держав имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры.

3. Срочно созвать совещание представителей генеральных штабов Франции, СССР и Чехословакии для совместного определения конкретных форм помощи Чехословакии [48].

В середине сентября в ответ на запрос Бенеша, готов ли СССР прийти на помощь Чехословакии как член Лиги наций на основании ст.ст. 16—17 ее Устава в случае, если Франция также окажет помощь Чехословакии, правительство Советского Союза дало ясный и положительный ответ [49]. О намерении Советского Союза оказать помощь Чехословакии всеми возможными средствами—даже в том случае, если Франция уклонится от выполнения своих обязательств,— писал в Прагу чехословацкий посланник в Москве Фирлингер [50]. Фирлингер отмечал при этом, что Советский Союз держит на своих западных границах крупные соединения вооруженных сил, включая танки и авиацию, готовые к немедленным военным действиям [51].

Напоминая о позиции Советского правительства по чехословацкому вопросу в рассматриваемый период, Н. С. Хрущев говорил в своем выступлении 6 декабря 1955 г. в Рангуне (Бирма): «Ведь это же не секрет, что

[48] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 70—75, 79—82; «Внешняя политика СССР», М., 1946, т. IV, стр. 386—387.

[49] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 103—105.

[50] Там же, стр. 29.

[51] «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», М., 1951, стр. 86—88.

советские вооруженные силы были тогда приведены в готовность, чтобы... дать отпор гитлеровской агрессии, направленной против Чехословакии» [52].

Не удивительно поэтому, что чехословацкий народ, внимательно следивший за развитием событий в критические дни сентября 1938 г., событий, от исхода которых зависела судьба его страны, ни на минуту не сомневался в решимости Советского Союза сделать все возможное, с тем, чтобы помочь ему в трудной борьбе за свободу и целостность его родины. «Чехословаки,— писал в Москву советский полпред в Праге С. С. Александровский,—нисколько не сомневаются в нашей помощи. Положение в Чехословакии крайне напряженно, но паники нет, волна к сопротивлению нарастает» [53]. Полпред особо подчеркивал, что широкие массы трудящихся Чехословакии «непоколебимо верят в помощь СССР при всех условиях» [54]. Непреклонная воля народов Чехословакии, настаивавших на категорическом отклонении требований немецко-фашистского агрессора и его англо-французских пособников, поддержка чехословацкой республики демократическими силами всего мира, твердая и принципиальная позиция Советского Союза — все эти факторы предопределили отклонение пражским правительством берхтесгаденского ультиматума.

При этом, однако, было бы неправильно игнорировать следующее обстоятельство, связанное с позицией чехословацкой буржуазии. Правящие круги чехословацкой буржуазии, находясь в зависимости от англо-французских империалистов, не останавливались перед тем, чтобы ради сохранения своих классовых позиций принести в жертву национальные интересы страны. Но, будучи готовой под нажимом западных держав пойти на далеко идущие уступки гитлеровцам — вплоть до отказа от части территории страны,— чехословацкая буржуазия как-то пыталась защитить свои политические и экономические интересы и потому сопротивлялась принятию тех требований Гитлера,

---

[52] Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме, Афганистане. М., 1955, стр. 165—166.

[53] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 90—91.

[54] Там же, стр. 100.

которые прямо ущемляли эти интересы и ставили под угрозу ее господствующие экономические и политические позиции в стране. Чехословацкие правители надеялись, что путем «упорядоченных переговоров» им удастся добиться более приемлемых условий, связанных с уступкой Судетской области, ибо безоговорочное выполнение требования Гитлера — Чемберлена — Даладье о передаче Германии всех тех районов, где немцы составляли свыше 50% населения (т. е. не только собственно Судетской области, но и пограничной с Австрией территории), создавало опасность полного подрыва экономики страны и грозило урезанному чехословацкому государству неминуемым порабощением германским империализмом.

В свете всего указанного выше становится понятным, почему правительство Бенеша — Годжи 20 сентября не сочло возможным принять пресловутые англо-французские предложения. В своем официальном ответе правительствам Англии и Франции, врученном 20 сентября министром иностранных дел Крофтой, чехословацкое правительство подчеркивало, что принятие предложений такого рода было бы равносильно «добровольному и полному искалечению государства во всех направлениях. Были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в исключительно тяжелое положение. Рано или поздно Германия подчинила бы ее себе полностью...»[55] Отклоняя предложенное Англией и Францией решение судетского вопроса, чехословацкое правительство просило передать данный вопрос на арбитражное разбирательство в соответствии с германо-чехословацким договором от 16 декабря 1925 г., заранее обещая принять любое решение, которое было бы вынесено.

В заключение чехословацкое правительство обращалось к правительствам Англии и Франции с «последним призывом» пересмотреть свою точку зрения, заявляя, что в этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции[56].

---

[55] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 219—221.

[56] Там же, стр. 223.

Решение чехословацкого правительства об отклонении англо-французских предложений и просьба о передаче судетского вопроса на арбитражное разбирательство были встречены в Лондоне и Париже с нескрываемым раздражением. Ньютону и Лякруа были немедленно даны инструкции заявить чехам, что метод решения судетского вопроса, предложенный англо-французской дипломатией, является единственным, могущим «спасти» Чехословакию, в то время как метод, предложенный Прагой, является «безрассудным»[57].

Ньютон и его французский коллега не без основания считали, что если они смогут предъявить чехословацкому правительству нечто вроде ультиматума с требованием безоговорочно принять предложения Англии и Франции от 18 сентября и если при этом припрозить Праге, что западные державы «утратят всякий интерес» к ее судьбе в случае, если она будет упорствовать в своем отказе, то капитулянтски настроенные элементы в чехословацком правительстве во главе с Годжей добьются согласия правительства на принятие англо-французских предложений.

Такой по существу ультиматум и был вручен Бенешу в ночь на 21 сентября. В этом представлении английского правительства содержалось требование к правительству Чехословакии взять обратно свой ответ на англо-французские предложения от 18 сентября и «спешно и серьезно взвесить все последствия», прежде чем создавать положение, за которое британское правительство не могло бы принять на себя ответственность. Отвергая предложение о передаче судетского вопроса на арбитраж, поскольку, по мнению английского правительства, оно оказалось бы неприемлемым для Гитлера, английское правительство упрожающе предупреждало Чехословакию, что в случае отклонения настоящего представления чехословацкое правительство «должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтет соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее»[58].

Французский посланник Лякруа, сопровождавший Ньютона во время указанного представления, сделал

---

[57] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 419, 426—427.

[58] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 224—225.

устное заявление Бенешу. Лякруа сказал, что если в результате отрицательной позиции Праги к англо-французскому плану начнутся военные действия между Чехословакией и Германией, то Франция (так же как и Англия) не примет в них участия. Более того, продолжал посланник, отвергнув англо-французские предложения, Чехословакия возьмет на себя «всю ответственность за развязывание войны» [59].

Поскольку из заявления Лякруа недвусмысленно следовало, что французское правительство отказывается от выполнения своих союзнических обязательств перед Чехословакией, Бенеш попросил французского дипломата письменно изложить его заявление. Письменный вариант заявления французского посланника, врученный Бенешу днем 21 сентября, был несколько мягче с точки зрения формы и употребления отдельных выражений [60]. Но существо его оставалось без изменения: французское правительство отказывалось прийти на помощь своему союзнику, несмотря на существующие договорные обязательства.

Таким образом, чехословацкое правительство ставилось перед альтернативой: либо немедленно принять германо-англо-французские требования о передаче Судетской области Германии, либо пойти на риск вооруженного столкновения с Германией, не имея поддержки Англии и Франции.

Такова правда о вымогательском англо-французском демарше в Праге 21 сентября, о котором, по признанию «Экономиста»[61], миллионы англичан и французов будут всегда вспоминать с чувством стыда, и никакие попытки затемнить истину, никакие «разъяснения» и «уточнения» вроде тех, с которыми выступили позднее Хор, Боннэ, Фланден[62] и другие сторонники политики сговора с агрессорами, не смогут скрыть того непреложного факта, что 21 сентября Чемберлен и Даладье прибегли к грубому давлению на союзное государство и открыто заявили, что

---

[59] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 113; H. Ripka. Op. cit., p. 79—80.

[60] R. W. Seton—Watson. Munich and the Dictators. London, 1939, p. 68.

[61] „Economist", 24/IX 1938.

[62] W. Hadley. Op. cit., p. 116; P. E. Flandin. Op. cit., p. 273—274; G. Bonnet. Op. cit., p. 248.

они не намерены оказывать ему помощь. Более того, в случае, если Чехословакия все-таки решилась бы защищать себя, западные державы угрожали заклеймить ее как агрессора.

Под давлением англо-французских правящих кругов чехословацкое правительство шло на капитуляцию. Стремясь, однако, несколько ослабить впечатление, которое неизбежно произвело бы на общественное мнение страны сообщение о принятии англо-французских предложений, Бенеш попытался заручиться официальным заверением Англии прийти на помощь Чехословакии в случае, если, несмотря на принятие этих предложений, Чехословакия подвергнется нападению. Но даже эта минимальная просьба Бенеша была сразу же отклонена — от Чехословакии требовали полного и безоговорочного принятия англо-французского плана[63].

21 сентября днем на заседании чехословацкого правительства было вынесено решение о принятии англо-французских предложений. Мотивируя это свое решение, сторонники капитуляции в правительстве Чехословакии разглагольствовали о том, что было бы недопустимой авантюрой для Чехословакии решиться на войну с Германией, находясь в состоянии «абсолютной изоляции». Отсюда делался вывод — необходимо пойти на принятие берхтесгаденского диктата Гитлера. Эту точку зрения Годжи, Берана, Прейсса и других открытых капитулянтов и предателей разделял и реакционный генералитет чехословацкой армии.

В эти решающие для республики дни руководящие деятели Чехословакии, и в том числе Бенеш, не желали обратиться за помощью к Советскому Союзу. Тогдашние правители Чехословакии, следуя на поводу у западных держав и враждебно относясь к самой идее совместного выступления с Советским Союзом, игнорировали единственно возможное решение проблемы — честное, открытое сотрудничество с Советским государством вплоть до обращения к Советскому правительству с просьбой о поддержке вооруженными силами.

В настоящее время известно, что еще до предъявления чехословацкому правительству англо-французских требо-

---

[63] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 442.

ваний от 18 сентября И. В. Сталин сообщил Бенешу через К. Готвальда, что СССР готов немедленно оказать необходимую помощь Чехословакии не только совместно с Францией, но даже в том случае, если Франция откажется это сделать, а польское и румынское правительства откажутся пропустить советские войска. Единственным условием оказания этой помощи являлась готовность самой Чехословакии защищаться и ее просьба к Советскому Союзу о вооруженной поддержке [64].

Однако господствующая клика чехословацкой буржуазии предпочла позорную капитуляцию и расчленение своей страны обращению к СССР за помощью. Одновременно для того, чтобы ввести в заблуждение чехословацкое и мировое общественное мнение и оправдать свою капитулянтскую политику в глазах народа, в частности принятие англо-французских требований, чехословацкая реакция всячески распространяла слухи об «абсолютной изоляции» страны, о том, что не только западные державы не намерены оказать помощь Чехословакии, но и Советский Союз уклонился от выполнения своих обязательств по договору с Чехословакией[65]. Именно с этой целью 21 сентября чехословацкое телеграфное агентство передало официальное заявление правительства, в котором утверждалось, что республика оказалась в полном одиночестве, и именно это заставило правительство принять англо-французские требования[66].

Распуская слухи о мнимом отступничестве СССР от своих обязательств по договору с Чехословакией, чехословацкие правители, а также стоявшие за их спиной реакционные круги западных держав стремились опорочить Советский Союз в глазах международной и чехословацкой общественности, ослабить традиционные узы дружбы и симпатий, которые связывали народы Чехословакии с народами Советской страны. Но клеветническим антисоветским измышлениям противоречили всему миру известные факты, и официальные заявления представителей Совет-

---

[64] «За прочный мир, за народную демократию», 21/XII 1949.
[65] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 120—121.
[66] «Известия», 22/IX 1938; Fr. Schuman. Europe on the Eve. New York, 1939, p. 422—423.

ского правительства по чехословацкому вопросу были хорошо известны и в Праге, и в Лондоне, и в Париже[67].

Внимание мировой общественности в эти дни было привлечено к речи главы советской делегации на проходившей в Женеве сессии Совета Лиги наций, народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова. Опасность войны в Европе становилась все более реальной, а Лига наций — организация, призванная обеспечить мир и безопасность народов, бездействовала. Два руководивших Лигой государства — Англия и Франция были заняты оформлением очередной сделки с агрессорами, принося им в жертву еще одно независимое государство — Чехословакию. В самой Лиге наций представители Англии и ряда других государств в эти дни активно включились в кампанию за фактическую отмену статьи 16 Устава, предусматривавшей применение санкций против агрессора, покушаясь, таким образом, на тот самый «жизненный нерв» Лиги наций, уничтожение которого, по оценке Советского правительства, неминуемо вызвало бы паралич всего организма, крах всей организации [68].

Самый острый вопрос дня — вопрос о Чехословакии не был включен в повестку дня сессии Совета Лиги. О судьбе этого государства никто не говорил. Зловещий заговор молчания был нарушен представителем Советского Союза. Вновь Советское правительство напоминало миру, что еще есть время преградить дорогу агрессору и помешать ему в расправе над очередной жертвой. Вновь Советское правительство заявляло, что оно считает долгом чести выполнить взятые на себя обязательства, что оно готово вместе с другими миролюбивыми народами принять все необходимые меры для поддержания коллективной безопасности и предотвращения войны[69].

---

[67] Позднее, в начале октября 1938 г., один из лидеров правых аграриев и вдохновитель политики капитуляции Беран публично признавал, что «единственным союзником, оставшимся верным Чехословакии до конца, был Советский Союз» («Правда», 4/X 1938). Это же признавал Бенеш в интервью дочери Т. Манна в 1939 г. «Россия, — говорил Бенеш, — осталась верна нам до конца. Советское правительство торжественно обещало послать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция и Англия этого не сделают» («Новое время», 1948, № 33).

[68] «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 336—338.

[69] Там же, стр. 381—388.

Советская программа, изложенная в Женеве 21 сентября, прозвучала как страстный призыв к миру, как грозное предостережение агрессорам. Принятие ее другими государствами, писала «Правда» 22 сентября, оказало бы «неоценимую услугу всему человечеству в интересах мира»[70]. Но голос советских представителей, как и раньше, остался гласом вопиющего в пустыне. Те, к которым он был обращен, отказывались его слышать. Это были правители Англии, Франции и тогдашние реакционные правители Чехословакии, шедшие в угоду империалистическим кругам западных держав по пути национальной измены и позорной капитуляции.

Однако принятие берхтесгаденского диктата правительством Годжи отнюдь не означало принятия его народом. Как только стало известно о капитуляции правительства, волна политических стачек и демонстраций протеста прокатилась по всей Чехословакии. Общее число демонстрантов превышало полмиллиона человек[71]. Народ единодушно требовал отклонения ультиматума Гитлера — Чемберлена, отставки правительства Годжи, тесного сотрудничества с Советским Союзом в деле защиты Чехословакии. «В Праге,— сообщал полпред СССР в Чехословакии С. С. Александровский,— происходят потрясающие сцены. Полпредство (Советского Союза.— *В. П.*) окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции проходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком... Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть»[72]

21 сентября в Праге состоялась всеобщая политическая забастовка протеста. В массовой демонстрации, прошедшей в этот же день, участвовало 250 тыс. жителей столицы. Демонстранты горячо приветствовали руководителя компартии Чехословакии К. Готвальда, который объявил об

---

[70] «Правда», 22/IX 1938.
[71] Там же, 23/IX 1938.
[72] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 129.

отставке кабинета Годжи и призвал народ добиваться создания такого правительства, которое порвало бы с политикой уступок агрессору и решительно встало на защиту республики.

Руководство компартии обратилось к социалистической и социал-демократической партиям, а также другим демократическим группам и организациям с призывом установить единство действий в рамках широкого национального фронта. Однако руководители указанных партий не откликнулись на это обращение. Используя раскол левых сил в стране, чехословацкая реакция поставила у власти правительство Сыровы — Зенкла — Черны, которое, несмотря на данное им обещание защищать республику, по существу продолжало капитулянтскую внешнеполитическую линию правительства Годжи[73]. Более того, правительство Сыровы являлось попросту ширмой для свергнутого кабинета Годжи, поскольку члены прежнего правительства заседали вместе с новым правительством и фактически диктовали ему решения. Правительство Сыровы не пожелало считаться с ясно выраженной волей народа, требовавшего отклонить берхтесгаденский ультиматум Гитлера. Оно «маневрировало с целью обмана народа, играя в действительности на руку предательским реакционным правительствам западных держав»[74].

3. ГОДЕСБЕРГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ЧЕМБЕРЛЕНА С ГИТЛЕРОМ. ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ В ЗАЩИТУ ЧЕХОСЛОВАКИИ. ШАНТАЖ ВОЙНОЙ

22 сентября, заручившись согласием чехословацкого правительства на передачу Судетской области Германии, Чемберлен вылетел в Годесберг для продолжения переговоров с Гитлером. На аэродроме Чемберлен сделал заявление, в котором опять коснулся своей излюбленной темы: его переговоры в Германии должны открыть путь к достижению англо-германского соглашения, что в свою

[73] Doc. on Br. For. Pol., vol. III, p. 21.

[74] «Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу», М., 1951, стр. 18; «Внешняя политика Чехословакии», стр. 533—535.

очередь приведет к «умиротворению» Европы [75]. В тот же день Чемберлен прибыл в Годесберг и был вскоре принят Гитлером.

По словам английского премьера, цель его нового совещания с Гитлером — выработать «упорядоченную процедуру» претворения в жизнь уже согласованного принципа уступки Судетской области Германии. Чемберлен также напомнил о требовании главы германского правительства аннулировать союзные договоры Чехословакии с другими странами. В связи с этим английский премьер выразил надежду, что Гитлер будет удовлетворен тем, что в соответствии с англо-французским планом Чехословакия аннулирует свои союзные договоры и станет нейтральным государством, имеющим гарантии лишь на случай неспровоцированной агрессии. Чемберлен поспешил заверить фашистского главаря, что указанные «гарантии» отнюдь не будут вечными и что новые границы Чехословакии можно будет и в будущем пересматривать «путем переговоров».

Несмотря на явную потытку Чемберлена соблазнить Гитлера подобным планом «гарантий», в соответствии с которым агрессору по существу предоставлялась свобода рук в деле новой перекройки границ «гарантируемой» Чехословакии, фашистский канцлер заявил, что предложения Чемберлена неприемлемы [76].

Гитлер утверждал, что Чехословакия является искусственной конструкцией, созданной исключительно на основе политических соображений. По его словам, на территории Чехословакии, помимо 3,5 млн. немцев, проживает около 1 млн. венгров и 100 тыс. поляков, также не желающих оставаться под чешским господством. Заявив, что польский и венгерский представители в Берлине уже обсуждали с ним эти вопросы, Гитлер сказал, что он настаивает на скорейшем удовлетворении всех требований к Чехословакии и намерен любым путем, будь то силой или посредством соглашения, добиться присоединения Судет к Германии не позже 1 октября [77].

---

[75] „Manchester Guardian", 23/IX 1938.

[76] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 465; Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 562, p. 873.

[77] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 466.

Озадаченный новыми требованиями фюрера, Чемберлен напомнил о приложенных им усилиях, чтобы добиться согласия как своих коллег, так и французского и чехословацкого правительств с принципом «самоопределения» судетских немцев. По словам британского премьера, он добился «всего, чего хотел фюрер, без того, чтобы Германии пришлось пожертвовать хотя бы каплей крови» [78]. Перечисляя все сделанное им для удовлетворения нацистских притязаний, Чемберлен не скрыл, что, ведя линию на соглашение с Гитлером по чехословацкому вопросу, он ставит под угрозу свою политическую репутацию и навлекает на себя критику не только левых элементов, но и представителей своей собственной партии.

Увещевания Чемберлена произвели слабое впечатление на его собеседника. Фашистский главарь по-прежнему настаивал на немедленном установлении новой границы с Чехословакией, добавив, что из районов, отходящих к Германии, чехи должны сразу же вывести армию, полицию, а также отозвать свои гражданские власти. Делая вид, что он идет на уступку Чемберлену, Гитлер заявил, что после оккупации германскими войсками отходящей от Чехословакии территории он будет готов провести на ней «плебисцит» и возвратить чехам те районы, где население выскажется против присоединения к Германии [79].

Переходя к вопросу о международных «гарантиях» Чехословакии, Гитлер заявил, что Германия отказывается от участия в таких гарантиях до полного удовлетворения польских и венгерских притязаний и до присоединения к этим гарантиям всех великих держав, включая Италию.

Дальнейшая беседа касалась отдельных вопросов, связанных с передачей судетских районов Германии, и установления, как выразился Гитлер, справедливой границы с Чехословакией. Однако даже Чемберлен при ознакомлении с намеченной Гитлером линией новой границы вынужден был заявить, что она слишком глубоко врезается в чешскую территорию и поэтому в Англии ее не сочтут справедливой.

В ответ Гитлер разразился бешеной тирадой, угрожая, что если будет отвергнуто «мирное решение» вопроса,

---

[78] Там же, стр. 467.
[79] Там же, стр. 468.

предусматривающее установление определенной им этнической границы, то Германия прибегнет к разрешению вопроса вооруженным путем, результатом чего было бы установление военно-стратегической границы, еще менее выгодной для Чехословакии. Однако через несколько минут фашистский канцлер несколько смягчил тон и даже заявил Чемберлену, что лично он предпочитает добрые отношения с Англией любой выгодной военно-стратегической границе с Чехословакией. В заключении беседы Гитлер счел нужным польстить своему собеседнику за его «миротворческие усилия», заметив, что «он никогда не думал, что можно добиться того, чего добился Чемберлен» [80]. На этом — по существу безрезультатно—закончилась первая встреча Чемберлена с Гитлером в Годесберге.

Утром 23 сентября британский премьер обратился к Гитлеру с письмом, в котором изложил свою точку зрения по поводу выдвинутых Гитлером накануне требований. Не возражая против существа гитлеровских притязаний, Чемберлен писал, что главную сложность в отношении их удовлетворения он усматривает в немедленной оккупации отходящих к Германии районов. По мнению премьер-министра, такая поспешность с вводом немецко-фашистских войск в Судеты была бы осуждена общественным мнением Англии, Франции и других стран как «ненужная демонстрация силы» [81].

Чемберлен считал, что если германские войска вступят немедленно на территорию, отходящую к Германии, то чехословацкое правительство будет вынуждено оказать сопротивление, в результате чего «была бы разрушена та основа, на которой мы (т. е. Чемберлен и Гитлер.— *В. П.*)... согласились действовать сообща, а именно упорядоченное урегулирование проблемы вместо решения ее при помощи силы» [82]. Возражая против немедленной оккупации германскими вооруженными силами Судетской области, Чемберлен предлагал передать ответственность за «поддержание порядка в Судетах... генлейновцам, которые должны были действовать под контролем нейтральных наблюдателей» [83].

---

[80] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 473.
[81] Там же, стр. 482.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 483.

Таким образом, главное затруднение — и это полностью подтверждает письмо от 23 сентября — Чемберлен усматривал в требовании Гитлера немедленно оккупировать Судетскую область. Это требование, на котором так упрямо настаивал нацистский канцлер, грозило сорвать давно вынашиваемые Чемберленом планы «мирной» выдачи Чехословакии Гитлеру. Ведь если бы германские вооруженные силы вторглись в Судеты до того, как оттуда были выведены чехословацкие войска и полиция (а для этого требовалось время), то чехословаки, особенно учитывая решимость народа защищать свое государство, столь убедительно продемонстрированную 21 сентября, могли бы оказать вооруженное сопротивление. Давление народа могло бы вынудить и французское правительство прийти на помощь Чехословакии, результатом чего явился бы общеевропейский конфликт. Следовательно, возникала та самая угроза срыва «мирного разрешения» судетского вопроса, ликвидировать которую Чемберлен стремился на протяжении всего чехословацкого кризиса и ликвидировать которую, по мысли британских правителей, необходимо было во что бы то ни стало.

В ответ на свое письмо Чемберлен получил пространное послание канцлера, которое, однако, не вносило ничего нового в позицию Гитлера — он по-прежнему и в резкой форме настаивал на безоговорочном удовлетворении требований, сформулированных накануне.

Во второй половине дня 23 сентября Чемберлен направил новое письмо Гитлеру. Угодливо заверяя Гитлера, что он принял к сведению содержание его послания, Чемберлен просил его письменно сформулировать свои требования и приложить к ним соответствующие карты. Чемберлен добавлял, что, выступая в качестве «посредника» между германским и чехословацким правительствами, он безотлагательно представит гитлеровские требования на рассмотрение чехословацкого правительства, а сам намерен возвратиться в Лондон.

В тот же день Гитлер направил Чемберлену меморандум с изложением своих требований. Эти требования сводились к следующему: 1) вывод всех чехословацких вооруженных сил, а также отозвание гражданских властей из подлежащих передаче Германии районов, причем указанная эвакуация должна начаться 26 сентября и закон-

читься 28 сентября, когда эти районы будут заняты германскими войсками; 2) передача германским властям в целости и без повреждений находящихся на оккупируемой Германией территории всех промышленных предприятий, военных сооружений, подвижного состава железных дорог, а также сырья, различных товаров, скота и т. д.; 3) немедленная демобилизация чехословацким правительством всех судетских немцев, служащих в войсках и полиции чехословацкой республики; 4) освобождение всех немецких политических заключенных; 5) проведение плебисцита в ряде других районов Чехословакии, помимо подлежавших немедленной передаче, для выяснения их будущей принадлежности (проведение этого плебисцита поручалось международной комиссии); 6) разрешение всех дополнительных вопросов, связанных с передачей судетских районов Германии, через посредство смешанной чехословацко-германской комиссии [84].

В ночь на 24 сентября состоялась вторая беседа Гитлера с Чемберленом.

Не ясно, по чьей инициативе была организована эта встреча. Чемберлен, как он указывал в своем втором письме к Гитлеру, намеревался возвратиться в Лондон по получении меморандума. Очевидно, британский премьер изменил свое первоначальное решение и счел нужным предпринять еще одну попытку убедить своего партнера согласиться с тем, что передаче Судетов надо придать

---

[84] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 495—496. Сопоставление берхтесгаденских требований Гитлера с содержанием годесбергского ультиматума показывает, что хотя в «основу» последнего были положены требования, сформулированные Гитлером в Берхтесгадене и включенные затем в англо-французский план от 18 сентября, годесбергский ультиматум шел значительно дальше берхтесгаденских требований, а его условия были еще более унизительными и тяжелыми для Чехословакии. Не останавливаясь на второстепенных деталях, можно было бы указать на следующие основные различия между англо-французскими предложениями и годесбергским ультиматумом: а) англо-французский план предусматривал передачу Германии тех чехословацких территорий, где немцы составляли более 50% населения. В Годесберге Гитлер потребовал отторжения от Чехословакии также ряда других районов, где немцы составляли менее 50% населения, и даже отдельных районов, где значительное большинство составляли чехи. Кроме того, Гитлер требовал проведения плебисцита в некоторых дополнительных районах, кстати, наиболее важных в промышленном отношении (Doc. on Br. For. Pol., vol. II,

«форму более приемлемую для общественного мнения Запада» [85].

Не исключено, что и Гитлер не возражал против повторной встречи, будучи убежден в «искреннем стремлении» Чемберлена добиться приемлемого для Германии решения судетского вопроса, а также учитывая мнение тех кругов фашистского рейха, которые опасались в тот момент «большой войны» из-за явной неподготовленности к ней Германии и стремились поэтому не обострять без нужды отношения с западными державами [86].

В новой беседе Гитлера с Чемберленом приняли участие: Риббентроп и Вейцзекер, с немецкой стороны, Вильсон и Гендерсон — с английской. Гитлер выразил удовлетворение тем, что при решении судетского вопроса английское правительство руководствуется стремлением помочь Германии в осуществлении ее «законных интере-

---

р., 524). Принятие годесбергских требований неизбежно вело к полному нарушению экономики и системы коммуникаций Чехословакии; отрезало собственно чешские районы от Словакии; лишало страну важнейших промышленных, энергетических и сельскохозяйственных ресурсов и т. д.; б) англо-французский план исходил из возможности внесения изменений в устанавливаемую вновь германо-чехословацкую границу, принимая во внимание экономические, географические и другие факторы, причем до тех пор, пока новая граница не будет проведена, территория, подлежащая передаче Германии, должна была оставаться под контролем чехословацких властей; теперь Гитлер требовал немедленной военной оккупации этой территории; в) англо-французский план предусматривал возможный обмен населения в соответствии с пожеланиями граждан; годесбергский меморандум такого положения не содержал; г) в соответствии с англо-французским планом Чехословакии давалось обещание «международной гарантии» ее урезанной территории. Годесбергский меморандум ничего не говорил об этом. Очевидно, его автор прямо рассматривал Чехословакию как государство, входящее в орбиту влияния рейха и потому не нуждающееся в подобных гарантиях.

Однако, все эти различия, кроме одного — относительно немедленной оккупации отторгаемой от Чехословакии территории, не интересовали Чемберлена и не вызывали его возражений. Исходя из того, что и Берхтесгаден и Годесберг должны были привести к тому же самому результату — поглощению Чехословакии Гитлером, Чемберлен хотел только одного: чтобы это поглощение произошло «мирным путем», не вызывая опасных как для Англии, так и для фашистской Германии международных потрясений.

[85] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 262.

[86] Там же, стр. 261.

сов»[87]. При этом германский канцлер, играя на столь хорошо известном желании своего собеседника добиться широкого англо-германского соглашения, заметил, что если удастся достичь мирного решения судетского вопроса, то это могло бы послужить «поворотным пунктом в англо-германских отношениях»[88].

Чемберлен согласился с Гитлером; однако британский премьер жаловался, что усилия английского правительства, направленные на разрешение чехословацкой проблемы мирным путем, не встретили надлежащего отклика со стороны канцлера. Чемберлен добавил, что годесбергский меморандум представляется ему скорее ультиматумом, свидетельствующим о намерении не вести переговоры, а диктовать условия. Премьер не скрыл от своих немецких собеседников, что подобный документ произведет самое отрицательное впечатление на общественное мнение как в Англии, так и за ее пределами.

По предложению Риббентропа было решено зачитать содержание меморандума с тем, чтобы Чемберлен мог сформулировать конкретные замечания. Поскольку Чемберлен считал употребление термина «требования» неудачным, Гитлер заявил, что он готов заменить его словом «предложения». После некоторой дискуссии Гитлер также выразил готовность опустить даты 26 и 28 сентября, означавшие соответственно дни начала и окончания передачи судетских районов Германии, и заменить их одной датой — 1 октября.

Нетрудно видеть, что эти, как и другие подобные уступки фашистского главаря отнюдь не меняли существа годесбергского ультиматума, однако британский премьер счел необходимым поблагодарить своего собеседника за проявленную им «уступчивость».

В заключение беседы Чемберлен заявил, что «он не может ни принять, ни отвергнуть меморандум, он может лишь передать его чехословацкому правительству»[89]. Так по крайней мере гласит запись, сделанная присутствовавшим на беседе сотрудником английского посольства в Берлине А. Киркпатриком и опубликованная в «Британских документах».

---

[87] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 499.
[88] Там же, стр. 500.
[89] Там же, стр. 506, 508.

Однако подобная версия заключительного заявления Чемберлена существенно отличается от того обещания, которое, по словам Риббентропа, английский премьер на самом деле дал Гитлеру. Как отмечал в своем донесении Беку польский посол в Берлине Липский, в беседе с ним 26 сентября Риббентроп строго конфиденциально сообщил, что Чемберлен не просто обещал передать чехам годесбергский ультиматум, а обязался заставить чехословацкое правительство принять этот ультиматум. Липский писал в этой связи: «Риббентроп, с просьбой не разглашать, уполномочил меня информировать Вас, что Чемберлен лично обязался перед канцлером приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят. Для внешнего мира это, конечно, не могло быть объявлено, поэтому в коммюнике и появилось сообщение о том, что британский премьер передаст меморандум чешскому правительству» [90].

По возвращении из Годесберга, на аэродроме Чемберлен бросил окружившим его журналистам фразу: «Теперь очередь за Чехословакией» [91]. Это цинично откровенное заявление вызвало настоящий взрыв негодования английской общественности, требовавшей отклонения годесбергского ультиматума, основные условия которого стали известны в Лондоне к вечеру 24 сентября.

Именно в эти дни, когда Чемберлен вел переговоры с Гитлером, во всю ширь по всей Англии развернулось движение протеста против планов предательства и расчленения Чехословакии.

---

[90] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 262—263. Эмери также свидетельствует в своих мемуарах, что Чемберлен вернулся из Годесберга с твердым намерением добиваться принятия годесбергского ультиматума Прагой (L. Amery. Op. cit., p. 268—269). В записи второй беседы Гитлера с Чемберленом в Годесберге, опубликованной в «Германских документах», особо отмечается, что Чемберлен сердечно расстался с Гитлером. По словам Чемберлена, у него сложилось мнение, что между ним и фюрером в течение последних нескольких дней установились отношения доверия. «Он (Чемберлен. — *В. П.*), — говорится далее в записи, — не перестает надеяться на то, что нынешний напряженный кризис будет разрешен, и он будет рад обсудить с фюрером другие, еще не решенные вопросы в таком же духе» (Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 583, p. 907).

[91] «Известия», 26/IX 1938.

19 сентября в Бирмингаме закончил свою работу XV съезд компартии Англии. Съезд сосредоточил свое внимание на двух главных и тесно связанных между собой вопросах: 1) борьба за сохранение мира, независимости и целостности Чехословакии путем совместных действий СССР, Англии и Франции и 2) борьба за объединение английских трудящихся и всех прогрессивных сил страны в целях изменения реакционной внешней и внутренней политики правительства консерваторов [92].

Руководствуясь решениями съезда, коммунистическая партия возглавила массовую кампанию в защиту Чехословакии, за прекращение уступок гитлеровским агрессорам. В ней приняли активное участие федерация горняков Южного Уэльса, лондонский окружной комитет объединенного профсоюза машиностроителей, профессиональные советы Манчестера, Шеффильда, Бирмингама и других городов, многочисленные местные организации лейбористской партии, а также ряд буржуазно-пацифистских организаций. В движение включались люди различных политических взглядов, партийной принадлежности и религиозных убеждений. Учитывая глубокие антифашистские чувства, которыми был охвачен народ, лейбористские лидеры вынуждены были формально объявить о поддержке ими кампании в защиту Чехословакии и выступили с заявлениями, содержащими резкую критику политики Чемберлена [93]. Движение развернулось еще шире. 22 сентября громадная толпа народа собралась у здания правительства, требуя отставки кабинета Чемберлена и поддержки Чехословакии [94]. 23 сентября в Лондоне свыше 10 тыс. человек участвовали в демонстрации, прошедшей под лозунгом «Чемберлен должен уйти». В течение только двух дней — 24 и 25 сентября в Англии состоялось свыше 2500 митингов в защиту Чехословакии и с протестом против политики Чемберлена [95]. Митинги и демонстрации солидарности с чехословацким народом продолжались и в последующие дни. Одновременно были сорваны фашист-

---

[92] См. For Peace and Plenty. Report of the 15th Congress of the Communist Party of Great Britain. London, 1938.

[93] Report of the 38th Annual conference of the Labour Party, Southport, 1939, p. 14; „Daily Herald", 23/IX 1938.

[94] Duff Cooper. Old Men Forget, p. 232.

[95] „World News and Views", 1938, № 48, p. 1097.

ские демонстрации, планировавшиеся Мосли и его подручными. Еженедельник «Уорлд ньюс энд вьюс» справедливо писал об обстановке в Англии в этот период: «Часто приходится слышать выражение «национальная кампания», но редко этот термин можно было применить с бо́льшим основанием, чем в дни, последовавшие за поездкой Чемберлена в Берхтесгаден...» [96]

Враждебное отношение английской общественности к далеко зашедшей политике уступок фашистским агрессорам нашло отражение и в буржуазной печати.

Ряд газет, выступавших до сих пор в поддержку внешнеполитической линии правительства, опубликовал статьи и письма читателей, в которых ставилась под сомнение целесообразность продолжения политики безоговорочного удовлетворения немецко-фашистских притязаний [97]. Характерной в этой связи являлась статья в «Обсервере» известного политического обозревателя Гарвина. На протяжении всего чехословацкого кризиса Гарвин не скрывал своих симпатий к генлейновцам и ратовал за удовлетворение их требований. Теперь же он вынужден был признать, что английский премьер в результате злосчастных поездок в Германию получил два ультиматума, а взамен — никаких уступок. Выступая против годесбергских требований Гитлера, Гарвин отмечал, что Германия стремится получить преимущества, которые будут иметь для нее большое стратегическое и тактическое значение в будущей войне [98].

В связи со складывавшейся обстановкой в стране, становится понятным, почему еще во время пребывания Чемберлена в Годесберге Галифакс в направленной ему специальной телеграмме просил учесть, что английское общественное мнение все более склоняется к мысли прекратить дальнейшие уступки Гитлеру и что планы премьер-министра вызывают растущее недоверие в стране [99].

Это предупреждение Галифакса имело тем большее основание, что в самом правительстве назревало серьезное недовольство позицией Чемберлена, шаг за шагом отступавшего перед Гитлером. Как выяснилось к 24 сентяб-

---

[96] Там же.

[97] „Daily Telegraph and Morning Post", 20, 21, 26/IX 1938; „Observer", 25/IX 1938.

[98] „Observer", 25/IX 1938.

[99] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 490.

ря, по крайней мере четыре министра (Дафф-Купер, О. Стэнли, Уинтертон и Делавар), а также, возможно, еще трое (Хор-Белиша, Моррисон и Эллиот) считали, что достигнут предел уступок, на которые могут пойти западные державы. Имена этих министров как противников линии Чемберлена в чехословацком вопросе на данном этапе называет, в частности, американский посол Кеннеди в своей телеграмме в Вашингтон от 25 сентября [100].

Активизировалась в эти дни и деятельность представителей консервативной оппозиции, не входивших в состав кабинета. 25—26 сентября с резкой критикой политики непрерывных уступок Гитлеру выступил видный деятель консервативной партии Л. Эмери. Подчеркнув, что отныне никто не сомневается в том, что речь идет не о предоставлении какой-то автономии судетским немцам, а о стремлении германского фашизма уничтожить чехословацкое государство, Эмери писал: «Вопрос ныне предельно ясен: отдадим ли мы на расправу свободный народ... для того, чтобы спасти свои собственные шкуры или же мы еще в состоянии дать отпор насильникам? Не судьба Чехословакии, а наша совесть поставлена сегодня на карту» [101].

Политике английского правительства — политике уступок и поблажек германскому фашизму Эмери противопоставлял политику Советского Союза — политику борьбы за мир и коллективную безопасность. При этом Эмери вынужден признать, что все предложения, выдвигавшиеся Советским Союзом в период кануна Мюнхена и ставившие целью совместное противодействие Гитлеру, наталкивались на враждебное отношение со стороны руководителей западных держав, что, по его словам, не должно вызывать удивление, ибо как французское правительство, так и глава британского кабинета стремились к одному —скорейшему оформлению соглашения с фашистским диктатором [102].

Как свидетельствует Эмери, как раз в эти дни ряд представителей консервативной оппозиции, не согласных

---

[100] Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, 652; см. также Duff Cooper. Old Men Forget, p. 230—241.

[101] L. Amery. Op. cit., p. 276—277.

[102] Там же, стр. 293—294.

с позицией Чемберлена, а также некоторые видные либералы сделали попытку обратить внимание правительства на необходимость установления контакта с Советским Союзом и возможного согласования с ним линии действий в случае, если гитлеровцы будут упорствовать в своих притязаниях. Именно к такой точке зрения склонялись, в частности, Сесиль, Черчилль, Эмери, Литтон, Линдеманн, Спирс и некоторые другие [103].

Однако, как это следует из мемуаров Эмери, вышеупомянутая инициатива «оппозиционеров» оказалась столь же мертворожденной, как и многие другие их начинания. Глубокая классовая неприязнь к СССР, опасение, что сотрудничество и союз с Советским государством могут привести, с одной стороны, к подрыву позиций капитализма как в самой Англии, так и во всем мире, а с другой — к дальнейшему упрочению социалистической системы, предопределяли фактическую позицию «недовольных» консерваторов и реальные результаты их деятельности в рассматриваемый период.

Не удивительно поэтому, что максимум, на что пошли названные выше консервативные деятели, — это в частном порядке уведомить Чемберлена о своей точке зрения на развивающиеся события и на важность поддержания контактов с СССР, причем тут же было решено не навязывать правительству этой точки зрения, учитывая возможные возражения других членов консервативной партии, стоявших на иных позициях [104].

Все это объясняет, однако, почему правительство Чемберлена не могло дальше полностью игнорировать непрерывно возраставшее недовольство политикой уступок гитлеровской Германии, которая между тем продолжала демонстративно стягивать войска к чехословацкой границе и провоцировать инциденты, зачастую носившие характер настоящих вооруженных столкновений между немецкими и чехословацкими войсками. Правящие круги Англии и Франции не могли не опасаться, что полная пассивность правительства Сыровы перед лицом гитлеровских провокаций может вызвать новый взрыв возмущения чехословацкого народа и привести к свержению этого

---

[103] Там же, стр. 278.
[104] Там же.

правительства. В этих условиях англо-французская дипломатия после продолжительных колебаний была вынуждена вечером 23 сентября снять свои возражения против мобилизации чехословацкой армии. Несомненно также и то, что, идя на этот шаг, английское и французское правительства, рассчитывали, что мобилизация чехословацких вооруженных сил, замечательные боевые качества и техническая оснащенность которых были хорошо известны, окажет отрезвляющее воздействие на немецких фашистов и заставит их дважды подумать, прежде чем пойти на дальнейшее обострение обстановки. Это дало бы английской дипломатии время, необходимое для завершения в основном уже согласованной сделки о выдаче Чехословакии гитлеровцам «мирным путем».

Однако реакционное чехословацкое правительство, вынужденное пойти на мобилизацию вооруженых сил под прямым давлением народа, было не столько озабочено организацией отпора Гитлеру, сколько стремилось ослабить и обезглавить движение патриотических сил страны, требовавших от правительства принятия реальных мер для защиты республики. Именно этим можно объяснить, что через полчаса после объявления мобилизации один из руководящих чиновников чехословацкого МИД, Чермак, поспешил пригласить к себе германского поверенного в делах в Праге и буквально рассыпался в извинениях перед ним за решение правительства провести мобилизацию. Умоляя гитлеровцев не выступать против Чехословакии и заверяя немецкого дипломата в готовности Бенеша и Сыровы передать судетские районы Германии в течение нескольких дней, Чермак обрушился с гнусной клеветой по адресу чехословацких коммунистов, обвиняя их в намерении спровоцировать войну [105].

Именно этим можно объяснить и то, что как раз в критические дни второй половины сентября 1938 г., демагогически разглагольствуя о необходимости создания национального единства перед лицом «общей угрозы», правящая клика чехословацкой буржуазии еще более усилила свои репрессии против коммунистической партии. Еще 17 сентября правительство ввело чрезвычайное положение в стране, запретило демонстрации и усилило цен-

[105] Doc. on Germ. For. Pol., vol. II, doc. 592, p. 921.

зуру. В близких к правительству кругах упорно распространялись провокационные слухи о якобы подготавливаемом коммунистическом перевороте и делалась попытка оправдать проведение указанных мероприятий усилившейся «коммунистической угрозой». 22—23 сентября в Праге и других центрах страны стали сосредоточиваться крупные воинские подразделения, которые, как выяснилось позднее, были отведены из ряда районов на чешско-германской границе по приказанию военного министра Махника и министра внутренних дел Черны, облегчивших, таким образом, гитлеровско-генлейновским бандам захват ряда пунктов на границе [106]. В ночь на 23 сентября помещение редакции центрального органа компартии «Руде право» было занято войсками, действовавшими по распоряжению министерства внутренних дел. Как отмечала печать, эта провокационная вылазка чехословацких реакционеров имела целью обострить внутриполитическую обстановку в стране, вызвать беспорядки и, используя это обстоятельство, запретить коммунистическую партию. Печать подчеркивала также, что организаторы налета на редакцию «Руде право» находились в тесном контакте с англо-французскими кругами [107].

* * *

По возвращении в Лондон Чемберлен пригласил Даладье и Боннэ для обсуждения создавшегося положения.

Во Франции широкие круги общественности отдавали себе отчет в подлинном характере гитлеровских притязаний в отношении Чехословакии. Здравый смысл и осознание того простого факта, что интересы безопасности Франции повелительно диктовали необходимость поддержки вместе с СССР союзного чехословацкого государства, побуждали самые различные элементы французского общества требовать от правительства не только слов, но и дел с целью воспрепятствовать агрессивным замыслам гитлеровской Германии. Этого не могли не учитывать правители Франции. 23 сентября в беседе с группой членов парламента от партии радикалов и радикал-социа-

---

[106] P. Buk. Op. cit., p. 74—75.
[107] «Правда», 24/IX 1938.

листов премьер-министр Даладье заявил, что Франция честно выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией [108]. Аналогичное заявление сделал перед отлетом в Лондон 25 сентября министр иностранных дел Боннэ. Но это был очередной словесный маневр французских мюнхенцев. Французские правители не собирались выступать в поддержку Чехословакии. В разговоре с журналисткой Женевьевой Табуи Боннэ еще раньше дал понять, что идти на риск войны с Германией — это значит для Франции пойти на риск социальной революции и краха Третьей республики [109].

Однако французский министр иностранных дел, как и другие парижские «умиротворители» нацистских агрессоров, продолжал маневрировать. Опасаясь взрыва негодования общественного мнения, грозившего выбросить их из правительства, Боннэ и другие французские мюнхенцы по-прежнему твердили о готовности Франции выполнить «свой долг», будучи уверены в том, что позиция британских пособников Гитлера, твердо ведших линию на «мирную выдачу» Чехословакии немцам, избавит их от необходимости выполнять этот долг.

Совещание английских и французских министров открылось вечером 25 сентября в резиденции премьера на Даунинг-стрит. Со стороны Англии в совещании участвовали Чемберлен, Галифакс, Саймон, Хор; Франция была представлена Даладье, Боннэ, послом в Лондоне Корбэном, генеральным секретарем МИД Леже и сопровождающими их лицами.

Совещание открыл Чемберлен, который изложил результаты своих годесбергских переговоров. Затем повторилась сцена «сопротивления» Даладье, хорошо знакомая по предыдущим англо-французским совещаниям. По словам французского премьера, его правительство уже рассмотрело гитлеровский меморандум и единодушно отвергло содержащиеся в нем требования, поскольку они ставят своей целью не просто включение в состав рейха 3,5 млн. чехословацких немцев, а уничтожение чехословацкого государства и установление германского господства в Европе [110].

[108] „Humanité", 24/IX 1938.
[109] G. Tabouis. Op. cit., p. 355.
[110] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 522—523.

Чемберлен поспешил «разъяснить» основные положения последнего гитлеровского меморандума, причем смысл этих разъяснений сводился к тому, что этот меморандум в принципе не отличается от берхтесгаденских требований, уже принятых чехословацким правительством. Чемберлен заявил, что главная сложность в отношении новых требований Гитлера заключается в его намерении оккупировать отходящую к Германии территорию к 1 октября. Что же касается «несовпадения» условий годесбергского меморандума с берхтесгаденскими требованиями и англо-французским планом, то, по словам Чемберлена, это объяснялось тем, что годесбергский меморандум, в отличие от англо-французского плана, затрагивает в первую очередь мероприятия, связанные с «поддержанием законности и порядка» на уступаемой чехами территории и исходит из того, что все другие мероприятия (в том числе обмен населения и т. д.) должны быть разработаны и уточнены позднее. Чемберлен спросил Даладье, какова будет позиция Франции, если в силу отклонения Чехословакией годесбергского ультиматума Гитлер начнет военные действия [111]. Даладье ответил, что в таком случае Франция выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией [112].

Это заявление Даладье вызвало немедленную реакцию Чемберлена и Саймона. Английские министры приступили к настоящему допросу своего французского коллеги. Один за другим задавались ему вопросы, смысл и сама постановка которых не оставляли сомнения в том, что Чемберлен и Саймон хотят доказать Даладье, что Франция слаба и неподготовлена в военном отношении, что она не может идти на риск вооруженного столкновения с Германией, что, следовательно, надо отказаться от всякой мысли о помощи чехословацкому союзнику. «Будет плохим утешением, — язвительно заметил Чемберлен, — если Франция, выполняя свои обязательства и пытаясь оказать помощь другу, сама не сможет сопротивляться и потерпит крушение» [113].

Не обошлось и без клеветы по адресу СССР. В ходе

---

[111] Там же, стр. 523—526.
[112] Там же, стр. 527.
[113] Там же, стр. 532.

«допроса» Даладье Чемберлен стремился выяснить у него, какие заверения получила Франция от Советского Союза, ибо он, Чемберлен, располагает «вызывающей серьезное беспокойство» информацией относительно возможной позиции СССР в чехословацком конфликте [114].

В ответном заявлении Даладье указал, что, хотя Франция слабее Германии в военном отношении, она в состоянии вести успешные операции против Германии, тем более располагая поддержкой союзников. Видя, однако, что, несмотря на все увертки и недомолвки, английские министры явно ведут дело к принятию годесбергского ультиматума, но хотели бы, чтобы решение об этом приняли сами французские представители, Даладье поставил Чемберлену три вопроса: 1) намерено ли само британское правительство согласиться с условиями годесбергского ультиматума, 2) намерено ли оно оказать давление на Прагу с тем, чтобы та также приняла этот ультиматум, и 3) считает ли Англия, что французское правительство должно ничего не предпринимать перед лицом агрессивных намерений гитлеровской Германии.

Это был рещающий ход Даладье. Заняв на заседании позицию сопротивления гитлеровским требованиям и проявляя «стойкость» перед нажимом своих английских коллег, глава французского правительства хотел, чтобы британское правительство взяло на себя ответственность за принятие решений по рассматриваемым вопросам. Если бы Чемберлен и Саймон открыто сказали то, о чем они думали и на что они довольно прозрачно намекали, то это дало бы возможность Даладье и Боннэ возложить всю ответственность за принятие гитлеровских требований на английское правительство, представив дело так, что французским представителям, несмотря на всю их «твердость», пришлось в конечном итоге склониться перед волей более сильного союзника.

---

[114] Утверждая это, Чемберлен грубо извращал действительное положение вещей. Только накануне, 24 сентября, Чемберлен был уведомлен английскими представителями на сессии Лиги наций Делаваром и Батлером о том, что они по указанию Галифакса беседовали с М. М. Литвиновым, который вновь подчеркнул готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии (подробнее об этом см. ниже).

Уклоняясь от прямого ответа Даладье, британский премьер заявил, что принятие или отклонение гитлеровских требований не является делом английского или французского правительств. Предложения Гитлера якобы адресованы не им, а чехословацкому правительству. Роль английского и французского правительств, лицемерил Чемберлен,—это роль посредников, которые должны лишь довести эти предложения до сведения Праги.

Отвечая на второй вопрос, Чемберлен заявил, что только что получен предварительный ответ чехословацкого правительства, который представляет собой отказ согласиться с новыми гитлеровскими требованиями. Однако Чемберлен дал понять, что позиция чехословацкого правительства может быть пересмотрена, хотя и утверждал, что английское правительство не может оказывать давление на Прагу[115].

Что же касается третьего вопроса, то, заявил Чемберлен, ответ на него лучше всего дать самому французскому правительству[116].

Ответы Чемберлена на вопросы Даладье свидетельствовали о том, что английское правительство избегало ясного определения своей позиции и отнюдь не хотело брать на себя единоличную ответственность за принятие годесбергского ультиматума.

Второму официальному заседанию англо-французской конференции, состоявшемуся 26 сентября утром, предшествовала личная беседа Чемберлена с Даладье. О чем они говорили — неизвестно.

В данном случае редакторов «Британских документов» вновь постигла «неудача», которая случалась всякий раз, когда нужно было скрыть то, что должно держаться в глубокой тайне: по их словам, им так и не удалось найти записи частной беседы Чемберлена с Даладье в архивах министерства иностранных дел. Тем не менее можно с полным основанием предположить, что эта личная беседа глав делегаций была не менее, если не более, важной, чем официальное заседание делегаций в полном

[115] Нотой от 25 сентября чехословацкое правительство уведомило Лондон об отклонении годесбергского меморандума и заявило, что оно по-прежнему придерживается условий англо-французского плана от 18 сентября (Correspondence, p. 16—17).

[116] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 534.

составе, хотя бы уже потому, что ее непосредственным результатом явилось полное согласование английской и французской точек зрения. Французская позиция, столь разительно отличавшаяся от английской, претерпела поистине удивительное изменение. От былого пыла и решительности, с которыми Даладье отстаивал свою точку зрения, не осталось и следа. Второе и последнее заседание конференции быстро закончилось принятием коммюнике, в котором говорилось, что между английскими и французскими министрами достигнуто «соглашение по всем вопросам»[117].

В протоколах совещания не было уточнено, в чем заключалось это соглашение, но нетрудно было догадаться что речь в данном случае шла о соглашении английского и французского правительств в деле завершения совместно проводимого ими курса на предательство Чехословакии.

На этом же заседании Чемберлен и Даладье открыто одобрили притязания бековской Польши на Тешинскую область, выразив «глубокое удовлетворение» решением Бенеша, который, уступая нажиму и угрозам поляков, дал согласие на передачу этой области Польше.

Тем самым англо-французские правители содействовали разбойничьему акту правителей панской Польши, которая воспользовалась национальной бедой чехословацкого народа, чтобы захватить часть его территории.

После окончания англо-французских переговоров британская дипломатия развила лихорадочную деятельность. 26 сентября утром в Берлин вылетел Г. Вильсон. Он вез специальное послание Гитлеру от Чемберлена, текст которого был согласован с Даладье и доведен до сведения Рузвельта. В своем письме Чемберлен указывал, что чехословацкое правительство и сейчас не отказывается передать Германии Судетскую область, но не может принять условия годесбергского ультиматума. Заявляя далее, что он и Гитлер сходятся в необходимости «сохранения европейского мира», Чемберлен подчеркивал, что возникшее между ними единственное разногласие касается не существа проблемы, а метода осуществления уже достигнутого решения. Для устране-

[117] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 541.

ния этого разногласия и обеспечения «упорядоченной» передачи Судетской области Германии Чемберлен предлагал провести совещание с участием представителей германского, чехословацкого и английского правительств.

Вручая это послание Чемберлена, Вильсон заверял Гитлера, что английское правительство приложит все усилия, чтобы убедить чехов пойти на соглашение в соответствии с германскими требованиями. Касаясь предстоящего выступления нацистского канцлера в Спорт-паласе, чемберленовский эмиссар выразил надежду, что это выступление не закроет двери для достижения соглашения[118].

Вечером 26 сентября Гитлер выступил в Спорт-паласе с неистовой речью. С похвалой отозвавшись об усилиях английского правительства, направленных на «спасение мира», он обрушился с новыми угрозами и оскорблениями по адресу Чехословакии и неугодных ему чехословацких государственных деятелей. Гитлер заявил, что он не собирается дальше оттягивать решение вопроса и намерен любыми способами добиться в ближайшие же дни освобождения судетских немцев от «чешской тирании». Тут же он повторил лживое заверение, к которому прибегал всякий раз, когда стремился облегчить расправу над очередной жертвой,— о том, что как только данный (т. е. судетский) вопрос будет разрешен, у Германии не будет больше территориальных претензий в Европе[119].

Чемберлен незамедлительно откликнулся на речь Гитлера. В специальном заявлении, переданном для печати, английский премьер выражал благодарность Гитлеру за высокую оценку его деятельности, обещая в дальнейшем не прекращать своих усилий. По мнению Чемберлена, заявление Гитлера свидетельствовало о том, что германское правительство не верит в исполнение «обещаний», которые дало чехословацкое правительство[120]. Однако,

---

[118] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 556—557.

[119] „Times", 27/IX 1938.

[120] Имеется в виду согласие чехословацкого правительства на передачу Судетской области Германии в соответствии с англо-французским планом от 18 сентября.

продолжал премьер, эти обещания были даны Прагой непосредственно английскому и французскому правительствам, и эти правительства чувствуют себя морально ответственными за то, что «указанные обещания будут выполнены честно, полностью... и достаточно быстро при условии, что германское правительство согласится на передачу (Судетской области.— *В. П.*) посредством переговоров, а не при помощи силы» [121].

Таким образом, Чемберлен за спиной чехословацкого правительства, отклонившего еще 25 сентября годесбергский ультиматум, ручался перед Гитлером, что английское правительство заставит Прагу пойти на полное удовлетворение гитлеровских притязаний, если только фашистская Германия не будет торопиться с вооруженным выступлением.

Ведя линию на завершение предательства Чехословакии и стремясь сломить усилившееся сопротивление в стране внешнеполитическому курсу правительства, сопротивление, которое, как это отмечалось выше, приняло после возвращения Чемберлена из Годесберга особенно серьезный характер, правительство решило произвести своего рода «психическую атаку» на общественное мнение страны. Нужно было внушить английскому народу, что над страной нависла опасность войны, что эта опасность непрерывно нарастает, что для того, чтобы ликвидировать ее и сохранить мир, необходимо договориться с Гитлером по чехословацкому вопросу во что бы то ни стало. Начинается бессовестная спекуляция на страхе народа перед войной, на ненависти народных масс к войне, на их понятном стремлении сохранить мир. В ход пускается аппарат внутриполитического шантажа и мистификации. Колоссальная машина буржуазной информации и пропаганды, направляемая Хором и Галифаксом, используется для того, чтобы всячески муссировать и подогревать слухи о военной опасности, якобы нависшей над Англией. Правительство приступает к проведению широких военных мероприятий. Приводится в боевую готовность флот, издаются указы о призыве резервистов в сухопутные и военно-морские силы, проводится дополнительный набор в полицию, объявляется

[121] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 559.

мобилизация транспорта, разрабатываются и рекламируются планы эвакуации гражданского населения из городов [122]. В Лондоне открываются пункты по выдаче противогазов, причем примерка и распределение их организуются таким образом, чтобы создавались длинные очереди, в которых люди должны были простаивать часами, испытывая страх, что их очередь так и не дойдет и им придется остаться без маски [123]. Вокруг зданий укладываются мешки с песком, устанавливаются зенитные орудия и прожекторы. В парках, садах, на улицах столицы роются бомбоубежища. В соответствии с правительственным распоряжением работы ведутся круглые сутки.

Для полной дезориентации общественного мнения 26 сентября было опубликовано заявление английского МИД о том, что в случае, если попытки английского правительства добиться мирного урегулирования чехословацкого вопроса потерпят неудачу и Германия нападет на Чехословакию, Англия, так же как СССР и Франция, придет Чехословакии на помощь [124].

Выступая с указанной инициативой, британское правительство преследовало сразу несколько целей. Во-первых, заявление могло создать впечатление, что Англия и Франция поддерживают контакт с Советским Союзом по чехословацкому вопросу; более того, что три правительства выработали общую линию действий на случай гитлеровской агрессии против Чехословакии, хотя это абсолютно не соответствовало действительности. В этой связи нельзя не отметить, что еще 23 сентября Галифакс дал указание английским представителям на происходившей в эти дни в Женеве сессии Лиги наций лорду Делавару и Батлеру «выяснить» позицию Советского правительства в чехословацком вопросе, в то же время никоим образом себя не ангажируя.

Делавар и Батлер встретились в этот же день с М. М. Литвиновым, который вновь (в который раз!) подтвердил готовность Советского Союза выполнить

[122] „History of the Second World War. United Kingdom Civil Series. Problems of Social Policy" by R. M. Titmuss, London, 1950, p. 31.

[123] „Daily Worker", 1/X 1938.

[124] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 550.

свои обязательства по договору с Чехословакией, даже несмотря на принятие последней англо-франко-германского ультиматума, предусматривавшего, как известно, также денонсацию советско-чехословацкого договора, что со строго формальной точки зрения освобождало СССР от выполнения упомянутых обязательств [125].

Тем не менее, учитывая весьма серьезное положение Чехословакии, М. М. Литвинов от имени Советского правительства предложил Англии и Франции созвать как можно скорее совещание представителей трех держав для выработки конкретной программы помощи Чехословакии. Представитель СССР также уведомил английских делегатов о только что сделанном Советским правительством предупреждении польскому послу в Москве о том, что в случае нападения польских войск на Чехословакию СССР немедленно денонсирует польско-советский договор о ненападении [126].

О своей беседе с М. М. Литвиновым и выдвинутом им предложении Делавар и Батлер незамедлительно сообщили в Лондон, но ответа на советское предложение так и не последовало [127].

На этом, по сути дела, и закончились «консультации» английского правительства с Советским правительством по чехословацкому вопросу; беседы же, которые Галифакс, а также Боннэ имели с советскими дипломатическими представителями в Лондоне и Париже в рассматриваемый период, сводились к передаче им уже известной информации, публиковавшейся в ежедневной печати [128].

Вторая цель, которая ставилась опубликованием заявления от 26 сентября, — это еще раз запугать народ опасностью войны в случае, если Чемберлену не удастся договориться с Гитлером о «мирном разрешении» судетской проблемы.

Наконец, в-третьих, английское правительство надеялось, что такое заявление сможет предостеречь немец-

---

[125] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 135.

[126] Там же, стр. 132—133.

[127] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 497—498; W. and Z. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945, p. 593; A. Rothstein. Op. cit., p. 185—186.

[128] «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 395.

ких фашистов от излишней поспешности в деле захвата Судет и явится дополнительным аргументом в пользу предложенного Чемберленом метода «упорядоченной передачи» Судетской области Германии.

Однако, в зарубежных политических кругах к заявлению Форейн офиса от 26 сентября отнеслись либо с явным недоверием, либо с плохо скрытой иронией [129]. Между тем это заявление безусловно достигало своей цели в том, что оно усиливало панические настроения в самой Англии, население которой рассматривало его как еще одно подтверждение реальности угрозы войны. В церквах страны непрерывно шли молебны о мире, многие жители покидали города, остающиеся спешно делали запасы продовольствия и предметов первой необходимости, некоторые уже составляли завещания. Люди были готовы к самому худшему [130].

Так, сбивая с толку английский народ, деморализуя его своей беспринципностью, внушая ему мысль, что всякое противодействие Гитлеру, в том числе и совместно с другими державами, неизбежно будет означать войну, правящие круги английской буржуазии вели беспрецедентную по масштабам кампанию, цель которой состояла в том, чтобы запугать народ перспективой «ужасной и опустошительной войны», подготовить его к завершению в основном уже согласованной с Гитлером сделки, изобразив предательство Чехословакии как патриотическое и миротворческое деяние.

В общем плане кампании правящих кругов Англии и Франции (где также проводились военные приготовления на английский лад) за выдачу Чехословакии Гитлеру «мирным путем» следует рассматривать и принявшую в это время широкий размах деятельность реакционных и профашистских элементов, прикрывавшихся ложным знаменем пацифизма.

Всегда занимавший значительное место в арсенале средств, при помощи которых правящие круги Англии одурманивали массы, буржуазный пацифизм нанес

---

[129] P. Reynaud. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1947, p. 564; G. Bonnet. Op. cit., p. 273.

[130] M. Muggeridge. The Thirties. London, 1940, p. 302; W. Gallacher. Op. cit., p. 206—207.

особенно серьезный ущерб национальным интересам английского народа в предмюнхенский период, когда реакция и ее верные прислужники из лагеря лейбористской партии использовали его как орудие в целях пресечения всякого противодействия губительной антинародной политике правительства, в целях прославления «миротворческой» деятельности Чемберлена. Известные лейбористы из числа так называемых «левых» — Лэнсбери, Мэкстон, Броквей, уже на протяжении многих лет систематически культивировавшие и поддерживавшие пацифистские иллюзии в массах, играли особенно неблаговидную роль именно в этот период, когда под маской пацифизма они усиливали свою подрывную кампанию против единства действий демократических сил английского народа, в первую очередь английских трудящихся, в борьбе за свержение правительства Чемберлена, за изменение внешней политики Великобритании, тем самым демонстрируя в этом важнейшем вопросе момента свое единение с правосоциалистическими лидерами. Известно, что когда в критические дни конца сентября 1938 г. Чарлз Дьюкс, один из правых лидеров БКТ, выступил с призывом к английским рабочим поддержать консервативное правительство Чемберлена, Лэнсбери и Мэкстон по существу солидаризировались с этим заявлением.

Буржуазные пацифисты шли на чудовищную ложь, внушая народным массам мысль о том, что Чемберлен является лучшим выразителем стремления простого человека к миру. Они выступили с безоговорочным одобрением злосчастных полетов Чемберлена к Гитлеру, причем Лэнсбери и Мэкстон превзошли даже твердолобых консерваторов в выражениях восхищения и благодарности премьеру за проявленную им «инициативу и моральное мужество» [131].

Активность пацифистских прислужников английского империализма, а также «пораженцев» из лагеря французской реакции значительно усилилась после 25 сентября. Широко используя последнее заявление Гитлера в Спорт-паласе, в котором он заверял мир в отсутствии каких-либо агрессивных притязаний по отношению

[131] Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 339, col. 37; „Daily Worker", 5/X 1938.

к Англии и Франции, они всячески стремились убедить обывателя в том, что Гитлер не собирается ссориться с Англией и Францией и что поэтому было бы недопустимым преступлением втягивать английский и французский народ в войну из-за вопроса, который их якобы непосредственно не касается.

Лихорадочную деятельность в эти дни развивали французские «пораженцы» — Фланден, Лаваль, Кайо, Лозанн, Дорио, Моррас и др., открыто призывавшие народ саботировать любые военные мероприятия, которые могли быть предписаны правительством, и требовавшие дальнейших уступок Гитлеру [132]. Ведя кампанию за предательство Чехословакии, Фланден, Дорио, Лозанн и их сообщники по существу вступили на путь прямой национальной измены, не останавливаясь перед разглашением в печати военных и государственных тайн, всячески преувеличивая слабость и неподготовленность Франции в военном отношении. Вместе с тем на страницах реакционной печати обильным потоком лилась инспирированная геббельсовской агентурой пропаганда о якобы исключительной подготовленности Германии к войне и непобедимости немецкого оружия [133].

Французские пособники гитлеровских агрессоров поддерживали тесный контакт с британским послом в Париже Э. Фиппсом, которого подробно информировали

---

[132] P. Reynaud. Op. cit., p. 567—569; „New Statesman and Nation", 24/IX 1938.

[133] В своей книге «Позволим ли мы расчленить Францию» правый французский журналист Анри де Кериллис сообщает, что гитлеровцы затратили на субсидирование французской печати в период Мюнхена свыше 360 млн. франков. Ссылаясь на свидетельство бывшего начальника французской военной миссии в Праге генерала Фоше, Кериллис указывает, что не только статьи в газетах и журналах, но и многие брошюры и книги печатались и распространялись во Франции по инициативе и в контакте с гитлеровскими органами пропаганды (H. Kerillis. Laisserons-nous démembrer la France. Paris, 1939, p. 113—117). Интересные данные, разоблачающие продажность французской реакционной печати и подтверждающие подкуп ее гитлеровскими агентами во Франции, собраны в материалах парламентской комиссии по расследованию причин поражения Франции в 1940 г. (см. например, показания бывшего заведующего отделом печати министерства иностранных дел Франции Комера — Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commision d'enguête parlemantaire. Paris, 1947—1951, t. VII, p. 2176).

о своей точке зрения на развитие событий, о своих выступлениях, планах и намерениях [134].

Предательскую позицию небольшой, но всесильной кучки пораженцев, открытых отступников от принятых Францией международных обязательств, правительство Чемберлена — Галифакса выдавало за позицию Франции в целом, тем самым сознательно дезориентируя широкие круги английской общественности в отношении действительной позиции французского народа по чехословацкому вопросу. Деятельность фланденов, лавалей, дорио и их приспешников британские реакционные политики использовали в качестве козыря в своих руках, который давал им возможность оправдывать предательство Чехословакии не только английскими, но и французскими мотивами и вести дальше форсированными темпами, с меньшими помехами, курс на Мюнхен.

В соответствии с этой линией, выполняя указание Чемберлена, Вильсон 27 сентября имел вторую встречу с Гитлером. Выразив свое лично и Чемберлена «восхищение» по поводу речи фюрера в Спорт-паласе, британский представитель вновь уговаривал его не идти на риск военных действий против Чехословакии, поскольку, по словам Вильсона, это могло бы повлечь за собой вмешательство в конфликт Франции и ввиду этого, по всей вероятности, Англии [135]. При этом Вильсон подчеркивал, что «мирное урегулирование» чехословацкого вопроса создало бы благоприятные возможности для взаимовыгодного обсуждения различных интересующих обе стороны проблем, в частности для достижения широкого экономического соглашения между Англией и Германией.

Гитлер, не переставая угрожать Чехословакии войной, выразил вместе с тем уверенность, что Англия и Германия «не поссорятся» из-за такого вопроса, как чехословацкий, и просил Вильсона, чтобы Чемберлен усилил нажим на Прагу и добился принятия ею годесбергского ультиматума.

---

[134] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 513—514, 568—569, 579—580, 605—606.

[135] По замечанию Дафф-Купера, это предупреждение Вильсона «сопровождалось таким количеством условных предложений, что утратило половину своей силы» (Duff Cooper. Old Men Forget. p. 239).

Как это видно из германских документов, Вильсон заявил, что войну из-за Чехословакии он рассматривал бы как катастрофу, которой надо во что бы то ни стало избежать. В заключение чемберленовский посланец согласился с Гитлером относительно того, что «надо образумить этих чехов» [136].

События ближайших же часов показали, что английские правители скрупулезно выполняют обещания, данные немецко-фашистским заправилам. В 17 часов 45 минут, т. е. три часа спустя после получения телеграммы с отчетом о беседе Вильсона с Гитлером, Галифакс направил Ньютону для немедленного вручения Бенешу текст послания Чемберлена. В послании указывалось, что, согласно имеющимся в распоряжении британского правительства сведениям, германская армия получит приказ сразу же перейти чехословацкую границу, если только до 2 часов дня 28 сентября чехословацкое правительство не примет годесбергского меморандума. Запугивая Прагу и стремясь вырвать ее согласие на гитлеровские требования, Чемберлен продолжал: «Это приведет к захвату Богемии, и что бы ни предприняла любая другая держава, ваша страна и народ не избегнут подобной участи, независимо от исхода возможной мировой войны» [137].

Этим, однако, усилия английской дипломатии, направленные на удовлетворение гитлеровских притязаний, не ограничились. В тот же насыщенный событиями день — 27 сентября Галифакс направил Гендерсону, Ньютону и Фиппсу новый, «компромиссный» план урегулирования судетского вопроса с указанием немедленно довести его до сведения правительств, при которых они были аккредитованы.

Согласно этому плану, германские войска оккупируют территорию Эгерлянда и Аша 1 октября. 3 октября в одном из городов Судетской области должно было быть созвано совещание германских и чехословацких уполномоченных с участием английского представителя, который будет располагать одинаковым с ними правом голоса. К компетенции совещания уполномоченных пред-

[136] Doc. on Germ. For. Pol., vol, II, doc. 634, p. 964—965.
[137] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 570.

полагалось отнести решение таких вопросов, как эвакуация чехословацких войск из Судетской области, выработка «общих положений», касающихся защиты национальных меньшинств, и т. д. Одновременно соберется международная комиссия по установлению новой чешско-германской границы, в составе представителей Германии, Чехословакии и Великобритании. В этот же день, 3 октября, должны прибыть английские наблюдатели, части Британского легиона, а затем четыре батальона английских войск, функции которых будут состоять в «поддержании порядка» на территории, отходящей к Германии. На 10 октября Галифакс намечал ввод германских вооруженных сил в отходящие к Германии районы, если к этому времени будет завершена эвакуация чехословацких войск. Окончательная делимитация границы между Германией и Чехословакией должна была быть завершена к 31 октября. Наконец, план английского правительства предусматривал проведение переговоров с участием Англии, Франции, Германии и Чехословакии для принятия решений по таким вопросам, как демобилизация чехословацких войск, пересмотр договорных отношений Чехословакии с другими странами и установление «гарантий» урезанному чехословацкому государству [138].

Несмотря на то, что «компромиссный план» Чемберлена — Галифакса мало чем отличался от последнего гитлеровского ультиматума, Гендерсон поспешил сообщить в Лондон, что Гитлер вряд ли пойдет на его принятие. В связи с этим посол настоятельно рекомендовал министру иностранных дел добиваться безоговорочного согласия Праги на годесбергский ультиматум.

В тот же день, 27 сентября, английское правительство выступило с еще одной дипломатической акцией. За подписью Галифакса в Париж Фиппсу пошла телеграмма, в которой министр иностранных дел, так же, как и Чемберлен, все еще опасавшийся, что давление общественного мнения может заставить французское правительство выполнить его обязательства по договору с Чехословакией, предлагал, чтобы Франция согласовывала

[138] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 572—573.

с Англией любое действие, которое она сочла бы нужным предпринять в поддержку Чехословакии [139].

Как и следовало ожидать, Боннэ не только не воспротивился этой явной попытке английского правительства связать Францию на тот случай, если бы ее правительство все-таки решило прийти на помощь чехословакам, но и выразил удовлетворение по поводу предложения англичан. Боннэ также полностью поддержал компромиссный план английского правительства, со своей стороны предложив с тем, чтобы задобрить Гитлера, расширить зону немецкой оккупации в районе Эгерлянда, подлежавшую занятию 1 октября.

Вечером 27 сентября пришел письменный ответ Гитлера на послание Чемберлена от 26 сентября. Нацистский канцлер заверял Чемберлена, что чехословацкое государство в новых границах будет якобы «более здоровым и сплоченным... организмом», и обещал при определенных условиях присоединиться к международным гарантиям расчлененного чехословацкого государства [140].

Хотя Гитлер и в этом письме по существу повторил свои прежние требования и даже не счел нужным дать ответ по поводу «компромиссного плана» английского правительства, Чемберлен все-таки назвал послание фашистского главаря «обнадеживающим» [141].

Вечером 27 сентября премьер выступил с обращением к английскому народу. Упомянув о письмах, якобы получаемых им от матерей, чьи сыновья должны будут жертвовать жизнью в «этой войне», Чемберлен произнес фразу, которая с точки зрения понимания подлинной позиции Англии в чехословацком вопросе стоила больше, чем все пространные декларации премьера и его министров: «Как ужасно, нелепо, немыслимо,— заявил он,— что нам приходится рыть траншеи и надевать противогазы из-за ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем... Независимо от тех чувств, которые мы можем питать к маленькому народу, оказавшемуся лицом к лицу с сильным и большим соседним государством, мы не можем вовлечь из-за этого в войну

---

[139] Там же, стр. 575—576.
[140] Correspondence, p. 21—22.
[141] N. Chamberlain. Op. cit., p. 299.

Британскую империю... Если нам придется воевать, то война будет из-за более существенных вопросов, чем этот...»[142]

Стремясь представить проводимую его правительством линию как якобы направленную на предотвращение войны, Чемберлен заверил своих слушателей в том, что он не прекратит своих усилий, пока остается хотя бы малейший шанс на сохранение мира. Чемберлен заявил, что он не поколеблется поехать в Германию и в третий раз, если только сочтет, что его поездка принесет пользу.

Подготавливая, таким образом, общественное мнение страны к предательству Чехословакии, британский премьер предпринимал последние шаги к тому, чтобы завершить это предательство.

28 сентября в 11 часов 30 минут Галифакс сообщил Гендерсону для передачи Гитлеру новое личное послание Чемберлена. Британский премьер заверял фашистского канцлера, что Германия может получить «все существенное без войны и без промедления». «Я готов,— продолжал глава английского правительства,— немедленно прибыть в Берлин для обсуждения условий передачи Судетской области с Вами и представителями чехословацкого правительства, а также с представителями Франции и Италии, если Вы пожелаете». Ручаясь, что он обеспечит полное и немедленное осуществление чехословацким правительством тех решений, которые будут приняты на этом совещании, Чемберлен заклинал Гитлера не начинать военных дайствий «из-за нескольких дней промедления в разрешении давно назревшей проблемы» [143].

Одновременно Чемберлен обратился с письмом и к Муссолини. Приглашая фашистскую Италию принять участие в намечаемом совещании по чехословацкому вопросу, британский премьер выражал надежду, что Муссолини побудит Гитлера согласиться с предложением английского правительства.

Еще раньше английскому послу в Риме Перту было дано указание просить Муссолини, чтобы последний посоветовал Гитлеру отложить всеобщую мобилизацию и выступление германских войск против Чехословакии, якобы намеченные на 2 часа дня 28 сентября, с тем, чтобы

---

[142] N. Chamberlain. Op. cit., p. 275—276.
[143] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p 587.

можно было добиться завершения «мирного урегулирования» конфликта.

Активность в эти дни развивала не только английская, но и американская дипломатия. Кеннеди в Лондоне и Буллит в Париже по-прежнему поддерживали тесный контакт с английским и французским правительствами, полностью одобряя проводимую ими линию в чехословацком вопросе. По словам журнала «Стейтист», Кеннеди в эти дни был «постоянным гостем на Даунинг-стрит»[144]. Другой орган английской печати — «Файнэншл таймс» — еще 12 сентября в официально инспирированных комментариях выражал глубокое удовлетворение по поводу того, что никогда отношения между Англией и США «не были столь близкими, как в настоящее время»[145]. Газета ясно давала понять, что английское правительство информирует о всех предпринимаемых им шагах правительство США, которое в свою очередь одобряет их.

По мере дальнейшего развития событий американская дипломатия все активнее включалась в предмюнхенскую игру, ставя целью оказать всемерную поддержку Чемберлену в осуществлении его планов.

24 сентября Буллит направил в Вашингтон телеграмму, в которой предлагал, чтобы в случае неприемлемости для Чехословакии гитлеровских требований президент США обратился к главам правительств Англии, Франции, Германии, Италии и Польши с призывом созвать международную конференцию в Гааге для обсуждения «путей и способов сохранения мира»[146]. Это предложение в том виде, в каком оно было сформулировано Буллитом, не было принято в Вашингтоне, однако оно послужило отправной точкой для аналогичной инициативы американского правительства: 26 сентября Рузвельт направил Гитлеру, Бенешу, Чемберлену и Даладье идентичные послания, в которых призывал их не прерывать ведущихся переговоров и добиваться мирного и конструктивного урегулирования проблемы[147]. 27 сентября

---

[144] „Statist", 24/IX 1938.
[145] „Financial Times", 12/IX 1938.
[146] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 33.
[147] Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 658.

Рузвельт обратился к Муссолини с личным письмом, в котором содержалась просьба о посредничестве дуче в переговорах по судетскому вопросу [148]. В тот же день президент США направил Гитлеру новое послание, в котором, подчеркнув свою надежду на мирное урегулирование существующих между сторонами разногласий, заявлял, что, если Гитлер согласится на такое решение чехословацкого вопроса, «сотни миллионов людей во всем мире оценят это его решение как величайшую историческую заслугу перед человечеством» [149].

Совместные усилия англо-американской дипломатии, угодливо заискивавшей перед фашистскими агрессорами и, как выразился Гитлер, заранее обещавшей преподнести ему Чехословакию «на блюде», быстро дали свои результаты [150]. Уже в 13 часов 28 сентября британский посол в Риме Перт уведомил Галифакса, что по просьбе Муссолини Гитлер согласился отсрочить всеобщую мобилизацию на 24 часа. Вслед за этим пришла вторая телеграмма, в которой Перт сообщал о готовности Муссолини поддержать перед германским правительством предложение Чемберлена о проведении конференции по чехословацкому вопросу. Положительный ответ Гитлера ожидался с минуты на минуту.

28 сентября в 3 часа дня английское правительство созвало экстренное заседание парламента для обсуждения создавшегося положения. Как пишет Галлахер в своих мемуарах, парламент собирался в атмосфере мрачных предчувствий. В стране нарастала паника, население с тревогой и страхом осознавало неизбежность войны, которую, несмотря на последнее заявление Чемберлена о его намерении продолжать поиски «мирного решения» конфликта, казалось, на этот раз ничто не могло предотвратить. Члены палаты, собиравшиеся на заседание, продолжает Галлахер, «смотрели друг на друга, опасаясь вымолвить слово. Им не было известно, что еще до того, как они пришли на заседание, Гитлер уже получил письмо от Чемберлена, в котором последний

---

[148] Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 677.
[149] Там же, стр. 685.
[150] «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. 1. М.; 1946, стр. 89.

предлагал ему все, чего тот хотел, «без войны и промедления» и обещал, что английское и французское правительства заставят чешское правительство согласиться с этим. Члены палаты не знали, что Даладье убедили принять годесбергский меморандум, который так «потряс» Чемберлена, и что, таким образом, все уже было подготовлено для величайшего предательства» [151].

С большой речью выступил Чемберлен. Подробно изложив развитие событий, приведших к создавшемуся критическому положению, и всячески превознося усилия английского правительства, которое якобы стремилось добиться мирного и справедливого решения судетского вопроса, Чемберлен сообщил, что последнее письмо Гитлера от 27 сентября пробудило у него надежду на сохранение мира. В связи с этим, добавил премьер, он направил Гитлеру письмо, в котором выразил готовность немедленно прибыть в Берлин для обсуждения условий передачи Судетской области Германии. Британский премьер информировал палату и о том, что Муссолини по его просьбе «добился» отсрочки гитлеровского выступления против Чехословакии. Упомянув имя главы правительства фашистской Италии, Чемберлен рассыпался в комплиментах по его адресу, подчеркнув горячее стремление дуче принять участие в разрешении чехословацкого кризиса. Вместе с тем британский премьер не постеснялся повторить клеветнические измышления Гитлера по адресу Чехословакии. Чемберлен счел нужным обратить особое внимание палаты на якобы чрезвычайно серьезные заверения нацистского диктатора о том, что после удовлетворения его требований в отношении немецкого населения в Чехословакии у него не будет больше территориальных притязаний в Европе [152].

Заключительная часть речи Чемберлена «совпала» с получением им от Гитлера приглашения прибыть в Мюнхен на конференцию представителей Англии, Франции, Германии и Италии для окончательного решения судетского вопроса. Заявление Чемберлена о том, что он принимает это приглашение, было встречено шумными аплодисментами палаты. Депутаты от консервативной партии

---

[151] W. Gallacher. Op. cit., p. 206.
[152] N. Chamberlain. Op. cit., p. 296.

единодушно приветствовали решение Чемберлена. Лидер либералов Синклер, заявив о «чувстве облегчения», которое овладело им, когда он услышал о намерении премьера продолжать переговоры с Гитлером, лицемерно выражал надежду, что Чехословакия в ее новых границах останется свободным и независимым государством [153].

В этот решающий час, отмечал позднее Галлахер, дальнейшее развитие событий во многом зависело от позиции руководства лейбористской партии. «Если бы,— писал Галлахер,— парламентская фракция лейбористской партии выступила с протестом, даже в этот поздний час можно было спасти положение» [154].

Однако, верные своей линии — приходить на помощь консервативному правительству в самые критические для него моменты, отбрасывая в этих случаях даже показную, словесную оппозицию, лейбористские лидеры и на этот раз поддержали Чемберлена.

Еще перед началом заседания палаты 28 сентября парламентская фракция лейбористской партии, руководство которой было осведомлено о закулисных переговорах Чемберлена с Гитлером и Муссолини и, в частности, знало, что положительный ответ Гитлера на последнее предложение Чемберлена ожидается с минуты на минуту, приняла решение воздержаться от обстоятельной критики политики премьера и пообещать ему поддержку в проводимых им мероприятиях [155]. Выступление Эттли на заседании палаты 28 сентября наглядно показало, что лейбористские лидеры не только не собирались заниматься какой-либо критикой Чемберлена, но и не менее восторженно, чем самые твердолобые тори, выражали радость по поводу решения Чемберлена совершить новое паломничество к Гитлеру. Предстоящие переговоры Чемберлена и Даладье с фашистскими главарями Эттли характеризовал как возможность сохранить мир, не пожертвовав своими принципами [156]. Лидер лейбористской партии выражал уверенность в успешном исходе этих

---

[153] Parl. Deb. H. of C., vol. 339, col. 26—27.

[154] W. Gallacher. Op. cit., p. 207.

[155] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 12, стр. 39; „Daily Worker", 30/IX 1938.

[156] Parl. Deb. H. of C., vol. 339, col. 26.

переговоров. Это заявление Эттли, пишет американский историк Такер, свидетельствовало о том, что руководство лейбористской партии заранее давало согласие на расчленение Чехословакии [157].

Заявление Эттли было по достоинству оценено консервативными членами палаты, которые аплодировали лейбористскому лидеру также горячо, как и Чемберлену, что немало смутило рядовых лейбористов—членов парламента [158].

С откровенно апологетическим заявлением по адресу Чемберлена выступил и лидер «левых» Лэнсбери, также угодливо заверявший премьера, что будет молиться за успех его миссии.

Резким диссонансом с хором славословий по адресу пособников гитлеровских агрессоров прозвучало выступление коммунистического депутата Галлахера. «Никто не желает мира более, чем я и моя партия,—заявил оратор.— Но это должен быть мир, покоящийся на свободе и демократии, а не на расчленении и уничтожении малого государства. Я утверждаю, что именно политика британского правительства привела к настоящему кризису... Я не присоединяюсь к тому, что здесь происходит, и решительно протестую против расчленения Чехословакии» [159].

Покидая палату, Чемберлен заявил окружившей его толпе: «На этот раз все будет в порядке», заметив перед этим, что он ждет новой встречи с членами парламента при «более счастливых обстоятельствах» [160]. Накануне, вечером 27 сентября, в своем выступлении по радио Чемберлен заявил, что будет готов совершить еще одну поездку в Германию, если только сочтет, что эта поездка принесет пользу. Прошел только день, и Чемберлен уже счел, что такая поездка наверняка принесет пользу.

В чем заключалась причина такой уверенности премьера? В Годесберге, как уже отмечалось выше, Чемберлен обязался перед Гитлером произвести нажим на Прагу

---

[157] W. Tucker. The Attitude of the British Labour Party towards European and Security Problems 1920—1939. Genève, 1950, p. 230.

[158] „Daily Telegraph and Morning Post", 29/IX 1938.

[159] Parl. Deb., H. of C., vol. 339, col. 28.

[160] G. Gedye. Op. cit., p. 469; „Manchester Guardian", 29/IX 1938.

с тем, чтобы она приняла его ультиматум. Но надо было заставить не только Чехословакию, но и англичан и французов согласиться с условиями этого ультиматума. Британский премьер знал, что он не сможет этого сделать, не сможет заставить народ своей страны принять годесбергские требования без предварительного шантажа войной, без своего рода психической атаки на общественное мнение с целью вызвать перед его глазами все ужасы войны из-за «какой-то ссоры» в «какой-то далекой стране».

Уезжая из Годесберга, Чемберлен великолепно видел различия между берхтесгаденскими и новыми требованиями Гитлера и обратил внимание нацистского канцлера на некоторые из них. Но надо было во что бы то ни стало заставить народ и общественное мнение страны согласиться на принятие годесбергского ультиматума, иначе весь давно вынашиваемый Чемберленом план разрешения чехословацкого вопроса грозил рухнуть.

По возвращении премьера в Лондон в Англии развернулись показные и всячески рекламируемые приготовления к войне, которые заставили многих поверить, что германские самолеты действительно могут каждую минуту появиться над столицей Англии. 26 сентября в печати появилось заявление Галифакса о том, что Англия вступит в войну, если Германия нападет на Чехословакию. Правда, 27 сентября Чемберлен уточнил, что Англия не будет воевать из-за таких «малых» вопросов, как чехословацкий, но в этом же выступлении премьер призвал добровольцев вступать в территориальную армию и части противовоздушной обороны, и не успел премьер закончить свою речь, как были подтверждены сообщения о мобилизации флота.

Многие англичане помнили, что в канун первой мировой войны, в течение всего июля и вплоть до 3 августа 1914 г. английский премьер Асквит и его министр иностранных дел Грей также отвергали мысль о войне с Германией из-за «малых» вопросов, но как раз мобилизация флота и проведение других военных мероприятий, аналогичных осуществляемым в настоящее время, предшествовали вступлению Англии в войну. Не удивительно, что напряжение в стране росло. Как и 3 августа 1914 г., в день объявления войны, был срочно созван парламент. Более часа, как Эдуард Грей в тот памятный многим

англичанам день августа 1914 г., повествовал Чемберлен в мрачных тонах о своих усилиях «спасти мир». Члены парламента — и с ними вся страна — со все возрастающим волнением слушали это длинное повествование, у которого «судя по всему, мог быть только один конец — Франция в соответствии со своими договорными обязательствами придет на помощь Чехословакии, а Англия в в силу тех же причин—на помощь Франции» [161].

Казалось, что военная катастрофа неумолимо приближается, и вдруг, в самый драматический момент, когда почти у всех слушателей Чемберлена исчезла последняя надежда на то, что войны удастся избежать,—столь великолепно приуроченная сцена прибытия гитлеровского послания. Тучи войны, которые как будто плотно застлали горизонт, внезапно рассеивались, и перепуганному, сбитому с толку англичанину представлялся Чемберлен в ореоле ангела — избавителя от «неминуемой катастрофы».

Вечером 28 сентября Чемберлен сообщил Бенешу через Ньютона, что он вместе с Даладье и Муссолини принял приглашение Гитлера на конференцию в Мюнхене. Видимо, опасаясь протеста по поводу устранения Чехословакии от решения своих собственных судеб, Чемберлен счел нужным заверить Бенеша, что он будет все время помнить об интересах Чехословакии и что цель предстоящей конференции состоит лишь в том, чтобы согласовать позиции германского и чехословацкого правительств по вопросу об упорядоченном и справедливом осуществлении одобренного обеими сторонами принципа [162].

Вместе с тем в течение последних часов, оставшихся до начала мюнхенской конференции, английская дипломатия прилагала новые усилия, чтобы добиться согласия чехословацкого правительства на план Галифакса от 27 сентября, надеясь, что его можно будет положить в основу решений предстоящей конференции. В течение дня 28 сентября Ньютон несколько раз обращал внимание Бенеша на необходимость скорейшего ответа на английский план, недвусмысленно давая понять, что ответ

[161] M. Muggeridge. Op. cit., p. 301.
[162] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 599.

должен быть только положительным. Поздно вечером 28 сентября, уступая все усиливавшемуся нажиму Лондона, чехословацкое правительство приняло план Галифакса, выдвинув лишь некоторые оговорки, которые, однако, были отклонены британским правительством [163].

Заявление Чемберлена о его готовности принять участие в мюнхенской конференции было безоговорочно одобрено в Вашингтоне и Париже. Как только в Вашингтоне стало известно о намерении Чемберлена направиться в Мюнхен, президент США поручил послу в Лондоне Кеннеди немедленно передать от его имени краткую, но весьма выразительную похвалу премьеру: «Молодец!» [164] В Париже Боннэ заверил Фиппса, что французский представитель на мюнхенской конференции будет готов «почти любой ценой добиться решения судетского вопроса» [165]. Однако на этом французские «умиротворители» гитлеровских агрессоров отнюдь не намеревались останавливаться, и Боннэ прямо сказал английскому послу, что после ликвидации чехословацкого конфликта необходимо будет заняться пересмотром границ ряда других европейских государств, поскольку версальская система потерпела крах [166].

Это заявление французского министра иностранных дел, не встретившее возражений со стороны британского дипломата, являлось дополнительной иллюстрацией готовности англо-французских правящих кругов не ограничиться выдачей Чехословакии Гитлеру, а пойти на предательство других стран и народов в надежде, что, удовлетворив аппетиты фашистских захватчиков на Западе, можно будет затем толкнуть их на Восток, против СССР.

В эти критические для дела мира и независимости Чехословакии дни, когда дипломатия западных держав завершала очередную сделку с гитлеровскими агрессорами и пыталась прикрыть свое отступничество от принятых на себя международных обязательств фальшивыми ссылками на необходимость предотвращения общеевропейской войны, Советский Союз дал новые доказа-

---

[163] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 604—605, 614—615.

[164] W. Langer and E. Gleason. Op. cit., p. 34; Foreign Relations of the U.S., 1938, vol. I, p. 688.

[165] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 613.

[166] Там же.

тельства своей неизменной верности договорным обязательствам, продемонстрировал подлинную заботу о сохранении мира и независимости Чехословакии.

Когда 28 сентября президент США предложил Советскому правительству обратиться к правительствам Германии и Чехословакии с призывом изыскать мирные способы решения возникшего конфликта, правительство СССР заявило, что наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и успешного разрешения нынешнего международного кризиса оно усматривает не в продолжении англо-французского посредничества в чехословацком вопросе, а в немедленном созыве международной конференции. Советское правительство считало, что такая конференция должна будет выработать практические меры для оказания помощи Чехословакии, а также принять все другие меры, необходимые для сохранения мира и предотвращения новой войны [167].

Однако эта инициатива Советского Союза, так же, как и другие его предложения, не встретила положительного отклика. Новое предложение СССР было похоронено в архивах министерств иностранных дел западных держав, что, впрочем, было вполне закономерным. Ведь принятие этого предложения грозило в последний момент опрокинуть расчеты дипломатии западных держав и сорвать осуществление давно вынашиваемых ими планов, назначение которых состояло в «объединении Европы» без Советского Союза и против Советского Союза, которому уже отводилась роль следующего объекта германской агрессии.

В силу этих же причин не могло быть и речи об участии СССР в мюнхенском совещании. Одно только присутствие советского представителя делало бы это совещание беспредметным и срывало замыслы его участников, в первую очередь его главного инициатора — Чемберлена. Поэтому сплошным лицемерием являлись объяснения Галифакса, данные им 29 сентября советскому послу в Лондоне И. М. Майскому, когда британский министр иностранных дел пытался свалить с английского правительства вину за исключение СССР из мюнхенских

---

[167] «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 391—392.

переговоров ссылками на неуступчивость Германии и Италии. Многочисленные телеграммы, письма, донесения, опубликованные в «Британских документах», неопровержимо свидетельствуют о том, что английское правительство ни разу не предлагало Гитлеру и Муссолини пригласить Советский Союз на мюнхенскую или какую-либо другую конференцию по чехословацкому вопросу, а британские дипломаты (типа Гендерсона), которые, как отмечалось выше, давно разрабатывали проекты конференции четырех, были озабочены главным образом тем, как бы отстранить СССР от участия в подобной конференции [168].

4. МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ И ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЗАИМНОМ НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

Конференция в Мюнхене с участием Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье открылась 29 сентября в 12 часов 45 минут [169].

Как видно из записи заседаний конференции, сделанной Г. Вильсоном, а также из немецкой записи, все участники конференции были «единодушны» в стремлении действовать быстро и без промедления. В качестве основы для обсуждения Муссолини внес заранее согласованное с Гитлером предложение, с небольшими изменениями воспроизводившее условия годесбергского ультиматума. Глава правительства фашистской Италии, представляя на рассмотрение совещания свой проект, многозначительно дал понять, что в принципе судетский вопрос уже решен и что в настоящее время речь может идти только о том, чтобы «претворить теорию в практику» [170]. Английский и французский представители сразу же приняли предложение Муссолини за основу переговоров, угодливо заверив своих партнеров, что они сами

---

[168] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 35—36, 239.

[169] В конференции принимали участие: от Англии — Чемберлен, Вильсон, Гендерсон, Малкин; от Германии — Гитлер, Риббентроп, Вейцзекер; от Италии — Муссолини, Чиано; от Франции — Даладье, Леже.

[170] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, стр. 278.

«мыслили решение вопроса в духе этого предложения» [171].

В ходе начавшейся дискуссии, как это видно из немецкой записи, Чемберлен выразил пожелание, чтобы в Мюнхене присутствовал представитель чехословацкого правительства, который в случае необходимости мог бы давать заверения, что принимаемые участниками конференции решения будут выполнены. Однако, когда Гитлер грубо сказал, что он не намерен больше ждать, Чемберлен заявил, что английское правительство также не хочет оттягивать решение вопроса, но до того, как взять на себя гарантию за осуществление принимаемых здесь решений, он, Чемберлен, желал бы знать, сможет ли он ее выполнить, и что именно «по этой причине он и приветствовал бы, если бы в соседней комнате находился представитель Праги, от которого можно было бы получить заверения» [172]

Таким образом, по предложению английского премьера, представитель Чехословакии не должен был участвовать в работе конференции, решавшей судьбу его страны, а должен был сидеть в соседней комнате и ручаться за то, что обязательства, которые давал Чемберлен Гитлеру, будут выполнены. Замечательная иллюстрация выполнения британским премьером обещания, данного накануне Бенешу, — все время иметь в виду интересы Чехословакии!

После дополнительного обмена мнениями было решено заседать без участия чехословацкого представителя, причем продолжавший расшаркиваться перед фашистскими главарями Чемберлен заявил, что четыре державы сами «должны... позаботиться о том, чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории» [173].

Переговоры между главами делегаций с участием советников и экспертов закончились около 1 часа ночи 30 сентября. Предложения Муссолини как по судетскому вопросу, так и по другим аспектам чехословацкой проблемы были приняты с небольшими изменениями.

---

[171] Там же, стр. 279.
[172] Там же, стр. 281.
[173] Там же, стр. 283.

Согласно постановлениям Мюнхенской конференции. условия годесбергского ультиматума Гитлера принимались почти полностью за исключением сроков [174]. Эвакуация чехословаками отходящей к Германии территории должна была быть завершена к 10 октября. Происходящая по этапам оккупация германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начиналась 1 октября. Четыре зоны этой территории оккупировались к 7 октября. Остающаяся часть этой территории, населенная преимущественно немцами, подлежала незамедлительному ее определению международной комиссией из представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии, и должна была быть оккупирована к 10 октября. Указанная международная комиссия должна была также определить районы, в которых будет проведен плебисцит. До окончания плебисцита эти районы занимались международными вооруженными силами. Окончательное определение границ поручалось международной комиссии. Предусматривалось, что чехословацкое правительство при эвакуации отходящих к Германии районов не допустит никаких разрушений имеющихся в этих районах сооружений.

На чехословацкое правительство налагалось далее обязательство освободить от военной службы всех судетских немцев, а также амнистировать всех тех судетских немцев, которые отбывали наказание за политические преступления.

В одном из дополнений к соглашению правительства Англии и Франции заявляли, что они «поддерживают предложения, содержащиеся в § 6 англо-французских предложений от 18 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против

---

[174] Передаваемая Германии территория уменьшала общую территорию Чехословакии на треть, население страны — примерно на 4 млн. чел. Железнодорожная сеть страны разрезалась более чем в 50 пунктах. Чехословакия теряла около половины всех производственных мощностей, в том числе более 80% энергетических ресурсов, 25% мощностей тяжелой промышленности, 50% мощностей легкой промышленности и т. д. В Чехословакии оставалось всего три крупных промышленных центра — Прага, Злин и Плзень, причем последний оказывался на самой границе. Весьма серьезный ущерб наносился и сельскому хозяйству (H. Ripka. Op. cit., p. 165—166; Keesing's Contemporary Archives, 1937—1940, p. 3333).

неспровоцированной агрессии». При этом указывалось, что, как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах, Германия и Италия также предоставят «гарантию» Чехословакии [175].

Другое дополнение предусматривало, что если в течение трех месяцев проблема польского и венгерского меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована путем переговоров между заинтересованными правительствами, то она станет предметом дальнейшего обсуждения главами правительств четырех держав — участниц мюнхенского совещания [176].

Судьбы Чехословакии в Мюнхене, так же как ранее в Берхтесгадене и Годесберге, решались без ее участия. Представителю чехословацкого правительства — посланнику в Берлине Мастны было вручено уже готовое решение с указанием, что ответа чехословацкого правительства не требуется, ибо план считается принятым. Когда же чехословацкий представитель все-таки попытался выдвинуть возражение, ему в грубой и бесцеремонной форме было заявлено, что это — «приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления» [177].

Однако в Мюнхене дело не ограничилось расчленением Чехословакии и выдачей ее на расправу фашистским агрессорам. Направляясь в Мюнхен, Чемберлен вез также с собой план «общеевропейского урегулирования» и в первую очередь англо-германского соглашения, острие которого должно было быть направлено против СССР. Как отмечал французский историк Дзелепи, «через призму чехословацкого кризиса взор Чемберлена был устремлен на мираж... англо-германского соглашения» [178].

Чемберлен исходил при этом из того, что путь к заключению соглашения с Гитлером расчищен в результате всей предшествующей политики английского правительства и особенно после начала прямых переговоров с гитлеровской Германией в 1937 г., когда английское правительство договорилось с немцами о перекраивании карты

---

[175] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 294.

[176] Там же, стр. 299.

[177] Там же, стр. 314.

[178] „Europe", 1947, № 22, p. 2.

Европы и прямо санкционировало развитие германской агрессии против некоторых государств Восточной Европы. Отказываясь чинить препятствия милитаристской Германии и ее союзникам по «оси» в осуществлении их захватнических планов, идя на известное ослабление своих позиций в Европе и ряде других районов земного шара, заключая сделки с фашистскими агрессорами, условия которых далеко не были выгодными для Англии, британские правящие круги делали это ради одной цели—объединения сил европейской и международной реакции против Советского Союза, объединения, в котором роль ударного кулака должен был взять на себя германский фашизм. Основывая свою политику на предположении о неизбежности советско-германской войны, британские правящие круги прилагали все усилия, чтобы ускорить эту войну. Отторжение в Мюнхене от Чехословакии важнейших в военном и экономическом отношениях районов, что предрешало захват всей Чехословакии Гитлером, и рассматривалось английской дипломатией как «цена» за обязательство немецких милитаристов начать войну против Советского Союза. «Принятие англо-французами всех требований Гитлера в чехословацком вопросе,— справедливо отмечает Б. Е. Штейн,— было с их стороны платой вперед, поскольку Чемберлен и Даладье стремились превратить мюнхенское соглашение в двусторонюю сделку. Второй стороной этой сделки должен был явиться «русский вопрос» [179].

Чемберлен рассчитывал, что в ходе обсуждения в Мюнхене чехословацкой проблемы Гитлер сам поднимет «русский вопрос», хотя бы уже потому, что фашистский главарь придавал большое значение разрыву союзных отношений Чехословакии с другими странами, в первую очередь с СССР. Правда, «русский вопрос» в общей форме уже затрагивался во время предыдущих встреч Чемберлена с Гитлером. Тогда фюрер, разразившись обычными для него антисоветскими выкриками, предпочел уклониться от определения своих планов и намерений в отношении Советского Союза, сославшись, в частности, на неотложность чехословацкой проблемы. Теперь эта

[179] Б. Е. Штейн. Буржуазные фальсификаторы истории. М., 1951, стр. 151.

проблема была решена, Гитлер получил то, чего хотел, не пожертвовав, как отмечал Чемберлен, и каплей немецкой крови. В этих условиях постановка «русского вопроса» в Мюнхене и обмен мнениями, который должен был последовать, должны были, по замыслу Чемберлена, выяснить то, что так волновало британское правительство: чем Германия компенсирует Англии в «русском вопросе» уступки, которые она получила от нее в чехословацком вопросе.

Понятно поэтому, как были удивлены английские представители тем, что на протяжении всего мюнхенского совещания Гитлер ни разу не упомянул о Советском Союзе — обстоятельство, которое особо отметил Г. Вильсон в своем отчете [180]. Это удивление, за которым так ясно проглядывало раздражение и недовольство английских партнеров Гитлера, могло лишь усилиться, когда и в ходе личной встречи Чемберлена с Гитлером 30 сентября последний всячески старался обойти «русский вопрос», несмотря на явные попытки британского премьера завязать разговор на эту тему [181].

Было ясно, что Гитлер не желал связывать себя какими-либо обязательствами в отношении своей будущей политики по отношению к СССР и стремился сохранить полную свободу рук в выборе направления и объектов своей дальнейшей агрессии. Каким бы неприятным этот факт не являлся для Чемберлена, он, однако, не обескуражил главу английского правительства, вся внешнеполитическая линия которого была подчинена достижению широкого политического, экономического и военного соглашения с Германией. Заключив сделку о выдаче Чехословакии Гитлеру, Чемберлен счел необходимым предпринять дальнейшие шаги, направленные на достижение соглашения с Германией.

Одним из таких шагов и явилось сделанное Чемберленом во время беседы с Гитлером 30 сентября предложение о подписании декларации о взаимном ненападении между Англией и Германией. Эта декларация, по существу представлявшая собой пакт о ненападении между Англией и Германией, была подписана в Мюнхене

---

[180] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 634.
[181] Там же, стр. 638.

30 сентября. В декларации подчеркивалось, что английское и германское правительства рассматривают заключенное накануне соглашение, так же как и подписанное в 1935 г. англо-германское морское соглашение, как символ желания обеих стран «никогда более не вести войну друг против друга» [182]. Авторы декларации заявляли далее о своем намерении разрешать все другие вопросы, представляющие интерес для обоих государств путем переговоров и консультаций.

Перед отлетом из Мюнхена Чемберлен выразил удовлетворение результатами мюнхенского совещания и особенно подписанием англо-германской декларации о ненападении. В интервью, данном корреспонденту нацистской газеты «Фелькишер беобахтер», британский премьер заявил, что он никогда не скрывал, что у него имеются более широкие планы, нежели разрешение судетского вопроса. «Я особенно счастлив, — продолжал Чемберлен, — что создавшаяся критическая обстановка позволила мне установить личный контакт с другими ведущими государственными деятелями и особенно с фюрером...» [183].

Несколько дней спустя, выступая в палате общин, Чемберлен особо подчеркнул значение декларации о ненападении между Англией и Германией. Чемберлен выразил уверенность, что это соглашение отражает не просто благочестивое пожелание, а подлинные намерения его участников. Указав, что в международных отношениях все зависит от доброй воли и искренности, премьер утверждал, что в данном случае обе стороны проявили такую волю и искренность, торжественно заявив о своем намерении никогда больше не вести войну друг против друга. Чемберлен пытался представить подписание мюнхенского соглашения и декларации о ненападении, как и всю внешнеполитическую линию на сговор с агрессорами, проводимую англо-французскими правящими кругами, в качестве «политики сотрудничества всех народов... в деле установления прочного мира в Европе» [184].

Однако, несмотря на все усилия английских правителей скрыть подлинное назначение и характер заключен-

---

[182] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 640.
[183] „Europe", 1947, № 22, p. 19.
[184] N. Chamberlain. Op. cit., p. 315—316, 326—327.

ных в Мюнхене соглашений с гитлеровской Германией, было ясно, что в Мюнхене руководители английской и французской политики продолжали держать курс не «на сотрудничество всех народов», а на сколачивание группировки ведущих империалистических держав, на противопоставление этой группировки Советскому Союзу, на изоляцию СССР. Эту антисоветскую направленность Мюнхена была вынуждена признать и официальная английская историография, один из крупнейших представителей которой, А. Тойнби, немногим более двух месяцев спустя после подписания мюнхенских соглашений писал: «Пойдя на соглашение (в Мюнхене.—*В. П.*) с Гитлером, Великобритания и Франция предоставили ему в значительной степени, если не полностью, свободу рук в Центральной и Восточной Европе, по крайней мере, вплоть до западных подступов к Советскому Союзу» [185].

Подписывая в Мюнхене соглашения с гитлеровцами и толкая их на войну против СССР, британские правящие круги надеялись одновременно отвести от Англии угрозу вооруженного конфликта с фашистской Германией, которая с каждым днем становилась все более реальной. Руководящие деятели Великобритании великолепно отдавали себе отчет в том, что, несмотря на все предпринимаемые ими попытки урегулировать англо-германские противоречия, эти противоречия особенно в экономической и военной областях продолжали усиливаться. Гитлер ни на минуту не снимал с повестки дня требование о переделе колоний и сфер влияния, и это стремление германского империализма к захвату чужих территорий неизбежно вело Германию к столкновению с крупнейшей колониальной державой мира — Англией. Для того чтобы ликвидировать эту опасность, необходимо было направить германскую агрессию в другом направлении, а наиболее подходящим, по мнению британских правящих кругов, направлением была Восточная Европа, Советский Союз.

Развязать руки гитлеровской Германии в ее экспансии на востоке Европы, толкнуть ее на войну против Советского Союза и отвести, таким образом, от Англии угрозу вооруженного конфликта с Германией — вот та

[185] A Turning Point in History. — „Foreign Affairs", January, 1939, p. 306.

основная цель, которую преследовало английское правительство, подписывая с Гитлером мюнхенское соглашение и декларацию о ненападении.

* * *

Английские и французские правящие круги, отдав в Мюнхене гитлеровцам ряд районов Чехословакии, предрешили захват всего чехословацкого государства. Правда, для того чтобы вырвать у Чехословакии согласие на отторжение от нее этих районов, английское и французское правительства вынуждены были прибегнуть к заведомому обману — пообещать Чехословакии гарантии границ ее урезанной территории. Вокруг этого обещания англо-французские реакционные круги подняли немалую шумиху, стремясь представить его как свидетельство решимости Англии и Франции оградить урезанное чехословацкое государство от каких-либо новых агрессивных поползновений извне. Выступая 3 октября в палате лордов, Галифакс особо отметил, что, в отличие от годесбергского меморандума, мюнхенское соглашение содержит важное постановление, предусматривающее гарантии границ новой Чехословакии от неспровоцированной агрессии [186]. Чемберлен со своей стороны не жалел красок, доказывая «выгоды», которые получит чехословацкое государство, разорвав союзные договоры с другими странами. По словам британского премьера, в новой системе гарантий Чехословакия обретет бо́льшую безопасность, чем та, которую она имела когда-либо в прошлом [187]. Даладье, выступая в парламенте в начале октября, утверждал, что Англия и Франция в соответствии с мюнхенским соглашением приняли на себя обязательство немедленно и безоговорочно прийти на помощь Чехословакии в случае гитлеровской агрессии [188].

Как обстояло положение вещей на самом деле? В одном из приложений к мюнхенскому соглашению говорилось, что Англия и Франция подписали это соглашение,

---

[186] H a l i f a x. Speeches on foreign policy. London, 1940, p. 192—193.

[187] N. C h a m b e r l a i n. Op. cit., p. 321.

[188] E. D a l a d i e r. In Defense of France. Paris, 1939, p. 191.

«поддерживая предложения», содержащиеся в § 6 англо-французского плана от 18 сентября. Но что это были за предложения, которые «поддерживала» англо-французская дипломатия? В них говорилось, что английское правительство «было бы согласно в качестве вклада в дело умиротворения Европы присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии».

Таким образом, речь шла не о том, что Англия гарантирует неприкосновенность границ Чехословакии уже с 30 сентября 1938 г. Англия таких гарантий не давала; речь шла лишь о том, что она была бы согласна присоединиться к международной гарантии, участниками которой должны были быть, помимо Англии и Франции, также Германия и Италия. Эта формула показывает всю условность, всю относительность данного британской дипломатией обещания. В самом деле, если такая «международная гарантия» не осуществилась бы, то Англия ровным счетом ничем не была бы связана. Между тем Германия и Италия прямо заявили о том, что они не могут дать «гарантий» Чехословакии до урегулирования вопроса о других нацменьшинствах.

Таким образом, получалось, что и британские «гарантии» не вступали в силу до тех пор, пока Германия и другие участники расчленения Чехословакии не объявили бы себя удовлетворенными, не санкционировали бы установление новых границ Чехословакии и не заявили бы официально о предоставлении ими «гарантий» урезанному чехословацкому государству.

На этот момент было обращено, правда, несколько позднее внимание английского правительства. 1 ноября, выступая в палате общин, Чемберлен заявил, что вопрос о вступлении в силу английских гарантий может быть полностью решен лишь после окончательного урегулирования проблемы нацменьшинств в Чехословакии. На вопрос одного из членов парламента, готова ли все-таки Англия защищать новые границы Чехословакии, последовал следующий туманный ответ: «Мы никогда не давали гарантий границ... мы гарантировали Чехословакию от неспровоцированного нападения. А это — разные вещи» [189].

[189] Parl. Deb., H. of C., vol. 340, col. 80.

В свете этого заявления Чемберлена было ясно, на какую «помощь» Англии может рассчитывать расчлененная Чехословакия в случае, если Германия приступит к новому «пересмотру» ее границ, и какова подлинная цена британским гарантиям, о которых с таким пафосом лишь месяц назад разглагольствовали и премьер и его министр иностранных дел. Английский историк Лаффан в «Сэрвей оф интернэшнл афферс» за 1938 г., выпущенном Британским королевским институтом международных отношений, по существу признает, что английское правительство «несерьезно относилось» к вопросу о предоставлении гарантий Чехословакии и никогда не собиралось их выполнять. По мнению автора, обещание этой гарантии вообще следовало бы рассматривать как «дурную и трагическую насмешку» над урезанным чехословацким государством [190]. Бывший морской министр в кабинете Чемберлена Дафф-Купер также отмечал, что английская гарантия Чехословакии, после того как у нее отторгли районы, где находились основные оборонительные укрепления, была лишена всякого смысла и практической ценности, ибо, как пишет Дафф-Купер, нельзя наносить «человеку смертельный удар и в то же время застраховывать его жизнь» [191].

В конце ноября 1938 г. состоялись новые англо-французские переговоры, в ходе которых обсуждались гарантии послемюнхенских границ Чехословакии. Из пространной дискуссии между английскими и французскими министрами по этому вопросу следовало, что как Лондон, так и Париж уклоняются от определения своих гарантийных обязательств по отношению к Чехословакии. Отметив, что в создавшихся условиях, когда Чехословакия уже находилась почти в полной зависимости от Германии, англо-французские гарантии сохранили свое значение лишь с «моральной точки зрения» английское и французское правительства решили рекомендовать Праге самой обратиться к... Германии и заручиться ее «гарантиями» [192].

Таким образом, не успели высохнуть чернила, которы-

---

[190] Survey of International Affairs, 1938, vol. II. Crisis over Czechoslovakia. London, 1951, p. 350.

[191] Duff Cooper. The Second World War, p. 29.

[192] Doc. on Br. For. Pol., vol. III, p. 305—306.

ми были написаны мюнхенские соглашения, как английское и французское правительства уже отказывались от сформулированных в этих соглашениях обязательств и недвусмысленно давали понять фашистскому агрессору, что путь к окончательной расправе над искромсанным чехословацким государством открыт. Такая позиция английской, а также следовавшей у нее на поводу французской дипломатии являлась логическим развитием самого духа и условий мюнхенского сговора, в соответствии с которым Восточная Европа и в том числе вся Чехословакия (а не только ряд ее районов) отдавались во власть германскому империализму.

Как известно, послемюнхенскому чехословацкому правительству так и не удалось дожить до вступления в силу английских гарантий. 15 марта расчлененное чехословацкое государство было захвачено гитлеровскими армиями при прямом попустительстве английского правительства, которое через своего посла в Берлине лишь за день до этого нового разбойничьего акта фашистских агрессоров открыто подстрекало последних на присоединение «чешской территории, где Германия,— по словам сэра Невилля Гендерсона,—имела преобладающие интересы» [193].

* * *

Реакционные круги империалистических государств приветствовали мюнхенское соглашение, а также декларацию Гитлера—Чемберлена, всячески стремясь представить сговор английского и французского правительств с гитлеровской Германией как «вклад в дело мира», как уступку западных держав Гитлеру, продиктованную исключительно заботой о предотвращении войны.

Различные аргументы были пущены в ход поборниками и проводниками политики сговора с фашистскими агрессорами. Проливая крокодиловы слезы над подвергшейся в Мюнхене расчленению Чехословакией эти господа уверяли, что в Мюнхене все-таки был спасен мир и что хотя этот мир не является совершенным, тем не менее он лучше войны, что мюнхенское соглашение избавило

---

[193] Ernst von Weizsäcker. The Memoirs of Ernst von Weizsäcker. London, 1951, p. 174.

Францию от нового Седана, Англию — от воздушных бомбардировок, Чехословакию — от полного уничтожения. Нарочито создавая искусственную завесу вокруг действительных намерений фашистской Германии, буржуазная печать Англии, США, Франции не переставала твердить, что только благодаря настойчивости и прозорливости Чемберлена мир был спасен от ужасов войны.

Эту лживую версию, представлявшую мюнхенскую сделку как прозорливый шаг дипломатии западных держав, как их уступку Гитлеру, которая предотвратила якобы неминуемую катастрофу и заставила его отказаться от намерения разжечь пожар мировой войны в сентябре 1938 г., подхватила реакционная буржуазная историография, что нашло отражение как в мемуарной литературе, так и в общих работах, посвященных Мюнхену и истории второй мировой войны.

Каким было положение вещей на самом деле? Был ли мир действительно на грани неминуемой катастрофы в сентябрьские дни 1938 г., собиралась ли Германия действительно выступить против Чехословакии «несмотря ни на что» 28 сентября в 2 часа дня, как угрожающе заявлял Гитлер и как повторяли Чемберлен, Боннэ, Гендерсон и другие поборники политики умиротворения? Готова ли была Германия осенью 1938 г. к большому вооруженному конфликту, в котором ее противниками оказались бы не только Чехословакия, но и государства, которые в силу принятых на себя обязательств, должны были прийти ей на помощь? Возникает и другой законный вопрос: как могло случиться, что немецкие фашисты, понимавшие всю важность сохранения подготовки актов агрессии в глубокой тайне, отлично отдававшие себе отчет в значении элемента внезапности в нападении, вдруг решили точно сообщить о дне и часе подготавливаемого выступления?

Имеющиеся в нашем распоряжении документы и материалы позволяют сделать только один и совершенно определенный вывод – Германия не собиралась начинать «большой войны» в сентябре 1938 г. по той основной причине, что была к ней еще не готова. В этой связи следует прежде всего отметить, что в сентябре 1938 г. германский генеральный штаб в специальном меморандуме, составленном в связи с судетским кризисом, указывал на безнадежность для Германии ведения войны на два фрон-

та. В меморандуме отмечались, в частности, такие отрицательные факторы, делавшие невозможной победу Германии, как недостаточная оснащенность армии современным вооружением, низкий моральный дух войск, неверие в победу среди командного состава, неудовлетворительное состояние укреплений линии Зигфрида [194]. Германский генштаб подчеркивал, что из-за острой нехватки запасов продовольствия для армии и населения, а также сырья для промышленности, необходимых для того, чтобы выдержать длительную блокаду, Германия не могла и думать об успешном ведении войны на Западе и Востоке. Германский генеральный штаб учитывал, наконец, и то, что, являясь прекрасно развитым в промышленном отношении государством, способным в то же время поставить под ружье свыше 1,5 млн. чел., Чехословакия уже в самом начале войны могла бы явиться серьезной помехой для осуществления гитлеровских захватнических планов [195]. Стратегическое значение Чехословакии для ее союзников в деле ведения войны было также немаловажным. Чехословакия с самого начала военных действий стала бы своего рода авианосцем, откуда могли бы предприниматься воздушные атаки не только против восточных, но и центральных районов Германии.

Следует отметить, что эту точку зрения руководства германского генерального штаба на перспективы войны разделяли многие представители политических и деловых кругов Германии, знавшие о весьма напряженном экономическом и финансовом положении страны, и также считавшие, что выступление в подобных условиях против объединенного фронта держав было бы для Германии безрассудной и безнадежной авантюрой [196].

В конце августа 1938 г. начальник германского генерального штаба генерал-полковник Бек подал Гитлеру заявление об отставке. Еще раньше с поста командующего германскими вооруженными силами на Западе ушел генерал-полковник Адам. Эти факты свидетельствовали о том, что против Гитлера и нацистской верхушки назре-

---

[194] Nazi Conspiracy and Aggression, vol. B, p. 1549—1550; H. Ripka. Op. cit., p. 212—215, 41—43.

[195] H. Ripka. Op. cit., p. 41—43.

[196] U. Hassel. The von Hassel Diaries. New York, 1947, p. 5—8; Doc. on Germ. For. Pol., vol. I, doc. 86, p. 147.

вало серьезное недовольство в армии. Как и следовало ожидать, Гитлер, стремясь скрыть явно обнаружившиеся разногласия между ним и его главным военным советником — Беком в момент, когда дипломатическое наступление немцев против западных держав было в полном разгаре, дал указание опровергнуть появившиеся по этому поводу сообщения в печати. Однако правительства западных держав и, в частности, английское правительство знали об отставке Бека и причинах ее вызвавших. Западные державы имели в своем распоряжении также и другую подробную информацию относительно серьезных разногласий в среде политического и военного руководства гитлеровского рейха и неподготовленности Германии к войне [197].

Тем не менее тщательно скрывая от общественного мнения своих стран все, что им было известно о слабости и неподготовленности Германии к войне, правящие круги Англии и Франции продолжали твердить о «слабости» западных держав и Советского Союза, распространяя легенды о могуществе Германии и непобедимости немецкого оружия. Для этого неблаговидного дела англо-французские мюнхенцы прибегали к помощи прямых гитлеровских агентов типа Ч. Линдберга, состряпавшего вместе с Буллитом 9 сентября известную фальшивку о якобы подавляющем превосходстве германских военно-воздушных сил над объединенными воздушными силами СССР, Франции и Англии. Известно, что эта фальшивка была использована Чемберленом и Боннэ в качестве дополнительного аргумента в пользу необходимости отступления перед гитлеровскими требованиями [198].

Некоторые из английских и французских политиков и дипломатов (Гендерсон, Боннэ, Франсуа-Понсэ), вынужденные признать наличие в это время сильных антивоенных настроений среди германского генералитета, а также в других кругах гитлеровского рейха, утверждают, что Гитлер все равно выступил бы против Чехословакии, независимо от позиции других держав, поскольку он являлся

---

[197] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 690—691; Nazi Consp. and Aggr., vol. B, p. 1547—1575; A. Dulles. Germany's Underground. New York, 1939, p. 41—42; E. N. Peterson. Hjalmar Schacht for and against Hitler. Boston, 1954, p. 317.

[198] T. Jones. Op. cit., p. 410.

человеком, «не останавливающимся перед такими препятствиями» [199]. Однако подобного рода утверждения являются несостоятельными. Не только отдельные гитлеровские генералы и политики, но и сам Гитлер и его ближайшее окружение прекрасно учитывали серьезную опасность выступления против Чехословакии, поддержанной союзниками. Именно поэтому, как уже отмечалось, фашистский главарь в своей директиве от 18 июня 1938 г. прямо указывал, что он предпримет военные действия против Чехословакии только в том случае, если будет убежден, что Англия и Франция не выступят на ее защиту. Во всех своих планах нападения на Чехословакию фашистские главари исходили из предпосылки о том, что Англия и Франция не окажут помощи Чехословакии. Это обстоятельство даже в решающие дни августа — сентября 1938 г. гитлеровцы не считали нужным скрывать от других, в том числе и от самих англичан [200].

Известно, что ряд видных германских генералов (Кейтель, Гальдер, Йодль) в данных ими показаниях на Нюрнбергском процессе также подтвердили, что выступление немцев против Чехословакии зависело от позиции западных держав, что Гитлер не предпринял бы никаких действий против Чехословакии, если бы опасался вмешательства Англии и Франции, и что стратегическое развертывание немецко-фашистских вооруженных сил осенью 1938 г. было всего лишь огромным блефом.

Несомненно, что это было ясно каждому объективному наблюдателю, внимательно следившему за развитием событий летом-осенью 1938 г. и не желавшему закрывать глаза на действительное положение вещей. Данное обстоятельство подчеркивает даже такой реакционный политик и историк Франции, как Тардье, когда он пишет, что основой всех гитлеровских действий в период Мюнхена был блеф — «блеф военный, политический, дипломатический, тактический» [201]. Женевьева Табуи также пишет о гитлеровском шантаже войной, отмечая, что то, что Гитлер шантажировал, а не собирался действительно начинать

---

[199] A. François-Poncet. Op. cit., p. 329; G. Bonnet. Fin d'une Europe. Genève, 1948, p. 22.

[200] «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 325; Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 689; „New Statesman and Nation", 17/IX 1938.

[201] A. Tardieu. L'Année de Munich. Paris, 1939, p. 218.

войну, в силу неподготовленности Германии к войне осенью 1938 г., было абсолютно ясно хорошо осведомленным журналистам [202].

То, что было абсолютно ясно Табуи, Тардье и многим другим, было не менее ясно Чемберлену, Боннэ и другим руководителям англо-французской политики в это время. Великолепно осведомленные о том, что блеф Гитлера был бы сразу разоблачен, если бы только они твердо заявили о готовности помочь Чехословакии, англо-французские политики продолжали делать вид будто они верят в намерение фашистской Германии выступить против Чехословакии независимо от позиции других держав. Используя гитлеровский шантаж войной для запугивания и дезориентации общественного мнения Англии и Франции, правительства этих стран подготавливали почву для завершения сговора с Германией за счет Чехословакии.

Факты свидетельствуют также о том, что, идя на сделку с Гитлером в сентябре 1938 г., Чемберлен знал, что тем самым он укрепляет фашистский режим в Германии, переживавший в это время серьезный кризис. Документы Нюрнбергского процесса и другие материалы говорят о том, что мюнхенское соглашение явилось подлинным спасением для нацистской Германии, ибо период Мюнхена был периодом наибольшего обострения борьбы между Гитлером и оппозиционно настроенными кругами германского генералитета. Конечно, было бы неправильно преувеличивать роль этой «верхушечной оппозиции» гитлеровскому режиму. Оппозиция выступала не против внутренней и внешней политики гитлеровцев, как таковой, а только против отдельных «безрассудных» шагов фюрера, грозивших крахом германскому империализму. Известно далее, что оппозиционные круги германского генералитета проявляли крайнюю нерешительность, непоследовательность и колебания в своих действиях. Однако все это не может заслонить того очевидного факта, что как раз рассматриваемый период был временем наибольшей активизации их деятельности, что, несомненно, находилось в тесной связи с дальнейшим обострением экономического и политического положения гитлеровской третьей империи и резким усилением недовольства широких масс не-

[202] G. Tabouis. Op. cit., p. 363.

мецкого народа, не желавших войны и все решительнее протестовавших против жестокостей фашистского режима.

Вместе с тем следует отметить, что оппозиционные круги германского генералитета, смертельно боясь народных масс своей собственной страны и стремясь устранить Гитлера, не трогая при этом германского империализма с его реакционной внутриполитической и внешнеполитической программой, искали поддержки своих планов извне, главным образом, у Англии и США. Именно в этой связи следует рассматривать и посещение Лондона в середине августа 1938 г. генералом фон Клейстом. По поручению влиятельных кругов германского генералитета Клейст пытался выяснить, смогут ли германские генералы получить помощь Англии для антигитлеровского переворота. По мнению Клейста, таким путем можно было бы избежать войны. Второй путь для предотвращения войны, предложенный Клейстом, — это четкое заявление со стороны британского правительства о том, что оно придет на помощь Чехословакии, если Германия совершит агрессию. О предложениях Клейста, изложенных Ванситтарту, было немедленно доложено Чемберлену, однако тот сразу же отклонил их [203].

Переговоры Клейста в Лондоне не дали каких-либо практических результатов. Они явились убедительным доказательством того, что английское правительство хочет иметь дело в Германии только с Гитлером, который отныне получал возможность продолжать свой блеф, будучи уверенным, что Чехословакия все равно попадет в его руки без всякого противодействия со стороны Англии и Франции.

В начале сентября германские генералы предприняли еще одну попытку заручиться поддержкой английского правительства в осуществлении своих планов. Генерал Бек, сообщая англичанам о замыслах Гитлера в отношении Чехословакии, просил Чемберлена твердо заявить, что всякая попытка совершить агрессию против Чехословакии повлечет за собой немедленное объявление Англией и Францией войны Германии. Бек, Гальдер и другие участники заговора ожидали объявления о готовности западных держав защищать Чехословакию общими военными

[203] Doc. on Br. For. Pol., vol. II, p. 684—686.

силами как сигнал к давно подготавливаемому перевороту. Гитлера предполагалось арестовать вскоре по возвращении в Берлин из Нюрнберга со съезда фашистской партии. Однако британский премьер, получив уведомление Бека, вместо того чтобы ясно заявить о решимости Англии выступить в поддержку Чехословакии, поспешил сообщить Гитлеру о своем намерении встретиться с ним и направился в Берхтесгаден. План ареста Гитлера был сорван, и сорвал его именно Чемберлен, который, как прямо признавали Гальдер и Гизевиус, спас нацистского главаря [204]. Французский историк Дзелепи в своей статье «Правда о Мюнхене» пишет: «Когда Чемберлен садился в самолет..., ему было известно о заговоре генералов... Делая первый шаг к капитуляции, премьер хорошо знал, что человек, к которому он направлялся, чтобы положить к его ногам независимость и свободу Чехословакии, шантажист, которого ждут, чтобы арестовать его собственные генералы» [205].

Перед мюнхенским совещанием надежды оппозиционеров вновь возродились, против Гитлера готовилось новое выступление. Об этом также был поставлен в известность Чемберлен. Но вместо того чтобы пригрозить нацистским агрессорам войной в случае их нападения на Чехословакию, британский премьер вновь сел в самолет и направился к Гитлеру завершать реализацию своего пресловутого плана. Гальдер в этой связи указывал: «Прибыл Чемберлен (в Мюнхен. — *В. П.*), и сразу же угроза войны исчезла. Гитлер возвратился из Мюнхена бескровным победителем, превозносимым Чемберленом и Даладье... Даже на противников Гитлера — представителей высшего офицерства — его успех произвел огромное впечатление» [206].

Мюнхен явился крупным успехом гитлеровских главарей, который вывел правящую фашистскую клику из напряженного внутриполитического положения и укрепил пошатнувшиеся позиции гитлеровского режима в Германии.

---

[204] Nazi Consp. and Aggr., vol. B, p. 1557—1562; К. Мольтке. За кулисами второй мировой войны. М., 1952, стр. 30; A. Dulles. Op. cit., p. 46—48.

[205] „Europe", 1947, № 22, p. 6.

[206] Nazi Consp. and Aggr., vol. B, p. 1558.

Не мир от «неминуемой катастрофы», а Гитлера от угрожавшего ему краха спасали правители Англии и Франции в Мюнхене. Один из руководителей Коммунистической партии Германии В. Ульбрихт с полным основанием подчеркивал в ноябре 1938 г.: «Мюнхенский заговор был тяжелым ударом против сил мира и свободы в Германии. Чемберлен и Даладье боялись, что при коллективном сопротивлении фашистскому агрессору окрепнут демократические силы... Чемберлен и Даладье спасли Гитлера от банкротства в момент, когда в германском хозяйстве господствовали кризисные явления, приготовления к войне еще не были закончены, а оппозиция в народе росла...» [207].

---

[207] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 11, стр. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тридцатые годы XX в. явились периодом серьезных экономических и политических потрясений для империалистических государств, периодом дальнейшего нарастания и крайнего обострения всех противоречий, присущих капитализму в эпоху его общего кризиса. Действие закона неравномерности развития капитализма привело к концу 30-х годов к резкому нарушению относительного «равновесия» внутри капиталистической системы хозяйства и расколу империалистических государств на две соперничающие группировки.

Одна из них — англо-американо-французская группировка — стремилась разрешить свои противоречия с блоком агрессивных государств (Германия, Италия и Япония) в первую очередь за счет Советского Союза.

Это стремление получило конкретное воплощение в политике «умиротворения» гитлеровской Германии и ее союзников—политике сговора с германским империализмом, которую последовательно вели западные державы на протяжении всего периода, предшествовавшего второй мировой войне.

Наиболее активная роль в выработке и проведении в жизнь этой политики принадлежала правящим кругам Англии. Это объяснялось как особой реакционностью английской буржуазии, ее глубокой ненавистью и враждебностью к революционным и освободительным движениям, так и прогрессирующим загниванием и ослаблением британского империализма по мере углубления общего кризиса капиталистической системы. «Пакт четырех» 1933 г., молчаливое согласие на аннулирование Германией неугодных ей статей Версальского и Локарнского договоров, англо-германское морское соглашение 1935 г., попустительство германо-итальянским агрессорам в их интервенции против Испанской республики, а японским милитари-

стам—в войне против Китая, прямые переговоры между немецко-фашистским и британским правительствами о перекройке карты Европы и мира в 1937—1938 гг., захват Гитлером Австрии в марте 1938 г. — таковы важнейшие вехи английской политики «умиротворения» фашистских агрессоров, нашедшей логическое завершение в Мюнхене.

Ведя курс на удовлетворение захватнических аппетитов фашистской Германии, толкая ее на войну против СССР, которая, по замыслу английских правящих кругов, должна была как ослабить и обескровить Советский Союз, так и подорвать мощь германского империализма, правящие круги Великобритании систематически отклоняли все предложения Советского правительства, направленные на то, чтобы коллективными усилиями всех заинтересованных в сохранении мира государств преградить путь новой мировой катастрофе. Руководители английской политики не могли не видеть опасности, которая заключалась для национальных интересов их собственной страны в политике «умиротворения» агрессоров. Однако, рассчитывая использовать Гитлера и его захватнические планы в своих антисоветских целях, рассматривая германский фашизм как своего союзника в борьбе против СССР, против демократических и революционных движений народов Европы и всего мира, британские правящие круги упорно продолжали вести политику поощрения германской агрессии.

Знаменуя собой кульминационный пункт политики «умиротворения» фашистской Германии, мюнхенский сговор был далеко не последним актом этой политики, которая продолжалась и после 30 сентября 1938 г. Основными вехами ее являлись: сговор с германскими и итальянскими агрессорами об удушении Испанской республики, попустительство гитлеровской Германии в захвате оставшейся части Чехословакии, дюссельдорфская сделка между магнатами английского и германского капитала, наконец, секретные переговоры между британским и германским правительствами о заключении политического и экономического соглашения и о размежевании сфер влияния.

Однако стремление германского империализма к коренному переделу мира, который он намеревался осуществить прежде всего за счет интересов Англии, Франции и США, делало невозможным достижение англо-германского союза и создание единого фронта империалистических

государств против СССР. Противоречия между группировкой западных держав и блоком фашистских агрессоров не могли быть разрешены путем сделок за счет третьих стран. Они неизбежно вели к вооруженному столкновению между двумя группировками империалистических держав, к новой мировой войне.

Вторую мировую войну развязали германские милитаристы. Но история не может забыть и о тягчайшей ответственности правящих кругов западных держав, которые не пожелали противопоставить коллективную защиту мира и международной безопасности преступным планам фашистских поджигателей войны. «Не будут оправданы судом человечества,— пишет В. П. Потемкин,— те реакционные политики, которые жертвовали интересами своих народов и всеобщего мира ради своих узко понимаемых классовых целей, стремились к изоляции Страны Советов, заигрывали с фашистскими агрессорами, рассчитывая задобрить их политикой уступок, попустительства и прямого поощрения в надежде направить напор фашистской стихии против страны победившего социализма» [1].

Из всех великих держав только Советский Союз на протяжении всего рассматриваемого периода вел последовательную борьбу за мир, за коллективную безопасность, за сотрудничество всех государств независимо от их общественного строя в деле предотвращения новой войны. Глубоко принципиальная и последовательная позиция советской дипломатии нашла признание со стороны широких кругов международной общественности, со стороны государственных и политических деятелей многих стран. В заявлении, опубликованном в сентябре 1938 г., Джавахарлал Неру писал: «Внешняя политика Советского Союза является одним из важнейших оплотов международного мира, и несомненно, что, если бы другие державы поддерживали эту политику, мир невозможно было бы нарушить. Однако английское правительство проводит иную политику—политику, которая как в прошлом, так и в настоящее время поощряла и поощряет фашистскую агрессию и которая, таким образом, приближает наступление войны»[2].

---

[1] «История дипломатии», т. III, стр. 699.

[2] Цит. по „For Peace and Plenty. Report of 15th Congress of the Communist Party of Great Britain". London, 1938, p. 20.

На всех этапах чехословацкой трагедии Советский Союз активно выступал в защиту независимости и национальных прав Чехословакии. Советское правительство выдвинуло практические предложения, имевшие целью помешать осуществлению гитлеровских замыслов против Чехословакии и предотвратить дальнейшее развитие агрессии в Европе. Советский Союз оставался до конца верным своим обязательствам по договору с Чехословакией, предусматривавшим совместное с Францией выступление в защиту Чехословакии, и был готов прийти ей на помощь даже независимо от позиции Франции. Однако тогдашние правящие круги Чехословакии отклонили предложения СССР о помощи, предпочтя путь национальной измены и позорной капитуляции перед гитлеровской Германией и ее сообщниками из лагеря англо-французской реакции.

За это предательство чехословацкий народ заплатил дорогой ценой — годами фашистского рабства, жизнью тысяч и тысяч лучших своих сынов и дочерей.

Мюнхенская трагедия, когда реакционные круги западных держав принесли в жертву германскому фашизму независимость и целостность Чехословакии, последовавший вскоре за этим захват гитлеровцами всей Чехословакии, наконец, нападение фашистской Германии на Польшу, ввергнувшее народы Европы — и не только Европы,— в пучину второй мировой войны, послужили тяжелым и поучительным уроком для всего человечества, показавшим, куда ведет политика заигрывания с агрессором, какими последствиями чревата политика уступок германскому милитаризму. Мюнхен подтвердил, что мира нельзя добиться путем «умиротворения» агрессоров и сделок с ними. Мюнхен свидетельствовал о близорукости и опасности политики, основой которой является слепая ненависть к Советскому Союзу, к силам прогресса, демократии и социализма.

Об этом необходимо помнить и в наши дни.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Важнейшее значение для анализа рассматриваемых в монографии вопросов имеют выступления и работы руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

В этих выступлениях и работах дано четкое определение политики правящих кругов Англии, Франции и США — политики «невмешательства», или «умиротворения» как политики поощрения агресии и развязывания новой мировой войны, вскрыты корни этой политики западных держав и ее отличительные особенности — ненависть к СССР, стремление столкнуть Советский Союз с агрессивными фашистскими государствами и тем самым ослабить как СССР, так и своих империалистических конкурентов на мировом рынке.

Для правильного понимания подлинного существа мюнхенской политики западных держав очень важна историческая справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории». Ее опубликование в феврале 1948 г. явилось серьезным ударом по фальсификаторам истории из лагеря англо-американской реакции, стремившимся исказить действительную картину исторических событий, оправдать внешнеполитический курс правящих кругов западных держав, очернить и оклеветать Советский Союз, его благородную роль последовательного борца за мир и безопасность народов. В справке Совинформбюро уделено особое внимание рассмотрению внешней политики британского правительства, выступившего в этот период в роли главного инициатора и вдохновителя планов мировой реакции, направленных на развязывание войны против СССР.

Ценным источником для изучаемого периода является советская печать и в первую очередь газеты «Правда» и «Известия». Тщательный отбор публикуемых материалов,

строго объективное освещение событий, принципиальная оценка тех или иных политических актов и действий, предпринимавшихся правительствами капиталистических государств в рассматриваемый период,— все это служит необходимым подспорьем для исследователя, работающего в области истории международных отношений новейшего времени. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, «Правда» и «Известия» на своих страницах давали глубокое освещение вопросов международной политики и международного рабочего движения, разоблачали подлинное существо проводимой западными державами политики «умиротворения», вскрывали действительный характер и назначение маневров англо-французской дипломатии, предпринимавшихся главным образом для обмана мирового общественного мнения. В то же время «Правда», «Известия» и другие органы советский печати уделяли большое внимание разъяснению внешнеполитических акций Советского правительства, ведшего неустанную борьбу за мир, против угрозы новой войны.

Наряду с материалами ежедневной советской печати большой интерес для историка представляют статьи, публиковавшиеся в журналах «Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Мировое хозяйство и мировая политика» и др.

При написании настоящей монографии из документальных источников, изданных в СССР, привлекались: сборник «Внешняя политика СССР» т. 4, в котором помещены официальные документы Советского правительства, сообщения ТАСС и другие материалы; два тома «Документов и материалов кануна второй мировой войны» (из архивов МИД Германии); «Новые документы из истории Мюнхена»; сборник документов о германской политике в Венгрии (1937—1942), материалы Нюрнбергского процесса и др.

Особое место среди названных документальных источников занимают «Новые документы из истории Мюнхена», вышедшие в свет в сентябре 1958 г. Указанный сборник содержит документы, охватывающие период с марта по сентябрь 1938 г.— от захвата гитлеровцами Австрии до мюнхенской конференции четырех держав. Это — заявления Советского правительства, документы переписки между чехословацким, английским и французским правитель-

ствами, инструкции НКИД и Наркомата обороны СССР советским дипломатическим и военным представителям за границей, донесения советских и чехословацких дипломатов и другие материалы. Большинство документов, взятых из советских и чехословацких архивов и включенных в сборник, публикуется впервые.

«Новые документы из истории Мюнхена» содержат ценнейшие материалы, разоблачающие буржуазную фальсификацию истории Мюнхена, восстанавливающие историческую правду, проливающие яркий свет на позицию западных держав, а также буржуазного чехословацкого правительства в период подготовки и заключения мюнхенского соглашения. Важнейшая особенность данного сборника состоит в том, что он позволяет всесторонне, день за днем проследить настойчивую и последовательную борьбу Советского Союза за национальную независимость и целостность Чехословакии, за обуздание агрессоров, за мир и безопасность народов.

Из работ советских авторов, относящихся к рассматриваемому периоду, кроме известного коллективного труда «История дипломатии» (т. III) и недавно вышедшей «Новейшей истории Англии» В. Г. Трухановского, следует отметить книгу В. А. Матвеева «Провал мюнхенской политики (1938—1939)». Необходимо, однако, указать, что внешняя политика британского правительства как в период всего «чехословацкого кризиса», так и непосредственно в канун оформления мюнхенской сделки четырех держав не рассматривается В. А. Матвеевым в исследовательском плане. Значительно более полная и представляющая для историка бо́льший интерес работа А. М. Некрича «Политика английского империализма в Европе» посвящена в основном послемюнхенскому периоду и рассматривает британскую внешнюю политику от Мюнхена до начала военных действий в Европе в сентябре 1939 г. Из других работ советских историков, имеющих непосредственное отношение к данной теме, можно упомянуть монографию Н. Н. Николаева «Внешняя политика правых лейбористов Англии (1935—1940)», где сделана попытка проанализировать установки и практику правых лидеров лейбористской партии в области внешней политики.

Вопросам внутренней и внешней политики буржуазного чехословацкого государства в 30-х годах посвящена ра-

бота С. И. Прасолова, построенная на большом фактическом материале, позволяющем читателю лучше разобраться в политической обстановке тех лет в Чехословакии и правильно оценить подлинное существо антинародной, реакционной политики тогдашнего чехословацкого правительства[1].

При написании данной работы был использован ряд зарубежных документальных публикаций и прежде всего «Документы британской внешней политики»[2]. Эта публикация, издаваемая английским министерством иностранных дел, представляет собой тенденциозно составленный сборник документов, главное назначение которого состоит не в том, чтобы дать объективное освещение исторических событий, предшествовавших второй мировой войне, а в том, чтобы оправдать внешнюю политику британского империализма. По документам, изданным британским МИД, вся история чехословацкого вопроса начинается с 16 марта 1938 г. Тем самым редакторы британской публикации пытаются создать впечатление, что происходившие до 16 марта события не имеют отношения к «судетскому кризису» и гитлеровским планам расчленения и захвата Чехословакии. Между тем из опубликованных МИД СССР «Документов и материалов кануна второй мировой войны» известно, что еще до 16 марта 1938 г. произошли по крайней мере два большой значимости для судеб Чехословакии события: беседа Гитлера с Галифаксом 19 ноября 1937 г. и беседа Гитлера с английским послом в Берлине Гендерсоном 3 марта 1938 г. Во время этих бесед Галифакс и Гендерсон от имени английского правительства по существу дали согласие на захват Чехословакии Гитлером, сделав лишь одну «оговорку»,— чтобы этот захват произошел «мирным путем», не вызывая могущих оказаться опасными как для нацистской Германии, так и для Англии международных осложнений.

Совершенно ясно, что сокрытие английскими редакторами при рассмотрении чехословацкого во-

---

[1] С. И. Прасолов. Чехословакия в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VII, М., 1953.

[2] Documents on British Foreign Policy, 1919—1939, Third Series, Ed. by E. L. Woodward and Rohan Butler, vol. I—III, London, 1949—1950.

проса этих двух важнейших документов, касающихся переговоров Галифакса и Гендерсона с Гитлером, грубо извращает действительную позицию Англии по отношению к Чехословакии в предмюнхенский период.

Подбор и расположение материалов, которые редакторы первого, второго и третьего томов третьей серии «Британских документов» сочли целесообразным опубликовать, не оставляют сомнения в том, что они стремятся создать видимость того, что правительство Англии, действуя совместно с Францией и США, хотело «справедливого и упорядоченного» решения судетской проблемы, приемлемого как для немцев, так и чехов, и делало все от него зависящее, чтобы добиться такого решения. Однако эта попытка не удалась. Даже те немногие из преданных гласности «компрометирующих» документов (в частности, документы, автором которых был английский посол в Берлине Невилль Гендерсон) разоблачают подлинные замыслы английских правящих кругов в чехословацком вопросе, срывая маску с тех, кто под покровом широковещательных деклараций о необходимости достижения справедливого урегулирования судетской проблемы на самом деле держал курс на скорейшую выдачу чехословацкого государства фашистским агрессорам.

В «Британских документах» фальсифицируется внешняя политика Советского Союза в рассматриваемый период и, в частности, его позиция по чехословацкому вопросу. Советскому правительству всячески приписывается, вопреки широко известным фактам, стремление уклониться от выполнения своих обязательств по договору с Чехословакией[3].

---

[3] Doc. on Br. For. Pol., vol. I, p. 162; vol. II, p. 532. В деле искажения действительной позиции Советского Союза составители «Британских документов» мало оригинальны. Реакционные авторы многочисленных работ, посвященных Мюнхену и истории второй мировой войны, также всячески пытаются поставить под сомнение готовность СССР выполнить свои обязательства по отношению к Чехословакии. В этой связи любопытно откровенное заявление влиятельного реакционного американского журнала, который, формулируя задачи западных историков в освещении событий предмюнхенского периода, настоятельно рекомендовал им заняться «опровержением общепринятого положения о том, что в 1938 г. все, кроме России, предали Чехословакию» („The Thought", March, 1949).

Можно без преувеличения сказать, что освещение всего комплекса событий международной жизни в годы, предшествовавшие второй мировой войне, так же как и освещение внешней политики Англии в этот период, подверглось в «Британских документах» доскональной обработке. Однако, несмотря на это, при критическом отношении к указанным материалам и при тщательном их анализе в в них можно найти немало интересных фактов и деталей, которые, проливая дополнительный свет на позицию Англии в этот период, дают возможность — при сопоставлении с другими материалами — воссоздать действительную картину событий и показать неблаговидную роль британской дипломатии в чехословацких событиях 1938 г.

Сказанное о «Документах британской внешней политики» в равной мере относится к другой публикации документального характера, использованной при написании настоящей работы,— «Документам германской внешней политики. 1918—1945», издаваемым под тройной (американо-англо-французской) редакцией[4]. Главное назначение этой публикации, как и британских документов, состоит в том, чтобы дать максимально благоприятное для правительств западных держав освещение исторических событий и по возможности скрыть их роль в поощрении гитлеровский агрессии в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

Определенную ценность как документальный источник представляют стенографические отчеты Нюрнбергского процесса, изданные в 1946—1947 гг., и особенно 10 томов различных немецких документов, представленных обвинением на Нюрнбергском процессе и признанных трибуналом достоверными[5]. Среди этих документов особенно важны протоколы заседаний у Гитлера, в ходе которых излагались не только бредовые человеконенавистнические планы немецко-фашистских главарей, направленные на порабощение других стран и народов, но и довольно точно определялась позиция западных держав, которую, по

---

[4] Documents on German Foreign Policy 1918--1945. From the Archives of the German Foreign Ministry, Series D (1937—1945), vol. I—II. London, 1949—1950.

[5] Nazi Conspiracy and Aggression, vol. I—VIII; vol. A. and B. Washington, 1946.

мнению гитлеровцев, эти державы должны были занять при совершении очередных актов фашистской агрессии[6].

Помимо упомянутых выше материалов, использовались и такие документальные источники, как изданные английским МИД «Переписка, касающаяся Чехословакии (сентябрь 1938 г.)» и «Дополнительные документы, касающиеся Чехословакии»[7], а также «Документы по международным вопросам», т. I и II, изданные Британским институтом международных отношений[8], американский сборник «Мир и война. Внешняя политика Соединенных Штатов 1931—1941»[9], «Американская Белая книга», составленная Дж. Олсопом и Р. Кинтером[10], и др. Автор также использовал американские дипломатические документы, опубликованные госдепартаментом и вышедшие в свет в 1955 г.[11] Для изучения данной темы указанные публикации первостепенного интереса не представляют, так как почти все документы, опубликованные в них, уже были известны по другим источникам. Отличительной чертой упомянутых выше английских и американских публикаций является их крайняя односторонность и тенденциозность. В этих сборниках как правило помещены только те документы, которые могли бы характеризовать с положительной стороны внешнюю политику западных держав; советские документы почти отсутствуют или даны с «сокращениями».

Большое значение в качестве источника для данной работы имеет иностранная печать. Много ценного и интересного материала было почерпнуто из прогрессивных и коммунистических газет и журналов Англии и Франции. Коммунистическая печать этих стран смело и настойчиво несла правду в массы, срывала маски с поджигателей

---

[6] Nazi Consp. and Aggr., vol. III, Doc. 386—PS, p. 300—302.

[7] Correspondence respecting Czechoslovakia, Sept. 1938, Cmd. 5847; London, 1938; Further Documents respecting Czechoslovakia. Cmd. 5848, London, 1938.

[8] Documents on International Affairs, 1938, vol. I—II, London, 1942.

[9] Peace and War. U.S. Foreign Policy 1931—1941, Washington, 1943.

[10] J. Alsop and R. Kinter. American White Paper. The Story of American Diplomacy and the Second World War. New York, 1940.

[11] Foreign Relations of the United States, Diplomatic papers. 1938, vol. I. Washington, 1955.

войны и их пособников, разоблачала фальшь капиталистической прессы. Среди коммунистических изданий Запада первое место в этом отношении по праву принадлежит центральному органу французской компартии — «Юманите». В передовицах этой газеты, внешнеполитических обзорах и корреспонденциях, сочетавших документальную точность с революционной страстностью и глубиной марксистского анализа, давался большой, насыщенный неопровержимыми фактами материал, вскрывавший действительный характер политики «умиротворения», ее опасность для национальных интересов Франции и других народов Европы и помогавший широким кругам французской и мировой общественности правильно разобраться в происходивших событиях.

Ценным источником является также орган Коммунистической партии Великобритании — газета «Дейли уоркер». На протяжении всего рассматриваемого в данной работе периода «Дейли уоркер» вела неослабную борьбу против внутренней и внешней политики консервативного правительства Чемберлена, за замену этого правительства правительством народного фронта, основным пунктом внешнеполитической программы которого должно было быть оказание помощи Чехословакии перед лицом гитлеровских агрессивных притязаний. Газета разоблачала попытки Чемберлена выступить в роли «миротворца» в германо-чехословацком конфликте, подчеркивая, что курс Чемберлена — это курс на предательство Чехословакии и выдачу ее Гитлеру. Большая заслуга «Дейли уоркер» — ее последовательная борьба против праволейбористских прислужников британского империализма.

В настоящей работе широко использован фактический материал из других английских прогрессивных периодических изданий — «Уорлд ньюс энд вьюс», «Лейбор мансли», «Лейбор рисерч».

Из буржуазной печати особое внимание было уделено лондонской «Таймс» — этому ведущему органу правящих кругов Великобритании. Чтение «Таймс» дает возможность проследить за позицией английского правительства на различных этапах судетского кризиса и лучше уяснить те методы и приемы, которые характеризовали деятельность британской дипломатии в рассматриваемый период. Несомненный интерес представляют передовицы «Таймс»,

а также статьи ее дипломатического корреспондента, инспирировавшиеся обычно Чемберленом, Галифаксом и их ближайшим окружением и потому нередко позволявшие точно «предугадать», с какого рода инициативой или акцией выступит английская дипломатия.

Для понимания мотивов, которыми руководствовались правящие круги Англии в проведении своей внешней политики в данный период, важно ознакомление с такими органами буржуазной печати, как «Манчестер гардиан», «Дейли телеграф энд морнинг пост», «Дейли мейл», «Экономист», «Стейтист» и др. Для уяснения позиции как руководства, так и рядовых членов лейбористской партии известный интерес имеет изучение материалов газеты «Дейли геральд» — центрального органа лейбористской партии и еженедельника «Нью стейтсмэн энд нейшн».

Автор настоящей работы использовал также французскую буржуазную печать и, в частности, такие газеты, как «Тан», «Эвр», «Эко де Пари» и особенно «Ордр», главный редактор которой Эмиль Бюре был одним из немногих журналистов правого лагеря Франции, решительно поднявшим свой голос против политики «умиротворения» гитлеровских агрессоров и разоблачавшим эту политику как глубоко враждебную национальным интересам французского народа и всех народов Европы.

Из числа американских газет были привлечены главным образом «Нью-Йорк геральд трибюн» и «Нью-Йорк Таймс».

Внешняя политика Англии в рассматриваемый период освещена в работах прогрессивных английских историков — У. Раста[12], У. Галлахера[13], У. и З. Коутсов[14], Э. Ротштейна[15], Д. Притта[16] и др.

Огромный фактический материал, правильная оценка как политики консервативного правительства Чемберле-

---

[12] W. Rust. The Story of the Daily Worker. London, 1949.

[13] W. Gallacher. The Rolling of the Thunder. London, 1950.

[14] W. and Z. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1942; World Affairs and the Soviet Union, London, 1944.

[15] A. Rothstein. A History of the USSR. London, 1950; The Munich Conspiracy. London, 1958.

[16] D. N. Pritt. Light on Moscow. London, 1939; D. N. Pritt and E. Smith. They helped Hitler. Fascist Rearmament financed from London. London, 1936.

на, так и позиции праволейбористских лидеров, показ борьбы прогрессивных сил английского народа, возглавляемых компартией Англии, против реакционной внешней и внутренней политики правительства — вот некоторые отличительные черты упомянутых работ прогрессивных историков Великобритании.

Среди названных работ на первое место, безусловно, следует поставить монографию Ротштейна «Мюнхенский сговор». В книге Ротштейна дан анализ мюнхенской политики правящих кругов Англии и Франции, вскрыты классовые корни этой политики, детально рассмотрена деятельность английской дипломатии на всех этапах чехословацкого кризиса. Разоблачая фальшивый тезис реакционной историографии, пытающейся представить мюнхенскую сделку в качестве вынужденной «уступки» Англии и Франции гитлеровской Германии якобы в целях «спасения мира», автор показывает, что Мюнхен на самом деле знаменовал собой сговор правящих кругов ведущих империалистических держав, направленный на объединение сил международной реакции для войны против Советского Союза, для подавления демократических и национально-освободительных движений во всем мире.

Большую ценность для изучения данной темы имеют работы известного прогрессивного немецкого историка и общественного деятеля А. Нордена — «Так делаются войны» и «Уроки германской истории». Интересна также книга Х. Кёнигера «Путь к Мюнхену» [17].

С большой пользой для себя исследователь, изучающий англо-чехословацкие отношения накануне второй мировой войны и внешнюю политику Чехословакии в этот период, знакомится с вышедшими в Чехословакии книгами: «Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу», «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», монографией В. Краля «О контрреволюционной и антисоветской политике Массарика и Бенеша» и коллективным трудом группы чехословацких историков «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг.» (под редакцией В. Сояка). Достоинство этих работ — в собранном их авторами большом фактиче-

---

[17] H. Königer. Der Weg nach München. Berlin, 1958.

ском материале, в том числе использованных документах из государственного архива Чехословакии, которые позволяют правильно понять внешнюю политику чехословацкого буржуазного государства, явившегося объектом мюнхенской сделки 1938 г. Эти документы и материалы разоблачают предательскую роль чехословацкой правящей клики в роковые для республики дни сентября 1938 г., показывая, что усилия англо-французских империалистов, направленные на достижение сговора с Гитлером за счет Чехословакии, смыкались с происками Годжи, Берана, Прейсса и других чехословацких реакционеров, ведших по существу ту же линию — на соглашение с Гитлером и превращение Чехословакии в сателлита фашистского рейха.

Из работ буржуазных историков, в которых рассматривается внешняя политика Англии в данный период и, в частности, англо-чехословацкие отношения, следует прежде всего отметить работы известного английского историка Л. Нэмира «Дипломатическая прелюдия» и «Европа в упадке»[18]. Нэмир — виднейший представитель того направления английской буржуазной историографии, которое вынуждено признать, что Мюнхен явился серьезным дипломатическим поражением Англии и Франции, привел к подрыву их внешнеполитических позиций, а также облегчил гитлеровцам совершение последующих актов агрессии в Европе. Обе книги Нэмира представляют собой серьезные исследования, основанные на солидном фактическом материале. Именно в кропотливом выявлении фактов — главное достоинство этих работ Нэмира. Автор отмечает, что именно враждебное отношение правительства Чемберлена к Советскому Союзу предопределило его уступки фашистским державам. При освещении позиции британского правительства в чехословацком вопросе (март — сентябрь 1938 г.) Нэмир приводит немало интересных фактов, проливающих яркий свет на деятельность английской дипломатии в этот период и разоблачающих миф о якобы неосведомленности британского правительства в подлинном характере гитлеровских требований к Чехословакии и его стремлении добиться спра-

---

[18] L. B. Namier. Diplomatic Prelude 1938—1939. London, 1948; Europe in Decay, London, 1950.

ведливого урегулирования германо-чехословацкого конфликта[19].

Однако, критикуя отдельные аспекты политики «умиротворения», Нэмир в то же время пытается представить дело так, будто руководители англо-французской политики—Чемберлен, Галифакс, Боннэ—недостаточно четко осознавали стоявшие перед ними задачи и в ответственный, решающий момент не оказывались на уровне этих задач. При этом Нэмир старательно затушевывает агрессивную, империалистическую сущность внешней политики правящих кругов Англии направленной на сколачивание антисоветского блока империалистических держав.

К позиции Нэмира близка точка зрения другого видного английского историка—Дж. Уилера-Беннета, автора книги «Мюнхен — пролог к трагедии»[20]. Определенный интерес с точки зрения освещения позиции ведущих буржуазных политических партий и органов печати Англии в чехословацком вопросе, а также анализа отдельных внешнеполитических акций британской дипломатии в рассматриваемый период представляет работа известного английского историка-международника Р. Лаффана «Чехословацкий кризис», опубликованная в 1951 г.[21]

Признание, что мюнхенская политика Англии и Франции явилась катастрофической по своим последствиям и привела ко второй мировой войне, содержится в недавно опубликованной работе А. Шерера «Проблема свободных рук на Востоке»[22]. Однако, делая это признание, автор тут же пытается доказать, что у Чемберлена, в силу неподготовленности Англии к войне осенью 1938 г., не было иного выхода, как пойти на соглашение с Гитлером. Этот же тезис развивается в недавно вышедшей в Западной Германии большой монографии Б. Человского «Мюнхенское соглашение 1938 г.»[23]

---

[19] L. B. Namier. Europe in Decay, p. 177—181.

[20] J. Wheeler-Bennett. Munich. Prologue to tragedy. London, 1948.

[21] R. Laffan. Survey of International Affairs. 1938. Vol. II. Crisis over Czechoslovakia. London, 1951.

[22] „Le problème des mains libres à l'Est" („Revue d'histoire de la 2 guerre mondiale", 1958, № 32).

[23] B. Celovsky. Das Munchener Abkommen 1938. Stuttgart, 1958.

ции, сколько оправдания в целом мюнхенской политики [33]

Из мемуаров английских политических деятелей и дипломатов привлекались мемуары Гендерсона, Черчилля, Саймона, Ванситтарта, Локкарта и др.

Задача, которую ставят себе авторы упомянутых мемуаров, выходит за рамки личной апологии. В этих мемуарах явно сквозит стремление оправдать внешнюю политику британских правящих кругов накануне второй мировой войны, хотя некоторые из авторов не могут не упрекнуть Чемберлена за его «просчеты» и «ошибки» в области внешней политики. Смысл подобного приема несложен: он состоит в том, чтобы вопрос об ответственности за Мюнхен свести к факторам субъективного порядка и, слегка пожурив Чемберлена и кое-кого из его ближайших коллег за их якобы неопытность в международных делах и излишнюю доверчивость Гитлеру, оправдать в целом британской империализм и его глубоко реакционную внешнюю политику в роковые годы кануна второй мировой войны.

Особняком среди этой литературы стоят мемуары недавно скончавшегося известного английского политического деятеля, бывшего морского министра в кабинете Чемберлена—А. Дафф-Купера—видного представителя так называемой «консервативной оппозиции» [34]. В целом поддерживая линию и установки британского империализма во внешней политике и выступая против сотрудничества с СССР, Дафф-Купер вместе с тем, как трезвый наблюдатель международных отношений, раньше и лучше многих других деятелей своего лагеря понял, какую угрозу для Англии и ее империи представляет милитаристская Германия. Этим объясняется его несогласие с отдельными сторонами внешнеполитического курса Болдуина—Чемберлена и его критика, хотя не всегда последовательная и с оговорками, этого курса. Вместе с тем мемуары Дафф-Купера помогают понять подлинный—малоэффективный и чисто словесный характер «оппозиции» внутри

---

[33] См., например, N. Henderson. Failure of a Mission. New York, 1940; J. Simon. Retrospect. The Memoirs. London, 1952.

[34] Duff Cooper. Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper, London, 1954.

консервативной партии внешней политике Болдуина — Чемберлена—Галифакса.

Определенный интерес представляют воспоминания и другого видного деятеля «консервативной оппозиции»— Л. Эмери [35]. Эмери также выступает с критикой отдельных сторон внешнеполитической линии Чемберлена — Галифакса и по существу признает, что из всех великих держав в период чехословацкого кризиса только Советский Союз выступал в поддержку независимости и целостности Чехословакии и активно боролся за предотвращение мировой войны.

Нельзя не отметить еще одной, вышедшей в 1955 г. в Англии, книги, имеющей немаловажное значение для анализа внешней политики британских правящих кругов в рассматриваемый период. Это—книга Т. Джонса «Дневник и письма. 1931—1950 гг.» [36] Автор книги—заместитель начальника канцелярии при четырех английских премьерах (Ллойд-Джордже, Бонар-Лоу, Болдуине, Макдональде), близкий друг семьи Асторов, Лотиана и Инскипа, активный деятель пресловутой клайвденской клики. Томас Джонс—живой символ преемственности английской политики. Несмотря на то, что за время его пребывания в должности заместителя начальника канцелярии премьера на посту главы правительства Великобритании сменилось четыре человека, столь различных по своим убеждениям, взглядам, характеру и темпераменту, советы и рекомендации, которые давал Джонс своим шефам, мало изменились. Во внешней политике это была одна линия — на изоляцию, окружение, ослабление Советского Союза, которую вел английский империализм с первых дней существования Советского государства. Томас Джонс не был заметной фигурой на авансцене политической жизни, но, являясь доверенным лицом Ллойд-Джорджа и Болдуина, Макдональда и леди Астор, он принимал активное участие в выработке и проведении в жизнь внешней политики английского правительства и, в частности, вел в 1936 г. по личному поручению Болдуина секретные переговоры с Риббентропом и Гитлером.

---

[35] L. Amery. My political life. Vol. III. The Unforgiving years, 1929—1940. London, 1955.

[36] T. Jones. A Diary with Letters. 1931—1950. London, 1955.

Вопросам истории международных отношений новейшего времени и внешней политики Великобритании посвящен ряд работ Э. Карра, В. Медликотта, Р. Сетон-Уотсона и других буржуазных историков. Выдержанные в духе традиционных установок английской буржуазной историографии, эти книги не представляют особого интереса. В них вновь и вновь делается попытка оправдать внешнюю политику Англии в канун второй мировой войны, бросить тень на позицию Советского Союза, поставить под сомнение его готовность помочь Чехословакии в решающие для нее месяцы 1938 г.

Некоторые фактические сведения, дополняющие известные документы и сообщения печати, дают работы биографического жанра, опубликованные в Англии. Это — прежде всего биографии Чемберлена, написанные Ч. Петри[24] и К. Филингом[25], а также биография Галифакса, написанная А. Джонсоном, и биография Идена, принадлежащая перу Л. Броуда[26]. Среди этих работ особенно интересна книга Филинга, так как, несмотря на все усилия автора выставить Чемберлена в выгодном свете, преданные гласности в книге частные письма Чемберлена, датированные сентябрем 1938 г., а также отдельные отрывки из его дневника изобличают английского премьера как прямого пособника гитлеровских агрессоров в деле насилия над Чехословакией. Указанные письма полностью опровергают пущенный фальсификаторами истории в ход фальшивый тезис о том, что мюнхенское совещание 29—30 сентября было «неожиданной и внезапной» развязкой чехословацких событий, и лишний раз подтверждают, что Мюнхен являлся планомерным и заранее подготовленным сговором англо-французских правящих кругов с гитлеровской Германией, направленным как против Чехословакии, так и против СССР.

В Соединенных Штатах Америки за последнее время опубликован ряд книг, посвященных истории международных отношений в период кануна второй мировой войны. Среди них видное место занимает книга профессора

---

[24] Ch. Petrie. The Chamberlain Tradition. London, 1952.

[25] K. Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946.

[26] A. C. Johnson Viscount Halifax. A Biography. London, 1941; L. Broad. Sir Anthony Eden. The Chronicles of a Career. London, 1955.

Гарвардского университета У. Лангера и Э. Глизона «Вызов изоляционизму» [27]. Эта работа написана на основе большого архивного материала госдепартамента и военных ведомств США с привлечением ранее не опубликованных дневников и личных бумаг Рузвельта, Моргентау, Стимсона, Нокса и других политических и военных деятелей Соединенных Штатов. Авторы не скрывают своей враждебности к Советскому Союзу и пытаются оправдать реакционный внешнеполитический курс западных держав. Однако при всем этом книга содержит немалый фактический материал, который вопреки воле авторов очень часто раскрывает подлинный смысл политики западных держав в период Мюнхена, показывает тесную согласованность внешнеполитических действий Англии и США на международной арене, а также свидетельствует об активном участии руководящих политических и государственных деятелей США (а не только отдельных дипломатов) в разработке и проведении в жизнь мюнхенской политики.

Среди других американских авторов, исследующих международные отношения в этот период, следует упомянуть Г. Ф. Армстронга [28], Ч. Тэнсилла [29], Б. Рауха [30], Б. Шмитта [31], Ф. Шумана [32].

При написании данной работы использованы мемуары и дневники английских, французских, американских и немецких буржуазных политических деятелей. Характерной чертой этих мемуаров является стремление их авторов, несущих ту или иную ответственность за Мюнхен, всячески преуменьшить эту ответственность или вообще от нее избавиться и таким образом оправдать себя в глазах истории. Однако некоторые из авторов, наиболее ярые ненавистники и враги Советского государства, ставят перед собой задачу не столько собственной реабилита-

---

[27] W. Langer and E. Gleason. The Challenge to Isolation. 1937—1940. New York, 1952.

[28] H. F. Armstrong. When there is no peace. New York, 1939.

[29] Ch. C. Tansill. Back Door to War. Chicago, 1952.

[30] B. Rauch. Roosevelt. From Munich to Pearl Harbour. New York, 1950.

[31] B. Schmitt. From Versailles to Munich. Chicago, 1939.

[32] Fr. Schuman. Europe on the Eve. New York, 1939.

Из дневников и писем Джонса видно, какие усилия прилагались руководителями английской политики, чтобы достигнуть соглашения с гитлеровской Германией, какие делались попытки, чтобы договориться с фашистскими главарями о совместных действиях против Советского Союза, как фашистская агрессия всячески подталкивалась на Восток, против СССР.

Из мемуаров французских политических деятелей были использованы мемуары Ж. Боннэ, П. Рейно, А. Франсуа-Понсэ, П. Э. Фландена, Л. Ноэля, Ж. Поль-Бонкура и др. Своеобразной особенностью большинства этих книг является попытка их авторов, обеляя свою собственную политическую линию, а также политику французского правительства в целом, взвалить вину за заключение мюнхенского соглашения на Англию. Так, Фланден, Боннэ, Франсуа-Понсэ всячески прикидываются жертвами диктата английских политиков и объявляют Мюнхен исключительно английским делом [37]. Если верить Боннэ, Франсуа-Понсэ и другим политикам из правящего лагеря Третьей республики, то они совсем не причастны к политике, которую вели Чемберлен и Галифакс в чехословацком вопросе. Более того, Боннэ стремится доказать, что он «боролся» против этой политики и делал все от него зависящее, чтобы убедить Англию оказать помощь Чехословакии. Однако подобный фальсификаторский прием Жоржа Боннэ не выдерживает никакой критики: хорошо известно, что политика умиротворения агрессоров и ее кульминационный пункт—мюнхенское соглашение были плодом совместных усилий английской и французской дипломатии и что ответственность Боннэ, Фландена, Франсуа-Понсэ за эту политику ничуть не меньше, чем ответственность Чемберлена, Галифакса и Гендерсона.

С точки зрения разоблачения фальсификаций Боннэ несомненный интерес представляет книга Л. Ноэля «Германская агрессия против Польши» [38]. Ноэль—известный французский политик и дипломат, бывший посланник Франции в Варшаве, в прошлом близкий друг Боннэ.

---

[37] A. François-Poncet. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Paris, 1946, p. 278; G. Bonnet. Défense de la Paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946, p. 215—220, 316—321; Le Procés Flandin devant la Haute Cour de Justice. Paris, 1947, p. 82, 90.

[38] L. Noël. L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946.

В своих мемуарах Ноэль вскрывает дипломатическую «механику» Боннэ, свидетельствуя, что на протяжении всего судетского кризиса французский министр иностранных дел маневрировал таким образом, чтобы возложить ответственность за предательство Чехословакии на Англию. С этой целью Боннэ не переставал лицемерно заверять Прагу в готовности французского правительства выполнить «честно и до конца» свои обязательства по чехословацкому договору, а на деле вместе с Чемберленом и Галифаксом потворствовал гитлеровцам в осуществлении их замыслов против Чехословакии [39].

Настоящий краткий обзор основных источников и литературы позволяет сделать вывод, что и реакционные буржуазные историки—авторы многочисленных «наукообразных» исследований, посвященных Мюнхену, и редакторы официозных сборников документов, и подавляющее большинство мемуаристов — отставных дипломатов, политиков и военных деятелей западных держав преследуют по существу одну и ту же цель: исказить действительную картину событий, скрыть подлинный характер и цели мюнхенской сделки, обелить ее непосредственных вдохновителей и участников. Правда, каждый из этих авторов фальсифицирует историю на свой лад, применяя для этого все доступные ему средства—от простого замалчивания отдельных событий и относящихся к ним документов до прямой лжи и грубой подтасовки фактов.

Однако историческая правда утверждается путем объективного, строго научного анализа фактического материала. И этот анализ дает возможность исследователю воссоздать действительную и многообразную картину событий международной жизни, проследить ход этих событий, рассеять туман лжи, при помощи которого буржуазные фальсификаторы истории пытаются скрыть правду о политике Советского Союза—последовательном борце за мир, международную безопасность и дружбу между народами.

---

[39] L. Noël. L'agression allemande contre la Pologne, p. 200—202.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, изд. 4, т. 22.

Ленин В. И. Война и революция. Сочинения, т. 24.

Ленин В. И. Защита империализма, прикрытая добренькими фразами. Сочинения, т. 24.

Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического Интернационала. Сочинения, т. 31.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Сочинения, т. 28.

Жданов А. А. О международном положении. Доклад на совещании представителей некоторых компартий. М., 1947.

Калинин М. И. О международном положении. М., 1938.

Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. М., 1937.

Литвинов М. М. За мир — против войны. М., 1938.

Литвинов М. М. Против агрессии. М., 1938.

Мануильский Д. З. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). М., 1939.

Потемкин В. П. Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир. М., 1943.

Сталин И. В. Об английской забастовке и событиях в Польше. Сочинения, т. 8.

Сталин И. В. Об англо-русском комитете единства. Сочинения, т. 8.

Сталин И. В. Заметки на современные темы. Сочинения, т. 9.

Хрущев Н. С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956.

Хрущев Н. С. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. М., 1955.

Хрущев Н. С. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., 1959.

Мао Цзэ-дун. Беседа с корреспондентом «Синьхуажибао» о современной международной обстановке. 1 сентября 1939 г. Сочинения, т. 3.

Документы, источники документального характера, справочники

XVIII съезд ВКП(б) 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.

Фальсификаторы истории. Историческая справка Совинформбюро. М., 1948.

Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I—II. М., 1948.
Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV (1935—1941). М., 1946.
Новые документы из истории Мюнхена, М., 1958.
Документы министерства иностранных дел Германии. Выпуск первый. Германская политика в Венгрии (1937—1942). М., 1946.
Заявление МИД СССР о Северо-Атлантическом пакте. М., 1949.
Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. I, изд. 2-е. М., 1954.
Documents on American Foreign Relations, vol. I—II. Boston, 1939—1940.
Documents of British Foreign Policy 1919—1939. Third Series. Ed. by E. L. Woorward and Rohan Butler, vol. I—III. London, 1949—1950.
Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D., vol. I—II. London, 1949—1950.
Documents on International Affairs, 1938, vol. I—II. London, 1942.
Correspondence respecting Czechoslovakia, September, 1938. № 7, Cmd 5847. London, 1938.
Foreign Relations of the United States, Diplomatic papers, 1938, vol. I. Washington, 1955.
Further Documents respecting Czechoslovakia, September, 1938, № 8, Cmd 5848. London, 1938.
Nazi Conspiracy and Aggression, vol. I—VIII; vv. A. B. Washington, 1946.
Trial of the major war criminals before the international military tribunal, vol. 1—24, London, 1947.
Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941. Washington, 1943.
Parliamentary Debates., House of Commons, 1938, vol. 334—339.
Statistical Abstract for the British Commonwealth for the years 1933—1939, Cmd 8051.
League of Nations. World Economic Survey 1936—1937. Geneva, 1937.
Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire, Tomes I—IX. Paris, 1947—1951.
Keesing's Contemporary Archives.
For Peace and Plenty. Report of the 15th Congress of the Communist Party of Great Britain. London, 1938.
It can be done. Report of the 14th Congress of the Communist Party of Great Britain. London, 1937.
Trades Union Congress. Seventieth Annual Report. Blachpool, 1938.

Пресса, периодические издания

«Правда», 1937—1938.
«Известия», 1937—1938.
«Большевик», 1938.
«Коммунистический Интернационал», 1935—1938.
«Мировое хозяйство и мировая политика», 1935—1938.
«Новое время» за разные годы.
«Вопросы истории» за разные годы.

„The Daily Worker" (London), 1938.
„The Daily Worker" (New York), 1938.
„The Labour Monthly", 1938.
„The Labour Research", 1938.
„The World News and Views", 1938.
„L'Humanité", 1938.
„The Times", 1938.
„The Sunday Times", 1938.
„The Financial Times", 1938.
„The Manchester Guardian", 1938.
„The Daily Telegraph and Morning Post", 1938.
„The Daily Express", 1938.
„The Daily Mail", 1938.
„The Daily Herald", 1938.
„The Economist", 1938.
„The Round Table", 1934—1938.
„The Statist", 1938.
„The Observer", 1938.
„The New Statesman and Nation", 1938.
„The News Chronicle", 1938.
„The Political Quarterly", 1938.
„The New York Times", 1938.
„The New York Herald Tribune", 1938.
„The Foreign Affairs", 1938—1939.
„Le Temps", 1938.
„L'Ordre", 1938.
„L'Epoque", 1938.
„L'Echo de Paris", 1938.
„L'Oeuvre", 1938.
„Le Populaire", 1938.

Мемуары, дневники, биографии

Amery L. My political life, vol. III. The Unforgiving years 1929—1940. London, 1955.
Bonnet G. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946.
Bonnet G. Fin d'une Europe. Genève, 1948.
Broad L. Sir Anthony Eden. The Chronicles of a Career. London, 1955.
Churchill W. The Second World War, vol. I. The Gathering storm. Boston, 1949.
Ciano G. Les Archives secretes du comte Ciano 1936—1942. Paris, 1948.
Cot P. Le procès de la République. New York, 1944.
Dalton H. The Fateful years. Memoirs, 1931—1945. London, 1957.
Davies J. Mission to Moscow. New York, 1941.
Dodd W. E. Ambassador Dodd's Diary 1933—1938. New York, 1941.
Duff Cooper A. Old Men Forget. The Autobiography of Duff Cooper. London, 1954.
Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946.
Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, 1947—1948.

Flandin P. E. Politique française 1919—1940. Paris, 1947.
François-Poncet A. Souvenirs d'une Ambassade à Berlin. Septembre 1931—Octobre 1938. Paris, 1946.
Gallacher W. The Rolling of the Thunder. London, 1947.
Gamelin M. Servir. Paris, 1946.
Halifax E. F. Fullness of days. London, 1957.
Hassel U. The von Hassel's Diaries. New York, 1947.
Henderson N. Failure of a Mission. New York, 1940.
Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, vol. I. New York, 1948.
Johnson A. Viscount Halifax. A Biography. London, 1941.
Jones T. A Diary with Letters. London, 1955.
Lapaquellerie Y. Edouard Daladier. Paris, 1940.
Laval P. The Unpublished Diary of Pierre Laval. London, 1948.
Lazareff P. De Munich à Vichy. New York, 1944.
Noël L. L'aggression allemande contre la Pologne. Paris, 1946.
Papen E. Memoirs. London, 1952.
Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III République. Paris, 1946.
Petrie Ch. The Chamberlain Tradition. London, 1952.
Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1947.
Rothermere H. Warnings and Predictions. London, 1939.
Rothermere H. My Fight to rearm Britain. London, 1939.
Samuel H. Memoirs. London, 1945.
Schirer W. L. Berlin Diary. New York, 1943.
Schmidt P. Hitler's interpreter. London, 1951.
Simon J. Retrospect. The Memoirs. London, 1952.
Tabouis G. They called me Cassandra. New York, 1942.
Tabouis G. Vingt ans de „suspense" diplomatique. Paris, 1958.
Weizsäcker E. The Memoirs of Ernst von Weizsäcker. London, 1951.
Welles S. Time for Decision. New York, 1944.

Статьи, обзоры, исследования

Адамов Е. А. Джон Уилер-Беннет. Мюнхен — пролог трагедии. «Вопросы истории», 1949, № 5.
Варфоломеева Я. Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936—1939). М., 1949.
Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. М., 1951.
Веселы И. О причинах возникновения и гибели буржуазного чехословацкого государства. «Вопросы истории», 1958, № 11.
Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939 гг. Сборник статей. Под редакцией В. Сояка. М., 1959 г.
Ерусалимский А. С. Традиции английской дипломатии и германская проблема. «Новое время», 1947, № 21.
История дипломатии, т. III, под ред. В. П. Потемкина, М., 1945.
Калинин Н. Н. Мюнхенский сговор и предательская роль английских лейбористов. «Вопросы истории», 1950, № 10.
Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу. Сборник статей. М., 1951.

Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919—1925, М., 1947.
Лемин И. М. Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны. М., 1951.
Лемин И. М. Захват Австрии германским фашизмом и угроза войны. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 4.
Матвеев В. А. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М., 1955.
Некрич А. М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938—сентябрь 1939). М., 1955.
Николаев Н. Н. Внешняя политика правых лейбористов Англии (1935—1940 гг.). М., 1953.
Поздеева Л. В. Из истории английской политики ремилитаризации Германии. «Вопросы истории», 1952, № 4.
Поздеева Л. В. Англо-германские экономические противоречия накануне второй мировой войны (1933—1939). «Вопросы истории», 1955, № 5.
Прасолов С. И. Чехословакия в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. VII, 1953.
Турчинс Я. Б. Обострение неравномерности развития капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1952.
Штейн Б. Е. Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939). М., 1951.
Аллен Дж. Международные монополии и мир. М., 1949.
Бердж У. Международные картели. М., 1947.
Катала Ж. Они предают мир. М., 1950.
Кокборн К. Клайвденские круги. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 3.
Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Массарика и Бенеша. М., 1955.
Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948.
Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. М., 1954.
Мейер Г. Неизбежна ли гибель Америки? М., 1950.
Мольтке К. За кулисами второй мировой войны. М., 1952.
Норден А. Уроки германской истории. М., 1948.
Норден А. Так делаются войны. М., 1951.
Паркер Р. Заговор против мира. М., 1949.
Сейерс М. и Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947.
Сесюли Р. ИГ Фарбениндустри. М., 1948.
Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958.
Хатт А. Английское профсоюзное движение. М., 1954.
Хвостов В. М. 40 лет борьбы за мир. М., 1958.
Хвостов В. М. и Некрич А. М. Как возникла вторая мировая война. М., 1959.
Эдварс К. Международные картели в экономике и политике. М., 1947.
Alsop J., Kinter R. American White Paper. New York, 1940.
Armstrong H. F. When there is no peace. New York, 1939.

Attlee R. The Labour Party in perspective and Twelve Years later. London, 1949.
Bendiner R. The Riddle of the State Department. New York, 1942.
Bernus P. Le dossier de l'agression allemande. Paris, 1941.
Bourgin G., Bourgin F. Les démocraties contre le fascisme. La seconde guerre mondiale. Paris, 1947.
Buk P. La tragédie tchécoslovaque. Paris, 1939.
Carr E. H. International Relations between the two World Wars 1919—1939. London, 1948.
Carr E. H. Britain. A Study of Foreign Policy. London, 1939.
Celovsky B. Das Münchener Abkommen 1938. Stuttgart, 1958.
Chamberlain N. The Struggle for peace. London, 1939.
Churchill W. Step by Step. New York, 1939.
Churchill W. While England slept. New York, 1938.
Clark C. National Income and Outlay. London, 1937.
Coates W. P. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945.
Coates W. P. World Affairs and the Soviet Union. London, 1944.
Cole G. D. H. A History of the Labour Party from 1914. London, 1948.
Daladier E. In defense of France. Paris, 1940.
Daladier E. La Réponse aux chefs communistes. Discours prononcé à l'Assemblée Nationale 12 juillet 1946. Paris, 1946.
Dell R. L'Allemagne démasquée. Paris, 1935.
Duff Cooper A. The Second World War. New York, 1949.
Dulles A. Germany's Underground. New York, 1947.
Dulles A., Armstrong H. F. Can America stay neutral. New York, 1940.
Durand P. L'Histoire vraie de la déclaration de guerre. Un grand récit historique. „L'Humanité", 18 VIII—2/IX 1959.
Dzelepy E. N. Mourir pour l'Allemagne? Paris, 1955.
Einzig P. Appeasement before, during and after the war. London, 1945.
Flandin P. E. Le procès Flandin devant la Haute Cour de justice. Paris, 1947.
Francis E. Britain's Economic Strategy. London, 1939.
François-Poncet A. De Versailles à Potsdam. Paris, 1947.
François-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Paris, 1946.
Gavin C. Britain and France. London, 1941.
Gedye G. E. R. Fallen Bastions. Betrayal in Central Europe. London, 1939.
Grigg E. British Foreign Policy. London, 1944.
Hadley W. Munich — before and after. London, 1944.
Haines C., Hoffman R. The Origins and Background of the Second World War. London, 1944.
Halevy E. Une année d'histoire. Paris, 1946.
Halifax E. Speeches on Foreign Policy. London, 1940.
Haxey S. Tory M. P. London, 1939.
Hodza M. The New European situation and Czechoslovakia. Praha, 1939.
Kahn A. Great Britain in the World Economy. New York, 1946.

Kennedy J. Why England slept. London, 1940.
Kerillis A. Laisserons-nous démembrer la France. Paris, 1939.
Killanin A. Four days. London, 1939.
King-Hall S. Our own times 1913—1939. London, 1939.
Königer H. Der Weg nach München. Berlin, 1953.
Krock A. How the War came: extracts from Hull files. „The New York Times Magazine", 18/VII 1943.
Laffan R. Survey of International Affairs 1938, vol. II. Crisis over Czechoslovakia. London, 1951.
Langer W., Gleason E. The Challenge to Isolation 1937—1940. New York, 1952.
Lockhart B. Comes the Reckoning. London, 1947.
Londonderry. Ourselves and Germany. London, 1938.
Long O. Les États-Unis et la Grande Bretagne devant le III me Reich (1934—1939). Genève, 1943.
Meddlicott W. H. The Origins of the Second Great War. London, 1940.
Meddlicott W. H. British Foreign Policy since Versailles. 1919—1939. London, 1940.
Mowat Ch. L. Great Britain between the Wars 1918—1940. London, 1955.
Muggeridge M. The Thirties in Great Britain (1930—1940). London, 1940.
Namier L. B. Diplomatic Prelude 1938—1939. London, 1948.
Namier L. B. Europe in Decay. London, 1950.
Peterson E. N. Hjalmar Schacht for and against Hitler. Boston, 1954.
Political and Strategic Interests of the United Kingdom, issued under the auspices of the Royal Institute of International Affairs. London, 1939.
Postan M. M. British war production. History of the Second World War. London, 1952.
Pratt J. A History of United States Foreign Policy. New York, 1955.
Pritt D. N., Smith E. They helped Hitler, Fascist rearmament financed from London. London, 1936.
Pritt D. N. Light on Moscow. London, 1939.
Rauch B. Roosevelt. From Munich to Pearl Harbor. New York. 1950.
Reynolds P. A. British Foreign policy in the inter-war years. London, 1954.
Root W. The Secret History of the War, vol. I. New York, 1945.
Ripka H. Munich. Before and After. London, 1939.
Ripka H. The Repudiation of Munich. London, 1943.
Rothstein A. A History of the USSR. London, 1950.
Rothstein A. The Munich Conspiracy. London, 1958.
Russel R. Imperial Preference. London, 1947.
Rust W. The Story of the Daily Worker. London, 1947.
Schmitt B. From Versailles to Munich. Chicago, 1939.
Schuman F. Night over Europe. New York, 1941.
Schuman F. Europe on the Eve. The Crisis of Diplomacy 1933—1939. New York, 1939.
Seton-Watson R. Munich and the Dictators. London, 1939.

Seton-Watson R. 25 years of Czechoslovakia. London, 1945.
Shepardson W. The U. S. in World affairs. New York, 1939.
Steer G. Judgement on German Africa. London, 1939.
Tansill Ch. C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952.
Thorez M. Une politique de grandeur française. Paris, 1939.
Titmuss R. M. Problems of Social Policy. History of the Second World War. London, 1950.
Tucker W. The Attitude of the British Labour Party towards European and Security Problems. 1920—1939. Genève, 1950.
Vansittart R. Bones of contention. New York, 1945.
Vansittart R. The Mist procession. London, 1958.
Wathen M. A. The Policy of England and France toward the Anschluss of 1938. Washington, 1954.
Wheeler-Bennett J. Munich. Prologue to Tragedy. London, 1948.
Wood B. Peaceful Change and the Colonial Problem. New York, 1940.
Woolf L. The Men of Munich. — „The Political Quarterly", July—September, 1947.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Адам 291
Адамов 61
Александровский 145, 229, 236
Аллен 192
Армстронг 173, 315
Асквит 274
Астор Дж. 39
Астор Н. 30, 36, 69, 134, 136, 141, 317
Астор У. 30, 112

Бартелеми 103
Барту 33, 97, 107
Батлер 106, 173, 254, 259, 260
Бев-Мери 179
Бевин 50, 170
Бек 187, 225, 245, 291, 292, 295, 296
Бенеш 72—74, 76, 80, 115, 116, 119, 124, 128, 129, 133, 137—139, 145—147, 153, 154, 156, 158, 175, 176, 178, 179, 183, 184, 188—192, 197, 199, 222, 224, 228, 230—236, 250, 256, 269, 275, 279, 311
Беран 73, 233, 235, 312
Берли 113
Бивен 50
Бивербрук 81, 125
Бломберг 39, 58
Блюм 101, 102
Болдуин 21, 30, 33—37, 44, 49, 50, 80, 95, 316, 317, 319
Бонар-Лоу 317
Боннэ 102, 116, 143, 146—148, 152, 174, 177, 178, 205, 217, 218, 221, 232, 251, 252 254, 260, 267, 276, 290, 292, 294, 314, 318, 319
Бринон 205
Бриффо 97
Броквей 262
Броккет 197
Броуд 85, 314
Буллит 111, 112, 148, 269
Бутби 87, 161, 162, 211
Бюре 146, 166, 310

Ванситтарт 69, 130, 131, 295, 316
Веджвуд 162
Верман 39
Верт 205
Вейцзекер 154, 196, 243, 278
Вивье 181
Видеман 171—174
Вильсон Г. 191, 213, 243, 256, 257, 264, 265, 278, 283
Вильсон Х. 184
Ворошилов 23
Вуд 30, 37
Вудворд 173

Галифакс 34, 37, 40—42, 64, 65, 79, 80—82, 87, 91, 94, 99, 100—103, 106, 111, 113—117, 119, 120, 124, 126,

* Указатель составлен Н. Е. Френкель.

133, 137, 143, 144, 146, 147, 152, 154–156, 158, 159, 165, 166, 169, 171—177, 181, 186, 187, 195—198, 200, 201, 212, 219, 221, 222, 247, 252, 254, 258—260, 264—266, 268, 270, 274—277, 286, 305—307, 310, 313, 314, 317—319
Галлахер 50, 270, 272, 273, 310
Гальдер 293, 295, 296
Гамелен 101
Гарвин 81, 179, 247
Гайда 71
Геди 69, 133
Гендерсон А. 168
Гендерсон Н. 22, 39, 41, 77—79, 82, 105, 106, 118, 126, 127, 140, 143, 144, 146, 147, 149, 151, 152, 154, 156, 184—187, 195, 196, 197, 203, 204, 207, 243, 265, 266, 268, 278, 289, 290, 292, 305—307, 316, 318
Генлейн 63, 65 71, 80, 104, 121—124, 128—133, 136, 137, 139, 141, 151—153, 156, 157, 168, 175, 179, 187, 189, 190, 191, 194, 195, 199, 200—202, 218
Георг VI 171, 176
Геринг 64, 78—80, 171, 173, 184, 193
Гизевиус 296
Гитлер 3, 5, 22, 28, 29, 32, 34, 35, 36, 39, 40—43, 45, 55—58, 61—65, 67, 74, 76—80, 84, 99, 100, 102, 104, 106, 109, 113, 114, 116—121, 123, 126—128, 130, 132, 139, 141—143, 146—154, 156—159, 165, 166, 168, 170—174, 177, 179, 180—182, 184, 186, 190, 191, 193—195, 197—208, 210, 211, 213—219, 223, 224, 228—231, 233, 236—245, 247, 248, 250, 252, 253, 255—258, 260—283, 285, 286, 289 — 299, 305—309, 312, 313, 316, 317
Глизон 112, 315
Годжа 76, 94, 119, 124, 129, 133, 153, 156, 158, 178, 179, 182—184, 188, 189, 202, 203, 230, 231, 233, 236, 237, 312
Готвальд 76, 142, 149, 234, 236
Гранди 40, 41
Грей 274
Гринвуд 50, 168

Даладье 101, 102, 113, 115—117, 174, 176, 205, 217—222, 230, 232, 251—256, 269, 271, 272—275, 278, 282, 286, 296, 297
Дальтон 210
Датт 87
Дафф-Купер 44, 85, 86, 92, 94, 141, 146, 195, 196, 205, 211—213, 248, 264, 288, 316, 318
Дауэс 164
Делавар 248, 254, 259, 260
Дельбос 115
Джонс 306, 317, 318
Джонсон 314
Дзелепи 197, 281, 296
Дирксен 125, 164, 166, 167, 171, 172
Домвайл 38
Дорио 263
Дрисколл 135—137, 201
Доусон 81, 130, 199—201
Дюпон 111
Дьюкс 262

Запотоцкий 76
Зенкл 237

Иден 21, 32, 34—37, 83—86, 96, 112, 211, 213, 315
Инскип 30, 42, 90, 318
Иодль 293

Кадоган 100, 103—105, 118, 171
Калинин 46, 144
Карр 314
Катала 95
Кайо 263

Кеннеди 111, 112, 197, 210, 248, 269, 276
Кириллис 166, 263
Кёнигер 311
Кейтель 293
Кинтер 308
Киркпатрик 244
Кислингер 65
Клейст 295
Кобург-Готтский 39
Комер 263
Корбэн 218, 252
Кордт 119
Коутс 310
Краль 311
Крамарж 71
Криппс 50
Крофта 133, 145, 230
Кундт 66, 153, 189, 199, 202
Крэнборн 83, 86

Лаваль 101, 263
Лазарев 174
Лангер 112, 315
Лапакеллери 116
Лаффан 288, 313
Леже 218, 252, 278
Ленин 7—9, 82
Линдберг 292
Линдеманн 249
Липпман 145
Липский 184, 187, 245
Литвинов 108—110, 145, 227, 235, 259, 260
Литтон 249
Ллойд 29, 31
Ллойд-Джордж 87, 182, 194, 317
Лозанн 263
Локкарт 316
Лондондерри 22, 30, 38, 40
Лотиан 22, 30, 31, 36, 40, 42, 318
Лэнсбери 262, 273
Лякруа 198, 223, 231, 232

Макгоуэн 30, 38, 197
Макдональд 317
Малкин 278
Мандель 205
Мандер 51, 136
Манн 235
Мануильский 26
Массарик 100, 103—105, 118, 133, 138, 311
Мастны 64, 281
Матвеев 304
Махник 251
Майский 277
Маунт-Темпл 38
Медликотт 314
Монзи 205
Мессершмит 44
Моргентау 315
Моррас 263
Моррисон 182, 210, 248
Мосли 247
Муссолини 32, 55, 56, 84, 102, 119, 165, 166, 210, 268, 270—272, 275, 278, 279
Мэкстон 262

Некрич 303
Неру 300
Нейрат 40, 41, 64, 79
Николаев 304
Нокс 315
Норден 311
Норман 30
Ноэл-Бэкстон 22, 69, 125, 129
Ноэль 139, 318, 319
Ньютон 76—78, 80, 81, 124, 127, 133, 138, 152—156, 158, 175, 179, 187, 197, 198, 222, 251, 265, 275
Нэмир 312, 313

Олсоп 308

Перз 154
Пери 181
Перт 268, 270
Пертинакс 44, 96, 166, 181
Пето 183
Петри 79, 151, 314
Пирроу 22
Поллит 11, 30, 48, 87
Поль-Бонкур 99—102, 104, 318
Потёмкин 109

Прасолов 305
Пратт 154
Прайс 153, 161, 174, 207
Прейсс 233, 312
Притт 310

Раст 310
Раух 315
Ренсимен 63, 64, 174—178, 180, 185, 187—190, 192, 194, 195, 197—199, 202, 218, 219
Рейно 205, 318
Рейтер 133
Риббентроп 34, 38, 39, 42, 43, 67, 76, 121, 126, 127, 143, 144, 154, 193, 196, 207, 243—245, 278, 318
Рихтер 65
Ротермир 81, 125
Ротштейн 310, 311
Роше 199
Рузвельт 84, 85, 112, 113, 197, 256, 269, 270, 315

Саймон 30, 37, 42, 79, 87, 111, 159, 164, 165, 194—196, 218, 252, 253, 254, 316
Себековский 189, 202
Семюэль 51
Сесиль 211, 213, 249
Сетон-Уотсон 314
Синклер 130, 131, 182
Ситрин 50, 90, 168—170, 209, 210
Слоун 111
Спирс 130, 249
Сталин 29, 234
Стамп 197
Стимсон 315
Стопфорд 183
Стоядинович 56
Страусс 50
Стрэнг 152, 153, 185, 188, 213
Стрэчи 50
Стэнли 211, 212, 248
Сыровы 237, 249, 250

Табуи 109, 166, 181, 252, 293, 294
Такер 273
Тардье 103, 293, 294
Тиаркс 38
Тойнби 285
Трухановский 304
Тэнсилл 112, 315

Уилер-Беннет 313
Уинтертон 248
Ульбрихт 297
Ульрих 65
Уэллес 84, 112

Ферстер 131
Филинг 85, 203, 314
Фиппс 34, 80, 94, 100, 146—148, 156, 263, 265, 266, 276
Фирлингер 109, 145, 181, 228
Фланден 98, 101, 232, 263, 319
Фоше 263
Франк 66, 153, 194, 202
Франко 55, 153
Франсуа-Понсе 156, 197, 292, 318

Хатт 91
Хикс 168
Хор 22, 30, 33, 37, 50, 125, 218, 232, 252, 258
Хор-Белиша 92, 124, 248
Хорти 140, 225
Хрущев 5, 6, 228
Хэлл 44, 111, 148

Человский 313
Чемберлен Н. 30, 37—44, 49, 50, 64, 76, 77, 80, 83—94, 96, 98, 101—103, 109—119, 123—128, 134—137, 141, 144, 146, 150—152, 155, 159, 160, 162, 163, 165—171, 174, 180—183, 185, 186, 191, 192, 194—201, 203—223, 230, 232, 236—249, 251—258, 260—262, 264—279, 281—284, 286—290, 292, 294—297, 309—319
Чемберлен О. 34
Чермак 250
Черны 73, 202, 251

Черчилль 34, 35, 69, 94, 101, 130—132, 182, 249, 316
Чиано 278

Шерер 313
Широкий 76
Шмидт 214—216
Шмитт 315
Шотан 205
Штейн 282
Шуман 315

Эллиот 92, 248
Эмери 21, 35, 211, 245, 248, 249, 317
Эттли 50, 170, 272, 273
Эштон-Гуэткин 183, 188, 190, 191
Эйзенлор 76

Юнг 164

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая. *Англия и гитлеровская Германия (1933—1937 гг.)*

1. Ослабление экономических и политических позиций британского империализма после первой мировой войны 7
2. Обострение англо-германских противоречий в середине 30-х годов. Стремление английских правящих кругов разрешить эти противоречия за счет СССР 15
3. Фактическая поддержка правыми лидерами лейбористской партии внешней политики консервативного правительства Англии 48
4. Коммунистическая партия Англии в борьбе против политики сговора с гитлеровскими агрессорами, за создание единого антифашистского фронта 52

Глава вторая. *От захвата Австрии до «майского кризиса»*

1. Международные последствия захвата Австрии фашистской Германией. Чехословацкая проблема и позиция Англии 56
2. Рост недовольства английской общественности политикой уступок гитлеровской Германии. Предложение СССР от 17 марта 1938 г. и позиция западных держав 82
3. Англо-французские переговоры по чехословацкому вопросу в конце апреля 1938 г. 113

Глава третья. *Позиция английского правительства в период «майского кризиса»*

1. Обострение чехословацкой проблемы в апреле—мае 1938 г. Давление англо-французской дипломатии на Прагу 121
2. События 20—22 мая. Маневры английской дипломатии. Готовность Советского Союза оказать Чехословакии действенную и немедленную помощь 129
3. Происки английской реакции после «майского кризиса» 151
4. Обострение англо-германских противоречий весной и летом 1938 г. Поддержка праволейбористскими лидерами политики сговора с Германией 159

Глава четвертая. *Прямое вмешательство Англии во внутренние дела Чехословакии. Миссия Ренсимена.*

1. Визит Видемана в Лондон 171
2. «Посредническая» миссия Ренсимена в Праге. Усиление англо-французского нажима на Чехословакию 174
3. Предложение «Таймс» от 7 сентября 1938 г. о передаче Судетской области Германии. Решение Чемберлена о прямых переговорах с Гитлером 199

Глава пятая. *Переговоры Чемберлена в Германии. Мюнхенский сговор англо-французских правящих кругов с гитлеровской Германией.*

1. Совещание Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене . 207
2. Англо-французские переговоры в Лондоне 18 сентября. Принятие чехословацким правительством германо-англо-французского ультиматума об отторжении Судетской области от Чехословакии. Позиция Советского Союза . 217
3. Годесбергское совещание Чемберлена с Гитлером. Движение в Англии в защиту Чехословакии. Шантаж войной 237
4. Мюнхенское соглашение четырех держав и декларация о взаимном ненападении между Англией и Германией 278

Заключение 298

Обзор основных источников и литературы 302

Список использованных источников и литературы 320

Именной указатель 328

Владимир Георгиевич Поляков

Англия и мюнхенский сговор

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Ф. Коломийцев*
Технический редактор *Л. А. Лебедева*

РИСО АН СССР № 103—50Р. Сдано в набор 11/XII 1959 г.
Подписано к печати 29/II 1960 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 10,5(21)
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-издат. л. 17,4. Тираж 3500 экз. Т-03517
Изд. № 4283. Тип. зак. 325

Цена 12 руб. 45 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.

3-я типография Издательства АН СССР. Москва, Н.-Басманная, 23

12 л. 45 к.

Аттила и МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР